

ISSN 2307-2539 (Print)
ISSN 2712-8202 (Online)

Том 37 № 1 • 2025

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор (Россия)

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора), д-р ист. наук, доцент (Россия);

А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);

У. Бросседер, Ph.D., профессор (Германия);

Т.Р. Гермес, Ph.D. (США);

Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Россия);

А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия);

Н.Н. Серегин, д-р ист. наук, доцент (Россия);

М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);

А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор (Россия);

Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай)

Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор (Монголия)

Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия);

Т.С. Паршикова (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук, профессор (Россия);

Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор (Великобритания);

С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент (Россия);

А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Россия);

И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);

Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент (Россия);

Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);

П. Линь, Ph.D., профессор (Китай);

А.В. Поляков, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук, профессор (Россия);

К.Ш. Табалдиев, доктор ист. наук, проф. (Кыргызстан);

С.С. Тур, канд. ист. наук (Россия);

Ц. Турбат, Ph.D., доцент (Монголия);

Ц. Фан, Ph.D., профессор (Китай);

Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);

М.В. Шуньков, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия)

Журнал основан в 2005 г., с 2016 г. выходит 4 раза в год.

Учредителем издания является ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Адрес редакции и издателя:

656049, Алтайский край, Барнаул,

пр-т Ленина, 61, каб. 211,

телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Печатное издание — журнал «Теория и практика археологических исследований»

© Алтайский государственный университет, 2005–2024.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер

ПИ № ФС77-80671

от 07 апреля 2021 г.

ISSN 2307–2539 (Print)
ISSN 2712–8202 (Online)

Vol. 37 (1) • 2025

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Barnaul
Publishing house
of Altai State University
2025

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor (Russia)

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);

U. Brosseder, Ph.D., Professor (Germany);

T.R. Hermes, Ph.D. (USA);

N.N. Kradin, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A.I. Krivoshapkin, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia);

N.N. Seregin, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);

A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor (Russia);

L. Zhang, Ph.D., Professor (China);

D. Erdenebaatar, Candidate of History, Professor (Mongolia)

D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History (Russia);

T.S. Parshikova (Assistant Editor) Candidate of History (Russia)

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History, Professor (Russia);

D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);

S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A.P. Derevianko, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);

D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.L. Kungurov, Candidate of History, Associate Professor (Russia);

P. Ling, Ph.D., Professor (China);

L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);

A.V. Polyakov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.G. Sitdikov, Doctor of History, Professor (Russia);

K.Sh. Tabaldiev, Doctor of History, Professor (Kyrgyzstan);

S.S. Tur, Candidate of History (Russia);

Ts. Turbat, Ph.D., Associate Professor (Mongolia);

Q. Fang, Ph.D., Professor (China);

T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);

M.V. Shunkov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia)

The journal was founded in 2005.

Since 2016 the journal has been published 4 times a year.

The founder of the journal is Altai State University.

The address of the publisher and the publishing house:

office 211, Lenina av., 61, Barnaul, Altai region, 656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher

Print Edition of the journal “The Theory and Practice of Archaeological Research”

© Altai State University, 2005–2024.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications:

PI Registration number No. FS 77-80671 dated April 7, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бородовский А.П.

Артиллерия малых редутов (станцов) северного участка Иртышской оборонительной линии (первая четверть XVIII — начало XIX в.) 9

Гурулёв Д.А.

Неолитические памятники Красноярского археологического района с усть-бельской керамикой: новые материалы и данные радиоуглеродного датирования 24

Иванов А.А., Кирьянов Н.С.

Октябрьское коллективное захоронение XVII века в Центральной Якутии (публикация материалов МАФСО 2016 года) 46

Марсадолов Л.С.

О Тархате на Алтае и терминах «мегалит», «мегалитический комплекс», «дропстоун» 72

Михайлов Ю.И.

Творческие приемы и принципы сейминско-турбинского дизайна как способ передачи информации 88

Письмарова А.В.

Раннесредневековые бусы миллефиори в Восточной Европе 101

Плетнева Л.М., Коробейников И.Н.

Уточнение датировки некоторых курганов Тимирязевского курганного могильника-1 123

Половников И.С., Поселянин А.И.

Роговые предметы из таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3 в Алтайском районе Республики Хакасия 154

Ташак В.И., Антонова Ю.Е., Черных В.Н.

Наскальные изображения горы Камушек в долине реки Селенга (Западное Забайкалье) 166

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Кукушкин И.А.
Исследование кургана с «усами» Текей, Центральный Казахстан..... 188

Мальцева А.И.
Археология Таиланда: история изучения, дискуссионные сюжеты 205

Ши Ханьда
Влияние пазырыкской культуры на Синьцзян и север Китая
в скифо-сакское время.....222

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Сердюк Н.В.
Определение некоторых видов мелких млекопитающих из пещер
Северо-Западного Алтая по длинным костям передней конечности..... 248

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Ковалевский С.А., Автушкова А.Л.
Изучение Т.Н. Троицкой памятников еловской культуры на территории
Новосибирского Приобья.....275

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....290

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Borodovsky A.P.

Artillery of Small Redoubts (Stanzas) in the Northern Section of the Irtysh Defensive Line (the first quarter of the 18th — early 19th centuries) 9

Gurulev D.A.

Neolithic Sites with the Ust'-Belaya Pottery from the Krasnoyarsk Archaeological Area: New Materials and Results of Radiocarbon Dating 24

Ivanov A.A., Kiryanov N.S.

The Oktyomskoe Collective Burial of the 17th Century in Central Yakutia (publication of MAFSO materials in 2016).....46

Marsadolov L.S.

About Tarhata in Altai and the Terms “Megaliths”, “Megalithic Complex”, “Dropstone” 72

Mikhailov Yu.I.

Creative Techniques and Principles of the Seyma-Turbino Design as a Way of Transmitting Information 88

Pismarova A.V.

Early Medieval Millefiori Beads in Eastern Europe..... 101

Pletneva L.M., Korobeinikov I.N.

Clarification of the Dating of Some Mounds of the Timiryazev Burial Ground-1 123

Polovnikov I.S., Poselaynin A.I.

Horn Objects from the Funeral Site ‘Bely Yar-3’ (the Altaisky District, the Republic of Khakasia) 154

Tashak V.I., Antonova Yu.E., Chernykh V.N.

The Rock Arts of the Kamushek Mountain in the Selenga River Valley (Western Transbaikalia).....166

FOREIGN ARCHAEOLOGY

Beisenov A.Z., Akhiyarov I.K., Kukushkin I.A.

The Study of the Kurgan With “Mustache” Tekey, Central Kazakhstan 188

Maltseva A.I.

Archaeology of Thailand: History of Research, Topics for Discussions 205

Shi Handa

The Influence of the Pazyryk Culture on Xinjiang and Northern China in the Scythian-Saka Time 222

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Serdyuk N.V.

Identification of Some Species of Small Mammals from the Caves of Northwestern Altai by Long Bones of the Forelimbs 248

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

Kovalevsky S.A., Avtushkova A.L.

The Research Conducted by T.N. Troitskaya of the Yelovskaya Culture Sites in the Territory of Novosibirsk Priobie.....275

ABBREVIATIONS.....290

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 904:355.457.1(571.1)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-01)

EDN: CZPLSE

Артиллерия малых редутов (станцов) северного участка Иртышской оборонительной линии (Первая четверть XVIII — начало XIX в.)

Андрей Павлович Бородовский

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>*

Резюме. Статья посвящена изучению артиллерии малых редутов (станцов) Иртышской оборонительной линии на юге Западной Сибири. Археологическое обследование Иртышской оборонительной линии Российской империи (XVIII–XIX вв.) осуществлялось на ее северном участке (Черлакский район Омской Области от с. Соляное до с. Татарка). Эта территория не только находится в составе Российской Федерации в настоящее время, но и является одним из первых пограничных оборонительных объектов, возведенных в первой четверти XVIII столетия. Целью исследований было изучение данных об артиллерийском оснащении редутов (станцов) Иртышской линии, как промежуточных оборонительных пунктов между форпостами. Методами исследования являлись работа с архивными источниками (картографией XVIII в.), археологические разведки, сборы, топографическая съемка, использование квадрокоптеров для построения 3D-моделей фортификационных сооружений редута (станца) Соляной Поворот, фотограмметрия. Результатом работ стало выявление единственного сохранившегося на обследованном участке редута Соляной Поворот (в окрестностях с. Соляное) и нескольких пушечных ядер в окрестностях этого редута, Черлакского форпоста и до д. Крутоярки. Расположение одной пушки на редуте (станце) Соляной Поворот, отмеченное в письменных источниках (путевое описание П.С. Палласа 1777 г.) подтверждается находкой двух однокалиберных ядер в окрестностях этого пограничного пункта. В целом комплектация артиллерией на редуте (станце) Соляной Поворот является типичной для таких оборонительных и почтовых пунктов на Иртышской линии во 2-й половине XVIII — начале XIX в.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, границы Российской империи, Иртышская оборонительная линия, малые редуты, станцы, артиллерия

Благодарности: работа подготовлена по теме Госзадания «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков (FWZG-2025-0013)».

Для цитирования: Бородовский А.П. Артиллерия малых редутов (станцов) северного участка Иртышской оборонительной линии (первая четверть XVIII — начало XIX в.) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 9–23. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-01)

ARTILLERY OF SMALL REDOUBTS (STANZAS) IN THE NORTHERN SECTION OF THE IRTYSH DEFENSIVE LINE (THE FIRST QUARTER OF THE 18TH — EARLY 19TH CENTURIES)

Andrey P. Borodovskiy

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>*

Abstract. The article is devoted to the study of the artillery of small redoubts (stanzas) The Irtysh defensive line in the south of Western Siberia. The archaeological survey of the Irtysh defensive line of the Russian Empire (the 18th–19th centuries) was carried out in its northern section (the Cherlaksy district of the Omsk Region from the village of Solyanoe to the village of Tatarka). This territory is not only currently part of the Russian Federation but is also one of the first border defensive facilities erected in the first quarter of the 18th century. The purpose of the research was to study data on the artillery equipment of redoubts (stanzas) The Irtysh line, as the interstitial defensive points between the outposts. The research methods were — work with archival sources (cartography of the 18th century), archaeological exploration, collections, topographic survey, the use of quadcopters to build 3D-models of fortifications of the redoubt (stanza) Salt Turn, photogrammetry. The result of the work was the identification of the only one preserved in the surveyed area — the Solyanoi Turn redoubt (in the vicinity of the village of Solyanoye) and several cannonballs in the vicinity of the Solyanoi Turn redoubt, the Cherlak outpost and the village of Krutoyarka. The location of one cannon on the redoubt (stanza) of the Salt Turn, noted in written sources (travel description by P.S. Pallas in 1777) is confirmed by the discovery of two single-caliber cores in the vicinity of this border point. In general, the equipment of artillery at the Solyanaya Turn redoubt (stanza) is typical for such defensive and postal posts on the Irtysh line in the second half of the 18th — early 19th centuries.

Keywords: South of Western Siberia, borders of the Russian Empire, Irtysh defensive line, small redoubts, stations, artillery

Acknowledgements: The work was prepared on the topic of the State assignment “Formation of Original Features of Russian Civilization and the Establishment of an Empire Based on Research Materials of Siberian Sites of the 16th–20th Centuries (FWZG-2025-0013)”.

For citation: Borodovsky A.P. Artillery of Small Redoubts (Stanzas) in the Northern Section of the Irtysh Defensive Line (the first quarter of the 18th — early 19th centuries). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):9–23. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-01)

Введение

Иртышская оборонительная линия (рис. 1) с 1-й четверти XVIII в. и до начала XIX в. функционировала как одна из масштабных военных инфраструктур Российской империи на юге Западной Сибири (Паллас, 1786; Огурцов, 1999; Муратова, 2007, 2013; Баяндин, Катионов, 2020). Сооружение этого пограничного рубежа в Сибири осуществлялась в несколько этапов. История формирования Иртышской оборонительной линии является дискуссионной, поскольку до 1-й четверти XVIII в. отсутствуют или еще

не выявлены данные о существовании промежуточных укреплений между значительно удаленными друг от друга отдельными крепостями (Омской, Ямышевской, Усть-Каменогорской, Семипалатной) (Бородаев, Контев, 2015, с. 373). Следует также подчеркнуть, что Иртышскую укрепленную линию планировали возводить в виде непрерывной системы земляных валов и рвов. Однако в ходе реализации этого проекта в XVIII столетии выяснилось, что осуществлению строительства оборонительных сооружений в таком формате препятствует целый ряд факторов. Среди них: значительные расстояния, ограниченность людских ресурсов и неблагоприятные геологические условия. Исходя из этих факторов пришлось внести существенные коррективы в строительство пограничных фортификационных сооружений в соответствии с реальными сибирскими условиями.

Суть таких изменений состояла в строительстве отдельных опорных пунктов между крепостями в виде форпостов, редутов и маяков, привязанных к естественным географическим преградам (Ласковский, 1865). Данные изменения повышали оборонительную и коммуникационную эффективность укреплений Иртышской линии между собой. Это обеспечило функционирование такого масштабного фортификационного сооружения, как обустроенная старая Сибирская граница Российской империи, почти на 150 лет.

В современных условиях в пределах Российской Федерации сохранилась лишь незначительная часть такой Сибирской границы. Одним из ее участков является Среднее Прииртышье в пределах юго-востока Омской Области (Омский и Черлакский районы). Здесь автором начиная с 2020 г. проводятся комплексные археологические исследования (Бородовский, 2022). Анализ архивных, письменных источников и картографии¹ XVIII — начала XIX в. перед проведением полевых археологических исследований позволил локализовать перспективную территорию для изучения (рис. 2). Такой подход позволил выявить на юге Омской Области единственный из сохранившихся малых редутов (станцов) — Соляной Поворот у с. Соляного Черлакского района. По письменным и картографическим данным XVIII в. он располагался около урочища Малый лог, между Ачаирским и Черлакским форпостами².

Обсуждение

По данным известных письменных и картографических источников³ (рис. 3) наиболее достоверной датой сооружения малого редута (станца) Соляной Поворот следует считать 1745 г. Поскольку только в этом году генерал-майор Х.Х. Киндерман, согласно проведенному им осмотру местности, представил единый проект оборонительной линии по Ир-

¹ РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478; РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1; РГВИА, Ф. 349. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–43) и картографии (карта реки Иртыша от Омской до Усть-Каменогорской крепости 1745 года; Атлас планов крепостей и укрепленных линий Западной Сибири в красках 1743–1756 гг. (РГАВМФ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 969); карта находящаяся в ведении канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства крестьянских жилищ в каком оные расстоянии отстоят от заводов и рудников и при каких положениях мест находятся 1771 г. (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478); карта «Колывано-Воскресенским заводам и рудникам, лежащим в Колыванском наместничестве сочиненная из разных карт» 1794 г. (РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1); карта Прииртышья 1802 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 2. Л. 1–2); подробная карта Колывано-Воскресенской горной округи сост. из новейших частных карт Барнаульской горной архивы под рук. сост. при Депо карт... Л. Панснера. СПб., 1816.

² Этот топоним в XVIII в. мог иметь различные наименования: Черлаковский, Черлакский, Черлацкий.

³ На карте реки Иртыша от Омской до Усть-Каменогорской крепости, сочиненной в 1745 г. (РГИА), юг расположен сверху, а север внизу. Здесь же находятся все подписи и пояснения. Такая картографическая манера для периода ее создания является уже архаичной, поскольку для работ геодезического корпуса этого времени более типичным было расположение севера в верхней части карт. Соляной Поворот на указанной карте подписан как станец. Однако условный знак на его месте — квадрат соответствует обозначению редута.

тышу. Суть документа состояла в том, чтобы между существующими крепостями расположить большие форпосты в 60 верстах один от другого и между ними — малые, на расстоянии 20 верст. Это упростило бы организацию разездов от форпостов, которые задумано было проводить от каждого из них на половину расстояния (Словцов, 1886, с. 29).

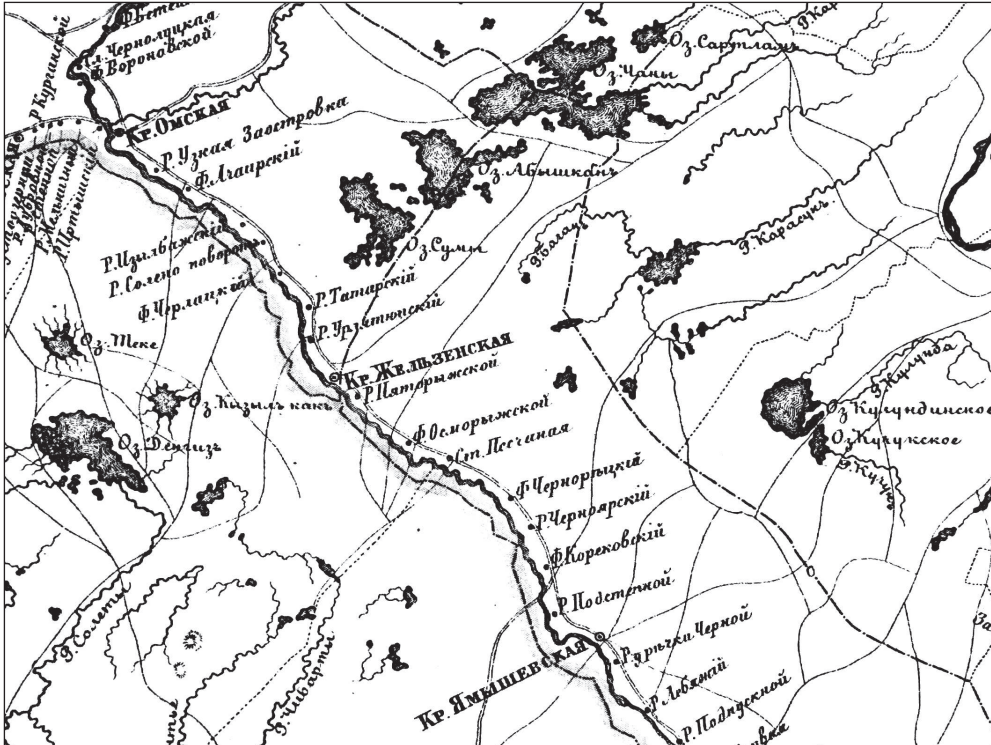

Рис. 1. Карта Иртышской оборонительной линии начала XIX в. (по: Ласковский, 1865)

Fig. 1. Map of the Irtysh defensive line of the early 19th century (according to: Laskovsky, 1865)

Рис. 2. Район археологических исследований Иртышской линии

Fig. 2. The area of archaeological research of the Irtysh line

Рис. 3. Фрагмент карты Иртышской линии 1745 г. (РГВИА)
 Fig. 3. Fragment map of the Irtysh line in 1745 (RGVIA)

В 1771 г. академик П.С. Паллас оставил достаточно подробное описание Соляного Поворота. Правда он характеризует его как «станцию». Возможно, этот термин является искажением или калькой слова «станец». Сам пограничный пункт располагался от Кизильбашской станции в 18 верстах⁴ по старому измерению (32 004 м) и 20 верстах 100 саже-

⁴ В самом начале XVIII столетия применяли версту в 1000 сажений. Сажень в 180 см содержала 2,5 аршина. Сажень, которая составляла 7 футов 3 аршина, равнялась 213 см (Шостыин, 1975, с. 250). При измерении земельных участков в XVIII в. погрешность составляла до 500 сажений (Шостыин, 1975, с. 129). Даже академики в ходе исследований России пользовались бытовыми мерными определителями. Например, П.С. Паллас отмечал, что измерение протяженности отдельных объектов проводил «по глазомеру» ([Паллас, 1786, с. 157]). Поэтому точность всех расстояний является относительной и отличается в различных письменных источниках. Например, по «Описанию Тобольской, и Ишимской, Тарской, Иртышской, Колыванской, Кузнецкой линий» от 1785 г. станец Соляной Поворот располагался вверх по Иртышу от станца Изылбашского на расстоянии 18 верст (19,203 км) и 100 сажений (220 м), а расстояние до следующего Черлаковского форпоста составляло 25 верст (26,670 км) и 300 сажений (660 м) (Муратова, 2013, с. 109).

нях (42 672 м + 21 336 м по новому измерению) (Паллас, 1786, с. 123). «До сей станицы место большей частью низковатое... до оной идут к Иртышу два глубоких буерака» (Паллас, 1786, с. 123). «Она (станция) лежит на небольшом высокого берега прорыве... В сем месте не находится на реке Иртыш никаких островов. Берег, оный от Соляной возвышается вместе со степью и весьма крут» (Паллас, 1786, с. 123, 124). «Станица сия... не укреплена, и состоит из выстроенных в четвероугольник казарм, конюшен и караульной башни, на коей выставлена одна пушка. Она лежит на небольшом высокого берега прорыве и заведенное при ней селение состоит из 70 дворов» (Паллас, 1786, с. 126, 127).

В 1785 г. на Иртышской линии значилось 20 станций⁵ (малых редутов), располагавшихся между форпостами и крепостями (Муратова, 2017). Среди них: крепость Омская, станция Усть-Заостровская, форпост Ачаирский, село Покровское, станция Изылбашская, станция Соляной Поворот, форпост Чарлаковский, станция Устьтатарская (в настоящее время находящиеся на территории Российской Федерации). Остальные укрепленные пункты — станция Урлютюбская, крепость Железинская, станция Пяторыжская, форпост Осьморыжский, станция Песчаная, форпост Чернорецкий, станция Черноярская, форпост Коряковский, станция Подстепная, крепость Ямышевская, станция Черная, форпост Лебяжий, станция Подпускная, станция Кривая, форпост Семиярский, станция Грачевская, станция Черемховая забока, форпост Долонский, станция Белого камня, станция Глуховская, крепость Семипалатная, станция Озерная, форпост Талицкий, форпост Шульбинский, станция Пресноярская, форпост Убинский, станция Барашкова, форпост Красноярский, станция Уваровская, крепость Усть-Каменогорская, (в настоящее время находятся на территории Казахстана).

На Иртышской оборонительной линии все 19 станций (станцов / малых редутов) были построены в виде правильного четырехугольника (рис. 4), и только одна, станция Соляной Поворот, представляла собой иррегулярный четырехугольник (Муратова, 2013, с. 113).

Современное археологическое обследование этого пограничного пункта XVIII столетия позволило установить, что его подтрапециевидная площадка размером 100×70 м была ограждена вром шириной 1,2 м и глубиной до 0,4 м. По письменным данным конца XVIII в. малый редут (станец) Соляной Поворот находился от берега Иртыша в 15 саженьях (3195,4 см) (Муратова, 2013, с. 109). В настоящее время рвы этого пограничного укрепления вплотную примыкают к береговой кромке реки. Активная переработка береговой кромки Иртышом на этой территории была отмечена академиком П.С. Палласом еще в 1771 г. (Паллас, 1786, с. 127, 128). Наиболее интенсивное разрушение берега у внешнего края редута Соляной Поворот характерно для северного участка. Здесь на прибрежной кромке образуются трещины, что приводит к откалыванию от берега его фрагментов грунта размером от 40 до 80 см. Общая глубина разрушений составляет до 1,2 м. Если взять за основу типовой чертеж редута Иртышской оборонительной ли-

⁵ Станции (станцы) представляли собой малые редуты, имевшие 10 сажень с выступами на углах из них два противоположные имели вид бастионов и были вооружены каждое одним орудием, а другие — квадратную фигуру и состояли из казармы в открытую оборону, вся же ограда имела профиль заплота. Внутри ограды помещалась светлица, провиантский амбар, сараи и конюшня; последние строения прислонялись обыкновенно к ограде и этих сторон в стенах их продельвались бойницы. Ограда обновилась рядом рогаток и надолбов (Ласковский, 1865, с. 146).

нии, опубликованный Ф.Ф. Ласковским в 1865 г. (рис. 4), то от рвов малого редута Соляной Поворот, обращенных к берегу, расстояние составляло от 4 до 8 сажений. Используя размер сажени в 213 см (Шостьин, 1975, с. 250), можно установить, что расстояние от рвов до берега составляло от 852 до 1744 см. Таким образом, если опираться на данные Ф.Ф. Ласковского о наличии расстояний от рвов до береговой кромки, то разрушения берега Иртыша, на котором стоит редут Соляной Поворот, составляют за 250 лет 0,128 м в год. В целом за этот период берег обрушился более чем на 30 м.

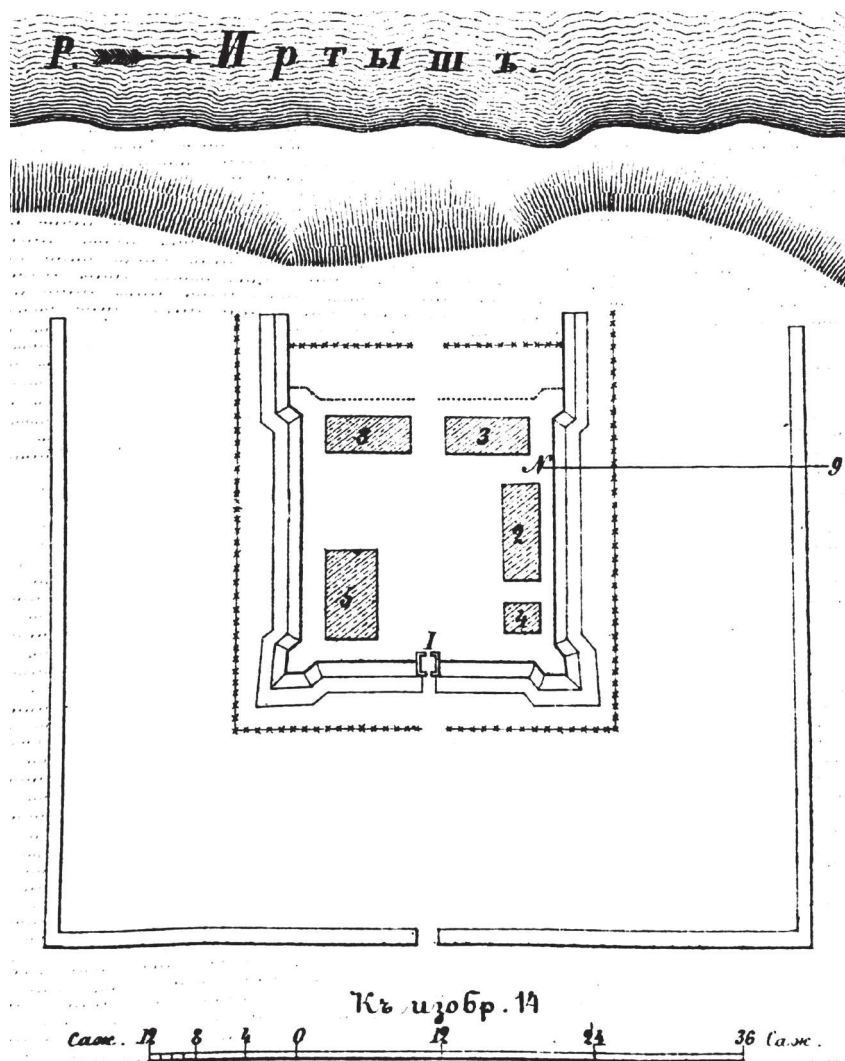

Рис. 4. Типовой редут Иртышской оборонительной линии XVIII в. (по: Ласковский, 1865)
Fig. 4. Typical redoubt of the Irtysh defensive line of the 18th century (according to: Laskovsky, 1865)

Вследствие такой активной береговой эрозии общие очертания укрепления (малого редута) Соляной Поворот имеют неравную длину сохранившихся боковых ограждений (рвов). Из сохранившихся фортификационных элементов следует отметить отчетливо прослеживающийся выступ рва на северном краю редута. Он выступает наружу на северной кромке рва редута. На противоположной южной боковой стороне рва редута в его центральной части имеется разрыв, возможно, являющийся въездом на территорию укрепления. На внутренней площадке ограждения находятся 57 западин различного размера и диаметра. Они расположены в основном на восточной половине этого укрепления. Около реки, свободной от котлованов, находится только одна западина. Возможно, она соответствует расположению бани.

В целом необходимо подчеркнуть, что планиграфия малого редута (станца) Соляной Поворот, несмотря на все ее своеобразие, наиболее характерна для типовых редутов Иртышской линии (Ласковский, 1865; Муратова, 2013, с. 112).

Результаты

На площадке редута Соляной Поворот была осуществлена тахеометрическая съемка (Бородовский, Давыдов, 2023, с. 17). Тахеометром Topcon GPT-3105N зафиксированы 1252 точек с использованием одной станции и двух отражателей. Стандартная погрешность GNSS приемника составила 4 мм в плане и 2 мм по высоте. Плотность съемки составляла порядка одной точки на 2 м. Элементы фортификации в виде одной линии рва и вала зафиксированы через 0,5 м. При такой плотности съемки площадки редута удалось зафиксировать малейшие изменения рельефа. В целом на редуте Соляной Поворот была отснята площадь 190 × 170 м. Местность, на которой было размещено это укрепление, представляла собой плоскую наклонную поверхность (рис. 5).

Обработка результатов тахеометрической съемки производилась в программном обеспечении AutoCAD. Была выполнена проверка корректности съемки (густота точек, фиксация объектов и т.д.) для установления корректности отражения рельефа площадки, на которой располагался редут. Выявленные контуры объектов строились для последующего сравнения с 3D-моделью. Итоговый вариант облака точек обрабатывался в геодезическом программном обеспечении Surfer. Он включал построение сплошных горизонталей и 3D-модели рельефа. С 3D-моделью совмещались горизонталы и ранее построенные в AutoCAD контуры объектов. Это позволяло выявлять незначительные изменения поверхностей. Инструментально выявленная наклонность площадки редута Соляной Поворот показала значительный наклон в сторону реки (рис. 5). Такая топография укрепленной площадки достаточно удобна для размещения артиллерии. Это можно наблюдать на примере форта Росс на Аляске (рис. 6). По письменным источникам конца XVIII в. такой наклон площадки редута был отмечен П.С. Палласом и для Соляного Поворота (Паллас, 1786, с. 126, 127). При обсуждении расположения пушки этого пограничного оборонительного пункта на карательной башне, упомянутой П.С. Палласом (рис. 7), следует ответить на два вопроса. Во-первых, где располагалась эта башня? Во-вторых, какой лафет был у пушки для расположения на этой башне?

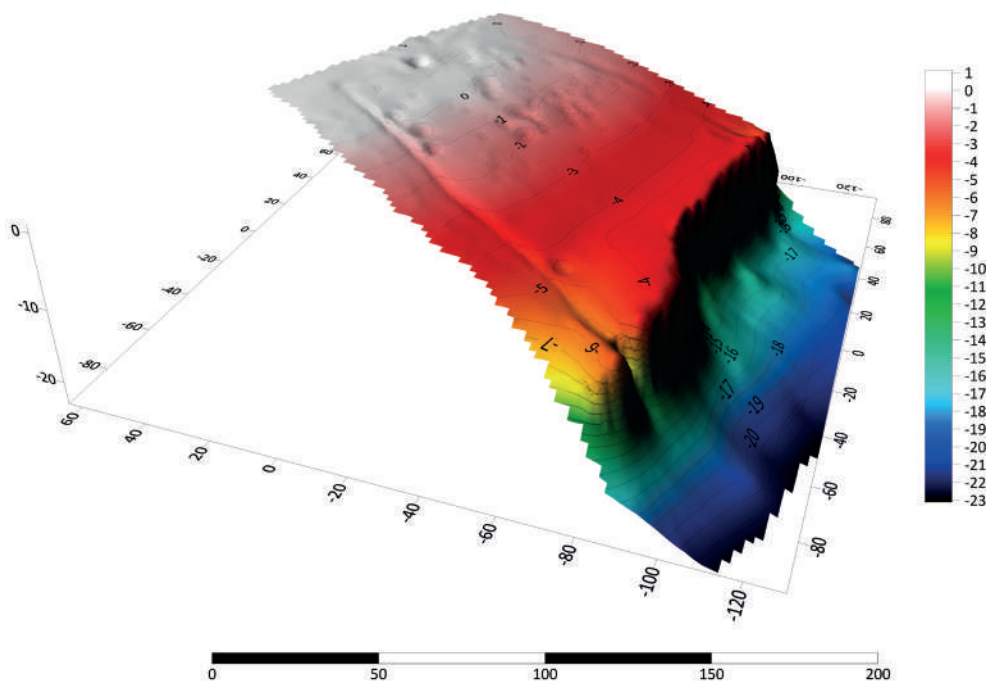

Рис. 5. 3D-модель площадки редута Соляной Поворот по результатам тахеометрической съемки
Fig. 5. 3D-model of the Salt Turn redoubt site based on the results of total station survey

Рис. 6. Наклон площадки форта Росс (Аляска, США)
Fig. 6. Slope of the Fort Ross site (Alaska, USA)

Рис. 7. Расположение пушки на сторожевой вышке (реконструкция)
Fig. 7. The location of the cannon on the watchtower (reconstruction)

Для начала следует уточнить, что в степных условиях среднего Прииртышья в первой четверти XVIII столетия ввиду крайне ограниченных ресурсов древесины под «башней» могла подразумеваться караульная вышка. Такие сооружения были типичны также для сигнальных маяков, которые располагались либо как отдельные пограничные сооружения между редутами и форпостами, либо устанавливались непосредственно на них. В письменных источниках для малого редута Соляной Поворот есть прямое указание на то, что на нем был такой маяк (Паллас, 1786, с. 126, 127). Скорее всего, он мог находиться в восточной части редута Соляной Поворот — в самой возвышенной его части. Поэтому как раз на площадке башни-маяка могла располагаться единственная пушка этого пограничного укрепления. Однако для размещения на ней пушка должна была иметь соответствующий лафет. Он должен быть не полевым (с двумя большими колесами) (рис. 7), а стационарным, со станиной «морского» образца на четырех катках. Именно такая особенность лафета была воспроизведена при натурной реконструкции П.В. Чибышевым пушки редута Соляной Поворот (рис. 8).

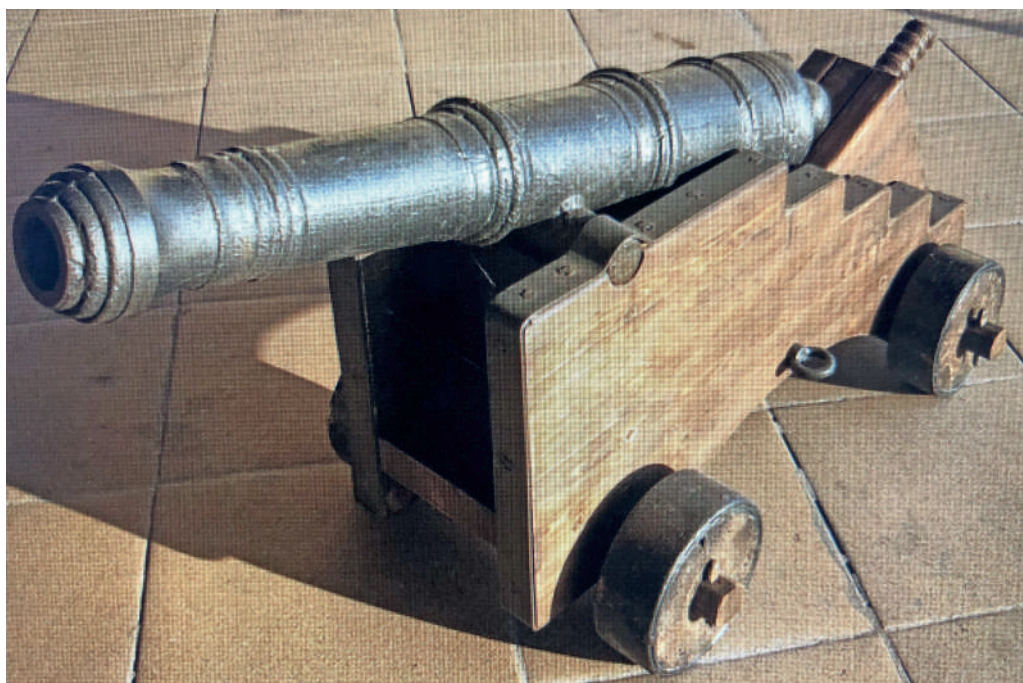

Рис. 8. Натурная реконструкция пушки редута Соляной Поворот (фото А.П. Бородавского)
Fig. 8. Full-scale reconstruction of the Salt Turn redoubt cannon (photo by A.P. Borodovskiy)

В целом по письменным данным в начале 1-й четверти XVIII столетия (1744 г.) в распоряжении российского правительства на Иртышской оборонительной линии было всего 80 пушек (Словцов, 1886, с. 29). Этот период соответствует времени основания малого редута Соляной Поворот на среднем Иртыше, когда на нем вплоть до 70-х гг. XVIII в. находилась пушка.

Рис. 9. Ядро с редута Соляной Поворот (фото А.П. Бородавского)
Fig. 9. The core from the Salt Turn Redoubt (photo by A.P. Borodovskiy)

Еще одним косвенным признаком наличия пушки на редуте Соляной Поворот в Среднем Прииртышье являются сборы артиллерийских ядер. В окрестностях с. Соляное Черлакского района обнаружено два железных ядра (рис. 9). Еще два ядра найдены на месте Черлакского форпоста и одно — у с. Крутоярка, в окрестностях которого располагалось еще одно пограничное укрепление Иртышской линии — Устьтагарский редут (Паллас, 1786, с. 127, 128).

Общее количество ядер на этих пограничных пунктах можно определить, привлекая письменные и археологические данные.

Разнообразие ядер, обнаруженных на малых редутах (Соляной Поворот у с. Крутоярка) и Черлакском форпосте, отражает различные калибры и размеры стволов пушек, размещенных на этих укреплениях. В частности, диаметр двух литых ядер, найденных в окрестностях редута Соляной Поворот, составлял 12 см (рис. 9). Эти параметры соответствовали 12-фунтовым ядрам (рис. 10) или таким же четвертьпудовым гранатам. Кованое железное ядро из с. Крутоярка (за Черлакским форпостом на границе РФ и Казахстана) имело диаметр 10 см. Это соответствовало шестифунтовому ядру. Однако с учетом кованого, а не литого изготовления калибр ядра мог отличаться

ся от серийного стандарта. Размеры одного ядра из Черлакского форпоста были значительно больше, его диаметр составлял 20 см (48 фунтов). Другое ядро из Черлакского форпоста было значительно меньших размеров, чем у аналогичных предметов с редутов Крутойярский и Соляной Поворот. Его диаметр составлял 7,6 см, что соответствовало трехфунтовому ядру.

Рис. 10. Калибры пушечных ядер
Fig. 10. Cannonball calibers

Заключение

Локализация пушечных ядер на территории северного участка Иртышской оборонительной линии (от редута Соляной Поворот до Татарского редута) позволила установить несколько фактов. Во-первых, находки ядер располагались в непосредственной близости от самих оборонительных пунктов (редута Соляной Поворот и Черлакского форпоста). Во-вторых, часть таких предметов была обнаружена в окрестностях некоторых из этих укреплений (Устьтатарский редут). В-третьих, находки ядер соотносятся с письменными данными о наличии на фортификационных сооружениях Иртышской оборонительной линии артиллерии. В свою очередь, судя по различным калибрам (6, 12, 48 фунтов) обнаруженных ядер на северном участке этой фортификационной системы артиллерия отличалась значительным разнообразием. Причем уже заметна одна особенность — если для редутов (Соляной Поворот, Татарский) характерна более мелкокалиберная артиллерия, то для форпостов (Черлацкий) уже типично наличие пушечных стволов более значительных калибров. Не менее показательна топография обнаруженных пушечных ядер. В случае непосредственного нахождения ядер на месте редутов (Соляной Поворот) и форпостов (Черлацкий) это явно было связано с первоначальной их локализацией в составе артиллерийских припасов этих пограничных оборонительных сооружений. Тогда как находки ядер далеко за пределами размещения острогов уже связаны с тем, что эти предметы являются достаточно мобильными.

ми и многофункциональными вне сферы военной деятельности. В целом количество выявленных ядер (5 экз.) на севере Иртышской оборонительной линии относительно их реального количества явно незначительно. Это, в свою очередь, позволяет надеяться на увеличение в будущем числа таких находок и расширения территорий их локализации. Для малого редута Соляной Поворот остается открытым вопрос еще и о месте нахождения пушки. Однако оснащенность артиллерией этого пограничного оборонительного пункта можно считать типичной для малых редутов / станцов Иртышской оборонительной линии в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Баяндин В.И., Катионов О.Н. Военные действия и военные объекты на картах Сибири и Дальнего Востока (XVIII — начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №65. С. 111–119.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул : Изд-во Алт. пед. ун-та, 2015. 416 с.

Бородовский А.П. Связь топонима «Соляной Поворот» в Среднем Прииртышье с историческими и археологическими данными // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, №4. С. 124–132. DOI:10.17746/1563-0102

Бородовский А.П., Давыдов Р.В. Тахеометрическая съемка и построение 3D-моделей фортификационных объектов на юге Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, №3: Археология и этнография. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-9-21

Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. 652 с.

Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Вып. XVI. Тюмень, 2007. С. 32–46.

Муратова С.Р. Географическое описание Иртышской линии // Вестник Томского государственного университета. 2013. №373. С. 108–114.

Огурцов А.Ю. Иртышская оборонительная линия // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1999. С. 19–35.

Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии Наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1, 2. 476 с.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. СПб., 1886. 364 с.

Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии X–XIX века. М. : Изд-во Стандартов, 1975. 272 с.

REFERENCES

Bayandin V.I., Kationov O.N. Military Actions and Military Objects on the Maps of Siberia and the Far East (the 18th — early 20th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2020;65:111–119. (In Russ.)

Borodaev V.B., Kontev A.V. Formation of the Russian Border in the Irtysh-Yenisei Interfluvium in 1620–1720. Barnaul : Izd-vo Alt. ped. un-ta, 2015. 416 p. (In Russ.)

Borodovskij A.P. Connection of the Toponym “Solyanoy Povorot” in the Middle Priirtyshye with Historical and Archaeological Data. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2022;50(4):124–132. DOI:10.17746/1563-0102. (In Russ.)

Borodovsky A.P., Davydov R.V. Tacheometric Survey and Construction of 3D-Models of Fortification Objects in the South of Western Siberia. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. 2024;23(3: Archaeology and Ethnography):9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-9-21. (In Russ.)

Laskovskij F.F. Materials for the History of Engineering Art in Russia. Part 3. Experience of Research of Engineering Art after Emperor Peter I to Empress Catherine II. St. Petersburg, 1865. 652 p. (In Russ.)

Muratova S.R. On guard of the Borders of Siberia. In: National Cultures of the Region: Scientific-Methodological and Repertoire-Information Almanac. Vol. XVI. Tyumen, 2007. Pp. 32–46. (In Russ.)

Muratova S.R. Geographical Description of the Irtysh line. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2013;373:108–114. (In Russ.)

Ogurcov A.Yu. Irtysh Defensive Line. In: Kuznetskaya Starina. Issue 3. Tomsk : Kuzneckaya krepost', 1999. Pp. 19–35. (In Russ.)

Pallas P.S. Travels in Different Provinces of the Russian State at the Command of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. 1770. St. Petersburg, 1786. Part 2, book 1, 2. 476 p. (In Russ.)

Slovcov P.A. Historical Review of Siberia. Book 2. St. Petersburg, 1886. 364 p. (In Russ.)

Shostin N.A. Sketches of the History of Russian Metrology of the 10th–19th Centuries. Moscow : Izd-vo Standartov, 1975. 272 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

Andrey P. Borodovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Officer at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.01.2025;
одобрена после рецензирования 17.01.2025;
принята к публикации 12.02.2025.
The article was submitted 06.01.2025;
approved after reviewing 17.01.2025;
accepted for publication 12.02.2025.*

Научная статья / Research Article
УДК 902.2(571.51)»634»+902.652
[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-02)
EDN: NBAKRL

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРАСНОЯРСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА С УСТЬ-БЕЛЬСКОЙ КЕРАМИКОЙ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ДАННЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ

Дмитрий Александрович Гурулёв

АНО «Археологическое исследование Сибири», Красноярск, Россия;
dm-gurulev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6992-3183>

Резюме. В статье представлены результаты анализа материалов и данных радиоуглеродного датирования археологических комплексов с керамикой усть-бельского типа, изученных в последние годы на Среднем Енисее, в окрестностях г. Красноярска (Красноярский археологический район). В работе рассматриваются материалы стоянок Няша, Вознесенская-1 и нового участка неолитического культурного слоя ансамбля Красноярский острог. Новые материалы и анализ историографических данных по стоянке Няша демонстрируют невыдержанное строение культуровещающей пачки, включающей комплексы с усть-бельской керамикой в различных позициях профиля почвы атлантического времени. На ансамбле Красноярский острог изучена часть углубленного объекта, предварительно интерпретированного как жилище. Керамическая коллекция памятников представлена четырьмя полностью или частично реставрированными сосудами. Среди прочих можно отметить редкие находки жала составного рыболовного крючка и ложила, выполненных из кости. Имеющиеся материалы свидетельствуют о существовании группы стоянок населения, использовавшего усть-бельскую керамику, в исторической части г. Красноярска — приустьевой части междуречья р. Енисей и р. Качи. Полученные по всем памятникам радиоуглеродные даты вместе с оценкой ранее сделанных определений позволяют обозначить возраст усть-бельских комплексов на Среднем Енисее в интервале 2-й трети V — 1-й трети IV тыс. до н.э. и синхронизировать их с некоторыми наиболее надежно датированными комплексами Приангарья.

Ключевые слова: Средний Енисей, Красноярский археологический район, стоянка Вознесенская-1, ансамбль Красноярский острог, стоянка Няша, неолит, усть-бельская керамика, радиоуглеродная хронология

Благодарности: автор выражает благодарность всем сотрудникам ООО «Научно-производственное объединение „Археологическое проектирование и изыскания“» и ООО «Красноярская Геоархеология», проводившим исследования на памятниках, за возможность работы с материалами и консультации, канд. геогр. наук А.М. Клементьеву за определение палеонтологической коллекции, а также коллективу ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ и Новосибирского научного центра» и лично Е.В. Пархомчук за проведение работ по радиоуглеродному датированию и изотопным исследованиям.

Для цитирования: Гурулёв Д.А. Неолитические памятники Красноярского археологического района с усть-бельской керамикой: новые материалы и данные радиоуглеродного датирования // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 24–45. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-02)

NEOLITHIC SITES WITH THE UST'-BELAYA POTTERY FROM THE KRASNOYARSK ARCHAEOLOGICAL AREA: NEW MATERIALS AND RESULTS OF RADIOCARBON DATING

Dmitry A. Gurulev

"Siberian Archaeological Studies", Krasnoyarsk, Russia;
dm-gurulev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6992-3183>

Abstract. The article presents the results of the analysis of materials and radiocarbon chronology of archaeological complexes with Ust'-Belaya pottery type studied in recent years in the vicinity of the city of Krasnoyarsk in the Middle Yenisei (the Krasnoyarsk archaeological area). The materials of the Nyasha, Voznesenskaya-1 sites and a new sector of the Neolithic cultural layer on the territory of the Krasnoyarskij Ostrog ensemble are considered. New and historiographic data on the Nyasha site demonstrate the variable structure of the culture-bearing sediments. Complexes with the Ust'-Belaya are included in various positions of the soil profile of the Atlantic period. At the Krasnoyarskij Ostrog ensemble, a part of the feature, preliminarily interpreted as the remains of a subterranean dwelling, was studied. The pottery collection is represented by four fully or partially reconstructed vessels. Among others, one can note rare finds of a composite fishing hook point and a smoother made of bone. The totality of available data indicates the existence of a complex of sites of the Ust'-Belaya pottery tradition in the historical part of Krasnoyarsk — the estuary area between Yenisei and Kacha rivers. The radiocarbon dates obtained for all the sites, together with an analysis of the previously made ones, made it possible to define the age of the Ust'-Belaya complexes in the Middle Yenisei in the interval of the second third of the 5th — first third of the 4th millennium BC and to synchronize them with some of the most reliably dated complexes of the Angara region.

Keywords: Middle Yenisei, Krasnoyarsk archaeological area, Voznesenskaya-1 site, Krasnoyarskij Ostrog ensemble, Nyasha site, Neolithic, Ust'-Belaya pottery, radiocarbon chronology

Acknowledgments: the author thanks all the staff of Limited Liability Companies "Scientific-production Association "Archaeological Planning and Survey" and "Krasnoyarsk Geoarchaeology" who carried out research of the sites for the opportunity to work with materials and consultations, Candidate of Sciences (Geography) Alexey M. Klementiev for identifying the paleontological collection, as well as the team of the AMS Golden Valley laboratory and personally Ekaterina V. Parkhomchuk for carrying out work on radiocarbon dating and isotope studies.

For citation: Gurulev D.A. Neolithic Sites with the Ust'-Belaya Pottery from the Krasnoyarsk Archaeological Area: New Materials and Results of Radiocarbon Dating. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):24–45. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-02)

Введение и методы исследования

Усть-бельская керамика (далее — УБК) является одним из наиболее выразительных и широко представленных на территории юга Средней Сибири типов неолитической посуды. Она обнаружена на огромной территории от оз. Байкал на востоке до р. Енисей на западе и от гор Восточного Саяна на юге до р. Подкаменная Тунгуска на севере. Для сосудов типичны простая форма с округлым дном, орнаментально выделенная утолщенная приустьевая зона и сплошное покрытие поверхности монотонным орнаментом. В орнаментации использованы горизонтальные линейные (преобладают) и зигзагообразные мотивы. Встречаются также вертикальный зигзаг и мотив «елочка». Контррельефный орнамент наносился разнообразными инструментами в технике штампования или нака-

львания, как прерывистого, так и отступающего. Использование различных мотивов, орнаментов и способов нанесения оттисков создает большой диапазон вариантов УБК. В таком широком типологическом понимании, распространенном среди современных исследователей (Бердников, 2013; Гришин и др., 2016, с. 83–86, Титова, Бирюлева, 2016; и др.), УБК отражает крупный культурно-исторический пласт неолита юга Средней Сибири.

Абсолютное большинство комплексов с УБК в долине р. Енисей обнаружено в Красноярском археологическом районе — условной группе памятников в г. Красноярске и его пригороде. На сегодняшний день здесь известно около 20 таких объектов, представленных стоянками, местонахождениями подъемного материала и единственным погребением (рис. 1).

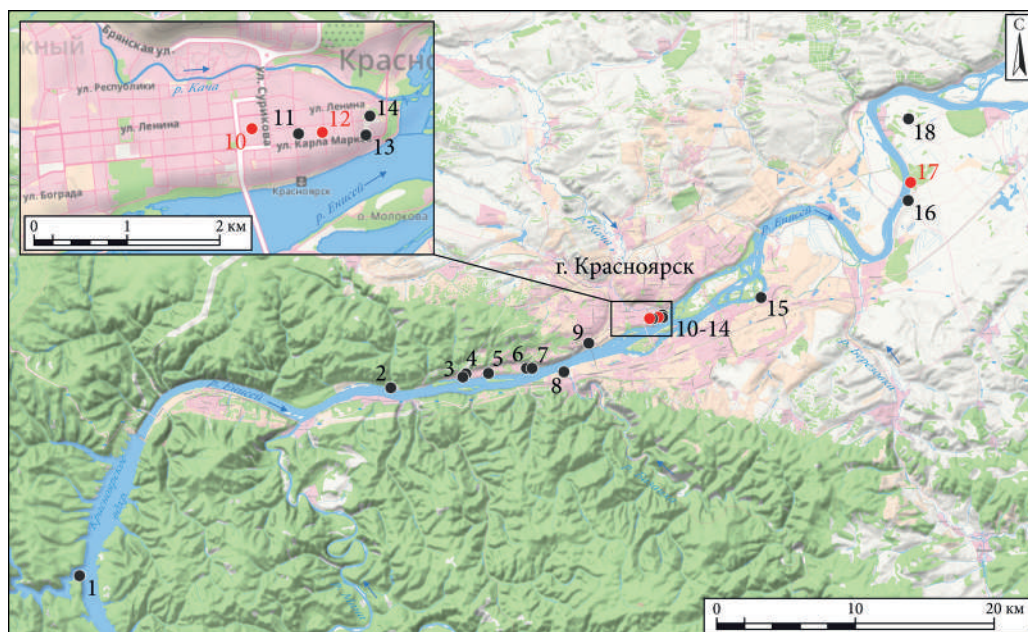

Рис. 1. Археологические памятники с керамикой усть-бельского типа в окрестностях г. Красноярска: 1 — Бирюса; 2 — Пещера Еленева; 3 — Усть-Собакина и местонахождения в устье р. Собакиной; 4 — Полюс-5; 5 — Полюс-3; 6 — Удачный-14; 7 — Красноярское; 8 — местонахождения в устье р. Базаихи; 9 — Афонтова Гора; 10 — Вознесенская-1; 11 — Парижская; 12 — Красноярский острог (пункт «Краскон»); 13 — Стрелка-1; 14 — Красноярский острог (пункт «Площадь Мира»); 15 — Ладейская и местонахождения у д. Ладейская; 16 — Мостовое; 17 — Няша и местонахождения в местности Няша; 18 — стоянка Ермолаевского городища

Fig. 1. Sites with Ust'-Belaya pottery in the vicinity of Krasnoyarsk: 1 — Biryusa; 2 — Eleneva cave; 3 — Ust'-Sobakina and nearby surface scatters; 4 — Polyus-5; 5 — Polyus-3; 6 — Udachnyj-14; 7 — Krasnoyarskoe; 8 — surface scatters at the mouth of the Bazaikha river; 9 — Afontova Gora; 10 — Voznesenskaya-1; 11 — Parizhsкая; 12 — Krasnoyarskij Ostrog (locality «Krascon»); 13 — Strelka-1; 14 — Krasnoyarskij Ostrog (locality «Mira square»); 15 — Ladejskaya and nearby surface scatters; 16 — Mostovoe; 17 — Nyasha and nearby surface scatters; 18 — Ermolaevskoe gorodishhe

Впервые керамика, которая сейчас атрибутируется как усть-бельская, была обнаружена А.С. Еленевым при раскопках стоянки в устье р. Бирюса в 1891 г. (Вдовин, Макаров, Фо-

кин, 2022). Впоследствии фонд УБК с Бирюсы пополнялся в ходе раскопок, проводившихся вплоть до 1960-х гг., когда она была затоплена водохранилищем Красноярской ГЭС (Вдовин, Макаров, Фокин, 2022). Значительная коллекция УБК была накоплена в ходе подъемных сборов конца XIX — начала XX в. (Бортвин, 1915; Карцов, 1929б; Уланов, Макаров, Уланова, 2022). Новый стратифицированный материал был получен В.Г. Карцовым в 1928–1929 гг. в ходе раскопок стоянки в устье р. Собакиной и стояночного культурного слоя Ермолаевского городища (Карцов, 1929а, б; Уланов, Макаров, Уланова, 2022). Уникальным стало открытие погребения с усть-бельским сосудом на Афонтовой горе, сделанное А.П. Окладниковым в 1937 г. (Окладников, 1949). В 1960 г. коллекция УБК Усть-Собакинской стоянки была расширена за счет контрольных раскопок Г.А. Максименкова (1966). В последующем, с 1970-х по 2010-е гг., благодаря работам археологических центров в Красноярском государственном педагогическом институте (совр. — университет), Красноярском краевом краеведческом музее и Красноярском государственном университете (совр. — Сибирский федеральный университет), был открыт и изучен раскопками целый ряд объектов, включающих усть-бельские комплексы — Пещера Еленева, памятники Монастырского комплекса, Мостовое, Няша (Погудин, Дроздов, 1989; Макаров, 2005, 2013а; Титова, Бирюлева, 2016; Мандрыка и др., 2022; и др.). Эти материалы были обобщены и отражены в периодизациях неолита региона (Макаров, 2005; Бобров, Савельев, Тимощенко, 2016). Однако ввиду относительной немногочисленности, фрагментарного введения в научный оборот, как и неоспорности условий залегания и хронологии, они не могут выступать достаточной базой для решения вопросов региональной специфики УБК, ее возраста, а также характеристики сопровождающей каменной и костяной индустрий.

В последние годы при выполнении охранный-спасательных работ в зонах городской застройки и уточняющих исследований на известных археологических памятниках было исследовано несколько новых комплексов с УБК. В связи с этим целями настоящей статьи является характеристика некоторых наиболее информативных материалов, происходящих со стоянок Няша, Вознесенская-1 и ансамбля Красноярский острог, а также их анализ в контексте накопленных к настоящему времени данных.

Возраст комплексов определен на основании радиоуглеродных датировок. Работы по датированию проведены в ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ и Новосибирского научного центра» (индекс — «GV») (Россия, г. Новосибирск) и лаборатории радиоуглеродного датирования Королевского института культурного наследия (индекс — «RICH») (Бельгия, г. Брюссель). Выделение коллагена из зуба (GV-3327), химическая очистка угольных образцов (GV-4192, GV-3326) и сопутствующие изотопные исследования (масс-спектрометр Delta-V-Advantage, Thermo Fischer Scientific) выполнены в лаборатории изотопных исследований ИАЭТ СО РАН. Все датировки получены методом УМС. Подготовленные образцы с шифром GV графитизировались на AGE-3 (Ionplus) и затем анализировались на УНУ «УМС ИЯФ СО РАН» (GV-3326, GV-3327) и MICADAS-28 (GV-4192). Радиоуглеродный возраст определялся с учетом изотопного сдвига, определенного по ^{13}C , и фоновой концентрации ^{14}C , определенной по образцу мелкозернистого плотного графита (Parkhomchuk et al., 2024; Petrozhitskiy et al., 2024). Калибровка ^{14}C возраста выполнена в программе OxCal 4.4 с использованием кривой IntCal20. Календарные даты рассчитаны по 2σ (вероятность 95,4%) и округлены до ближайших 10 лет.

Материалы и результаты

Стоянка Вознесенская-1 расположена в исторической части г. Красноярска — приустьевом участке междуречья р. Енисей и р. Качи (рис. 1). Памятник приурочен к нерасчлененному комплексу первой и второй надпойменных террас р. Енисей с относительной высотой 18 м⁶. Стоянка была открыта в 2022 г. отрядом Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания» (Гревцова А.Б., Гревцов Ю.А., Чернышов А.В.) при проведении разведочных работ на территории памятника архитектуры «Типография и редакция Е.Ф. Кудрявцева» (Гревцова, 2023).

В одном из заложенных шурфов площадью 4 м² были зафиксированы два культурных слоя (далее — к.с.). Первый представляет собой археологизированные остатки г. Красноярска. Второй относится к эпохе неолита.

Неолитический к.с. был приурочен к нижней части иллювиального горизонта (светло-коричневая супесь) современной полноразвитой почвы. Идентичный состав находок по всей мощности к.с. позволяет рассматривать его как однородный. По кости из слоя была получена радиоуглеродная дата, указывающая на время его формирования в 1-й трети IV тыс. до н.э. (табл.).

Новые радиоуглеродные датировки археологических комплексов с усть-бельской керамикой в окрестностях г. Красноярска New radiocarbon dates of archaeological complexes with Ust'-Belaya pottery in the vicinity of Krasnoyarsk

№	Памятник	Контекст	Образец	Радиоуглеродный возраст, лет BP	Календарный период, лет до н.э.	Лабораторный индекс	$\delta^{13}\text{C}_{\text{VPDB}}$ ‰	$\delta^{15}\text{N}_{\text{air}}$ ‰
1	Вознесенская-1	Шурф №2, к.с. 2	Плюсовая кость среднего копытного (косуля?)	4987±38	3950–3650	RICH-34118.1.1	–	–
2	Красноярский острог (пункт «Краскон»)	Раскоп 2022 г., объект №3	Уголь	5632±46	4550–4350	GV-4192	–26,8	–
3	Няша	Шурф №2 2018 г., верхний горизонт к.с.	Уголь	5404±78	4440–3990	GV-3326	–23,4	–
4	Няша	Шурф №2 2018 г., верхний горизонт к.с.	Нижняя челюсть козули с зубами ⁷	5058±83	4040–3650	GV-3327	–21,1	6,7

⁶ По современной, техногенно переработанной поверхности.

⁷ Содержание коллагена в зубе 3,4%.

В слое обнаружены костные остатки, принадлежащие не определенным до вида средним копытным (косуля?) (60 шт.). Каменная индустрия включает 27 сколов (фрагмент пластинки и отщепы), бифасиально обработанное изделие листовидной формы (рис. 2.-4) и обломок абразива из песчаника. Один пластинчатый отщеп несет следы интенсивной краевой выкрошенности.

Коллекция керамики включает фрагменты одного усть-бельского сосуда (рис. 2.-1). Емкость простой открытой формы с диаметром в устье 29,5 см. Венчик сосуда слабо скошен с наружной стороны, с внутренней — имеет небольшой наплыв. Срез и внешний борт украшены косо поставленными оттисками гребенчатого штампа. Внешняя поверхность сосуда покрыта поясами из противоположно ориентированных вертикальных фигур удлинённой трапецевидной формы. Они выполнены рядами отступающих наколов узкой палочки. При этом ориентированные основанием вниз фигуры «заштрихованы» горизонтальными рядами оттисков (слева направо), а ориентированные вверх — диагональными (сверху вниз). Поверх них под венчиком нанесены горизонтальный пояс аналогичных оттисков и ряд крупных округлых ямок. Верхняя часть сосуда с внутренней стороны покрыта слоем нагара.

Ансамбль археологических объектов Красноярский острог расположен на мысу слияния р. Енисей и р. Качи (рис. 1). Ансамбль включает разновременные комплексы от стоянок позднего палеолита до культурного слоя г. Красноярска. Ввиду значительной площади и точечного характера исследований в практику изучения вошло выделение отдельных локаций — «пунктов» или «участков», связанных с конкретным местом проведения работ.

В 2022 г. в ходе охранно-спасательных раскопок в западной части ансамбля изучен один из таких участков, получивший условное название «Краскон»⁸. Данный участок, как и стоянка Вознесенкая-1, приурочен к техногенно переработанному комплексу низких террас р. Енисей с относительной высотой 16 м. Исследования 2022 г. проводились отрядом ООО «Красноярская Геоархеология» (Артемьев Е.В., Ултургашева Д.Н.) (Артемьев, 2022).

В ходе работ изучена площадь в 281,5 м², на которой было выявлено три к.с.: позднего средневековья — Нового времени (к.с. 1), неолита (к.с. 2) и позднего палеолита — мезолита (к.с. 3). Для всех них характерны значительные техногенные разрушения.

Неолитический к.с. залегал в нижней части иллювиального горизонта (светло-коричневая супесь) современной полноразвитой почвы. За исключением одного отщепы материал слоя залегал внутри объекта №3 (рис. 3.-А, Б). Часть объекта перекрыта бетонным фундаментом и в настоящее время недоступна для изучения.

Объект №3 представляет собой понижение культуровмещающего слоя, переходящее в своей центральной части в яму с крутыми стенками и плоским дном. На разных уровнях ямы отмечены мощные линзы темного «углисто-золистого» грунта (рис. 3.-В). Внутри объекта было зафиксировано локальное углубление глубиной 0,16 м. В ямке, как указывают авторы работ, были зафиксированы остатки древесины. В верхней части заполнения центральной ямы, на уровне залегания находок, фиксировались отдельные

⁸ Участок работ вплотную примыкал к зданию кондитерско-макаронной фабрики «Краскон».

рассеянные угли. Большая часть археологического материала найдена в рамках двух скоплений. Все находки залегают единым горизонтом, понижающимся согласно падению слоя к центру объекта. Авторами раскопок объект интерпретирован как остатки древнего углубленного жилища (Артемьев, 2022, с. 59–60). Не отвергая данную интерпретацию, стоит, тем не менее, использовать ее как предварительную, поскольку объект исследован не полностью. Так или иначе, исходя из пространственного положения и состава находок, их можно рассматривать как единый комплекс.

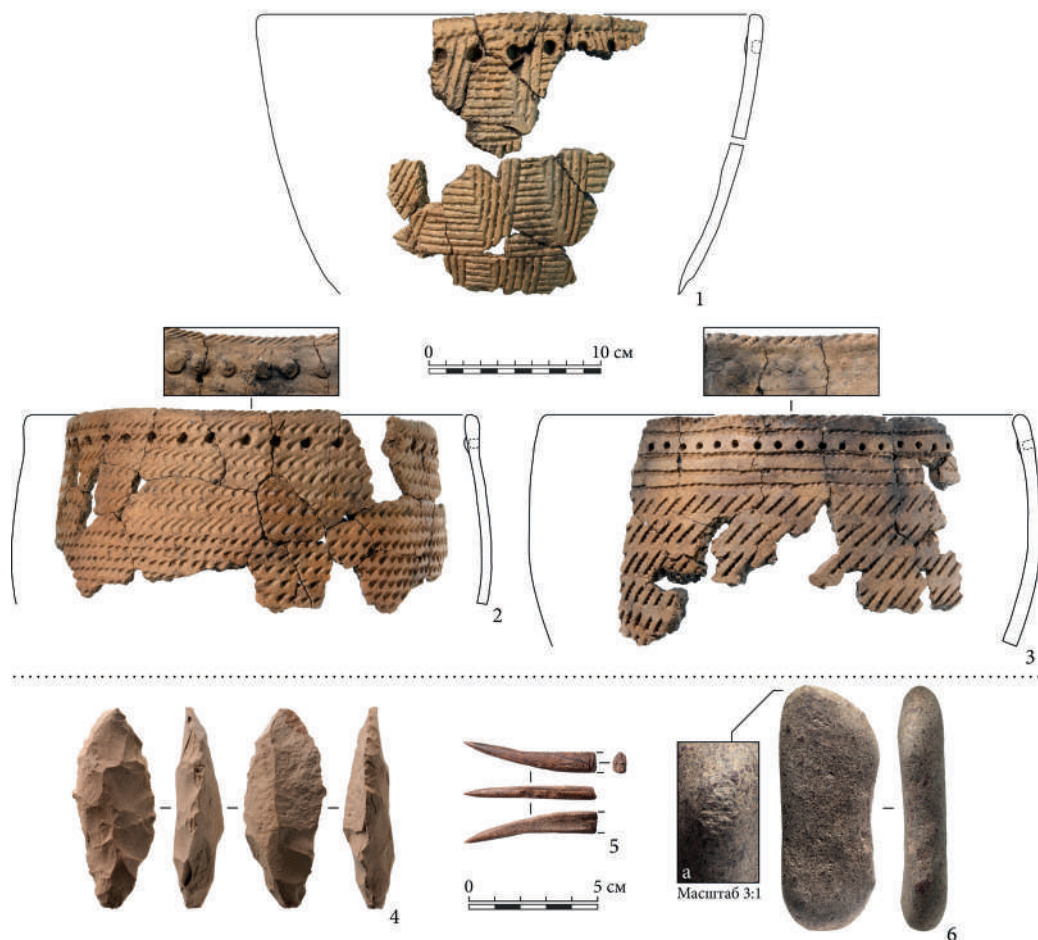

Рис. 2. Археологические материалы эпохи неолита стоянки Вознесенская-1 (1, 4) и ансамбля Красноярский острог (пункт «Краскон») (2, 3, 5, 6): 1–3 — фрагменты керамических сосудов; 4 — бифасиально обработанное изделие; 5 — жало составного рыболовного крючка; 6 — галечный отбойник

Fig. 2. Neolithic materials from the Voznesenskaya-1 site (1, 4) and the Krasnoyarskij Ostrog ensemble (locality "Krascon") (2, 3, 5, 6). 1–3 — pottery fragments; 4 — bifacial piece; 5 — point of a composite fishing hook; 6 — pebble hammerstone

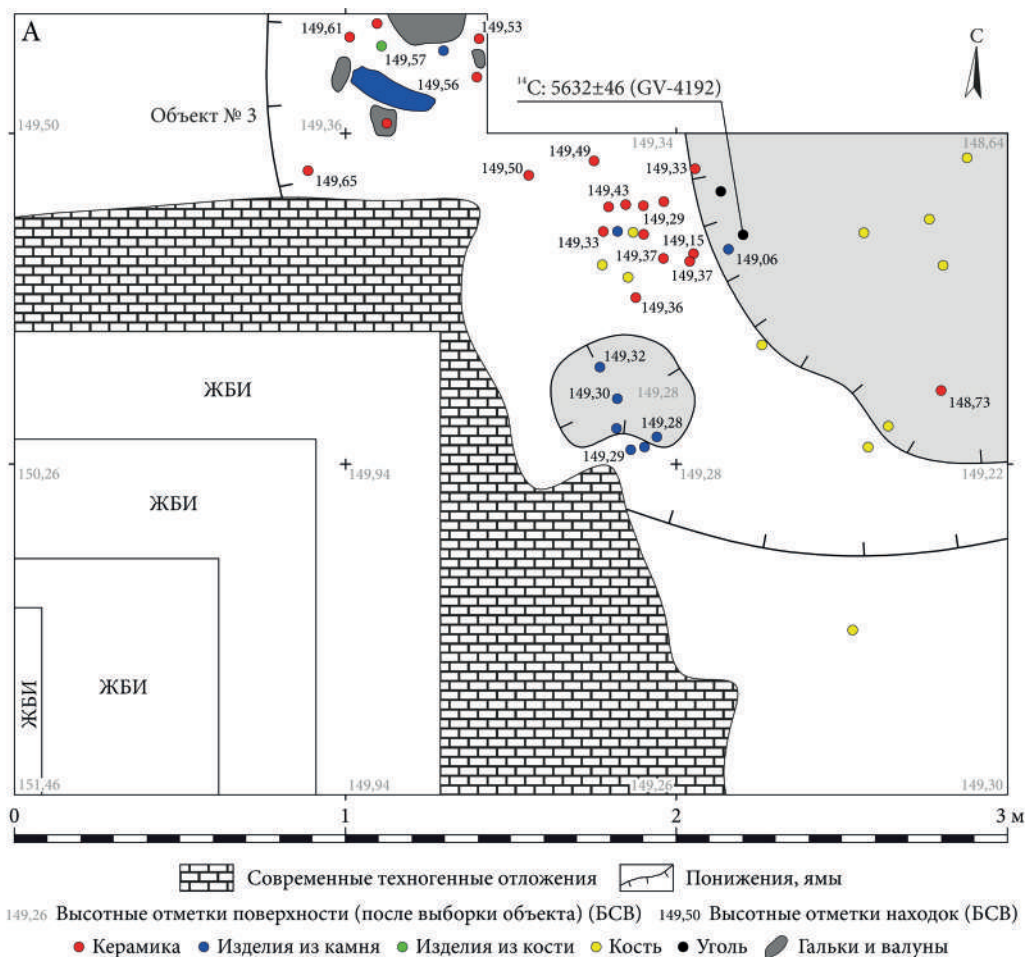

Рис. 3. Ансамбль Красноярский острог (пункт «Краскон»): А — план объекта №3; Б — уровень первичной фиксации объекта №3 (фото); В — разрез центральной ямы объекта №3 (фото)
 Fig. 3. The Krasnoyarskij Ostrog ensemble (locality «Krascon»): А — plan of the feature no. 3; Б — primary detection surface of the feature no. 3 (photo); В — profile of the central pit of the feature no. 3 (photo)

По углю из заполнения объекта была получена радиоуглеродная дата, соответствующая середине V тыс. до н. э. (см. табл.).

В объекте №3 обнаружены фаунистические остатки, принадлежащие косуле (9 шт.), кабарге (1 шт.) и неопределимым средним копытным (39 шт.). Каменные артефакты представлены фрагментами пластинок (3 шт.), отщепами (5 шт.), удлинённым валуном со следами отвесной оббивки боковых сторон и негативом крупного скола по широкому фасу, а также небольшим (109 г) отбойником на гальке (рис. 2.-б) с участком слабо выраженной забитости на выступающем углу (рис. 2.-ба). Уникальна находка костяного жала составного рыболовного крюка (рис. 2.-5).

Керамическая коллекция объекта включает фрагменты двух усть-бельских сосудов. Емкости простой закрытой формы, диаметром 26,5 и 28,5 см в устье. Привенчиковая часть сосудов слабо утолщена. Округлые венчики украшены с обеих сторон косо поставленными оттисками длинного гладкого или гребенчатого штампа. Орнаментация одного сосуда (рис. 2.-2) состоит из поясов косых гладких наколов каплевидной формы. Привенчиковая часть другого сосуда (рис. 2.-3) украшена четырьмя рядами отступающих наколов палочки. Тулово орнаментировано горизонтальными рядами из разреженных косых оттисков гребенки. У обоих сосудов по венчикам нанесен пояс округлых ямок. На внутренней стороне сосудов сохранились пятна нагара.

Стоянка *Няша* расположена на правобережной террасе р. Енисей в 7,5 км ниже по течению от устья р. Березовки (рис. 1). Терраса имеет сложный рельеф, сформированный дюнными буграми и грядами, достигающими высоты 22–30 м от уреза реки. Наиболее низкие междюнные понижения имеют высоту 11–13 м.

Первые сборы археологических материалов в урочище Няша были сделаны И.Т. Савенковым в 1884 г. (Ауэрбах, 1929, с. 169). В дальнейшем, на протяжении конца XIX в. — 1-й трети XX в., различными исследователями (Киборт М.Е., де Бай Ж., Мергарт Г.К., Тугаринов А.Я., Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П., Карцов В.Г.) проводились обследования этого участка, ограниченные визуальным осмотром, сбором подъемного материала и небольшими земляными работами (Карцов, 1929б, с. 7; Макаров, 1989, с. 133–134, 145, 147–148; Уланов, Макаров, Уланова, 2022).

Первые планомерные разведочные и раскопочные исследования были начаты здесь в 1978 г. силами Красноярского государственного педагогического института (Дроздов Н.И., Погудин В.А.) и, при участии сотрудников Иркутского государственного университета, проводились в течение 1980-х гг. (Погудин, Дроздов, 1989). Помимо этого, на памятнике выполнялись специальные работы по изучению геолого-почвенного строения, палеоботанические исследования и радиоуглеродное датирование (Дроздов и др., 1998).

В рамках государственного контракта по инвентаризации памятников археологии Красноярского края в 2018 г. разведочные работы на стоянке проводились Научно-производственным объединением «Археологическое проектирование и изыскания» (Лысенко Д.Н., Михайлова М.В.) (Лысенко, 2019). В ходе работ было заложено 11 шурфов,

в двух из которых обнаружен к.с. с УБК. Шурфы выполнены в центральной части памятника, где в конце 1970-х — 1980-х гг. проводились раскопки⁹.

Голоценовые культуросодержащие отложения памятника представляют собой песчано-супесчаную толщу, разбитую серией погребенных почв различной мощности и дифференцированности. Общая ее мощность составляет около 2,5–3,5 м. Строение пачки и количество почвенных профилей варьируются (от четырех до девяти). В профиле почвы атлантического времени на разных участках памятника выделяется от одного до пяти отдельных гумусовых горизонтов.

В шурфе №1 2018 г. (2 м²) зафиксировано два к.с.: раннего железного века — средневековья (к.с. 1) и неолита (к.с. 2). Неолитический слой был приурочен к нижней половине иллювиального горизонта (темно-коричневая супесь) полноразвитой атлантической почвы. Учитывая значительный высотный разброс находок (до 0,25–0,35 м), можно предполагать длительное время накопления к.с. и его неоднородный состав.

В шурфе №2 2018 г. (4 м²) обнаружен единственный неолитический к.с. Слой был приурочен к верхнему гумусовому горизонту (темно-серая, до черного, супесь) хорошо дифференцированной атлантической почвы и нижней части перекрывающего его слоя светло-коричневой супеси с пятнистой гумусовой окраской (рис. 4.-А). Гумусовый горизонт разбивается на два подгоризонта, разделенных нечетким прослоем из пятен и линз менее гумусированной серо-коричневой супеси.

По этому прослою к.с. разделен на два уровня (горизонта) (рис. 4.-Б). Верхний уровень включает рассеянные и образующие небольшие скопления находки, залегающие ровным горизонтом. По отдельным углям и кости из него были получены радиоуглеродные даты (табл.), соответствующие 2-й половине V тыс. до н.э. и 1-й трети IV тыс. до н.э. Нижний горизонт составляли развал керамического сосуда (рис. 4.-В) и очаг (рис. 4.-Г), залегавшие на одном уровне. Очаг имел отличное от вмещающих отложений, более темное заполнение и был перекрыт слоем гальки. Большая часть камней расколота, часть несет следы пирогаемого воздействия. С учетом присутствия в обоих горизонтах УБК они рассматриваются как однокультурные, сформировавшиеся в ходе нескольких разновременных эпизодов обитания. Судя по всему, между ними произошло более активное накопление навесных отложений и образование разделяющей уровни к.с. прослойки.

Общая неолитическая коллекция шурфов включает фаунистические остатки (782 шт.), изделия из камня (77 шт.) и кости (1 шт.), а также фрагменты семи усть-бельских сосудов.

Среди определимой части палеонтологической коллекции абсолютно преобладают фрагменты костей козули (267 шт.). Малочисленно представлены остатки благородного оленя (1 шт.), не определимых до вида среднего (14 шт.) и крупного (8 шт.) копытных, рыб (1 шт.), а также грызунов (6 шт.). Остальная часть (485 шт.) — не диагностируема.

⁹ Шурф №2 непосредственно приурочен к борту раскопа.

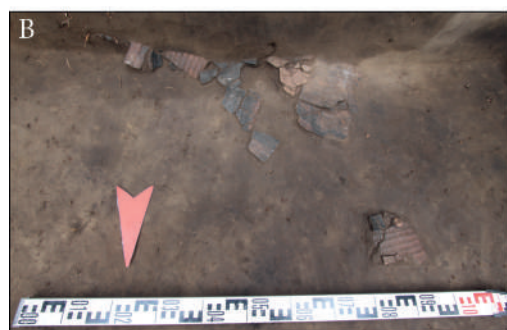
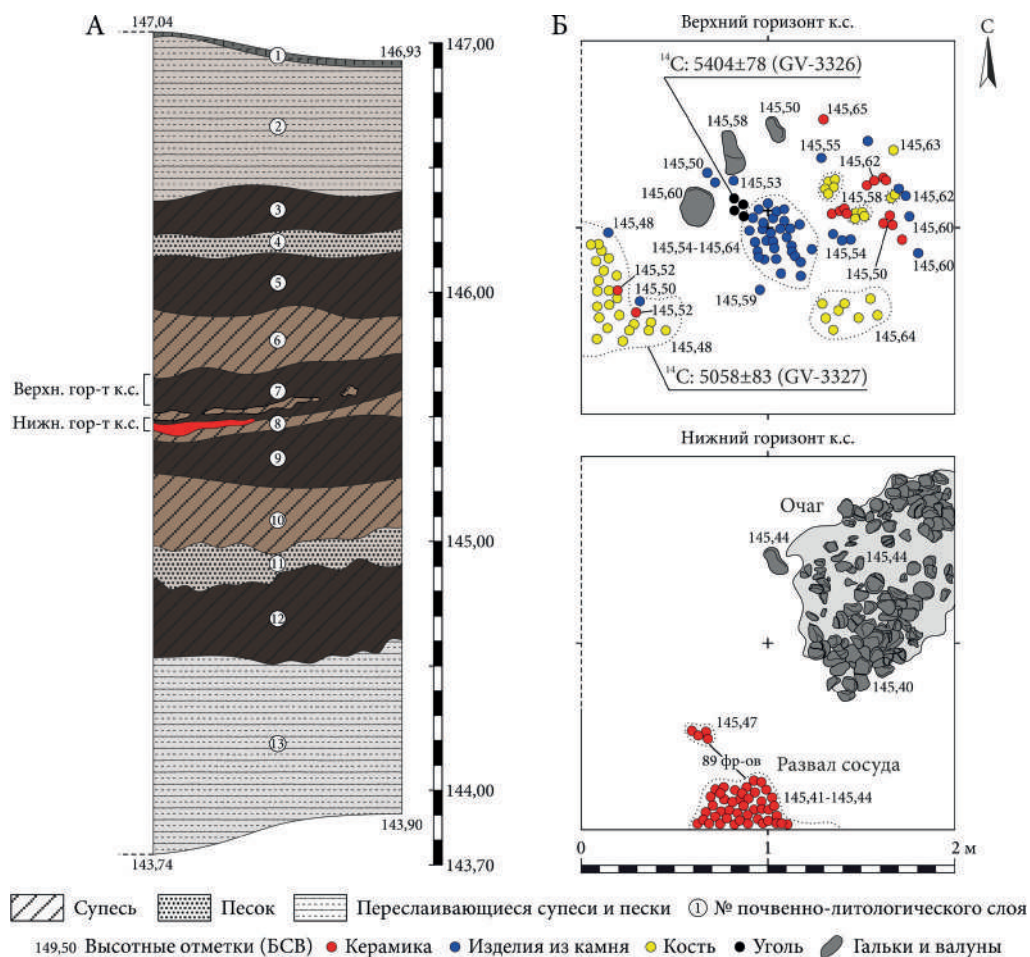

Рис. 4. Шурф №2 2018 г. на стоянке Няша: А — стратиграфический разрез; Б — план культурного слоя; В — очаг в нижнем горизонте культурного слоя (фото); Г — развал керамического сосуда в нижнем горизонте культурного слоя (фото)

Fig. 4. The test pit no. 2 2018 at Nyasha site: А — stratigraphical section; Б — excavation plan of the cultural layer; В — fireplace at the lower level of the cultural layer (photo); Г — concentration of ceramic vessel fragments at the lower level of the cultural layer (photo)

Рис. 5. Археологические материалы эпохи неолита стоянки Няша (2018 г.): 1–6 — фрагменты керамических сосудов; 7–9 — каменные наконечники стрел; 10 — костяное лощило
 Fig. 5. Neolithic materials from the Nyasha site: 1–6 — pottery fragments; 7–9 — stone arrowheads; 10 — bone smoother

Индустрия сколов представлена целой (1 шт.) и фрагментами (2 шт.) пластинок, отщепами (41 шт.), чешуйками (21 шт.) и осколками (5 шт.). Обнаружено массивное нуклеидное изделие с негативами двусторонней мелкоотщеповой оббивки. Коллекция орудий включает отщеп с краевой попеременной ретушью на боковом крае, срединный фрагмент бифаса, бифасиальные наконечники стрелы подтреугольной формы с вогнутым (рис. 5.-7) или прямым насадом (рис. 5.-8), наконечник стрелы листовидной формы с конвергентным насадом (рис. 5.-9) и обломок базальной части наконечника с вогнутым основанием.

Оригинальна находка из шурфа №1 — шлифованное костяное ложило с асимметрично приостренным рабочим краем на торце (рис. 5.-10). Край несет множественные продольные царапины утилизации (рис. 5.-10а, б).

Один из керамических сосудов реконструирован полностью, остальные выделены по отдельным фрагментам тулова. Эти фрагменты орнаментированы параллельными рядами овальных (рис. 5.-2) или прямоугольных (рис. 5.-3) оттисков гладкого штампа, отступающих наколов палочки (рис. 5.-4), косопоставленных наколов (рис. 5.-5) или разнонаправленно скошенных («елочка») штамповых оттисков (рис. 5.-6) гребчатого штампа. Обнаруженный в шурфе №2 реконструированный сосуд (рис. 5.-1) имеет простую закрытую форму и узкое округлое дно. Диаметр емкости по устью составляет 32 см, высота — 36 см. Объем сосуда — 22 л. Приустьевая часть слабо утолщена. Симметрично приостренный венчик украшен с внешней стороны косопоставленными наколами широкого гладкого орнамента. Тулово покрыто монотонными поясами наколов широкой гладкой лопатки с выпуклым окончанием. На отдельных участках, где ряды идут не параллельно и отстают друг от друга, пустое пространство заполнено сильно скошенными оттисками того же инструмента. На дне сосуда ряды оттисков образуют спираль. Под венчиком нанесен пояс округлых ямок. В придонной части формы просверлено три конических отверстия.

Обсуждение

Несмотря на небольшой объем, полученные данные позволяют обсудить некоторые вопросы, связанные с усть-бельским культурным пластом на Среднем Енисее.

Благодаря охранным-спасательным работам последних лет была обнаружена серия археологических комплексов с УБК в историческом центре г. Красноярска (рис. 1). Помимо стоянки Вознесенская-1 и пункта «Краскон» отдельные фрагменты от предположительно усть-бельских сосудов были найдены на стоянке Парижская (Мандрыка и др., 2022) и других участках ансамбля Красноярский острог — пункте «Площадь Мира» (Гревцов, 2009), стоянке Стрелка-1 (Барков, Колесник, 2024) и др. Стоит упомянуть и случайно найденный в начале XX в. на ул. Узенькой (совр. — Карла Маркса) целый усть-бельский (судя по описанию) сосуд (Окладников, 1957, с. 38). Серийность местонахождений и значительная занимаемая ими территория позволяют говорить об активном освоении населением, использовавшим УБК, приустьевого участка между р. Енисей и р. Качи. В настоящее время вся эта территория перекрыта плотной городской застройкой что, во-первых, не позволяет проводить плановое изучение памятников и, во-вторых, привело к сильному разрушению и фрагментарной сохранности культурного слоя.

Нахождение на стоянке Няша археологических материалов в гумусовых горизонтах почвы атлантического оптимума и построенная таким образом колонка культурных слоев позволили исследователям обозначить памятник как опорный в изучении неолита Енисея (Погудин, Дроздов, 1989). В качестве контраргумента этому указывалось на нахождение керамики посольского типа в разных горизонтах, которые были разделены не только стерильными прослойками, но еще и двумя уровнями культурного слоя (Макаров, 2013б, с. 154). В свою очередь, можно добавить несогласованность по-

лученных по памятнику радиоуглеродных дат. Во время раскопок по кострищу «среднего» уровня получена дата 4080 ± 60^{10} (Погудин, Дроздов, 1989, с. 250). Данный уровень по общей последовательности погребенных почв должен быть хронологически близок к.с. шурфа №2 2018 г. Однако последний, согласно полученным данным, датируется значительно древнее.

На основании анализа историографических данных и новых материалов можно говорить о том, что, во-первых, однокультурные комплексы неолита на стоянке Няша могут быть приурочены к разным подразделениям атлантической почвы, и, во-вторых, возможны ситуации их разделения на отдельные стратиграфические уровни. Не выдержанное строение отложений и позиция культурных слоев обусловлены индивидуальным соотношением роли эоловой аккумуляции и почвообразования, с одной стороны, и дефляционных процессов — с другой, на каждом конкретном участке памятника. В этой ситуации кажется необходимой разработка точечных культурно-стратиграфических колонок и затем их корреляция на базе данных абсолютного датирования и состава находок.

Говоря о рассмотренной керамической коллекции, стоит отметить сосуд со стоянки Вознесенская-1. Полные аналоги композиции из взаимопроникающих «заштрихованных» трапеций неизвестны, но ее вариации с треугольными фигурами отмечены на УБК ряда памятников юга Средней Сибири. На Енисее она обнаружена только на керамике стоянки Удачный-14 (рис. 1) (Титова, Бирюлева, 2016, рис. 2.-7). Серия таких сосудов происходит с памятников сопредельного Нижнего Приангарья (напр.: Гревцов, Галухин, Журавков, 2011, рис. 2; Лохов, Липнина, Дударёк, 2023, рис. 13.-7). Крайним северным пунктом распространения известных аналогий, вероятно, является местонахождение Байкит-1 на р. Подкаменная Тунгуска¹¹ (Андреев, Фомин, 1964, рис. 27.-1, 2, 4).

Байкитскую посуду Л.П. Хлобыстиным было предложено рассматривать как самостоятельный керамический тип, составляющий единый культурный пласт с остальной УБК (в нынешнем ее понимании) (Хлобыстин, 1998, с. 78–82). На базе современных материалов близость вышеназванных байкитской, енисейской и нижнеангарской керамики с остальной УБК также видится достаточно отчетливо. По общей форме сосудов, особенностям моделирования и орнаментации приустьевой части она в полной мере соответствует характеристикам типа. Однако относительная малочисленность и повсеместное нахождение с другой УБК предполагают, что идея композиции из поясов взаимопроникающих фигур существовала совместно с другими в рамках одной керамической традиции и не является основанием для выделения типа.

Ключевым вопросом, требующим рассмотрения в свете новых данных, является возраст комплексов с УБК на Енисее. Из четырех полученных радиоуглеродных датировок как наиболее надежные стоит рассматривать определения, сделанные по костям травоядных млекопитающих. Остальные были получены по отдельным углям из к.с. которые могли образоваться в результате лесных пожаров и, возможно, не связаны с культурными остатками.

¹⁰ Лабораторный индекс не приведен.

¹¹ Керамика местонахождения относительно немногочисленна и сильно фрагментирована, что затрудняет ее атрибуцию.

Абсолютный возраст усть-бельских комплексов в бассейне Среднего Енисея определялся на основании радиоуглеродной хронологии многослойных памятников Пещера Еленева, расположенной в пригороде г. Красноярска (рис. 1), и стоянки Казачка-1 на р. Кан (приток р. Енисей).

В Пещере Еленева керамика, которую можно атрибутировать как усть-бельскую, обнаружена как в раннеолитическом культурном горизонте 11В (Макаров, 2005, с. 153, рис. 3.-15, 16), так и в горизонтах 11Б и 11А, отнесенных к развитому (среднему) неолиту (Макаров, 2005, с. 154, рис. 4.-13-17). Дополнительно можно отметить идентичность отдельных фрагментов, обнаруженных в разных горизонтах (напр.: Макаров, 2005, рис. 3.-15, 16; 4.-15, 17). Это, а также нарушение нормальной хронологической последовательности датировок слоя 10 и горизонтов слоя 11 (Чеха и др., 2000, табл. 1) заставляет предполагать некоторое смещение материалов. Для горизонта 11Б получена дата 5150 ± 95 (СОАН-2944), для 11В — 5690 ± 190 (СОАН-3296) и 6475 ± 190 (СОАН-2906) (Макаров, 2005).

На стоянке Казачка-1 УБК составляет гомогенный керамический комплекс к.с. 6 (Тимощенко, Савельев, Бобров, 2016). Полученная по слою единственная радиоуглеродная дата 6660 ± 190 (ЛЕ-1231) не может быть принята как корректная из-за смещений в колонке датировок слоев 6–8 (Тимощенко, 2014, табл. 1). Помимо этого, как и в Пещере Еленева, неизвестен материал датированных образцов, что не позволяет дать техническую оценку датировкам.

Две радиоуглеродные даты — 6010 ± 145 и 6620 ± 120 ¹² были получены для к.с. 3 стоянки Мостовое (Макаров, 2013а), расположенной в непосредственной близости от стоянки Няша (рис. 1). Судя по опубликованным данным, керамический комплекс слоя смешанный, что не позволяет однозначно связать обнаруженную УБК с возрастом датированных образцов.

Проблемным остается радиоуглеродное датирование усть-бельских комплексов и в других регионах юга Средней Сибири. Большинство полученных дат может рассматриваться как некорректные из-за ненадежного материала (нагар на сосудах, керамика, кости человека) или контекста образцов (отсутствие достоверной связи с УБК) (подробнее см.: Бердников и др., 2020).

Обоснованным серией датировок и наиболее надежным можно рассматривать возраст к.с. 3 в пойменной части стоянки Усть-Белая в Верхнем Приангарье — 2-я треть V тыс. до н.э. (Бердников и др., 2020) и жилища №1 поселения Деревня Пашино в Нижнем Приангарье — 1-я половина IV тыс. до н.э. (Гришин и др., 2016, с. 86). Установленным по этим памятникам хронологическим рамкам полностью соответствуют новые датировки памятников Красноярского археологического района. С ними же согласуется дата по среднеолитическому горизонту 11Б Пещеры Еленева, который, вероятно, и является основным для усть-бельского комплекса памятника. В связи с этим, во-первых, интервал 2-й трети V — 1-й трети IV тыс. до н.э. можно рассматривать как рабочий для определения возраста комплексов с УБК и, во-вторых, предполагать распространение усть-бельской керамической традиции в этом временном отрезке по всей территории юга Средней Сибири.

¹² Лабораторные индексы в источнике не приведены.

Заключение

Одним из наиболее богатых исследовательских полигонов юга Средней Сибири, где был накоплен значительный источниковый фонд по усть-бельским комплексам, является Красноярский археологический район. В дополнение к материалам известных памятников в последние годы был открыт ряд новых объектов, локализованных на левобережье р. Енисей, в приустьевой части р. Качи. Серийность и значительная площадь их распространения указывают на то, что данная территория активно осваивалась населением, использовавшим усть-бельскую керамику. Однако из-за плотной городской застройки культурный слой памятников оказался сильно разрушенным и практически недоступным для изучения. Новые данные по стоянке Няша показывают сложное строение культуровмещающих отложений и необходимость их детального анализа для выделения гомогенных комплексов неолита. Расширение и оценка базы радиоуглеродных дат позволяют обозначить возраст усть-бельских комплексов на Среднем Енисее в интервале 2-й трети V — 1-й трети IV тыс. до н.э. В этих же рамках датируются некоторые комплексы Приангарья, хронологию которых сейчас можно считать наиболее обоснованной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Андреев Г.И., Фомин Ю.М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 94–98.

Артемьев Е.В. Научный отчет об археологических раскопках в границах ВОАН «Красноярск. Ансамбль археологических объектов Красноярский острог» в г. Красноярске. Красноярск, 2022 // Архив ООО «Научно-производственное объединение „Археологическое проектирование и изыскания”», б/н.

Ауэрбах Н.К. Первый период археологической деятельности И.Т. Савенкова (материалы к биографии) // Ежегодник Государственного Музея им. Н.М. Мартынова в г. Минусинске. Т. VI. Вып. 2. Минусинск : Государственная типография, 1929. С. 163–185.

Барков А.В., Колесник А.В. Клад микропластин из позднелеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, №7. С. 73–84. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84>

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №1 (2). С. 203–229.

Бердников И.М., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Бердникова Н.Е., Уланов И.В., Соколова Н.Б., Абрашина М.Е., Крутикова К.А., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Когай С.А. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.23>

Бобров В.В., Савельев Н.А., Тимощенко А.А. О культурной принадлежности неолитических комплексов Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи // *Esse quam videri*: к 80-летию Германа Ивановича Медведева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 328–338.

Бортвин Н.Н. Из области древней сибирской керамики. Петроград : Типография М.А. Александрова, 1915. 18 с.

Вдовин А.С., Макаров Н.П., Фокин С.М. «Не прибегая к схеме Петри, исходящей из находок на Улан-Хаде»: к истории изучения многослойной Бирюсинской стоянки (по материалам Красноярского краевого краеведческого музея) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 42. С. 67–91. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.42.67>

Гревцов Ю.А. Отчет о результатах археологических исследований в г. Красноярске в 2008 году. Красноярск, 2009 // Архив ООО «Научно-производственное объединение „Археологическое проектирование и изыскания“», б/н.

Гревцов Ю.А., Галухин Л.Л., Журавков С.П. Комплекс углубленных объектов стоянки Чирида // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 386–390.

Гревцова А.Б. Отчет об археологической разведке на территории г. Красноярска, Северо-Енисейского и Курагинского районов Красноярского края. Красноярск, 2023 // Архив ООО «Научно-производственное объединение „Археологическое проектирование и изыскания“», б/н.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гурулёв Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кербс Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 168 с. (Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 2).

Дроздов Н.И., Зыкина В.С., Орлова Л.А., Чеха В.П. Многослойный археологический памятник Средней Сибири Няша: реконструкция природной среды голоцена // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 355–368.

Карцов В.Г. Ладейское и Ермолаевское городища // Труды секции археологии. Институт археологии и искусствознания. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. IV. М. : Интернациональная типография Мосполиграф, 1929а. С. 559–567.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск : Краснояр. гостипо-лит, 1929б. 62 с.

Лохов Д.Н., Липнина Е.А., Дударёк С.П. Усть-Ёдарма II — опорное многослойное геоархеологическое местонахождение в Северном Приангарье (по результатам работ 2009–2012 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 44. С. 20–86. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.20>

Лысенко Д.Н. Отчет об археологической разведке на территории Емельяновского, Березовского районов и г. Канска, в Красноярском крае в 2018 г. Красноярск, 2019 // Архив ООО «Научно-производственное объединение „Археологическое проектирование и изыскания“», б/н.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1989. С. 131–189.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 3. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 149–171.

Макаров Н.П. Многослойные стоянки Енисея и вопросы неолитоведения Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Ч. I. Чита : ЗабГУ, 2013а. С. 119–123.

Макаров Н.П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск : КККМ, 2013б. С. 130–175.

Максименков Г.А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска // Сибирский археологический сборник. Новосибирск : Наука, 1966. С. 77–83. (Древняя Сибирь. Вып. 2).

Мандрыка П.В., Виноградов Д.А., Бирюлева К.В., Титов Е.В., Жарников З.Ю., Комарова О.С. Раскопки и разведки отрядов Сибирского федерального университета в Красноярском крае // Археологические открытия. 2020 год. М. : ИА РАН, 2022. С. 362–365.

Окладников А.П. Неолитические погребения на Афонтовой горе // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 7–13.

Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // Советская археология. 1957. №1. С. 26–55.

Погудин В.А., Дроздов Н.И. Археологические местонахождения Красноярского археологического района // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1989. С. 235–260.

Тимощенко А.А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 10. С. 27–49.

Тимощенко А.А., Савельев Н.А., Бобров В.В. Казачинская культура неолита Красноярско-Канской лесостепи (по материалам многослойного местонахождения Казачка) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 1. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 99–107.

Титова Ю.А., Бирюлева К.В. Новые материалы неолита и бронзового века Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 1. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 107–116.

Уланов И.В., Макаров Н.П., Уланова А.В. Неолитическая керамика посольского и усть-бельского типов из окрестностей г. Красноярска в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 41. С. 92–103. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.41.92>

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. 342 с.

Чеха В.П., Андренко О.В., Макаров Н.П., Орлова Л.А. Природная среда позднеледниковья и голоцена Красноярского археологического района по данным изучения пещеры Еленева // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Вып. 2. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 443–457.

Parkhomchuk E.V., Petrozhitskiy A.V., Ignatov M.M., Kuleshov D.V., Lysikov A.I., Okunev A.G., Babina K.A., Parkhomchuk V.V. ¹⁴C GIRI Samples in AMS Golden Valley: Graphite Preparation Using AGE-3 and Absorption-Catalytic Setup // *Radiocarbon*. 2024. Vol. 66. Is. 5. Pp. 1259–1269. <https://doi.org/10.1017/RDC.2024.46>

Petrozhitskiy A.V., Parkhomchuk E.V., Ignatov M.M., Kuleshov D.V., Kutnyakova L.A., Konstantinov E.S., Parkhomchuk V.V. Comparative Features of BINP AMS and MICADAS Facilities Working at AMS Golden Valley, Russia // *Radiocarbon*. 2024. Vol. 66. Is. 5. Pp. 1270–1279. <https://doi.org/10.1017/RDC.2024.4>

REFERENCES

Andreev G.I., Fomin Yu.M. Archaeological Surveys at the Average Course of the Podkamennaya Tunguska River. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii = Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1964;101:94–98. (In Russ.)

Artemev E.V. Scientific Report on Archaeological Excavations within the Boundaries of the VOAN «Krasnoyarsk. Ensemble of Archaeological Sites Krasnoyarskiy Ostrog» in Krasnoyarsk. Krasnoyarsk, 2022. In: Archive of the LLC “Scientific-Production Association “Archaeological Planning and Survey”, w/o No. (In Russ.)

Auerbach N.K. The First Period of Archaeological Activity of I.T. Savenkov (Materials for Biography). In: Yearbook of the State Museum Named After N.M. Martyanova in Minusinsk. Vol. VI. Iss. 2. Minusinsk : Gosudarstvennaya tipografiya, 1929. Pp. 163–185. (In Russ.)

Barkov A.V., Kolesnik A.V. The Microblades Cache from Upper Paleolithic Cultural Layer of the Strelka-1 Site in Krasnoyarsk. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2024;23(7):73–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84>

Berdnikov I.M. Key Aspects of Historical and Cultural Procedures in Southern Part of Middle Siberia during the Neolithic (Based on Pottery Complexes). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2013;1(2):203–229. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Goryunova O.I., Novikov A.G., Berdnikova N.E., Ulanov I.V., Sokolova N.B., Abrashina M.E., Krutikova K.A., Rogovskoi E.O., Lokhov D.N., Kogai S.A. Chronology of the Neolithic Ceramics of Baikal-Yenisei Siberia: Basic Ideas and New Data. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2020;33:23–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.23>

Bobrov V.V., Savelev N.A., Timoshchenko A.A. On the Cultural Identity of the Neolithic Complexes of Kansk-Rybinsk Basin and the Krasnoyarsk Forest-Steppe. In: *Esse Quam*

Videri: for the 80th Anniversary of German Ivanovich Medvedev. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2016. Pp. 328–338. (In Russ.)

Bortvin N.N. From the Subject of Prehistory Siberian Pottery. Petrograd : Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1915. 18 p. (In Russ.)

Vdovin A.S., Makarov N.P., Fokin S.M. “Without Resorting to Petri’s Scheme Based on the Finds at Ulan-Khada”: On the History of Study of the Multilayered Biryusa Site (Based on the Materials from the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2022;42:67–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.42.67>

Grevtsov Yu.A. Report on the Results of Archaeological Research in Krasnoyarsk in 2008. Krasnoyarsk, 2009. In: Archive of the LLC “Scientific-Production Association “Archaeological Planning and Survey”, w/o No. (In Russ.)

Grevtsov Yu.A., Galukhin L.L., Zhuravkov S.P. Complex of Subterranean Archaeological Features of Chirida Site. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XVII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. Pp. 386–390. (In Russ.)

Grevtsova A.B. Report on Archaeological Survey in the Territory of Krasnoyarsk, Severo-Yeniseisky and Kuraginsky Districts of Krasnoyarsk Krai. Krasnoyarsk, 2023. In: Archive of the LLC “Scientific-Production Association “Archaeological Planning and Survey”, w/o No. (In Russ.)

Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Gurulev D.A., Shnaider S.V., Kulik N.A., Vasiliev S.K., Kerbs E.A. Pashina Site in the Northern Angara Region (Studies of 2008–2009). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2016. 168 p. (Proceedings of the Boguchany Archaeological Expedition. Vol. 2). (In Russ.)

Drozov N.I., Zykina V.S., Orlova L.A., Chekha V.P. Multilayered Archaeological Site of Middle Siberia Nyasha: Reconstruction of the Natural Environment of the Holocene. In: Paleocology of the Pleistocene and Culture of the Stone Age of North Asia and Neighboring Territories. Vol. 1. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. Pp. 355–368. (In Russ.)

Kartsov V.G. Ladejskoe and Ermolaevskoe Fortified Settlements. In: Proceedings of the Section of Archeology. Institute of Archeology and Art of History. Russian Association of Research Institutes of Social Sciences. Vol. IV. Moscow : Internacional`naya tipografiya Mospoligraf, 1929a. Pp. 559–567. (In Russ.)

Kartsov V.G. Materials to Archaeology of the Krasnoyarsk Area. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk. gostipo-lit, 1929b. 62 p. (In Russ.)

Lokhov D.N., Lipnina E.A., Dudarek S.P. Ust-Yodarma 2 — a Reference Multilayered Geoarchaeological Site in the Northern Angara Region (Based on the Results of Work in 2009–2012). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2023;44:20–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.20>

Lysenko D.N. Report on Archaeological Survey in the Territory of Yemelyanovsky, Berezovsky Districts and Kansk, in Krasnoyarsk Krai in 2018. Krasnoyarsk, 2019. In: Archive of the LLC “Scientific-Production Association “Archaeological Planning and Survey”, w/o No. (In Russ.)

Makarov N.P. Towards to the History of Collecting, Study and Exhibiting Archaeological Collections. In: The Century of Selfless Activity. Krasnoyarsk : Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo, 1989. Pp. 131–189. (In Russ.)

Makarov N.P. Chronology and Periodization of the Neolithic and Bronze Ages of the Krasnoyarsk forest-steppe. In: Journal of the Laboratory of Prehistory Technologies. Iss. 3. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2005. Pp. 149–171. (In Russ.)

Makarov N.P. Yenisei Multilayered Sites and Issues of Neolithic Studies of Middle Siberia. In: Ancient cultures of Mongolia and Baikalian Siberia. Pt. 1. Chita : ZabGU, 2013a. Pp. 119–123. (In Russ.)

Makarov N.P. Ust'-Karabula Site and Issues of the Northern Angara Region Archaeology. In: Archaeological Studies of the Antiquities of the Lower Angara Region and Neighboring Territories. Krasnoyarsk : KKKM, 2013b. Pp. 130–175. (In Russ.)

Maksimov G.A. Ust'-Sobakina Site and its Significance for Studying the Prehistory of the Krasnoyarsk Area. In: Siberian Archaeological Collection of Scientific Articles. Novosibirsk : Nauka, 1966. Pp. 77–83. (Prehistory Siberia. Iss. 2). (In Russ.)

Mandryka P.V., Vinogradov D.A., Biriuleva K.V., Titov E.V., Zharnikov Z.Iu., Komarova O.S. Excavations and Surveys of the Siberian Federal University Squads in Krasnoyarsk Krai. In: Archaeological discoveries. 2020. Moscow : IA RAN, 2022. Pp. 362–365. (In Russ.)

Okladnikov A.P. Neolithic Burial Grounds on Afontova Gora. *Kratkie soobsheniya Instituta istorii material'noj kul'tury = Brief Communications of the Institute of History of Material Culture*. 1949;XXV:7–13. (In Russ.)

Okladnikov A.P. From the History of Ethnic and Cultural Ties of the Neolithic Tribes of the Middle Yenisei (to the Question of the Origin of Samodian Tribes). *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archeology*. 1957;1:26–55. (In Russ.)

Pogudin V.A., Drozdov N.I. Archaeological Sites of the Krasnoyarsk Archaeological Area. In: Historical and Cultural Objects of Krasnoyarsk Krai. Iss. 1. Krasnoyarsk : Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo, 1989. Pp. 235–260. (In Russ.)

Timoshchenko A.A. Chronology and Periodization of the Stone Age in Kansk-Rybinsk Basin. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2014;10:27–49. (In Russ.)

Timoshchenko A.A., Saveliev N.A., Bobrov V.V. Kazachinskoe Neolithic Culture of the Krasnoyarsk-Kansk Forest-Steppe (the Case of the Multi-layer Location of Kazachka). In: Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Vol. 1. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. Pp. 99–107. (In Russ.)

Titova Yu.A., Biryuleva K.V. New Materials of the Neolithic and the Bronze Age Krasnoyarsk Forest-Steppe. In: Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Vol. 1. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. Pp. 107–116. (In Russ.)

Ulanov I.V., Makarov N.P., Ulanova A.V. Neolithic Ceramics of the Posolskaya and Ust-Belaya Types from the Vicinity of Krasnoyarsk in the Funds of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University*.

Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. 2022;41:92–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.41.92>

Khlobystin L.P. Ancient History of Taimyr and the Formation of the North Eurasian Cultures. Saint Petersburg : Dmitrij Bulanin, 1998. 342 p. (In Russ.)

Chekha V.P., Andrenko O.V., Makarov N.P., Orlova L.A. Natural Environment of the Late Glacial Period and Holocene of the Krasnoyarsk Archaeological Area According to the Study of the Eleneva Cave. In: Issues of Reconstruction of Climate and Natural Environment of the Holocene and the Pleistocene of Siberia. Iss. 2. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2000. Pp. 443–457. (In Russ.)

Parkhomchuk E.V., Petrozhitskiy A.V., Ignatov M.M., Kuleshov D.V., Lysikov A.I., Okunev A.G., Babina K.A., Parkhomchuk V.V. ¹⁴C GIRI Samples in AMS Golden Valley: Graphite Preparation Using AGE-3 and Absorption-Catalytic Setup. *Radiocarbon*. 2024;66(5):1259–1269. <https://doi.org/10.1017/RDC.2024.46>

Petrozhitskiy A.V., Parkhomchuk E.V., Ignatov M.M., Kuleshov D.V., Kutnyakova L.A., Konstantinov E.S., Parkhomchuk V.V. Comparative Features of BINP AMS and MICADAS Facilities Working at AMS Golden Valley, Russia. *Radiocarbon*. 2024;66(5):1270–1279. <https://doi.org/10.1017/RDC.2024.4>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гурулёв Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник АНО «Археологическое исследование Сибири», Красноярск, Россия.

Dmitry A. Gurulev, Senior Researcher at the Autonomous non-commercial organization “Siberian Archaeological Studies”, Krasnoyarsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2025;
одобрена после рецензирования 18.02.2025;
принята к публикации 25.02.2025.
The article was submitted 25.01.2025;
approved after reviewing 18.02.2025;
accepted for publication 25.02.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 904(571.56)»16»

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-03)

EDN: OVOOJZ

ОКТЁМСКОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ XVII ВЕКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ (ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ MAFSO 2016 ГОДА)

Артём Анатольевич Иванов¹, Николай Сергеевич Кирьянов^{2*}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), Якутск, Россия;

ivanov.artem8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6799-9615>

²Якутархеология, Якутск, Россия;

ns_kiryanov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4040-482X>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме: Статья посвящена подробной публикации материалов Октёмского коллективного захоронения XVII в. из семи человек, обнаруженного в 2016 г. в Хангаласском районе Республики Саха (Якутия) совместной франко-российской археологической экспедицией MAFSO. В захоронении находились взрослый мужчина 30–35 лет, пятеро детей (от 1 года до 8 лет) и подросток 12 лет, скончавшихся, вероятно, в результате некоей болезни эпидемического характера (например, оспы). По характеру погребальной конструкции, одежды и сопроводительного инвентаря захоронение определено датируется первой половиной либо серединой XVII в. В захоронении также обнаружены вырезанные на дереве уникальные рисунки шамана и всадника на лошади, чего ранее не отмечалось. Памятник относится к числу немногочисленных коллективных захоронений в Якутии и является только шестым обнаруженным из более чем 400 якутских погребений XVII–XIX вв., открытых с 1888 г. по сегодняшний день. По составу погребального комплекса сделан вывод, что аналогичные захоронения представляют собой в большей степени исключение из общего правила якутской погребальной традиции, чем сложившуюся практику.

Ключевые слова: Центральная Якутия, Хангаласский район, Октёмцы, коллективное погребение, XVII век, якуты, MAFSO

Благодарности: авторы благодарят весь коллектив экспедиции MAFSO и ее руководителей — доктора исторических наук, профессора А.Н. Алексева и профессора антропологии и археологии Э. Крюбези, а также директора Музея археологии и этнографии СВФУ Л.Л. Алексеву за предоставленную возможность публикации данных материалов.

Для цитирования: Иванов А.А., Кирьянов Н.С. Октёмское коллективное захоронение XVII века в Центральной Якутии (публикация материалов MAFSO 2016 года) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 46–71. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-03)

THE OKTYOMSKOE COLLECTIVE BURIAL OF THE 17TH CENTURY IN CENTRAL YAKUTIA (PUBLICATION OF MAFSO MATERIALS IN 2016)

Artem A. Ivanov¹, Nikolay S. Kiryanov^{2*}

¹Altai State University, Barnaul, Russia; Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutia, Russia; Ivanov.artem8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6799-9615>

²Yakutarchaeology Ltd., Yakutia, Russia;

ns_kiryanov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4040-482X>

*Corresponding Author

Abstract: The article is devoted to the detailed publication of the materials of the Oktyomskoe collective burial of the 17th century of seven people, discovered in 2016 in the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia) by the joint Franco-Russian archaeological expedition MAFSO. There was adult man aged 30–35, five children (from 1 to 8 years old) and teenager aged 12 who died, probably as a result of some kind of epidemic disease (for example, smallpox). By the nature of the burial structure, clothing and accompanying equipment, the burial definitely dates from the 1st half or the middle of the 17th century. Unique drawings of a shaman and a horseman carved on wood were also found in the burial, which had not been previously noted. The site is one of the few collective burials in Yakutia and is only the sixth discovered out of more than 400 Yakut burials of the 17th–19th centuries, discovered from 1888 to the present day. Based on the composition of the burial complex, it was concluded that similar burials represent more of an exception to the general rule of the Yakut burial tradition than an established practice.

Keywords: Central Yakutia, Khangalassky district, Oktyomtsy, collective burial, 17th century, Yakuts, MAFSO

Acknowledgements: the authors would like to thank the entire team of the MAFSO expedition and its leaders, Doctor of Historical Sciences, Professor A.N. Alekseev and Professor of Anthropology and Archaeology E. Crubezy, as well as the director of the NEFU Museum of Archaeology and Ethnography, L.L. Alekseeva, for the opportunity to publish these materials.

For citation: Ivanov A.A., Kiryanov N.S. The Oktyomskoe Collective Burial of the 17th Century in Central Yakutia (publication of MAFSO materials in 2016). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):46–71. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-03)

Введение
Октёмское коллективное захоронение XVII в. из семи человек обнаружено и изучено совместной франко-российской археологической экспедицией — MAFSO (фр. *Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale*)¹³ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Россия) и Университета III г. Тулузы им. Поля Сабатье (г. Тулуза, Франция) в Октёмском¹⁴ наслеге Хангаласского района Центральной Якутии в 2016 г. (Rapport..., 2016). По целому ряду причин это уникальное захоронение долгое время не было должным образом опубликовано и, как следствие, не вошло, например, в такой итоговый фундаментальный труд, как «История Якутии» (2020). Частично же памятник уже затронут в работах В.В. Попова (2018,

¹³ Известная также как «саха-французская» (якуто-французская). Экспедиция по изучению погребальных комплексов якутов дохристианского времени работала на территории Якутии с 2002 по 2019 г.

¹⁴ В некоторых работах неверно указан Жерский наслег (напр., Бравина и др., 2021, с. 100). Это связано с тем, что именно здесь проходит граница Жерского и Октёмского наслегов.

с. 40), А.Н. Алексеева и Р.И. Бравиной (Алексеев, Бравина, 2022, с. 119; Бравина, и др., 2021, с. 100), а также наших публикациях (Duchesne et al., 2020, с. 122; Иванов, 2023, с. 157). При этом ни в одной статье не дано развернутого описания захоронения, оно лишь упомянуто в общем контексте работ, посвященных, в частности, якутскому керамическому комплексу или использованию якутами бересты в погребальных обрядах. При этом Октёмское захоронение по-прежнему остается нерядовым случаем в погребальной практике якутов XVII в., прямые аналогии которому отсутствуют до сих пор (Константинов, 1971; Бравина, Попов, 2008; Якуты..., 2012; Мир древних якутов, 2012; История Якутии, 2020).

Настоящая публикация преследует своей целью максимально широкое введение в научный оборот имеющихся в нашем распоряжении материалов, чтобы заинтересованные стороны (ученые, краеведы, музейные работники, сотрудники органов государственной охраны объектов культурного наследия, и др.) могли иметь доступ к первоисточнику. Сами материалы захоронения хранятся в Музее археологии и этнографии СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск).

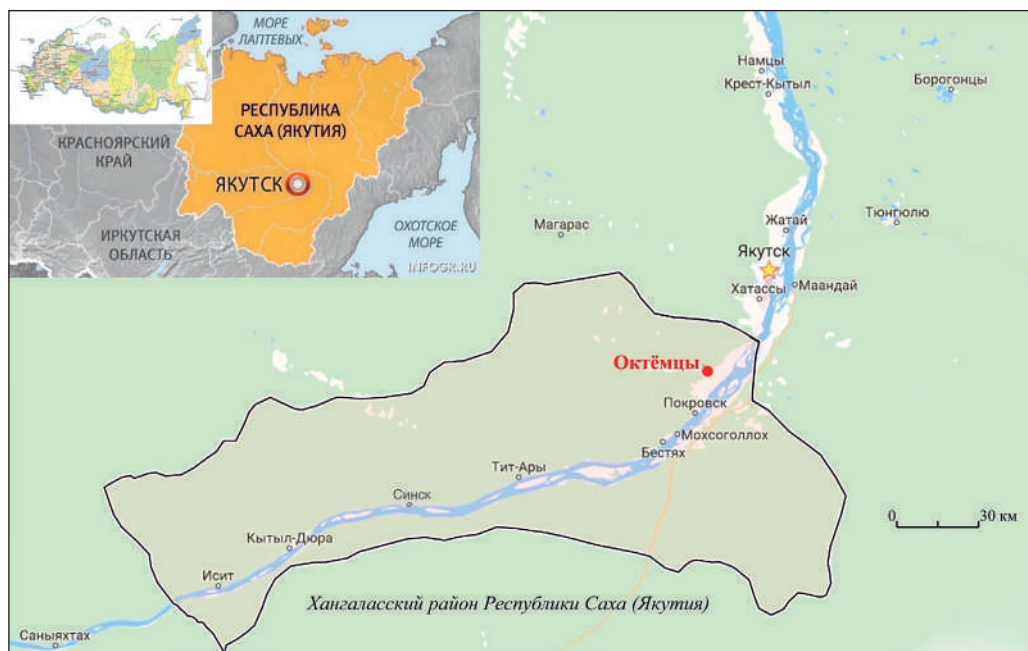

Рис. 1. Административные границы Хангаласского района Республики Саха (Якутия) с указанием с. Октёмцы, в пределах которого находится Октёмское коллективное захоронение [в программе Яндекс.Карты]. Масштаб: в 1 см — 15 км. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 1. Administrative boundaries of the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia) with indication of S. Oktemtsy, within which the Oktyomskoe collective burial is located [in the Yandex.Maps program]. Scale: 1 cm — 15 km. Author — N.S. Kiryanov

Результаты

Месторасположение захоронения и история его открытия

Октёмское захоронение расположено на территории Октёмского наслега Хангаласского района в центральной части Республики Саха (Якутия) и приурочено к 47 км региональной дороги «Умнас» на участке Якутск — Покровск (рис. 1). В месте, где дорога сворачивает на восток, расположен безымянный дореволюционный погост конца XIX — начала XX в., названный нами Октёмским. Само захоронение удалено от указанного погоста на 450 м к юго-востоку. В географическом плане захоронение относится к террасе левого берега старичного русла реки Улах (Уулаах), где участок имеет форму треугольного выступа, а река распадается на два рукава. Таким образом, река выступает в качестве естественной преграды, образуя четко локализованную местность. С данной территории с севера и северо-востока хорошо просматриваются коренной берег р. Лена и горнолыжная база «Техтюр», с юго-восточной стороны — с. Октёмцы (рис. 2).

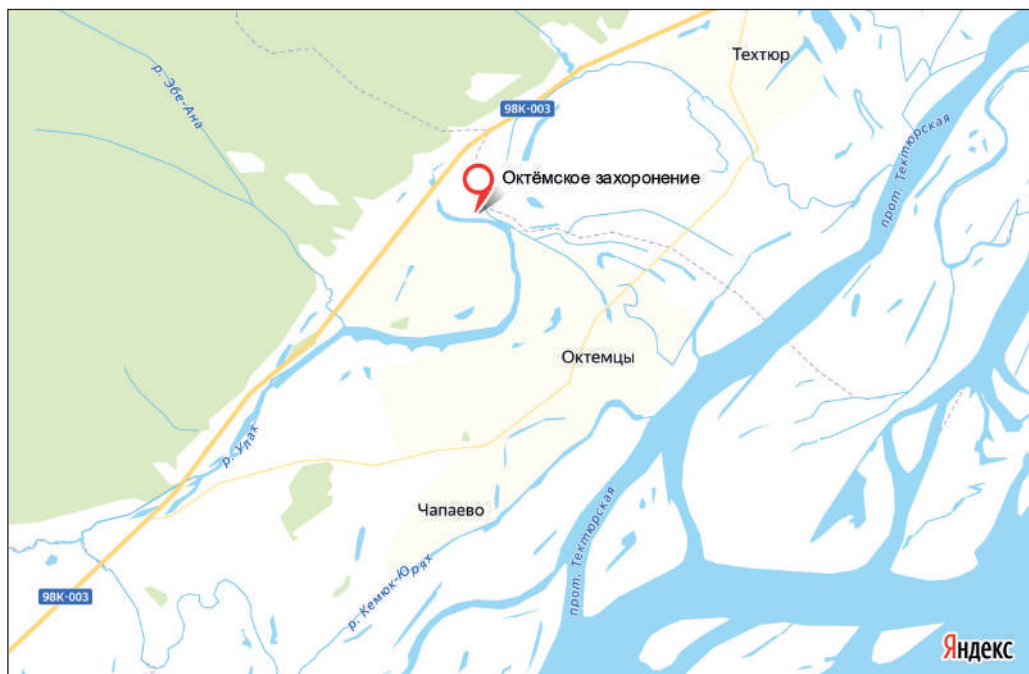

Рис. 2. Месторасположение Октёмского коллективного захоронения в пределах Октёмского наслега Хангаласского района Республики Саха (Якутия) [в программе Яндекс.Карты].

Без масштаба. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 2. The location of the Oktemsky collective burial within the Oktemsky nasleg of the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia) [in the Yandex.Maps program]. Without scale. Author — N.S. Kiryanov

Захоронение впервые открыто В.В. Поповым и С.К. Колодезниковым в ходе разведки 2016 г. и изучалось коллективом MAFSO15 в том же году. Памятник находится на участке первой надпойменной террасы р. Улах высотой около 5 м от уреза (по состоянию на лето 2016 г.). Могильный провал подпрямоугольной формы размером 1,4×2,9 м ориентирован по направлению террасы «запад-восток» и залегает на глубине 5–15 см (здесь и далее глубина указана от дневной поверхности).

В 2018–2019 гг. в этой же местности в 320 м к северу от коллективного захоронения археологической экспедицией ИГиИПМНС СО РАН под руководством В.В. Сыроватского и Е.Н. Николаева открыто и изучалось поселение Улах XVIII–XIX вв., где обнаружено большое количество следов и остатков железоделательного производства в виде обширного количества находок плавильного шлака, фурм, стенок горна, а также керамики и пр. (Николаев, 2020, с. 35). По сведениям В.Л. Серошевского (1896 г.), где-то здесь находился поселок железоплавильщиков: «недалеко от Техтюрской станции в Октемском наслеге Западно-Кангаласского района» (Серошевский, 1993, с. 367).

Описание берестяной погребальной камеры

К началу работ в могильном провале наблюдались остатки деревянной трухи. Могильное пятно размером 1–1,3×2,6–2,9 м по своим очертаниям совпадает с провалом и отмечено на глубине 20 см. На глубине 58–63 см выявлена берестяная погребальная камера, относящаяся, по классификации Р.И. Бравиной и соавторов (2021, с. 95–100), ко II типу II варианта использования якутами бересты в захоронениях в XV–XVII вв. в виде прямоугольного пакета размером 1,3×2,5 м, сложенного из верхнего и нижнего прошитых берестяных полотен, являющихся частями летнего якутского жилища крупной шатровой формы — *урасы*.

Сверху берестяную камеру закрывали продольно уложенные в два слоя доски (местами располагающиеся хаотично), тесанные, вероятно, топором и скобелем, в общем количестве 16 шт. (с учетом боковых) (рис. 3.-1). Ширина досок — 20–24 см, толщина — 1,5 см, длина варьирует в пределах от 150 до 234 см. После их снятия обнаружилось, что берестяная камера в трех местах скреплена тонкими кольями, завязанные тальниковыми (?) ремешками-прутьями. На боковой доске с южной стороны обнаружены вырезанные изнутри рисунки лошади со всадником и человека с бубном — «шамана» (подробное описание ниже).

Верхнее берестяное полотно — покрывало — двуслойное и состоит из двух полотнищ, диагонального и продольного, нижнее — подстилка — состоит из одного полотнища, положенного поперек. Оба полотна подогнаны под общий размер 1,2×2,5 м (рис. 3.-2). Между собой полотна не скреплялись.

Диагональное и продольное полотнища верхнего полотна включали в себя по пять полос, поперечное — восемь. Полосы каждого полотнища соединялись между собой укладкой внахлест, когда нижняя полоса накладывалась на верхнюю. Полосы сшивались между собой прямым стежком в строку нитью толщиной 0,1–0,2 см из конского волоса. Каждая полоса состояла преимущественно из одного цельного пласта вытянутой прямоугольной формы длиной 1,2–2,5 (в отдельных случаях до 2,8) м и шириной

¹⁵ В состав MAFSO в 2016 г. входили Е. Crubézy, P. Gérard, S. Duchesne, V. Mougin, A. Géraut, C. Hochstrasser-Petit, Л.Г. Романова, Н.С. Кирьянов, В.В. Попов, С.К. Колодезников, Е.Н. Дивдевилова, А.Р. Федорова (Парфенова), С.И. Федоров, В.С. Хабаров.

19–30 см, снятого с одной крупностоловой березы. В отдельных случаях полоса состояла из 2–3 различных пластов. На отдельных участках пластов имеются следы ремонта (берестяные заплатки).

Рис. 3. Октёмское коллективное захоронение: 1 — выявленная берестяная погребальная камера с положенными сверху деревянными досками, 2 — характер верхнего берестяного покрывала камеры после снятия досок. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 3. The Oktyomskoe collective burial: 1 — identified birch bark burial chamber with wooden planks placed on top, 2 — the nature of the upper birch bark covering of the chamber after removing the planks. Author — N.S. Kiryanov

*Описание костяков и сопроводительного инвентаря*¹⁶

После снятия верхнего полотна зафиксировано коллективное антигезное захоронение из семи человек: взрослого мужчины, пятерых детей (от 1 года до 8 лет) и подростка (12 лет) (рис. 4.-1–2). Нумерация костяков указывается по мере их обнаружения: в западной части — №1, №2, №7, №3, в восточной — №4, №5, №6. Судя по их расположению, сначала в западной части положен мужчина (№1), затем маленькие дети (№2 и №7), затем ребенок (№3), после в восточной — более взрослые дети (№5 и №6). В какой последовательности был положен маленький ребенок (№4), установить не представляется возможным из-за отсутствия тазобедренных костей и ног костяка (рис. 5).

Костяки сильно сдавлены, кости кальцинированы и практически рассыпаются в труху, вследствие чего их точные половозрастные характеристики определить не всегда представляется возможным (рис. 6–7). В антропологическом отношении черепа костяков №1 и №7 морфологически предварительно отнесены к европеоидам (?) (Rapport, 2016, p. 71). Расовая принадлежность и родственность костяков в настоящий момент не установлена¹⁷.

Костяк №1. Мужчина 30–35 лет, длина костяка 167 см. Костяк расположен по центру камеры и находится между костяками №7 и №3. Руки вытянуты вдоль тела и чуть согнуты в локтях, головой мужчины ориентирован на запад, а лицом смотрит на север. На черепе в правой височной части четко зафиксирован круглый след (отпечаток) диаметром около 10 см от металлического диска *туосахта*, являющегося частью традиционного якутского головного убора с рожками (рис. 5.-1). В центре диска отмечена сохранившаяся накладная восьмилепестковая бляшка зеленого цвета диаметром около 2 см, сам диск не сохранился (рис. 6). Мужчина был одет в нательное белье с рукавами из конской кожи, поверх нее находилась, вероятно, верхняя наплечная одежда соболиным мехом наружу. Ноговицы, скорее всего, изготовлены из двойной кожи мехом наружу. Торбаза мужчины выполнены из лошадиного меха, при этом его торбаза и торбаза костяка №6 слиплись и с трудом отделяются друг от друга.

В области паха мужчины присутствуют истлевшие остатки наружной части мехового пояса (?) с разноцветным бисерным орнаментом (рис. 5.-2). Сохранившиеся размеры пояса: 15,1×20,8 см. Круглый бисер диаметром 0,4 см, в сочетании черного, белого и синего цветов, состоит из четырех рядов. Здесь же обнаружены другие детали: деревянная кляп-застежка (длина — 6,5 см, диаметр — max 0,8 см) (рис. 7.-1) и железная коррозированная подвеска в форме восьмерки (длина — 3,2 см, диаметр колец — 1,4 см) (рис. 7.-2), а также три железных кольца (диаметрами от 1,1 см до 1,4 см) (рис. 7.-3).

¹⁶ К сожалению, не все предметы сопроводительного инвентаря хорошо сохранились для их последующей камеральной обработки, отчего в публикации используются в основном полевые фотографии предметов в момент их обнаружения и фиксации. Несмотря на проводимую консервацию, практически все железные и наиболее хрупкие деревянные предметы не сохранили свой первоначальный облик.

¹⁷ Определение половозрастных характеристик костяков проводилось профессором антропологии и археологии Университета III им. П. Сабатье (г. Тулуза, Франция) Эриком Крюбези (E. Crubézy) и судебно-медицинским экспертом Института судебной медицины (г. Страсбург, Франция) Анни Жеро (A. Géraud). Определение состава меха и тканей одежды и ее возможного фасона проводил кандидат исторических наук, этнограф, научный сотрудник Тандинского историко-архитектурного музея им. И.П. Готовцева (с. Танда, Усть-Алданский район РС(Я)) Сергей Колодезников (1962–2020 гг.).

Рис. 4. Октёмское коллективное захоронение. Характер труположения семи человек и размещения сопроводительного инвентаря: 1 — вид с юго-восточной стороны; 2 — вид с юго-западной стороны. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 4. The Oktyomskoe collective burial. The nature of the corpses of seven people and the placement of the accompanying inventory: 1 — view from the south-east side; 2 — view from the south-west side. Author — N.S. Kiryanov

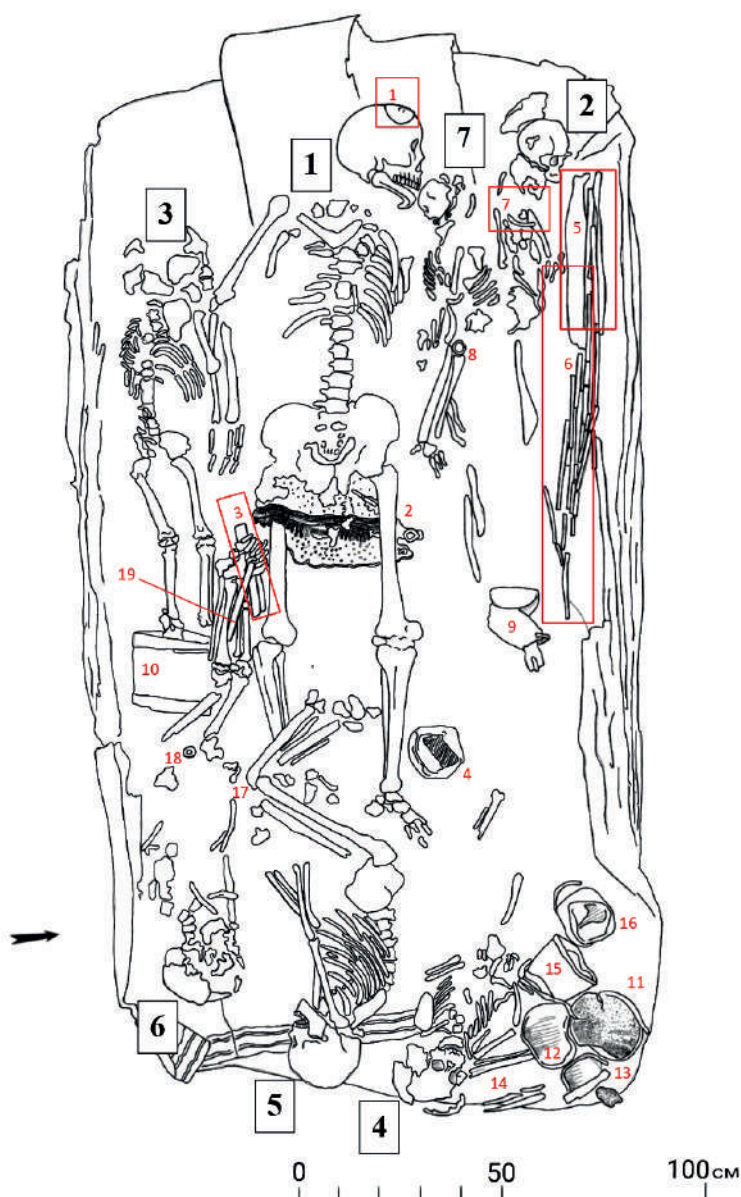

Рис. 5. Октёмское коллективное захоронение. Графическая прорисовка костяков и сопроводительного инвентаря. Черными цифрами указан порядковый номер костяка, красными — порядковый номер описания инвентаря в тексте. Масштаб: в 1 см — 10 см.

Авторы — Г.М. Свинобоев, Н.С. Кирьянов

Fig. 5. The Oktyomskoe collective burial. Graphic drawing of skeletons and accompanying inventory. The black numbers indicate the ordinal number of the skeleton, and the red numbers indicate the ordinal number of the inventory description in the text. Scale: 1 cm — 10 cm. Authors — G.M. Svinoboev, N.S. Kiryanov

Рис. 6. Октёмское коллективное захоронение. Отпечаток диска туосакhta на правой височной части черепа взрослого мужчины (костяка №1). Съемка с северной стороны.

Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 6. The Oktyomskoe collective burial. The imprint of the tuosakht disk on the right temporal part of the adult male's skull (the skeleton №1). Shooting from the north side. The author is N.S. Kiryanov

В области правой берцовой кости зафиксирован железный нож с деревянной рукояткой в берестяных ножнах (рис. 5.-3). Клинок сильно коррозирован и расслоился, рукоятка высохла. Ножны имели сквозные отверстия для фиксации. Длина ножен — 20 см, толщина — 0,2 см, длина ножа с рукояткой — 23,7 см, размеры рукоятки — 10,2×3×0,7 см. Определить ширину и толщину клинка не представляется возможным.

У левой ноги мужчины имеется невысокий берестяной сосуд круглой формы (рис. 5.-4). Сосуд опоясывает орнамент в виде восьмерки в прямоугольнике, орнаментированном ромбовидными узорами. Высота сосуда — 6,2 см, диаметр — 11,9 см, толщина стенок — 0,4 см (рис. 8).

Вероятно, именно мужчине принадлежат положенные в северо-западную часть камеры (за костяком №2, ближе к стенке) пальма *батыйа* (или *батас*) и 10 стрел с наконечниками (рис. 5.-5-6). Размеры пальмы: общая длина — 71 см, длина лезвия — около 38 см (рис. 9). Наконечники стрел представлены следующими типами (Rapport ..., 2016, с. 71): четыре костяных наконечника с вытянуто-удлиненным треугольным в сечении пером без пирамидального острия (рис. 10.-1, 3-4, 8) — IV тип по А.И. Гоголеву (1990, с. 98-99); одна стрела с томаровидным деревянным наконечником и шиловидным острием (рис. 10.-2); два композитных наконечника, сочетающие деревянные

томары с костяными насадками (набалдашниками) (рис. 10.-5–6); два деревянных томара (рис. 10.-7, 9) и одна деревянная стрела с цилиндрическим острием (рис. 10.-10) (анalogии: Васильев, 1995, с. 87). Все указанные наконечники являются охотничьими.

Рис. 7. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1: 1 — деревянная кляп-застежка, 2 — коррозированная железная подвеска, 3 — коррозированное железное кольцо. Автор — P. Gérard

Fig. 7. The Oktyomskoe collective burial. The accompanying inventory of the skeleton №1: 1 — wooden gag fastener, 2 — corroded iron pendant, 3 — corroded iron ring. Author — P. Gérard

Костяк №2. Ребенок 2,5–3 лет, точная длина костяка не поддается измерению. Костяк расположен в северо-западном углу камеры. Лежит на спине, ориентирован головой на запад, лицом на север. Ребенок был обвязан скрученной из конского волоса веревкой и перетянут в двух местах (такое применялось для транспортировки мертвого тела). Одет в верхнюю одежду из жеребьячьей кожи, подбитой изнутри заячьим мехом. Наружная часть головного убора ребенка имела кожаную основу, на которую был сверху нашит мех соболя по контуру капора (окантовка), изнутри убор был оформлен подкладом из заячьего меха. На шее зафиксирована шейная гривна *кылды* без петелек из перекрученного медного дрота круглого сечения (I тип) (Саввинов, 2001, с. 44) (рис. 5.-7). Приблизительный диаметр гривны — 14,4 см, общая длина дрота — 38,5 см, размер сечения — 0,6 см (рис. 11).

Рис. 8. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1.
Деформированный орнаментированный берестяной сосуд. Автор — P. Gérard
Fig. 8. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory of the skeleton №1. Deformed
ornamented birch bark vessel. Author — P. Gérard

Рис. 9. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1.
Железная пальма батыйа с частью деревянной рукоятки. Автор — P. Gérard
Fig. 9. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory of the skeleton №1. An iron Palma batyja
with a part of a wooden handle. Author — P. Gérard

Рис. 10. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1.
Наконечники стрел. Автор — P. Gérard

Fig. 10. The Oktyomskoe collective burial. The accompanying inventory of skeleton №1. Arrowheads.
Author — P. Gérard

В области правой тазобедренной кости имеется медное кольцо от пояса диаметром 2,8 см, толщиной 0,3 см (рис. 5.-8). На ногах сохранились части торбазов, украшенные бисерным орнаментом, состоящим из пяти чередующихся рядов синего и белого цвета. Диаметр бисера — 0,4 см. Здесь же зафиксированы медная гирьковидная подвеска с небольшим конусообразным выступом и две белые бусины диаметром 0,8 см. Размеры гирьковидной подвески 1,4×0,7 см, диаметр основания — 0,7 см, размеры выступа 0,3×0,3 см.

У ног положена иссохшаяся деревянная посуда *матарчах* (рис. 5.-9). Тулово сосуда имеет орнамент в три ряда, который представляет собой круглую полую штамповку. Высота матарчаха — 7 см, диаметр — 11 см. На доньшке прослеживаются следы крепления доньшка и тулова сосуда. Посуда сильно деформирована, частично превратилась в труху, сдавлена.

Рис. 11. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №2.

Шейный обруч-гривна из медного перекрученного дрота. Автор — P. Gérard

Fig. 11. The Oktyomskoe collective burial. The accompanying inventory of skeleton №2. The neck band is a hryvnia made of a twisted copper dart. Author — P. Gérard

Костяк №3. Ребенок 5–6 лет, длина костяка 110–116 см. Сохранность костяка плохая, кости полностью кальцинированы. Ребенок расположен в юго-западном углу, лежит на левом боку вполоборота, одна рука вытянута вдоль тела и будто лежит под рукой костяка №1. Костяк ориентирован головой на запад, лицом к северу. Сохранились следы шапки с рожками. В ногах берестяная посуда: деформированный большой *туес* с деревянной ложкой внутри (рис. 5.-10). Размеры *туеса*: высота — 17 см, диаметр дна — 16 см, толщина стенок — 0,3 см (рис. 12.-3). Ложка цельновырезанная, сильно сдавлена. Ручка ложки в месте перемычки скручена тонкой берестяной полоской. Размеры ложки: длина ручки 8,5 см, черпала — 10,8×9,9 см, толщина 0,2–0,4 см (рис. 12.-6).

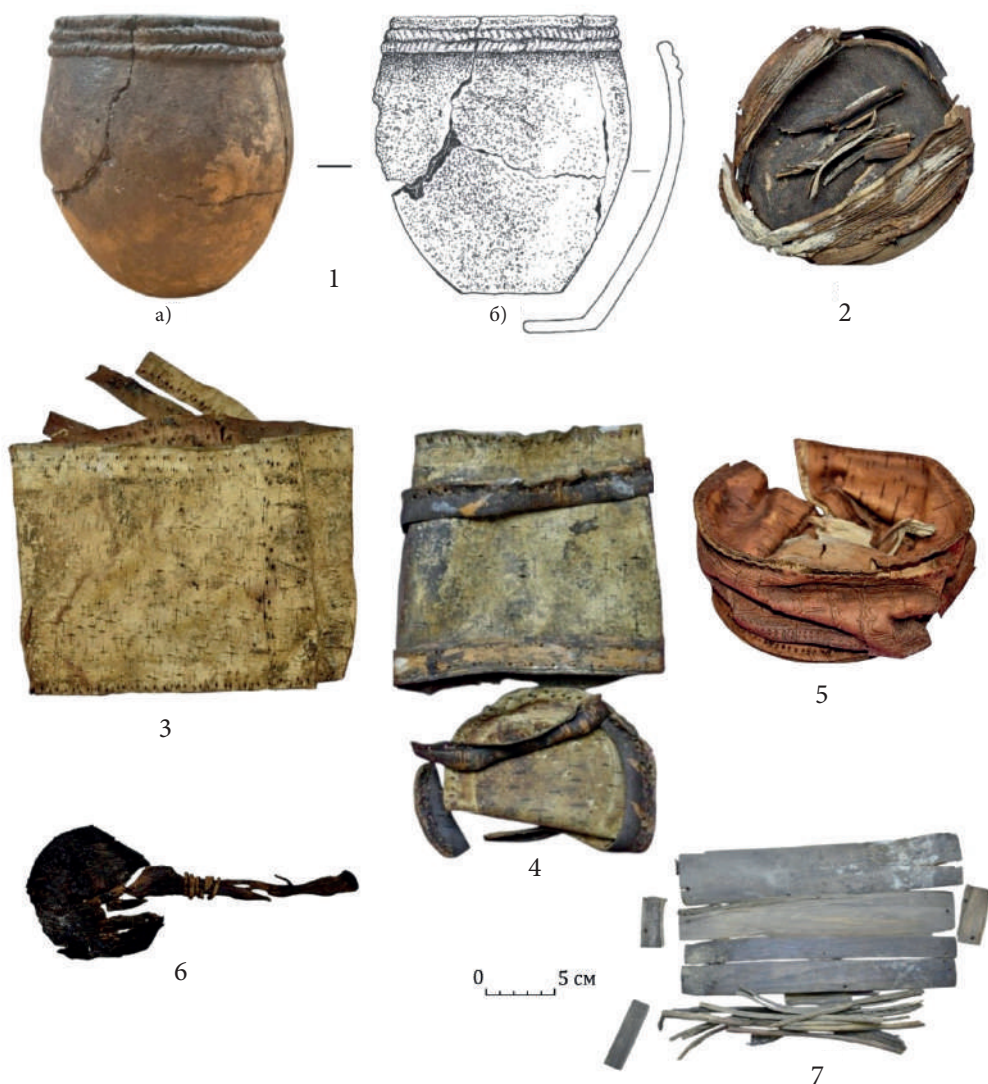

Рис. 12. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь: 1 — реконструированный керамический сосуд (а — натурная, б — графическая), 2 — деформированная деревянная чаша кытыйя; 3, 4 — деформированные берестяные туюсы больших размеров; 5 — деформированный берестяной туюс среднего размера; 6 — деревянная ложка; 7 — фрагменты деревянной шкатулки. Предметы 1, 2, 4, 5, 7 относятся к костяку №4, предметы 3 и 6 — к костяку №3. Авторы — P. Gérard, А.А. Иванов, кроме 1б — Г.М. Свинобоев

Fig. 12. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory: 1 — reconstructed ceramic vessel (a — full-scale, b — graphic), 2 — deformed wooden bowl; 3, 4 — deformed birch bark tues of large size; 5 — deformed birch bark tues of medium size; 6 — wooden spoon; 7 — fragments of a wooden box. Items 1, 2, 4, 5, 7 belong to skeleton №4, items 3 and 6 belong to skeleton №3. Author — P. Gérard, А.А. Ivanov, except for 1b — G.M. Svinoboev

Костяк №4. Ребенок 3 лет, точная длина костяка не поддается измерению. Расположен в северо-восточном углу камеры рядом с костяком №5. Сохранилась только верхняя часть тела. Ребенок лежит на спине, руки покоятся на тазу, ноги вытянуты. Костяк ориентирован головой на восток, лицом на север. Вероятно, был одет в наплечную одежду, изготовленную из соболиных шкурок. В северо-восточном углу в области головы костяка расположены керамический сосуд (рис. 5.-11), три деревянные чаши *кытыйа* (одна раскохлась) (рис. 5.-12-13), деревянная прямоугольная коробка открытого типа (шкатулка) (рис. 5.-14) и два берестяных сосуда (рис. 5.-15-16).

Керамический сосуд *кулун-атахского* (позднесредневекового) облика — гладкостенный, толстостенный, плоскодонный (рис. 12.-1). Профиль венчика прямой, срез прямоугольный. Под венчиком — два наlepных валика, орнаментированные противоположно идущими косыми насечками. Соединение тулова с доньшком формирует угол приблизительно в 130°. На внутренней стороне сосуда заметен слой пригоревших остатков пищи. Оттенок керамики как с внешней, так и с внутренней стороны — коричневый, а на изломе наблюдается неоднородность цвета — от коричневого до темно-коричневого. Тесто плотное, включает в себя добавки песка различной зернистости и дресвы.

Размеры сосуда: высота — 14,8 см, толщина стенок — 0,7 см, диаметр устья — 11,8 см, диаметр днища — 5,2 см. Аналогичные сосуды отмечены в кулун-атахских поселениях XIV–XVI вв. *Куоладыма* в Сыланском наслеге Чурапчинского района и *Сырдык Сулус* в Бологурском наслеге Амгинского района (Гоголев, 1990, с. 131, табл. VI, рис. 16; с. 145, табл. XX, рис. 3–4).

Деревянные чаши *кытыйа* заметно сдавлены. Особый интерес представляет первая чаша, имеющая орнамент в семь рядов (рис. 12.-2). Отсчет идет с верхнего ряда: первый, третий и пятый ряды представляют собой вертикальный зигзагообразный орнамент, ширина орнамента 0,3 см, расстояние между ними 0,7 см; второй, четвертый и шестой ряды выполнены горизонтальным линейным орнаментом в три ряда, седьмой представляет собой круглую штамповку, диаметр штамповки 0,5 см, а расстояние между ними 0,3 см. На доньшке прослеживаются следы крепления доньшка и тулова чаши маленькими деревянными гвоздиками. Доньшко имеет поддон высотой 0,7 см.

Вторая чаша цельновырезанная и по форме напоминает низкую миску (рис. 13). Размеры первой и второй чаш (третья не поддается измерению из-за сильной ветхости): высота — 5,2 и 3,3 см, толщина — 0,7 и 0,6 см, диаметры дна — 9,5 и 14,4 см.

Берестяные туеса также деформированы, их размеры: высота — 12,5 и 11,5 см, диаметры — 12,6 и 10,4 см, толщина стенок — 0,4 и 0,3 см соответственно (рис. 12.-4, 5). Детали прямоугольной коробки закреплены маленькими деревянными чопиками. Размеры коробки: высота — 6,4 см, длина — 32,5 см, ширина — 7,1 см (рис. 12.-7).

Костяк №5. Подросток 12 лет, длина костяка 140–150 см. Костяк расположен у южной стенки камеры по центру, между костяками №4 и №6. Костяк лежит на левом боку с подогнутыми ногами, руки вытянуты и положены между ног. Подросток ориентирован головой на восток, лицом смотрит на юг. Верхняя плечевая одежда, изготовленная из соболиных шкурок, имеет подклад изнутри, уплотненный в два слоя заячьим мехом. Нательное белье выполнено из конской кожи. Натазник, вероятно, также был изготовлен из соболиных шкурок.

У костяка обнаружены железная коррозированная прямоугольная пряжка со сломанным язычком (4,9×3,5 см, толщина — 0,6 см), а также биконьковая медная подвеска с налипшим мехом коричневого цвета (рис. 5.-17). Подвеска сломана на две части. Основание подвески имеет ножку в виде кольца. Длина подвески — 5,3 см, размеры биконьковой части (основания) — 2,1×4,1 см.

Рис. 13. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №4.

Деформированная деревянная чаша кытыя. Автор — P. Gérard

Fig. 13. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory of the skeleton №4. Deformed wooden bowl kytyya. Author — P. Gérard

Костяк №6. Ребенок 8 лет, длина костяка около 150 см. Костяк расположен в юго-восточном углу камеры, лежит на правом боку, ноги немного согнуты. Ребенок ориентирован головой на восток, лицом обращен к северу. В тазобедренной части найдено пять железных колец, три из которых коррозированы, являющихся вероятно, частью пояса или ноговиц (диаметр колец — от 1,5 до 2,7 см, толщина — 0,3 см) (рис. 5.-18). На левой ноге ребенка находится железный сильно коррозированный нож с деревянной расслаивающейся рукояткой (рис. 5.-19). Длина клинка — 10,6 см, длина рукоятки — 9,6 см. Имеются остатки торбазов, но их точный облик неясен.

Костяк №7. Младенец около 1 года, длина не поддается измерению. Костяк сильно раздавлен, расположен между костяками №1 и №2. Младенец ориентирован головой на запад, лицом обращен на север (?). Одежда не сохранилась. При младенце отмечены два неопределимых коррозированных шарика неясного назначения, диаметром 1,0 и 1,2 см соответственно.

Обсуждение и аналогии

В соответствии с отличительными признаками раннеякутских погребений XIV–XVII вв., разработанных в работе Р.И. Бравиной и В.М. Дьяконова (2015, с. 31), к ним относятся небольшая глубина могильной ямы (до 50 см), преимущественно западное направление ориентировки захоронения, наличие берестяной погребальной камеры, скорченное труположение (преимущественно на боку), керамическая посуда. Все это очевидно отмечается и в Октёмском захоронении. К началу XVIII в. эти признаки полностью исчезают: глубина ямы становится больше (от 70 до 120 см), ориентировка сменяется в основном на север, погребенные покоятся главным образом на спине в прямоугольном деревянном гробу из плах, посуда — в основном железная и медная (Константинов, 1971).

Что касается якутских коллективных¹⁸ захоронений XVII–XIX вв. (более ранние пока не обнаружены), то, как отмечалось нами ранее (Кириянов, 2017, с. 77–78), они составляют на сегодняшний день наименьший процент от общего количества исследованных погребений — всего шесть¹⁹ (с учетом исследуемого Октёмского) из более чем 400 ныне выявленных:

1. *Кытах Кюрюё* (XIX в.) — 4 чел. (Чурапчинский район РС(Я), 1965 г.) (Константинов, 1971);

2. *Охтобут (Шаманское дерево)* (XVIII в.) — 5 чел. (Чурапчинский район РС(Я), 2004 г.) (Мир древних якутов, 2012);

3. *Лепсей-II* (XIX в.) — 3 чел. (Верхоянский район РС(Я), 2011 г.) (Кириянов, 2015);

4. *Чапаево-I* (XVIII–XIX вв.?) — 3 чел. (Хангаласский район РС(Я), 2017 г.), не опубликовано. Материалы хранятся в МАЭ СВФУ (г. Якутск).

5. *Ус Тиит* (XVIII–XIX вв.?) — 4 чел. (Намский район РС(Я), 2024), не опубликовано. Материалы хранятся в Лаборатории археологии ИГИиПМНС СО РАН (г. Якутск), автор раскопок — В.В. Сыроватский.

Из вышеизложенного видно, что Октёмское захоронение является самым многочисленным из них и наиболее ранним. Погребения Лепсей-II (молодая женщина 25 лет с двумя новорожденными) и Чапаево-I (две женщины с младенцем) имеют позу стандартного труположения позднего периода — на спине с вытянутыми ногами и скрещенными руками и в качестве прямых аналогий с Октёмским захоронением быть использованы не могут. Данные по памятнику Ус Тиит в настоящее время отсутствуют. Поэтому наиболее близкими по характеру являются погребения Кытах Кюрюё и Охтобут, на которых стоит остановиться более подробно.

Одно из первых коллективных захоронений обнаружено И.В. Константиновым в местности *Кытах Кюрюё*, где находились четыре костяка: положенные рядом старые мужчина и женщина и уложенные валетом по отношению к ним молодой мужчина

¹⁸ Под коллективным захоронением в настоящей работе мы понимаем совместное расположение в одной могильной яме или гробу трех и более умерших лиц, что подразумевает в большей степени одноактность погребального процесса. Двойные (парные), ярусные и впускные в контексте данной работы к ним не относятся.

¹⁹ «Коллективное захоронение *Ойогос Тумула 2* (XIX в.) из трех человек, изученное МАФСО в 2008 г. в Нюрбинском районе РС(Я), не является якутским, а принадлежит представителю европеоидной народности (возможно, полякам) или их метисной группы» (Кириянов, 2017, с. 78).

с ребенком. Данная семья отнесена к зажиточным по наличию богатой одежды, а также латунной плоской гривны образца XIX в. (Константинов, 1971, с. 43–44).

Следующее коллективное захоронение зафиксировано экспедицией МАФСО также в Чурапчинском районе РС(Я) в местности *Охтобут* (другое название — *Шаманское дерево*). Погребение состояло из пяти человек — молодого мужчины, мальчика 5 лет, двух женщин — пожилой и молодой и ребенка (от 1 до 4 лет). Мужчина и мальчик лежали вместе рядом, валетом по отношению к ним (как и в случае Кытах Кюрюё) обе женщины. Ребенок находился за пределами гроба справа в общей могильной яме. Данная семья тоже отнесена к числу зажиточных по богатству одежды и сопроводительного материала, а также наличию перстней-печаток со стилизованной символикой. Тела мальчика и женщин были укрыты кожаным покрывалом, а дополнительно сверху — берестяным. Сопроводительный инвентарь состоял из трех седел (одно — вьючное), деревянной посуды, одежды, декорированного бусами коврика, берестяных сумок с бусами и костяным инструментом для изготовления древков стрел, а также остатков трапезной или поминальной пищи (Бравина, Попов, 2008, с. 270–271; Мир древних якутов, 2012, с. 102–105).

В отличие от них Октёмское захоронение представляет собой пример антитезной ориентировки костяков №1–3 и 7 (головами на запад) и №4–6 (головами на восток) ногами к друг другу, что вызвано, безусловно, большей длиной внутримогильного сооружения — 2,5 м, чем это наблюдается в Кытах Кюрюё и Охтобуте. Подобное труположение в якутских погребениях XVII–XIX вв. еще не отмечалась.

Любопытной деталью захоронения являются вырезанные на одной из досок, положенной с краю у северной стороны камеры, рисунки лошади со всадником и человека с бубном («шамана»), что также ранее не отмечалось в погребениях данного времени (рис. 14.-1). В одной из работ опубликованное изображение человека с бубном в результате, видимо, непреднамеренной ошибки отнесено к погребению XV века Улах V (Алексеев, Бравина, 2022, с. 119, рис. 6.-2).

Лошадь размером 6,8×13,5 см изображена туловищем и мордой в профиль и ориентирована в правую сторону, с глубокими вырезами под животом и тонкими черточками, изображающими гриву. На шее висит колокольчик, а ниже — чепрак, который является характерным для якутских лошадей. На лошади верхом сидит схематично изображенный всадник размером 4,3×5,5 см, у которого отчетливо выделяются голова, приталенное туловище и руки-палочки (рис. 14.-2-Б). Выше лошади вырезан человек с бубном («шаман») размером 9×14 см, который стоит левым боком и имеет подчеркнуто «хрупкое телосложение». Его локти и кисти оформлены многочисленными спадающими резными линиями (напоминающими свисающую бахрому), держащими круг с шестью перекрестиями («бубен»). Голова имеет острую треугольную форму, а нижняя часть туловища напоминает отдаленно не то фартук, не то юбку (рис. 14.-2А).

Имеют ли данные рисунки особенный «мистический» смысл или созданы абсолютно без подтекста — вопрос остается открытым. На наш взгляд, усматривать в каждом изображении «реминисценции» (отсылки) преждевременно. Это возможно будет обсуждать, когда примеров погребений с подобными рисунками накопится достаточное количество и будет ясно, что это не случайность. При этом можно сделать наблюдение-

ние, что расположение шамана в верхней части доски, а всадника на лошади — в нижней, соответствует традиционным якутским представлениям о жизни и смерти. Возможно, шаман был призван разделить «мир живых» и «мир мертвых», тем самым четко их разграничив. Всадник же на лошади может символизировать переход из одного мира в другой.

Рис. 14. Октёмское коллективное захоронение. Деталь доски, положенной сверху на берестяную погребальную камеру в ее северной части. Вырезанные с внутренней части доски рисунки лошади со всадником и человека с бубном — «шамана». Автор: 1 — P. Gérard, 2 — Г.М. Свинобоев
 Fig. 14. The Oktyomskoe collective burial. A detail of a board placed on top of a birch bark burial chamber in its northern part. Drawings of a horse with a rider and a man with a tambourine, the "shaman", carved from the inside of the board. Author: 1 — P. Gérard, 2 — G.M. Svinoboev

Безусловно, версия о некоей эпидемической причине смерти разновозрастных (и, возможно, разнополых) людей в Октёмском захоронении представляется наиболее убедительной. По данным С.А. Токарева, в середине и конце XVII в. в Якутии зарегистрировано три вспышки оспы: в 1652, 1659–1660 и 1691 гг. (Токарев, 1945, с. 403–404). По якутским преданиям, смерть по неестественным причинам относится к категории «дурной» смерти. Считалось, что это влияние вредоносной деятельности злых духов Нижнего мира *абаасы* (Бравина, 1996, с. 84). Страх или предосторожности перед умершими, проявляющиеся среди якутов, находят свое отражение во множестве погребальных ритуалов.

Характер сопроводительного инвентаря и одежды — витая гривна, наличие бисера и бусин, отпечаток диска *туосахта*, биконьковая подвеска, типология наконечников стрел, видовое разнообразие берестяной и деревянной посуды, шапки «с рожками», а также особенности труположения определенно указывают на XVII в. (Константинов, 1971; Гаврильева, 1998; Гоголев, 1990, 1993; Бравина, Попов, 2008; Носов, 2010; Мир древних якутов, 2012; Якуты..., 2012; Петрова, Заболоцкая, 2013; Бравина, Дьяконов, 2015; История Якутии, 2020), за исключением керамического сосуда. Возможно, захоронение относится к самому началу русского периода в истории Якутии (2-я четверть XVII в.) или чуть позже. В настоящее время предпочтительней является датировка серединой XVII в. Наличие керамического сосуда, который типологически отнесен нами к кулун-атахской культуре Центральной Якутии (XIV–XVI вв.)²⁰, принципиально этой датировке не противоречит, поскольку мог использоваться достаточно долгое время.

Все это в совокупности с другими сведениями позволяет достаточно уверенно отнести Октёмское коллективное захоронение ко времени традиционной якутской культуры XVII в.

Заключение

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что малочисленность якутских коллективных захоронений XVII–XIX вв. обусловлена главным образом внешними экстренными обстоятельствами, связанными, скорее всего, с болезнями эпидемического характера. В основной массе своей якутский погребальный ритуал носит индивидуалистический характер, что относится в том числе и к погребениям животных (лошадей) (Константинов, 1971; Серошевский, 1993; Бравина, 1996; Бравина, Попов, 2008; Мир древних якутов, 2012; Якуты..., 2012; Бравина, Дьяконов, 2015; История Якутии, 2020). Усматривать в этом исключительно ритуальный характер нам представляется пока необоснованным, хотя бы по той причине, что в известных нам исторических и этнографических источниках подобный церемониал совершения коллективного захоронения отсутствует. Все это говорит о том, что присутствие множества людей в одном гробу или могильной яме являлось скорее исключением из общего порядка, чем традицией.

²⁰ В «Истории Якутии» (2020, с. 210–223) первоначальные рамки кулун-атахской археологической культуры (XIV–XVI вв.) удревнены до периода X–XVI вв., что, по мнению одного из авторов (Н.С. Кирьянова), представляется необоснованным в связи с отсутствием ее верифицируемых памятников X–XIII вв. В настоящей работе используются подтвержденные хронологические границы данной культуры.

Октёмское коллективное захоронение XVII в. представляет собой уникальный памятник, где погребены в основном дети, имеющие, судя по составу одежды и сопроводительному инвентарю, некий привилегированный статус. Таких предметных свидетельств, касающихся места и положения детей и подростков в социальной среде традиционного якутского общества, пока немного. Наличие в захоронении классического керамического сосуда прежней (еще кулун-атахской) традиции наряду с бусами, бисером и металлическими изделиями, уже явно относящимися к Новому времени, подчеркивает преемственность и трансформацию погребальной практики в сложившихся для населения Центральной Якутии исторических условиях вхождения в состав Российского государства.

СЛОВАРЬ ЯКУТСКИХ ТЕРМИНОВ

Абаасы — злые духи из Нижнего Мира.

Батас — холодное колюще-рубящее боевое оружие типа «пальма» в виде большого ножа, насаженного на длинную деревянную рукоятку.

Батыя (батыйа) — холодное колюще-рубящее охотничье орудие, аналогичное батасу, отличающееся от него сравнительно малыми размерами.

Кылдьы (кылджы) — шейное украшение, преимущественно женское, в виде широкого металлического обруча, гривна.

Кытыйа (кытия) — деревянная долбленая чаша большой или средней величины.

Матарчах (матаарчах) — деревянный сосуд усеченной формы средней величины для хранения молочных продуктов.

Ноговицы — аналог голенищ от щиколоток до бедер из выделанной кожи, имели форму сужающихся книзу раструбов.

Торбаза (торбаса) — верхняя кожаная обувь на мягкой подошве.

Томар (тамар) — тупой охотничий наконечник стрелы цилиндрической формы из кости или дерева.

Туес — короб из бересты цилиндрической формы с крышкой или без нее.

Туосахта (туохта) — плоский металлический диск, иногда орнаментированный, нашиваемый на теменную часть головного убора, выполнял функцию оберега.

Ураса — летнее жилище якутов в виде высокого шалаша конической или шатровой формы из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых оленьими шкурами, прошитыми кусками бересты, древесной корой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Хунно-сяньбийский пласт в культуре якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 115–121.

Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). Якутск : Изд-во Якутского университета, 1996. 232 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. №3. С. 27–32.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 296 с.

Бравина Р.И., Соловьева Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В. Береста в погребальном обряде якутов: по материалам погребения Учугей Юрях (XV–XVII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №3. С. 95–106.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 224 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. Новосибирск : Наука, 1998. 168 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.

Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.

Иванов А.А. Керамика как элемент погребального обряда якутов: к постановке проблемы // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук — археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. С. 156–158.

История Якутии: в 3 т. Т. I / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. Новосибирск : Наука, 2020. 536 с.

Кириянов Н.С. Памятник Лепсей II в Верхоянском районе РС(Я) и фольклорные материалы И.А. Худякова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015, №3. С. 32–38.

Кириянов Н.С. Парные захоронения у якутов XVIII–XIX вв.: по материалам памятников Ыларылаах и Тысагастаах в Верхоянском районе Якутии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 77–99.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск : Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск : Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев Е.Н. Отчет об археологических раскопках на поселении Улах в 2019 г. Якутск, 2020 // Архив ИА РАН. 88 с.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XX вв. : альбом. Якутск : Студия «ТТЛ»: ЯНЦ СО РАН, 2010. 96 с.

Петрова С.И., Заболоцкая З.М. Народная одежда якутов. Новосибирск : Наука, 2013. 460 с.

Попов В.В. *Саха-француз археологической-этнографической экспедициятын үлэтин түмүктэрэ (2004–2017 сс.)* [Результаты работ Саха-французской археолого-этнографической экспедиции (2004–2017 гг.)]. Якутск : Кемюел, 2018. 120 с.

Саввинов А.И. Традиционные металлические изделия якутов: XIX — начало XX века (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск : Наука, 2001. 172 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М. : РОССПЭН, 1993. 714 с.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск : Якутское государственное издательство, 1945. 426 с.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. М. : Наука, 2012. 599 с.

Duchesne S., Bravina R., Popov V., Kolodeznikov S., Gérard P., Mygland V., Hochstrasser-Petit Ch., Romanova L., Petit M., Kiryanov N., Alexeev A., Alexeeva L., Riberon A., Crubézy E. Frozen Graves of Yakutia, a Chronological Sequence // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №4. С. 120–130.

Rapport présenté par Eric Crubézy avec la collaboration de S. Duchesne et P. Gérard / Laboratoire AMIS-UMR 5288 — CNRS Université Paul Sabatier (Toulouse III), 2016. 160 p.

REFERENCES

Alekseev A.N., Bravina R.I. The Hunno-Xianbian Stratum in the Culture of the Yakuts. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2022;1:115–121. (In Russ.)

Bravina R.I. Funeral Rite of the Yakuts (the 17th–19th centuries). Yakutsk : Izd-vo Yakutskogo universiteta, 1996. 232 p. (In Russ.)

Bravina R.I., Dyakonov V.M. Early Yakut Medieval Burials of the 14th–17th Centuries: a Set of Distinctive Features. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik = Northeastern Humanitarian Bulletin*. 2015;3:27–32. (In Russ.)

Bravina R.I., Popov V.V. Funeral and Memorial Rites of the Yakuts: Sites and Traditions (the 15th–19th centuries). Novosibirsk : Nauka, 2008. 296 p. (In Russ.)

Bravina R.I., Solovyova E.N., Petrov D.M., Syrovatsky V.V. Birch Bark in the Funeral Rite of the Yakuts: Based on the Materials of the Burial of Uchugei Yuryakh (the 15th–17th centuries). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021;3:95–106. (In Russ.)

Vasiliev F.F. Military Affairs of the Yakuts. Yakutsk : Bichik, 1995. 224 p. (In Russ.)

Gavrileva R.S. The Clothes of the Sakha People of the Late 17th — mid 18th Century. Novosibirsk : Nauka, 1998. 168 p. (In Russ.)

Gogolev A.I. Archaeological Sites of Yakutia of the late Middle Ages (the 14th–18th Centuries). Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1990. 192 p. (In Russ.)

Gogolev A.I. Yakuts: (Problems of ethnogenesis and culture formation). Yakutsk : Izd-vo YAGU, 1993. 200 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. Ceramics as an Element of the Yakut Funeral Rite: towards a Problem Statement. In: Materials of the LXIII Russian (with international participation) Archaeological-Ethnographic Conference of Students and Young Scientists “300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences — Archaeology and Ethnography of Siberia: Traditions, Schools and Discoveries”. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. Pp. 156–158. (In Russ.)

The History of Yakutia: in 3 volumes. Vol. I / Under the general editorship of A.N. Alekseev; edited by R.I. Bravin, E.N. Romanov. Novosibirsk : Nauka, 2020. 536 p. (In Russ.)

Kiryanov N.S. Monument to Lepsey II in the Verkhoyansky District of the RS(Ya) and Folklore Materials by I.A. Khudyakov. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2015;3:32–38. (In Russ.)

Kiryanov N.S. Paired Burials among the Yakuts of the 18th–19th centuries: based on the Materials of the Sites of Yarylakh and Tysagastakh in the Verkhoyansky District of Yakutia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Proceedings of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. 2017;20:77–99. (In Russ.)

Konstantinov I.V. Material Culture of the Yakuts of the 18th century (based on the materials of burials). Yakutsk : Jakutknigoizdat, 1971. 212 p. (In Russ.)

The World of the Ancient Yakuts: the Experience of Interdisciplinary Research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition). Yakutsk : Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks SVFU, 2012. 226 p. (In Russ.)

Nikolaev E.N. On Archaeological Excavations at the Settlement of Ulakh in 2019. Yakutsk, 2020. In: Archive of IA RAS. 88 p. (In Russ.)

Nosov M.M. Clothing and Jewelry of the Yakuts of the 17th–20th Centuries. Album. Yakutsk : Studiya «TTL»: YANC SO RAN, 2010. 96 p. (In Russ.)

Petrova S.I., Zabolotskaya Z.M. Folk Clothing of the Yakuts. Novosibirsk : Nauka, 2013. 460 p. (In Russ.)

Popov V.V. Results of the Work of the Sakha-French Archaeological and Ethnographic Expedition (2004–2017). Yakutsk : Kemyuel, 2018. 120 p. (In Yakut)

Savvinov A.I. Traditional Metal Products of the Yakuts: the 19th — Early 20th Century (Historical and ethnographic research). Novosibirsk : Nauka, 2001. 172 p. (In Russ.)

Seroshevsky V.L. Yakuts. The Experience of Ethnographic Research. Moscow : ROSSPEN, 1993. 714 p. (In Russ.)

Tokarev S.A. The Social System of the Yakuts of the 17th–18th Centuries. Yakutsk : Yakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1945. 426 p. (In Russ.)

Yakuts (Sakha) / edited By N.A. Alekseev, E.N. Romanova, Z.P. Sokolova. Moscow : Nauka, 2012. 599 p.

Duchesne S., Bravina R., Popov V., Kolodeznikov S., Gérard P., Mygłan V., Hochstrasser-Petit Ch., Romanova L., Petit M., Kiryanov N., Alexeev A., Alexeeva L., Riberon A., Crubézy E. Frozen Graves of Yakutia, a chronological Sequence. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2020;4:120–130.

Rapport présenté par Eric Crubézy avec la collaboration de S. Duchesne et P. Gérard / Laboratoire AMIS-UMR 5288 — CNRS Université Paul Sabatier (Toulouse III), 2016. 160 p. (In French)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Иванов А.А.: музейная и камеральная обработка материалов памятника, подготовка и составление описательной части основных характеристик захоронения, фотографирование, подбор этнографических примеров, подготовка и написание разделов «Результаты» и «Обсуждение и аналогии».

A.A. Ivanov: museum and desk processing of the site materials, preparation and compilation of the descriptive part of the main characteristics of the burial, photographing, selection of ethnographic examples, preparation and writing of the sections «Results» and «Discussion and analogies».

Кириянов Н.С.: полевые археологические работы, описание памятника и его материалов, фотографирование, подбор аналогий, общее руководство работой, подготовка и написание разделов «Введение», «Результаты», «Обсуждение и аналогии», «Заключение».

N.S. Kiryanov: field archaeological work, description of the site and its materials, photographing, selection of analogies, general guidance of the work, preparation and writing of sections «Introduction», «Results», «Discussion and analogies», «Conclusion».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Иванов Артем Анатольевич, аспирант Алтайского государственного университета; младший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия), Якутия, Россия.

Artem A. Ivanov, postgraduate student of Altai State University, Junior Researcher at the Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutia, Russia.

Кириянов Николай Сергеевич, кандидат исторических наук, директор ООО «Якут-археология», Якутия, Россия.

Nikolay S. Kiryanov, Candidate of Historical Sciences, Director of Yakutarchaeology Ltd., Yakutia, Russia.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 01.04.2025.
The article was submitted 26.12.2024;
approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 01.04.2025.*

Дискуссионная статья / Discussion Article

УДК 902.6

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-04)

EDN: PATDUX

О ТАРХАТЕ НА АЛТАЕ И ТЕРМИНАХ «МЕГАЛИТ», «МЕГАЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС», «ДРОПСТОУН»

Леонид Сергеевич Марсадоллов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия;
marsadolov@hermitage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>

Резюме. В данной дискуссионной статье кратко рассмотрена история изучения археологических памятников в Тархате и около поселка Ташанта, а также разные названия одного памятника («Чуйский тракт», «Ташанта-1», «Жылкы-тас»), предложенные тремя археологами. Первым из археологов сооружение в Тархате осмотрел и сфотографировал С.С. Сорокин в 1964 г. во время работы эрмитажной экспедиции на Алтае. Г.В. Кубарев в своей статье предложил новый для археологов английский термин «дропстоун», который в основном используется в гляциологии и геологии. В переводе с английского языка этот термин состоит из двух слов: *drop* — капля, капать, падение и *stone* — камень. Л.С. Марсадоллов предлагает археологам использовать универсальный международный термин «мегалит» (в переводе с греческого — «огромный камень»), которым пользуются не только археологи, но и другие специалисты во многих странах мира. Если Г.В. Кубарев считает петроглифы из Тархаты «невывразительными» и «незаконченными», то Л.С. Марсадоллов, наоборот, считает эти петроглифы важными и интересными, а на двух композициях в Тархате, вероятно, изображены созвездия Орион и Телец/Бык.

Ключевые слова: Алтай, Тархата, Ташанта, мегалит, дропстоун, петроглиф, датировка, астрономия, созвездие Орион

Для цитирования: Марсадоллов Л.С. О Тархате на Алтае и терминах «мегалит», «мегалитический комплекс», «дропстоун» // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 72–87. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-04)

ABOUT TARCHATA IN ALTAI AND THE TERMS «MEGALITH», «MEGALITHIC COMPLEX», «DROPSTONE»

Leonid S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia;
marsadolov@hermitage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>

Abstract. This discussion article briefly reviews the history of the study of archaeological sites in Tarkhat and near the village of Tashanta, as well as different names for one site («Chuiskey Tract», «Tashanta-1», «Zhylyky-tas») proposed by three archaeologists. The first archaeologist to examine and photograph the structure in Tarkhat in 1964 during his work in the Hermitage expedition in Altai was S.S. Sorokin. G.V. Kubarev in his article proposed a new English term for archaeologists «dropstone», which is mainly used in glaciology and geology. Translated from English, this term consists of two words: «drop» and «stone». L.S. Marsadolov suggests that archaeologists use the universal international term «megalith» (translated from Greek - «huge stone»), which is used not only by archaeologists, but also by other specialists in many countries of the world. If G.V. Kubarev considers the petroglyphs from

Tarkhata to be “inexpressive” and “unfinished,” while L.S. Marsadolov, on the contrary, considers these petroglyphs to be important and interesting, and two compositions in Tarkhata probably depict the constellations Orion and Taurus/Bull.

Keywords: Altai, Tarkhata, Tashanta, megalith, dropstone, petroglyph, dating, astronomy, Orion constellation

For citation: Marsadolov L.S. About Tarhata in Altai and the Terms «Megaliths», «Megalithic Complex», «Dropstone». *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):72–87. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-04)

*«Астрономия полезна потому,
что она возвышает нас над нами самими;
она полезна потому, что она величественна;
она полезна потому, что она прекрасна.*

*Именно она являет нам,
как ничтожен человек телом и как он велик духом».*

(Анри Пуанкаре, физик)

Введение

Целью данной статьи является рассмотрение ряда дискуссионных научных проблем:

- 1) кто первым открыл мегалиты в Тархате и около Ташанты?
- 2) в чем различие и сходство ряда теоретических терминов — «мегалит», «мегалитический комплекс», «дропстоун», «моренные гряды» и «глыбы ледникового происхождения»?
- 3) являются ли «чистыми дропстоунами» крупные ледниковые глыбы, если в древности на них были нанесены петроглифы, или огромные валуны были перемещены племенами на другое место?
- 4) достаточно ли только археологических знаний и методов для обсуждения и критики междисциплинарных палеоастрономических аспектов?
- 5) как можно решить хронологические и семантические проблемы археологических объектов в Тархате?

Эти и другие дискуссионные проблемы будут ниже рассмотрены в данной статье.

Кто из археологов открыл Тархату?

Кратко рассмотрим историю археологических исследований Тархатинского мегалитического комплекса (далее — ТМК).

В 1964 г. во время работы Южно-Алтайской археологической экспедиции (ЮАЭ) Государственного Эрмитажа С.С. Сорокин впервые осмотрел и сфотографировал объекты в Тархате (рис. 1.-1). На обороте фотографии он написал: «ЮАЭ — 64. Камни (или сооружение?) у выхода р. Тархаты в степь». В его статье 1969 г. отмечено, что там среди других объектов «встречаются также квадратные выкладки и стелы, заключенные в круг из камней» (Сорокин, 1969, с. 71; Кубарев, 1980, с. 76).

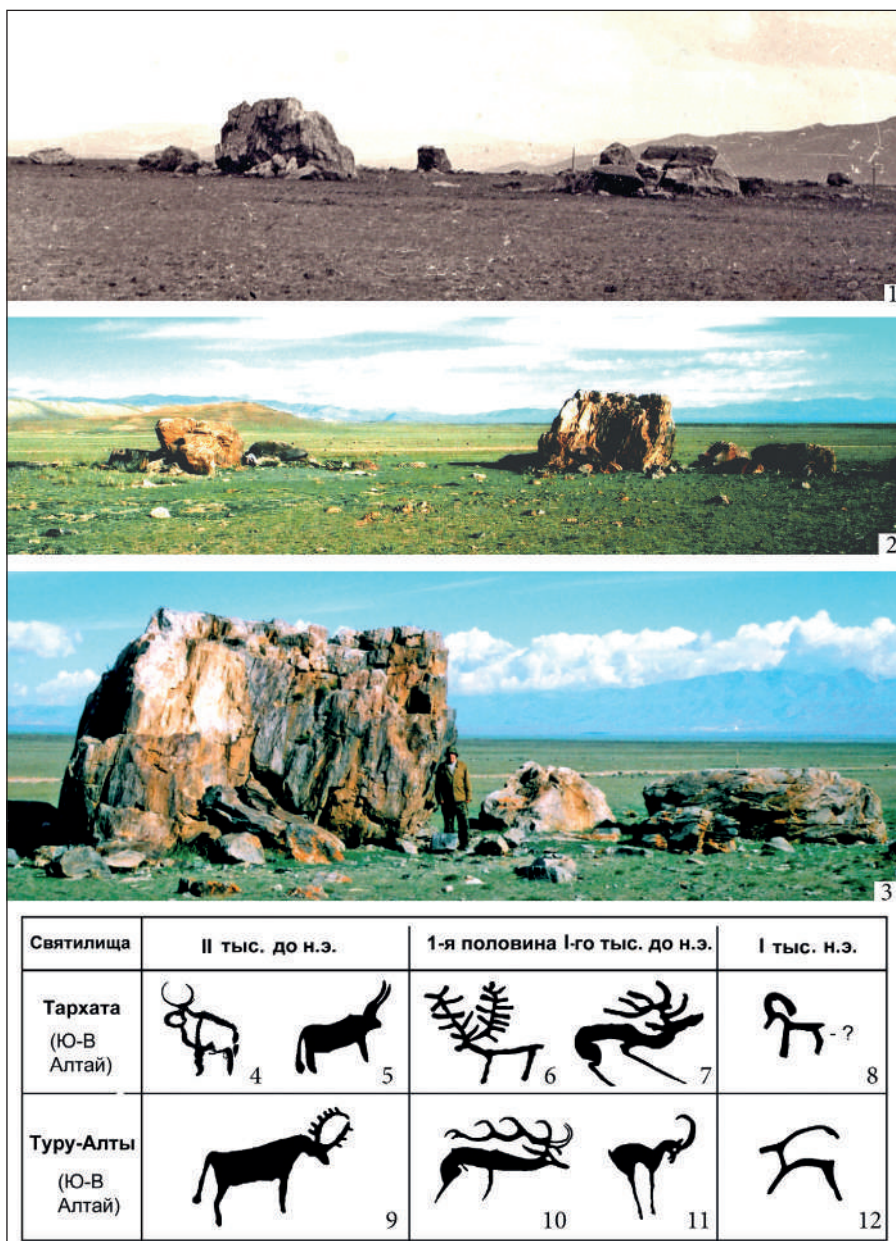

Рис. 1. Юго-Восточный Алтай, Тархата: 1–3 — общий вид огромных камней-мegalитов; 4–12 — синхронизация древних святилищ в Тархате и Туру-Алты на Алтае по петроглифам различных исторических периодов. По материалам экспедиций С.С. Сорокина, 1964 г. (1) и Л.С. Марсадолова (2–12)

Fig. 1. Southeast Altai, Tarhata: 1–3 — general view of huge megalith stones; 4–12 — synchronization of ancient shrines in Tarhat and Turu-Alty in Altai by petroglyphs of various historical periods. Based on the materials of expeditions of Sorokin, 1964 (1) and L.S. Marsadolov (2–12)

В 1970-е гг. при обследовании памятников Кош-Агачского района В.Д. Кубарев отметил: «Для Чуйской степи вообще характерны древние рисунки на редких огромных глыбах» (Кубарев, 1980, с. 73). Рисунки на камнях из Тархаты не были опубликованы и остается неясным вопрос — были ли это глыбы из ТМК. Позднее Е.П. Маточкин (2010, с. 34), коллега В.Д. Кубарева, считал, что «впервые наличие древних рисунков на гигантских камнях в Чуйской степи по дороге из Кош-Агача в урочище Чембаши (Тархаты) зафиксировал В.Д. Кубарев» (1980, с. 73), а экспедиция В.И. Соенова привлекла «внимание исследователей к этому замечательному памятнику древности».

В 1994, 1996–1997 гг. объекты в Тархате изучала экспедиция Горно-Алтайского гос. университета (Соенов и др., 2000). В ходе этих исследований была выполнена съемка плана памятника, скопированы рисунки на камнях, произведены геофизические и геологические работы.

В 2003 г. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа произвела на комплексе объектов в Тархате *первые палеоастрономические исследования*, а также уточнила планы объектов и скопировала новые петроглифы (Марсадалов, 2004, 2005, 2007в).

В 2009–2012 гг. на ТМК работали экспедиции Е.П. Маточкина (2010) и Е.П. Маточкина совместно с Е.Г. Гиенко (2014), в основном изучавшие петроглифы и астрономические аспекты этого памятника.

Ныне в «Википедии» отмечено, что ТМК «был открыт и обследован в 1994 г. экспедицией ... под руководством В.И. Соенова».

А как же экспедиция С.С. Сорокина 1964 г. (рис. 1.-1)? Если это необходимо, то приоритет открытия ТМК может быть определен специальной археологической комиссией.

Отличаются ли термины «мегалит» и «дропстоун»?

«Мегалит» — термин, образованный от греческих слов *megas* — огромный и *lithos* — камень, обозначает «огромный/крупный камень». «Мегалит/ы» — универсальный междисциплинарный международный термин, который используют в своих исследованиях не только археологи, но и культурологи, искусствоведы, географы и другие специалисты во многих странах мира.

Археологические памятники, в которые входят мегалиты и другие объекты, вполне справедливо называют «мегалитическими комплексами», тем более если на мегалитах и на менее крупных камнях нанесены петроглифы — древние изображения, созданные человеком. Вероятно, многие археологи, используя термины «мегалит/ы» и «мегалитический комплекс», имеют свои точки зрения по этому вопросу.

В своей статье Г.В. Кубарев пытается заменить термин «мегалит» на услышанный им от геологов термин «дропстоун». «Дропстоун» — в переводе с английского языка состоит из двух слов: *drop* — капля, капать, падение, снижение и *stone* — камень, а в геологическом словаре иногда кратко обозначает — «капать». Дропстоун (дропстон) — это слабо окатанный обломок горной породы, часто крупных размеров, в несколько метров по длинным осям, а также более мелкие обломки, до гальки и гравия, выпавшие из тающего плавающего льда (айсберга) в тонкослоистые осадки дна океана, моря или озера.

В.Д. Кубарев (1980, с. 73–76) неоднократно работал с геологами в Чуйской степи, поэтому он в своих работах использовал два термина — «глыбы ледникового происхожде-

ния» или «моренные гряды». Термин «морена», восходящий к французскому языку — *Moraine* или немецкому *Moräne*, не имеет ассоциативного перевода на русский язык. В учебниках по геологии и географии он обозначает: «перенесенный и отложенный ледником материал образует осадок под названием морены» (валуны, галька, гравий, песок, суглинки и др.). Но Г.В. Кубарев не принял прежний термин «морена», использованный его отцом, он заменил его более модным ныне английским термином «дропстоун», который обозначает *естественный способ перемещения ледником разных по размерам камней*.

Автор этой статьи ранее в своих работах ни разу не использовал геологические термины «дропстоун» и «моренные гряды». Следует отметить, что В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев и Л.С. Марсадалов не являются специалистами в геологии и гляциологии. Поэтому о различии и сходстве ряда теоретических геологических терминов — «дропстоун», «моренные гряды» и «глыбы ледникового происхождения» более научно и компетентно могут археологам разъяснить только профессиональные специалисты — геологи и гляциологи.

Не консультации Г.В. Кубарева с геологом А.Р. Агатовой в 2023 г., а еще в 1990-е годы геофизик А.В. Шитов, работавший в составе экспедиции Горно-Алтайского госуниверситета под руководством В.И. Соенова, помог определить, что наиболее крупные камни в Тархате были принесены ледником (Соенов и др., 2000, с. 14). Поэтому уже с начала 2000-х гг. мало кто сомневается, что часть крупных камней в Тархате была перемещена ранее ледником или ледниковыми образованиями.

По своим размерам и объему все крупные камни, изученные Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, начиная с 1980-х гг. на мегалитических комплексах Евразии с использованием статистических методов могут быть подразделены на пять типов:

1) *исполины (колоссы)* — самые уникальные, самые крупные подработанные человеком отдельные плиты, стелы, валуны, камни объемом более 30 м³ и весом более 100 тонн; 2) *гиганты* — к этому типу отнесены камни объемом от 15 до 28 м³; 3) *большие* — с объемами от 10 до 14 м³; 4) *средние* — от 6 до 9 м³ и 5) *малые* — с объемами от 1 до 5 м³ (Марсадалов, 2007в, 2010, 2018). В различных археологических памятниках и комплексах соотношение разных типов мегалитов значительно отличается. На большинстве сакаральных комплексов преобладают малые и средние мегалиты, а более крупные мегалиты известны в основном на элитных памятниках и часто имеют свое «имя», например «Гром-камень» и др.

Широкое применение необработанного «природного» и искусственно обработанного камня в разных по времени и территории древних культурах мира было обусловлено как доступностью этого материала во многих районах, так и его долговечностью при создании объектов на последующие тысячелетия, для «Вечности».

Весьма дискуссионным является вопрос: *если в древности люди нанесли петроглифы или переместили огромный валун, принесенный ледником, — является этот камень чистым «дропстоуном» или «мегалитом»?*

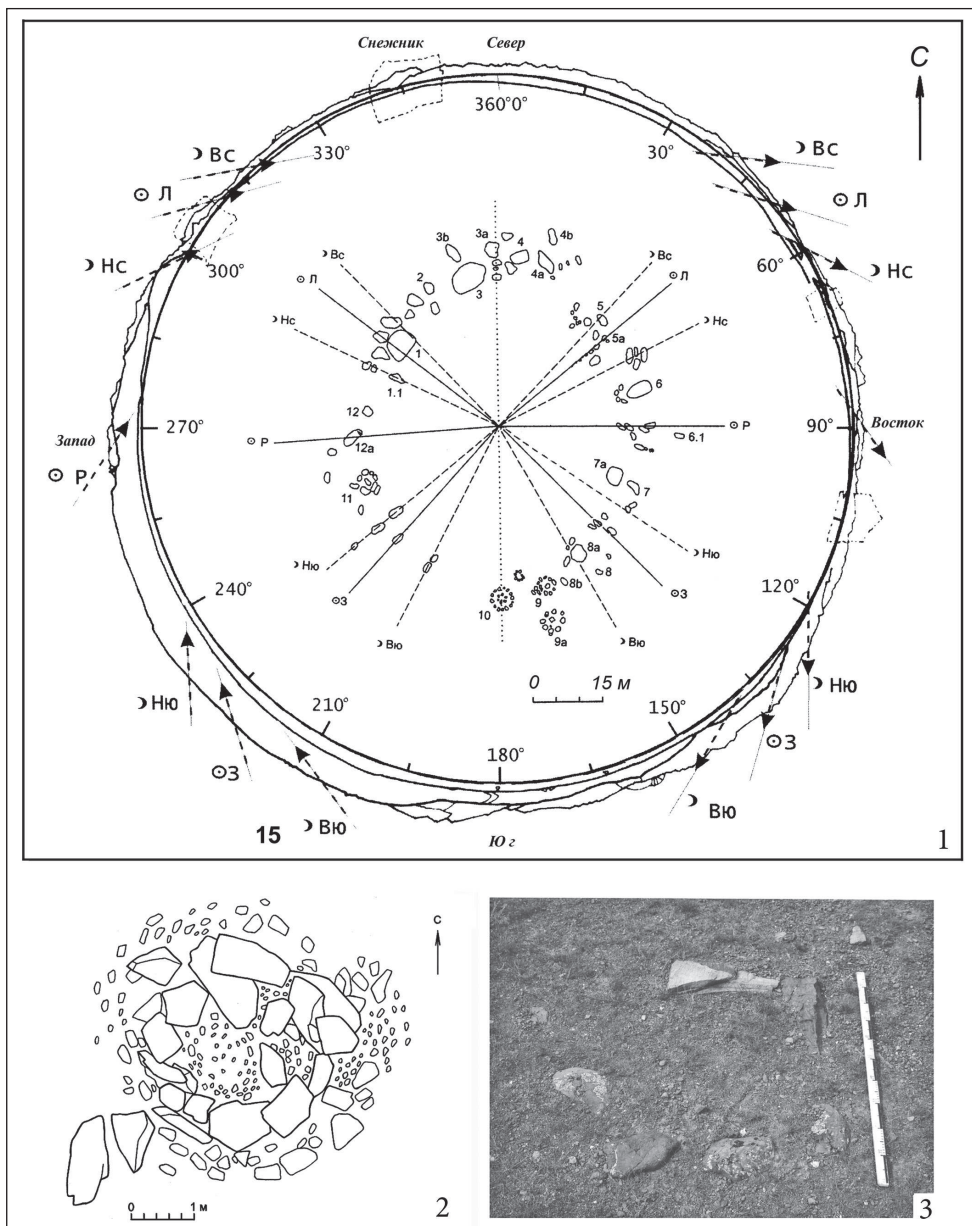

Рис. 2. Тархата: 1 — план комплекса объектов и окружающей ландшафтной панорамы, с наложенными значимыми астрономическими направлениями из центра памятника; 2–3 — древние выкладки из камней в южной части комплекса. По материалам экспедиций и публикации Л.С. Марсадолова (2007в)

Fig. 2. Tarhata: 1 — plan of the complex of objects and the surrounding landscape panorama, with superimposed significant astronomical directions from the center of the monument; 2–3 — ancient pavement of stones in the southern part of the complex. Based on the materials of expeditions and publication of L.S. Marsadolov (2007)

Рис. 3. Тархата: 1–2 — крупные камни-мегалиты; 3 — петроглифы на одном из камней.

По материалам экспедиции Л.С. Марсадолова (1–3)

Fig. 3. Tarhata: 1–2 — large megalith stones; 3 — petroglyphs on one of the stones. Based on the materials of expedition of L.S. Marsadolov (1–3)

Являются ли чистыми «дропстоунами» комплексы археологических объектов в Тархате и Ташанте-1? Нет, не являются, потому что это мегалитические комплексы из разных по происхождению и размерам камней с нанесенными в древности петроглифами. На планах В.И. Соенова и Л.С. Марсадолова (рис. 2.-1), а также на снимках самого Г.В. Кубарева (2023, с. 670, рис. 1), хорошо видно, что конструкция комплекса в Тархате была достроена в древности. Кроме крупных камней-мегалитов в северной части, чтобы придать сооружению округлую форму, ее дополнили в южной части более мелкими камнями, округлыми и подквадратными выкладками (рис. 2.-2–3). Маловероятно, что такую сложную округлую конструкцию в Тархате могли создать только одни «чистые дропстоуны».

Могли ли древние племена перемещать с одного места на другое относительно большие мегалиты/дропстоуны? По мере необходимости, вероятно, могли, особенно в холодный период года, как это делали северные народы до недавнего времени. Например, можно неоднократно подкладывать небольшие камни под углы или полости под мегалитом, а по мере расширения льда заменять более крупными камнями ... и затем по промерзлой земле передвигать мегалиты, как это было с огромным «Гром-камнем» для памятника Петру I около Санкт-Петербурга.

Какие крупные мегалиты в Тархате могли переместить, а какие нет — это можно будет выяснить в будущем, в процессе хорошо продуманных научных исследований и экспериментов. Стоит помнить, что необдуманные скоропалительные раскопки вокруг больших камней могут разрушить сакральный мегалитический комплекс в Тархате и принести больше вреда, чем пользы, для будущих исследователей.

Присутствует ли палеоастрономия в Тархате?

Г.В. Кубарев (2023, с. 674), критикуя астроисследования, написал: «По его (имеется в виду Л.С. Марсадолов. — Авт.) образному выражению, ТМК является алтайским «Стоунхенджем», который был построен в конце III — начале II тыс. до н.э. (Марсадолов, 2005, с. 96). Исследователь отнес тархатинский комплекс к т.н. племенному культуровому центру, у которого есть „пяточный“ камень, „ворота“ из вертикально установленных камней (Марсадолов, 2004, с. 56–57)»... «Однако признание Тархатинского комплекса скоплением дропстоунов ставит под сомнение вывод о нем как некоей астрономической обсерватории, хотя бы потому, что расположение камней в скоплении не является делом рук человека. Это, в свою очередь, ставит под сомнение и соответствующую интерпретацию петроглифов, которые в мифологизированной форме якобы отражают наблюдаемые астрономические явления (Маточкин, Гиенко, 2014, с. 97–100, рис. 6, 7)».

Но здесь «логика» двух нанизанных друг на друга «сомнений» Г.В. Кубарева явно не соответствует научным фактам из Тархаты, и при этом он еще «забывает», что вторгается в почти незнакомые ему научные области — астрономию и астроархеологию.

Как считают многие исследователи, если ученый хочет получить достоверные результаты в других научных областях, то надо менять свои привычные научные методы, в данном случае — сменить археологические подходы на астрономические. Иногда некомпетентность в сложных смежных проблемных научных областях, далеких от интересов ряда ученых, приводит к несправедливым научным обвинениям.

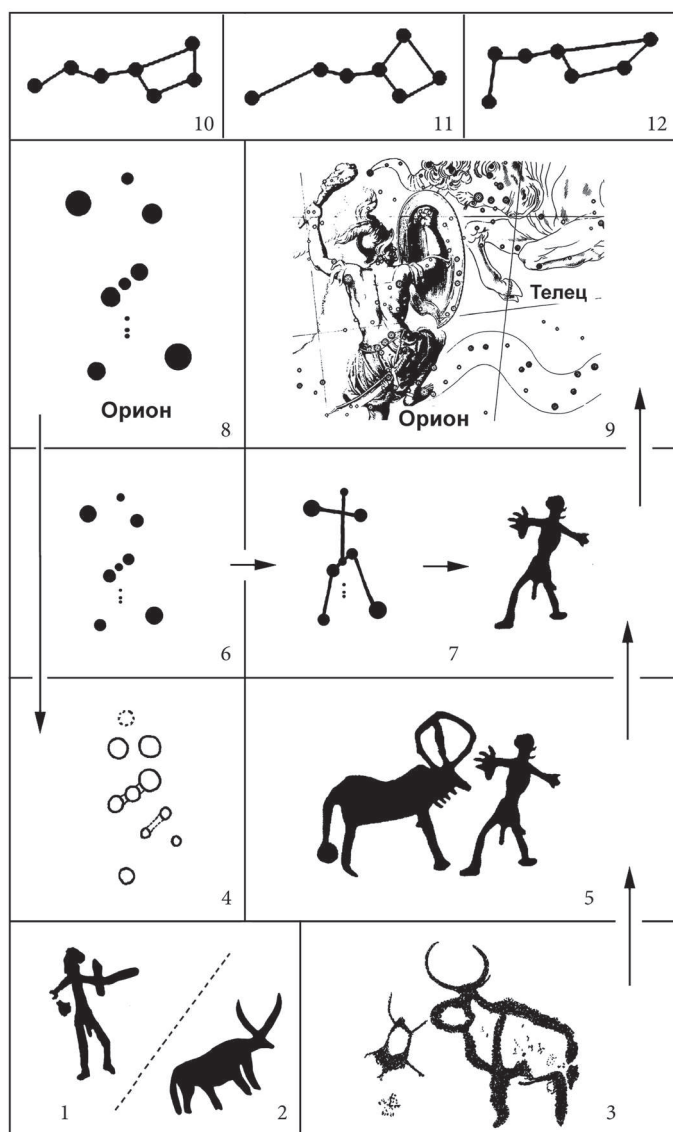

Рис. 4. Изображения созвездий Орион и Телец в различные исторические периоды: 1–2, 4 — наскальные рисунки из святилища Бийке, Алтай, эпоха бронзы; 3, 5, 7 — петроглифы на камнях из святилища в Тархате, Алтай, эпоха бронзы; 6, 8 — рисунки созвездия Орион на современных астрономических картах; 7 — возможная реконструкция перехода точек-звезд в антропоморфный образ-знак созвездия Орион (см. №5); 9 — рисунок созвездий Орион и Телец на средневековой астрономической карте из Западной Европы; 10–12 — изменение во времени и пространстве конфигурации созвездия Большой Медведицы (10 — современность; 11 — 100 000 лет назад; 12 — через 100 000 лет вперед). Составлено по материалам из работ: 1–2, 4–9 — Л.С. Марсадолова (2021); 3 — Е.П. Маточкина (2010); 10–12 — из учебников по астрономии

Fig. 4. Images of the constellations Orion and Taurus in various historical periods:

1–2, 4 — cave paintings from the Biike sanctuary, Altai, Bronze Age; 3, 5, 7 — petroglyphs on stones from the sanctuary in Tarhat, Altai, Bronze Age; 6, 8 — drawings of the Orion constellation on modern astronomical maps; 7 — possible reconstruction of the transition of point-stars into an anthropomorphic image-sign of the Orion constellation (see No. 5); 9 — drawing of the Orion and Taurus constellations on a medieval astronomical map from Western Europe; 10–12 — change in time and space of the configuration of the Ursa Major constellation (10 — modernity; 11 — 100,000 years ago; 12 — after 100,000 years ahead).
Compiled from materials from works: 1–2, 4–9 — L.S. Marsadolov (2021); 3 — E.P. Matochkin (2010); 10–12 — from astronomy textbooks

Многие астрономы и ученые на примерах Стоунхенджа в Англии, больших пирамид в Египте и Южной Америке, на многих других мегалитических объектах в разных регионах мира доказали, что не на всех археологических памятниках, но на ряде сакральных объектов в древности были заложены астрономические знания.

Следует отметить, что в Тархате работал астроном из Пулковской обсерватории В.Л. Горшков (Горшков и др., 2007), который производил не только полевые, но и камеральные палеоастроизмерения, а автор занимается проблемами астроархеологии с 1987 г., работал на 20 астрообъектах в разных регионах (Марсадолов, 2001, 2007в, 2018).

Л.С. Марсадолов нигде не пишет об «астрономической обсерватории» в Тархате, как это утверждает Г.В. Кубарев. Обсерватория — это слишком громко и не совсем точно для объектов эпохи бронзы на Алтае. Такие объекты, связанные с астрономическими наблюдениями в древности, Л.С. Марсадолов называет «пунктами для астронаблюдений» или «предшественниками астрономических обсерваторий».

Именно из древних астронаблюдений позднее в Центральной Азии сформировался культ Тенгри / Голубого Неба, что можно проследить на таких важных археологических объектах II–I тыс. до н.э., как Тархата на Юго-Восточном Алтае, грот Ак-Баур на Западном Алтае, святилище Семисарт на Центральном Алтае, курганы-храмы Аржан-1 в Туве, Большой Салбыкский курган в Хакасии и др. (Марсадолов, 2001, 2005, 2007в, 2010, 2018, 2021).

В работах Л.С. Марсадолова (2004, 2007б) рассматривается «пяточный» камень как древнее изваяние, возможный предшественник «оленных камней», которыми так много занимался отец Г.В. Кубарева, а также как объект для наблюдений за полуденным солнцем, луной и созвездиями.

Астрономический аспект и датировка тархатинских петроглифов

По мнению Г.В. Кубарева (2023, с. 674), петроглифы из Тархаты ставят «под сомнение», что они «в мифологизированной форме якобы отражают наблюдаемые астрономические явления. Да и сами интерпретируемые петроглифы невыразительны и производят впечатление незаконченных изображений».

К сожалению, объем этой статьи не позволяет подробно рассмотреть тархатинские петроглифы и их интерпретацию, так как они были неоднократно опубликованы. Каждый археолог сам может убедиться по опубликованным материалам В.И. Соенова (2000), Л.С. Марсадолова (2007в) и Е.П. Маточкина (2010), можно ли считать тархатинские петроглифы «невыразительными» и «незаконченными» (рис. 1; 3–4). Л.С. Марсадолов считает петроглифы из Тархаты важными и интересными, они не хуже многих

других наскальных рисунков, изученных В.Д. и Г.В. Кубаревыми, а также другими археологами на Алтае.

Особо стоит отметить, что минимум на двух композициях в Тархате, вероятно, изображены созвездия Орион и Телец в виде антропоморфной фигуры, противостоящей быку (рис. 4) (Марсадолов, 2007в, 2021), как и на петроглифах святилища Бийке (Тишкин, Горбунов, 2005; Марсадолов, 2007в). В разные исторические периоды созвездия Орион и Телец изображали по-разному. Есть изображение созвездий в виде точек-лунок, есть зоо- и антропоморфные рисунки, схематичные и реалистичные. Как на древних, так и на современных картах звездного неба и отдельных созвездий количество звезд и их взаимное расположение часто не совпадает с реальными звездами на небе, но отдельные созвездия и их изобразительные образы все же близки между собой. Размеры точек на древних рисунках не являются доказательством правильности или неточности определения созвездия, так как звезды медленно, но передвигаются в пространстве, поэтому на протяжении тысяч лет форма созвездий изменялась, а иногда отдельные звезды могут ярко вспыхивать или затухать. Например, астрономы рассчитали, как могли выглядеть пространственные конфигурации звезд Ковша Большой Медведицы не только в современности, но также в прошлом и будущем (рис. 4.-9-12).

Г.В. Кубарев (2023, с. 669–670) утверждает, что Л.С. Марсадолов «*пришел к выводу, что тархатинский памятник функционировал многие столетия, начиная со II тыс. до н.э., включая тюркское время (Марсадолов, 2007а, с. 209). Однако какие-либо аргументы этому утверждению не приводятся*».

В этом критическом замечании Г.В. Кубарев ссылается на небольшую статью-тезисы в Томске (Марсадолов, 2007а, с. 209), но у него нет ссылки на большую обобщающую книгу-отчет по древним святилищам Алтая, которая в том же году вышла в Эрмитаже (Марсадолов, 2007в). Эта книга, например, есть в библиотеке его отца, П.И. Шульги и других археологов. Разве многие археологи в своих тезисах (в том числе и Г.В. Кубарев) или в сборниках «Археологические открытия», объемом 2–5 страниц, приводят развернутые «*утверждения*» датировок археологических объектов и петроглифов?

Археологи, посмотрев на обобщающий рисунок сопоставления петроглифов из разных святилищ Алтая (рис. 1.-4-12), полностью опубликованный в книге Л.С. Марсадолова (2007в, с. 217, рис. 160), сами могут сделать вывод о длительности функционирования тархатинского памятника.

Как называть мегалитический комплекс объектов около Ташанты?

На современном этапе изучения этого местонахождения можно выделить ряд проблем, связанных с этим памятником: 1) кто открыл этот объект или объекты; 2) как археологи называют этот памятник и 3) функциональное назначение этого объекта.

Как правильно отметил Г.В. Кубарев, этот памятник впервые открыл его отец — В.Д. Кубарев в 1970-е гг. Вот как сам В.Д. Кубарев (1980, с. 73) его описал: «***Чуйский тракт***. В 10 км от пос. Ташанта по Чуйскому тракту на с. Кош-Агач и сразу же справа от тракта гряда из крупных сланцевых глыб ледникового происхождения. Она направлена на восток от тракта и заканчивается через 2 км. На гладких плоскостях этих глыб более 100 различных композиций, выполненных точечной техникой».

Автор этой статьи обратил внимание на часть этого памятника только в связи с замечанием участников экспедиции В.И. Соенова о том, что нигде, кроме Тархаты, «подобных свалов пород ни поблизости, ни в одном из других районов Горного Алтая не обнаружено» (Соенов и др., 2000, с. 14). Я тогда ответил, что «близкий к Тархате по размерам камней еще один новый мегалитический комплекс обнаружен автором в 2003 г. между поселками Кош-Агач и Ташанта, с левой стороны от дороги. Вероятно, это сооружение в пункте Ташанта-1 осталось недостроенным. На ряде камней там были найдены разнообразные наскальные рисунки» (Марсадолов, 2004, с. 58; 2007в, с. 14). У автора не было ни цели «застолбить» новый пункт с петроглифами, ни времени на его детальное изучение в конце экспедиционного сезона. У меня не было и желания замолчать, что этот памятник с петроглифами открыл ранее В.Д. Кубарев, просто в тот период подготовки моих публикаций его статья не попала в поле моего изучения. Почему, например, Д.В. Черемисин не упоминает в статье 2000 г. об изучении петроглифов в Тархате В.Д. Кубаревым (1980), хотя они вместе много лет работали в одном институте и в экспедициях?

Как разные археологи называют этот памятник около Ташанты? Ныне существуют три названия этих объектов: 1) В.Д. Кубарев (1980, с. 73) назвал «Чуйским трактом» участок протяженностью 2 км со 100 композициями рисунков; 2) Л.С. Марсадолов (2007в, с. 82, рис. 23–24) не подозревал о более ранних там работах В.Д. Кубарева и предложил для участка с мегалитами и петроглифами, длиной менее 100 м, название — «Ташанта-1».

Г.В. Кубарев (2023, с. 674) это описывает так: «Л.С. Марсадолов обнаружил ранее известное скопление дронстоунов с нанесенными на них петроглифами рядом с Чуйским трактом (Жылкы-тас) (2004, с. 58; 2007а, с. 208, 209)». Сам Г.В. Кубарев не стал настаивать на наименовании групп петроглифов, предложенном его отцом, — «Чуйский тракт» (который имеет длину более 600 км), но, вероятно, сознательно запутал его название и дал этому местонахождению третье новое имя — «Жылкы-тас». Он отметил: «Жалкы-тас (Лошади камни — казах.) представляет собой пять отдельных скоплений дронстоунов, удаленных друг от друга примерно на 100–300 м» (Кубарев, 2023, с. 671). Явно В.Д. Кубарев объединил под одним названием «Чуйский тракт» несколько местонахождений каменных «глыб» с рисунками, а пункт «Ташанта-1» по Л.С. Марсадолову соответствует лишь одному из пяти «скоплений дронстоунов Жалкы-тас-1» по Г.В. Кубареву, где всего девять камней с петроглифами.

Каждый из археологов может выбрать одно из трех предложенных археологами названий этого памятника («Чуйский тракт», «Ташанта-1», «Жылкы-тас») или перечислить ряд из этих названий в скобках.

Наиболее сложной проблемой является определение функционального назначения этого объекта. Г.В. Кубарев отметил: «Л.С. Марсадолов ... назвал их мегалитом и предположил, что он остался недостроенным (2004, с. 58; 2007а, с. 208, 209). Однако отсутствие окружности из камней-глыб свидетельствует не о завершенности строительства мегалита, а лишний раз подтверждает то, что это скопление дронстоунов, которое может быть любой конфигурации» (Кубарев, 2023, с. 674).

Л.С. Марсадолов считает, что это был сакральный/культовый комплекс объектов с мегалитами и петроглифами около Ташанты, а не «хаотичное» «скопление дрон-

стоунов» с петроглифами по Г.В. Кубареву (2023, с. 671). Не «мегалитом», как выразился Г.В. Кубарев, а «мегалитическим комплексом» назвал Л.С. Марсадалов этот пункт, потому что «мегалит» — это отдельный крупный камень, а здесь их несколько, поэтому здесь надо использовать множественное число — мегалиты. Форма этого сооружения в целом будет определена будущими археологами, но при этом не исключено, что этот объект мог быть частично поврежден при строительстве проходящей рядом дороги.

Почему обязательно должна быть «окружность» из камней? Культурные комплексы объектов Алтая имеют и иные формы — в виде квадрата, прямой или изогнутой линии, угла, треугольника и других фигур. Например, на снимке «скопления друпстоунов Чиккетерек» (Кубарев, 2023, с. 673, рис. 3.-1) довольно четко просматриваются две линии из крупных камней, расположенные почти под прямым углом, к которым примыкают другие объекты и выкладки.

Заключение

Автор этой статьи считает, что археологам при изучении объектов типа Тархаты правильнее употреблять международный термин «мегалиты», а не геологический термин «друпстоуны», который включает как камни крупных размеров, так и мелкую гальку.

Для правильного понимания назначения крупного археологического памятника, в том числе мегалитического, нужны углубленные комплексные археологические, метрологические, геодезические, геологические, астрономические, географические и другие исследования, типа ранее произведенных на Большом Салбыкском кургане в Хакасии и в Семисарте на Алтае (Марсадалов, 2001, 2010). Нужны не только фотографии, но и хорошие планы объектов, тщательные измерения не только в современных метрах, введенных в науку всего два века назад, но и в древней системе мер, связанных с человеком: в саженьях, локтях и других измерениях.

В настоящее время Тархатинский мегалитический комплекс («Алтайский Стоунхендж») является одним из наиболее посещаемых туристических объектов Юго-Восточного Алтая. Поэтому надо не только критично, но и уважительно относиться к этому уникальному памятнику древнего культурно-исторического Наследия и к его исследованию специалистами разных научных областей.

Дискуссионные проблемы, поднятые в этой статье, могут быть решены не только в ходе теоретических обсуждений, но в основном при многогранной проверке на самих мегалитических памятниках в Тархате или около Ташанты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Горшков В.Л., Марсадалов Л.С., Миллер Н.О., Стеганцева В.Я. Палеоастрономические данные для древних святилищ Алтая // Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. Вып. 5. С. 52–56.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск : Наука, 1980. С. 69–91.

Кубарев Г.В. «Мегалиты» — друпстоуны Чуйской степи как разновидность археологических памятников (Южный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та и этнографии СО РАН, 2023. С. 668–675.

Марсадоллов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Вып. 4. 65 с. +118 ил.

Марсадоллов Л.С. Работы Саяно-Алтайской экспедиции в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 48–59.

Марсадоллов Л.С. Тархата — алтайский «Стоунхендж» // Тр. Гос. астроном. ин-та им. П.А. Штернберга. М. : Изд-во гос. астроном. ин-та МГУ, 2005. Т. 78. С. 96.

Марсадоллов Л.С. Древнее святилище в Тархате на Алтае // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007а. С. 206–213.

Марсадоллов Л.С. К вопросу о прототипах для «оленных» камней // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007б. С. 113–117.

Марсадоллов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007в. Вып. 5. 278 с.

Марсадоллов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2010. 128 с.

Марсадоллов Л.С. Мегалитика — новая научная дисциплина с древними «корнями» // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Челябинск : Изд-во Челябин. ун-та, 2018. С. 155–183.

Марсадоллов Л.С. Изображения и семантика созвездия Орион в петроглифах, на «оленных» камнях и предметах в зверином стиле у кочевников Центральной Азии во II–I тысячелетиях до н.э. // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово : Изд-во Кемер. ун-та, 2021. С. 187–200.

Маточкин Е.П. Петроглифы тархатинского мегалитического комплекса // Древности Сибири и Центральной Азии. 2010. №3 (15). С. 34–42.

Маточкин Е.П., Гиенко Е.Г. Тархатинский мегалитический комплекс: петроглифы, наблюдаемые астрономические явления и тени от мегалитов // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2014. Т. 2, №1. С. 90–106.

Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 2000. №5. С. 7–15.

Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 8. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1969. С. 71–88.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

REFERENCE

- Gorshkov V.L., Marsadolov L.S., Miller N.O., Stegantseva V.Ya. Paleoastronomical Data for Ancient Altai Shrines. In: Report on the Study of Ancient Altai Shrines in 2003–2005. Materials of the Sayano-Altai Archaeological Expedition the State Hermitage Museum. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007. Issue 5. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Kubarev V.D. Archaeological Sites of the Kosh-Agach Region (Gorny Altai). In: Archaeological Search (North Asia). Novosibirsk : Nauka, 1980. Pp. 69–91. (In Russ.)
- Kubarev G.V. «Megaliths» — Dropstones of the Chui Steppe as a Type of Archaeological Sites (Southern Altai). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Vol. XXIX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. Pp. 668–675. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Complex of Sites in Semisart in Altai. Materials of the Sayano-Altai Archaeological expedition the State Hermitage Museum. St. Petersburg : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2001. Issue 4. 65 p. + 118 ill. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Works of the Sayano-Altai Expedition in 2003. In: Archaeological Expeditions for 2003. St. Petersburg : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2004. Pp. 48–59. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Tarhata — Altai «Stonehenge». In: Proceedings of State Astronomy Institute named after P.A. Sternberg. Moscow : Izd-vo gos. astronom. in-ta MGU, 2005. Vol. 78. P. 96. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Ancient Sanctuary in Tarhata in Altai. In: Archaeological Materials and Research of North Asia in Antiquity and the Middle Ages. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 2007a. Pp. 206–213. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. To the Question of Prototypes for «Deer» Stones. In: Altai-Sayan Mountain Country and the History of Its Development by Nomads. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007b. Pp. 113–117. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Report on the Study of the Ancient Shrines of Altai in 2003–2005. Materials of the Sayano-Altai Archaeological Expedition the State Hermitage Museum. St. Petersburg : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007v. Issue 5. 278 p. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. The Big Salbyk Mound in Khakassia. Abakan : Hakas. kn. izd-vo, 2010. 128 p. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Megalitics is a New Scientific Discipline with Ancient «roots». In: Steppe Eurasia in the Bronze Age: Cultures, Ideas, Technologies. Chelyabinsk : Izd-vo Chelyab. un-ta, 2018. Pp. 155–183. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Images and Semantics of the Orion Constellation in Petroglyphs, on «Deer» Stones and Animal-Style Objects among the Nomads of Central Asia in the 2nd –1st Millennia BC. In: Ancient Art in the Context of the Cultural and Historical Processes of Eurasia: to the 300th Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Scripture. Kemerovo : Izd-vo Kemer. un-ta, 2021. Pp. 187–200. (In Russ.)
- Matochkin E.P. Petroglyphs of the Tarhatinsky Megalithic Complex. In: Antiquities of Siberia and Central Asia. 2010. No. 3 (15). Pp. 34–42. (In Russ.)
- Matochkin E.P., Gienko E.G. Tarkhatinsky Megalithic Complex: Petroglyphs, Observed Astronomical Phenomena and Shadows from Megaliths. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2014;2(1):90–106. (In Russ.)

Soyonov V.I., Shitov A.V., Cheremisin D.V., Ebel A.V. Tarkhatinsky Megalithic Complex. In: Antiquities of Altai. *Proceedings of the Laboratory of Archaeology*. 2000. No. 5. Pp. 7–15. (In Russ.)

Sorokin S.S. Materials for the Archeology of the Altai Mountains. In: Scientific Notes of the Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature. Issue 8. Barnaul : Altajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. Pp. 71–88. (In Russ.)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Complex of Archaeological Sites in the valley of the Biike River (Altai Mountains). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Leonid S. Marsadolov, Doctor of Cultural Studies, Leading Researcher at the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2024;
одобрена после рецензирования 04.02.2025;
принята к публикации 12.02.2025.
The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 04.02.2025;
accepted for publication 12.02.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК: 903.224

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-05)

EDN: PQMXHX

ТВОРЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И ПРИНЦИПЫ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ДИЗАЙНА КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Юрий Иннокентьевич Михайлов

Научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Кемерово, Россия;
kerbalyk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

Резюме. В статье представлены результаты сравнительного анализа творческих приемов и принципов декоративного оформления сейминско-турбинских бронзовых изделий. Первую фазу развития СТ-дизайна характеризует использование принципа визуальной иерархии и общего правила конструирования формы — правосторонней асимметрии. Вторая фаза развития связана с творческой реализацией принципа повтора/удвоения элементов и композиций, а также переходом к созданию симметричных форм бронзовых отливок. В декоративном оформлении бронзовых изделий фигурные композиции и комбинации геометрических орнаментальных элементов были семантически взаимосвязаны благодаря композиционным решениям и количественным соответствиям. И те и другие служили для параллельного кодирования актуальной информации, связанной с поведенческими стратегиями и универсальной символикой. В историко-культурном контексте можно предполагать развитие принципов СТ-дизайна, а также их трансляцию вместе с технологическими знаниями и приемами.

Ключевые слова: композиционный принцип, невербальная информация, правило конструирования, прием, сейминско-турбинский дизайн

Для цитирования: Михайлов Ю.И. Творческие приемы и принципы сейминско-турбинского дизайна как способ передачи информации // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 88–100. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-05)

CREATIVE TECHNIQUES AND PRINCIPLES OF THE SEYMA-TURBINO DESIGN AS A WAY OF TRANSMITTING INFORMATION

Yuriy I. Mikhailov

ArcheoPolis Research and Production Association, Kemerovo, Russia;
kerbalyk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of creative techniques and principles of decorative design of the Seyma-Turbino bronze products. The first phase of the development of CT design is characterized by the use of the principle of visual hierarchy and the general rule of form construction — right-sided asymmetry. The second phase of development is associated with the creative implementation of the principle of repetition/doubling of elements and compositions, as well as the transition to the creation of symmetrical forms of bronze castings. In the decorative design of bronze products, figural compositions and combinations of geometric ornamental elements were semantically

interrelated due to compositional solutions and quantitative correspondences. Both served to parallel encoding relevant information related to behavioral strategies and universal symbolism. In the historical and cultural context, it is possible to assume the development of the principles of ST design, as well as their translation along with technological knowledge and techniques.

Keywords: compositional principle, non-verbal information, design rules, technique, Seyma-Turbino design

For citation: Mikhailov Yu.I. Creative Techniques and Principles of the Seyma-Turbino Design as a Way of Transmitting Information. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):88–100. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-05)

Введение В рамках настоящей статьи для обсуждения предлагается исследовательская процедура, которая может быть определена как метод сравнительного анализа дизайнерских решений. В данном случае под дизайнерскими решениями понимаются творческие приемы, благодаря которым конструктивные элементы бронзовых изделий одновременно являются иконографическими деталями изобразительных образов. Предлагаемый методологический подход базируется на сопоставлении технико-стилистических приемов и композиционных принципов декоративного оформления изделий с утилитарными функциями. В опубликованных ранее работах были представлены свидетельства использования размерного стандарта в проектировании бронзовых отливок, а также дана характеристика «рифления» и «ажура» как технико-стилистических приемов сейминско-турбинского дизайна (Михайлов, 2023, 2024). Одной из задач данного исследования является реконструкция и сравнительная характеристика композиционных принципов СТ-дизайна. Другая основная задача предлагаемой работы связана с изучением технико-стилистических приемов и композиционных принципов СТ-дизайна как способов кодирования информации.

Материалы и методы

Все сейминско-турбинские декоративные элементы, представленные на литых бронзовых изделиях, по способу исполнения могут быть разделены на две группы. Первую группу составляют объемно-пластические изображения, первоначально моделированные из воска. Вторую группу составили плоскостные геометрические фигуры, предварительно прочерченные на стенках рабочей камеры литейных форм. Объемно-пластические элементы использовались в композициях фигурных наверший. Элементы второй группы компоновались на плоскости в виде рифленых поясков и цепочек геометрических фигур с косой штриховкой. Двоичная классификация может быть также использована для сравнительного анализа декоративных композиций. Сейминско-турбинские композиции, как и любые другие, создавались на отношениях соподчинения или равенства. В соответствии с этим разграничением они также могут быть разделены на две группы.

Первую группу составляют композиции, в которых представлены разноразмерные объемные фигурные изображения. Данная особенность репрезентации свидетельствует об использовании визуальной иерархии — принципа организации, благодаря которому элементы композиции привлекают внимание в определенном по-

рядке. Визуальный вес и взаиморасположение объемно-пластических образов определяли порядок их зрительного восприятия. Восприятие этих композиций происходило в противоположном направлении по отношению к условному движению фигур. Движение фигур в композиции всегда направлено от обушка к лезвию ножа. Отмеченная особенность акцентировалась формой изогнутого обушка, который зрительно работал на динамику всей композиции. Порядок «чтения» объемно-пластических композиций слева направо был обусловлен общим правилом проектирования формы — правосторонней асимметрией. Согласно этому правилу изгиб формы и ее дополнительные конструктивные детали располагались справа от центральной оси. Практическая реализация этого культурного стереотипа представлена в конструкции ушковых кельтов из могильника Ростовка. Округлое сквозное ушко моделировалось на правой стороне лицевой плоскости, которую украшали сложные композиции из горизонтальных рядов и вертикальных цепочек геометрических фигур. Можно полагать, что так же справа от центральной оси располагались крюк и округлое ушко на втулках вильчатых наконечников копий. На наконечнике копья с симметричными ушками показательно отсутствует крюк (Матющенко, Синицына, 1988, с. 19, рис. 18.-1, 2, 5). Таким образом, существовала непосредственная связь между правилом конструирования формы изделия и принципом построения фигурных композиций.

С помощью разного размера фигур и масштабирования их значимых деталей внимание фокусировалось на ключевых образах композиции. В композиции на вершине ножа из Ростовки зрительно выделена более крупная по отношению к лыжнику фигура упряжного коня с моделированными мускулами и суставами. Прямо поставленные передние ноги и шея коня, а также высоко поднятые уши формируют вертикальную ось композиции (рис. 1.-1). Благодаря этой изобразительной особенности массивная голова животного с характерной пышной гривой расположена в зоне первичного зрительного восприятия, если иметь в виду диаграмму Гуттенберга. С последней древние мастера не были знакомы, но интуитивно представляли зрительную привлекательность вертикальных акцентов. В композиции сейминского наконечника рукояти ножа фигурка жеребца с прижатыми ушами выглядит более массивной благодаря масштабированию головы и шеи. Поэтому для привлечения внимания к фигурке кобылы мастер уже описанным способом сформировал вертикальную ось — прямые передние ноги, высоко поднятая голова, торчащие уши и привязи гривы (рис. 1.-2). В турбинской триаде баранов вертикальный акцент совмещен с геометрической осью композиции. Наиболее крупная фигурка расположена в центре ряда изображений (рис. 1.-3). Дополнительно для ее выделения использована комбинация треугольных прорезей на рукояти — две маленьких противопоставлены большой (Черных, Кузьминых, 1989, с. 118, рис. 66.-3). Таким образом, ажурная комбинация дублировала композицию объемно-пластических изображений, повторяя их визуальную иерархию. Аналогичное размерное соотношение использовалось в конструкции вилки пера наконечников копий — длинная центральная нервюра и две коротких боковых. Этот же принцип реализован в орнаментальных схемах на лицевых плоскостях кельтов — длинная вертикальная це-

почка фигур на центральной оси изделий композиционно соотнесена с двумя геометрическими элементами, расположенными справа и слева от нее. В рамках классификационного подхода к анализу орнаментальных композиций на кельтах вертикальные цепочки геометрических фигур были справедливо определены в качестве «доминантного» мотива (Ковтун, 2013, с. 307).

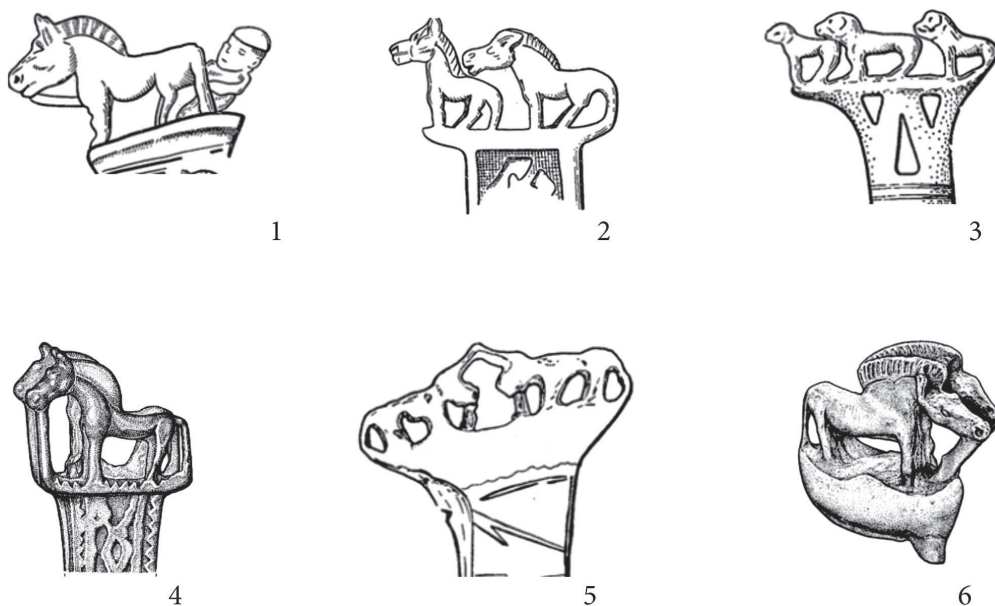

Рис. 1. Принципы СТ-дизайна: визуальная иерархия (1–3) и повтор/удвоение элементов и композиций (4–6): 1 — могильник у д. Ростовка; 2 — Сейминский могильник; 3 — Турбино-II; 4 — Прииртышская коллекция; 5 — р. Джумба; 6 — Ушкин-Увэрский аймак (Молодин, Нескоров, 2010; Черных, Кузьминых, 1989; Ковтун, 2013). Без масштаба

Fig. 1. Principles of ST-design: visual hierarchy (1–3) and repetition/doubling of elements and compositions (4–6): 1 — burial ground near the village of Rostovka; 2 — Seyma burial ground; 3 — Turbino-II; 4 — Irtysh collection; 5 — Dzhumba River; 6 — Ushkin-Uversky aimak (Molodin, Neskorov, 2010; Chernykh, Kuzminykh, 1989; Kovtun, 2013). Without scale

Вторая группа объемно-пластических композиций представлена различными вариантами сочетания равновеликих фигурок. Данное творческое решение связано с применением принципа повтора/удвоения элементов и композиций. В фигурных композициях мастера отказались от визуальной иерархии в пользу комбинирования равновеликих и морфологически подобных пластических образов (рис. 1.-4-6). Этот подход демонстрируют парные изображения быков, коней, лосей и птиц (Черных, Кузьминых, 1989, с. 84, рис. 44.-6, с. 119, рис. 67.-3; Молодин, Нескоров, 2010, с. 65, рис. 15). Одинаковый визуальный вес и иконографическое сходство изображений зрительно усилено посредством зеркальной и осевой симметрии.

В сбалансированных композициях не использовались вертикальные акценты и соответственно отсутствует прямой угол между передними ногами и склоненной головой животных (рис. 1.-4–6). К этой же группе композиций относятся парные «личины» со сдвоенными ушками на втулках наконечников копий с узким пером (Бородовский, 2024, с. 69, рис. 3).

Симметричные фигурные композиции второй группы сочетались не с прорезным, а плоскостным геометрическим орнаментом (Молодин, Нескоров, 2010, с. 65, рис. 15; Кирюшин, 2002, с. 254, рис. 150.-1, 4). В свою очередь, ажур как технико-стилистический прием представлен в оформлении скульптурных композиций, что является еще одним отличительным признаком данной группы. В замкнутой ажурной композиции головы животных с опорной площадкой соединяют столбики-перемычки. На рукояти ножа с р. Джумба перемычки соединяют головы животных с постаментом, а соединенные рога замыкают контур композиции (рис. 1.-5). Перемычками снабжены головы коней на раздвоенной рукояти ножа из Прииртышской коллекции (рис. 1.-4). В наверху из Узэр-Хангайского аймака фигурка коня с двумя головами демонстрирует удвоение значимого элемента пластического образа в сочетании с перемычкой (рис. 1.-6). Композиция из двух морфологически сходных фигурок животных моделирована на рукояти кинжала из музея Миньбо. В этом случае тонкие перемычки, которые замыкали ажурную композицию, фрагментарно сохранились на опорной площадке (Ковалев, 2023, с. 110, рис. 9, 9а). Вышеописанный прием реализован для одиночных фигурок и голов коней на рукоятях кинжалов и ножей с прямым обушком (Ковтун, 2013, Приложение I, фото 163; Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, с. 51, рис. 1.-2). Отдельный вариант замкнутой ажурной композиции представлен парными фигурками коней на золотых кольцах из могильников Чесноково-1 и Мыншункур (Ковтун, 2013, Приложение I, фото 159, 160). Эти изделия свидетельствуют о копировании технологии изготовления и дизайнерского решения. Еще один пример подобного воспроизводства демонстрируют цельнолитые ножи с прямым обушком и ажурным навершием в виде головы коня из Елунино-1 и Усть-Муты (Кирюшин, 2002, с. 254, рис. 150.-1, 4).

Композиционный принцип повтора/удвоения реализован в декоративном оформлении кельтов с парными глухими ушками, которые обеспечивали симметрию формы. Орнаментальные композиции на этих изделиях формировались посредством новой пространственной организации изображения и фона — соединения горизонтальных рядов и вертикальных цепочек геометрических фигур. Геометрические участки фона повторяют заштрихованные фигуры и удваивают композицию (Черных, Кузьминых, 1989, с. 153, рис. 78.-3, 4). В некоторых случаях этот визуальный эффект акцентирован горизонтальной линией, которая соединяет основания треугольников и вершины ромбов (Черных, Кузьминых, 1989, с. 155, рис. 79.-1, 4). Данная декоративная особенность соответствует приему замыкания ажурных композиций на навершиях ножей и кинжалов. Кельты со сквозными парными ушками демонстрируют сочетание позитивно-негативных композиций с принципом визуальной иерархии, которую воплощали вертикальные цепочки фигур на центральной оси изделия (Черных, Кузьминых, 1989, с. 58, рис. 20.-1–3).

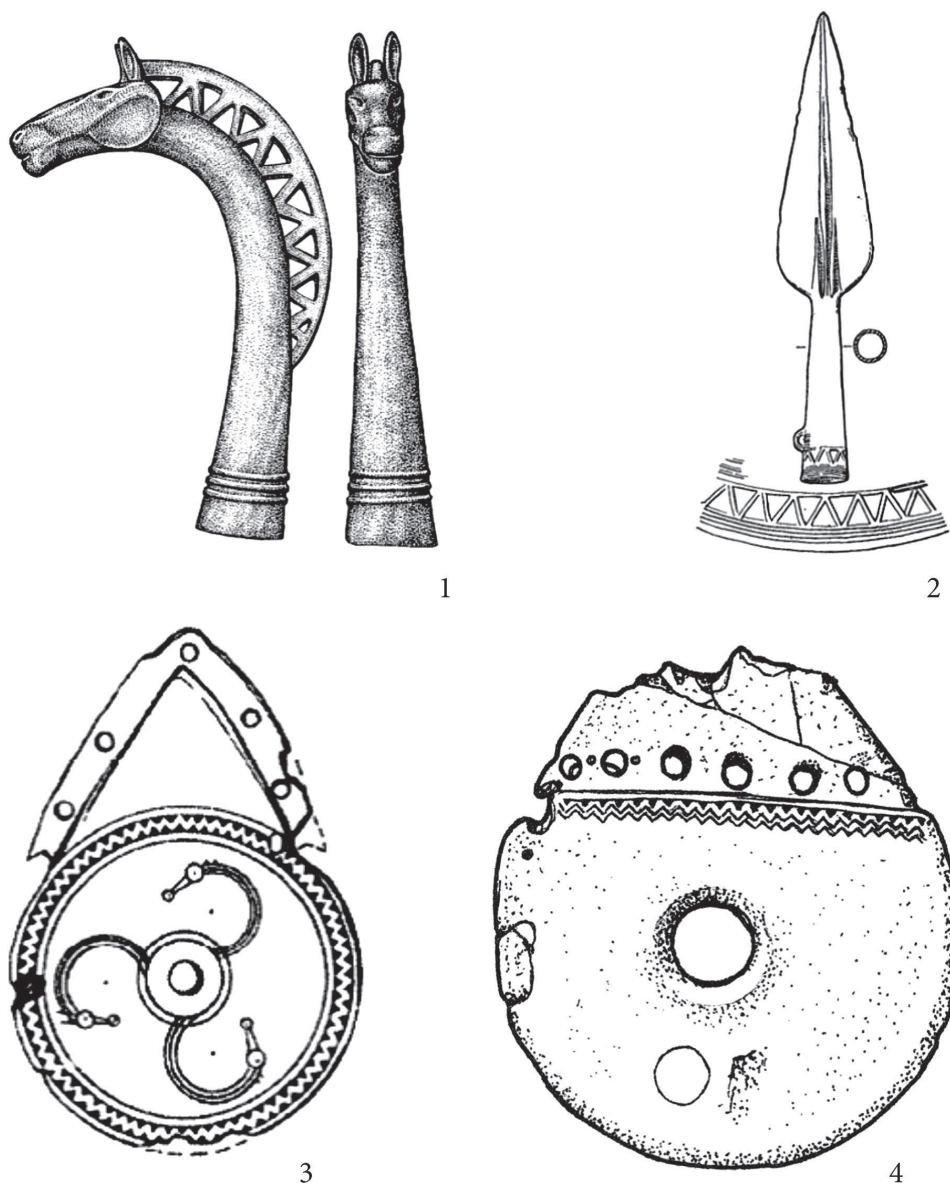

Рис. 2. Сейминско-турбинский дизайн и символика «колесничных» культур: 1 — Прииртышская коллекция; 2 — Бородинский клад; 3 — Нижняя Красавка-2; 4 — Каменный Амбар-5 (по: Черных, Кузьминых, 1989; Молодин, Нескоров, 2010; Епимахов, 2005; Лопатин, 2014). Без масштаба
 Fig. 2. Seyma-Turbino design and symbolism of «chariot» cultures: 1 — Irtysh collection; 2 — Borodino treasure; 3 — Nizhnyaya Krasavka-2; 4 — Kamenny Ambar-5 (after Chernykh, Kuzminykh, 1989; Molodin, Neskоров, 2010; Epimakhov, 2005; Lopatin, 2014). Without scale

Результаты

Сравнительный анализ творческих решений позволяет предполагать, что вышеописанные группы декоративных элементов и композиций соответствуют двум различным принципам пространственной организации — визуальной иерархии и повторению/удвоению элементов и композиций.

Визуальная иерархия объемно-пластических и плоскостных орнаментальных композиций связана с общим правилом конструирования — правосторонней асимметрией формы. В фигурных композициях на рукоятях выгнутообушковых ножей представлены анатомически подробные изображения и различные способы их пространственного взаимодействия — коммуникации. Для выделения ключевых образов в составе композиции использовались вертикальные акценты. Фигурные изображения снабжены предметными дополнениями. Рукояти ножей оформлены с помощью базовых технико-стилистических приемов — рифления и ажюра. В орнаментальных композициях на лицевых плоскостях кельтов в соответствии с общим принципом визуальной иерархии использованы доминантные мотивы — вертикальные цепочки геометрических элементов.

Второй творческий принцип — повторения/удвоения элементов и композиций в целом был связан с конструированием симметричных форм изделий. На рукоятях ножей и на втулках наконечников копий представлены варианты сочетания равновеликих и морфологически подобных образов с помощью различных видов симметрии. Фигурные изображения лишены технологической атрибутики. Перемычки соединяют головы животных с опорной площадкой для создания замкнутых ажурных композиций. На ножах и кинжалах ажурные композиции наверху сочетаются с плоскостными геометрическими орнаментальными мотивами на рукоятях. На лицевых и оборотных плоскостях — фасках кельтов композиционно соединены горизонтальные ряды и вертикальные цепочки геометрических фигур. Геометрические участки фона повторяют заштрихованные геометрические фигуры и таким образом удваивают композиции. Копирование дизайнерских решений, связанное с использованием ажурных объемно-пластических изображений, использовалось для создания иконографически устойчивых образов и композиций, которые получили распространение в широком культурном ареале (рис. 2.-1-4).

Обсуждение результатов

В конструкциях вильчатых наконечников копий и ушковых кельтов представлены конструктивные решения, построенные на оптимальном размерном соотношении 2 : 1. Это соотношение обеспечивало размерный стандарт изделий и упрощало передачу производственных навыков и необходимой информации от мастера к ученику (Михайлов, 2024). Конструктивный замысел выгнутообушковых ножей соответствовал общему правилу построения формы и предполагал использование различных способов передачи информации. В связи этим существенно, что рукояти ножей предположительно отливались вместе с фигурными навершиями (Дураков, Мыльникова, 2021, с. 177). Выше было отмечено композиционное единство трех фигурок баранов и трех ажурных прорезей на рукояти ножа из Тур-

бино-II. В данной композиции у первой и третьей фигур разделены задние ноги, а у второй — передние и задние (Бадер, 1964, с. 122). Количественный ряд элементов 2 : 4 : 2, вероятно, демонстрирует символическую связь с размерным соотношением 2 : 1, в котором часть составляет половину целого. На ноже из Сейминского могильника рифленые гривы кобылы и жеребца были разделены на семь прядей. В свою очередь, ажурная ромбическая сетка рукояти моделирована семью левыми и семью правыми скрещенными планками (Черных, Кузьминых, 1989, с. 118, рис. 66.-1). Ажурная грива коня на втульчатом навершии из Прииртышской коллекции композиционно разделена монолитным центральным сегментом на две равные части. Обе части моделированы тремя «лучами» зигзага и семью сквозными прорезами. Эту особенность демонстрируют фотографические изображения отливки (Молодин, Нескоров, 2010, с. 68, рис. 18).

Таким образом, информация параллельно кодировалась пластическими образами и ажурными комбинациями с помощью количественных соответствий. Двенадцать прядей гривы коня на ноже из Ростовка и двенадцать бусин наборного украшения, которое сопровождало этот нож, предположительно взаимно связаны календарной символикой (Ковтун, 2013, с. 175, 202). Эти изделия, вероятно, составляли единый комплект, в котором нож мог использоваться в ритуалах жертвоприношения с сакральным мотивом расчленения и множественности. Комбинации декоративных элементов с числовой аранжировкой допустимо рассматривать как своеобразное руководство к ритуальным действиям по определенным правилам. Таким образом, декоративное оформление вещи могло выполнять мнемоническую и дидактическую функции в процессе усвоения определенной модели поведения, например, соблюдение оптимальных соотношений. Видимо, не случайно нож из Ростовки был найден в погребении ребенка 9–10 лет (Матющенко, Сеницына, 1988, с. 8). В целом повторение — закрепление одного и того же содержания посредством различных способов репрезентации может свидетельствовать о становлении самой культурной традиции, которая осваивала новые практики и связанные с ними мировоззренческие представления.

Значимая информация передавалась не только посредством композиционных решений, но и языком тела благодаря анатомически точному моделированию мускулов и суставов. На бронзовом втульчатом навершии с помощью граненых плоскостей объемно переданы скуловой и жевательный (латеральный) мускулы животного (рис. 2.-1). Показательно, что отмеченные особенности строения мускулатуры так же рельефно проработаны на каменном жезле с головой коня из Омской области (Ковтун, 2013, Приложение I, фото 94, 97). Внимание древних мастеров к анатомическим подробностям ввело в заблуждение исследователей, которые определили скуловой мускул как деталь «узды» на голове кобылы в композиции из Сейминского могильника. Успех репродуктивной стратегии в этом динамичном сюжете обеспечивала не узда, а магические привязи гривы. К этому добавим, что фотоувеличение демонстрирует скуловые мускулы, моделированные на голове жеребца (Ковтун, 2013, Приложение I, фото 39, 40).

Анатомические детали пластических образов были необходимы для достоверной передачи характерных коммуникативных движений — кинем. В фокусе вни-

мания оказывались движения и позы, которые вызывали эмоциональную реакцию. Высокий уровень исполнения изделий и изощренные приемы их декоративного оформления позволяют предполагать, что они вызывали не только основные эмоции, но и более сложные эмоциональные состояния. Это, в частности, своеобразное эстетическое переживание — восхищение функциональным совершенством тела и вещи. В фигурной композиции из Ростовки моделированы не только суставы и мускулы коня, но также лопатки и пальцы мощной правой руки лыжника, которая держит повод (Ковтун, 2013, с. 192, Приложение I, фото 60, 63). Еще одно вероятное эмоциональное состояние — самооценка, связанная с обладанием индивидуально оформленными престижными изделиями. В условиях серийного производства бронзовых отливок индивидуальные особенности вещи приобретали особое значение для владельца.

Кинесика как способ невербальной передачи информации включает в себя не только коммуникативные движения — жесты, но и мимику. На втулках наконечников копий из Седельниковского района (Омская область) представлены объемные изображения «личин» с лицевыми мускулами. Предполагается, что трехчастная вилка пера была не только конструктивным элементом, но и моделировала бороды «личин» (рис. 3.-1). В свою очередь, треугольные лучи на втулках являются изображениями трехрогих головных уборов (Бородовский, 2024а, с. 231, 232, рис. 6). В связи с этим отметим, что ажурные треугольные лучи оформляют (дважды по три) гриву коня на втулке наконечника из Прииртышской коллекции (Молодин, Нескоров, 2010, с. 68, рис. 18). По мнению автора публикации, особенностью иконографии «личин» является гримаса, переданная рельефными носогубными складками (Бородовский, 2024, с. 70). Существенно, что при внешнем сходстве эти парные изображения различаются в деталях, которые, вероятно, передают особые эмоциональные состояния. Судя по прорисовке, в обеих композициях одна из «личин» моделирована с узким растянутым ртом и акцентированными ноздрями, а другая наделена квадратным ртом с опущенными уголками (рис. 3.-1). Такая мимическая особенность, как квадратный рот с опущенными уголками, в сочетании с напряженным лицом свидетельствует о высоком уровне отрицательного эмоционального возбуждения — гнева и ярости. Подобная мимика спонтанно возникает у людей разных культур и эпох (Бутовская, 2004, с. 64, 65). Под этим углом зрения треугольные «лучи» на втулках наконечников копий можно рассматривать как изображение «косматой» прически, которая поднимала боевой дух и устрашала врагов. В этом контексте укажем вильчатом копье с узким пером из окрестностей Омска. На втулке изделия вместо традиционного ушка моделирована фигурка росомахи с длинным шерстяным покровом (рис. 3.-2). Как известно, отличительными признаками этого животного являются косматость и агрессивность. Вероятная прозрачность семантики образов, безусловно, интересна, однако в данном случае более существенным представляется творческий переход от передачи кинетических особенностей поведения животных к изображению экспрессивной мимики человека.

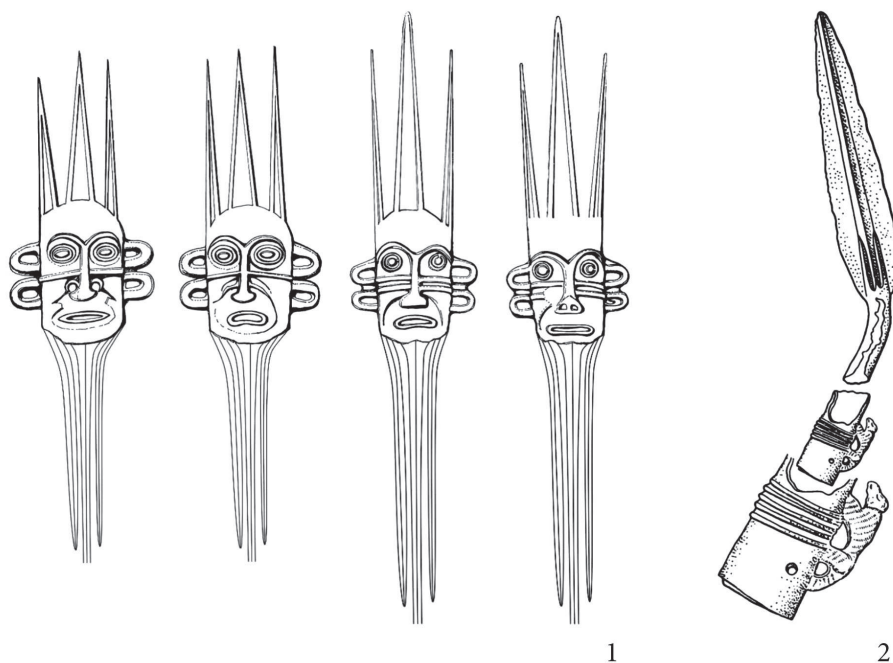

Рис. 3. Изображения на наконечниках копий с узким пером: 1 — коллекция из Седельниковского района; 2 — окрестности Омска (по: Бородавский, 2024; Черных, Кузьминых, 1989). Без масштаба
 Fig. 3. Images on spearheads with a narrow pen: 1 — collection from Sedelnikovskiy district; 2 — environs of Omsk (after Borodavskiy, 2024; Chernykh, Kuzminykh, 1989). Without scale

Заключение

Сравнительный анализ творческих решений позволяет предполагать, что динамику развития СТ-дизайна характеризует переход от принципа визуальной иерархии к принципу повторения/удвоения элементов и композиций. В первой фазе развития визуальная иерархия объемно-пластических и плоскостных декоративных композиций сочеталась с правосторонней асимметрией формы изделий. Правосторонняя асимметрия как общее правило построения формы демонстрировала культурную идентичность сейминско-турбинских изделий. Эта первая фаза развития СТ-дизайна была ориентирована на моделирование анатомически подробных образов и способов их коммуникации. В историко-культурной реальности она соответствовала потребностями осмысления своего и адаптации чужого опыта в условиях контактов и культурных заимствований. Данную конъюнктуру буквально демонстрирует композиция с упряжным конем и лыжником из Ростовки. Технологически оснащенная сейминско-турбинская традиция создавала собственный изобразительный язык и способы передачи информации. Комбинации декоративных элементов с количественными соответствиями обеспечивали двойную кодировку актуальной информации. Анатомические под-

робности и предметные дополнения пластических образов увеличивали информативность образов и композиций.

Новый творческий принцип повторения/удвоения элементов и композиций был связан с переходом к конструированию симметричных форм изделий. Ажурные пластические изображения животных освободились от анатомической детализации и технологической атрибутики, а фигурные композиции утратили внешнюю связь с поведенческими моделями. Благодаря дублированию и обобщенной анатомической трактовке анималистические образы второй фазы развития превратились в престижные знаки и универсальные мировоззренческие символы, востребованные в ареале колесничных культур. Симметрия двоичных композиций и морфологическое тождество элементов обеспечивали ассоциативные связи с различными блоками информации независимо от ее культурного происхождения. Данная особенность определяла потенциальную возможность трансляции технико-стилистических приемов и композиционных принципов. В пространственно удаленных и культурно различных комплексах прослеживаются не только сейминско-турбинские технологии, но и связанные с ними дизайнерские решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М. : Наука, 1964. 176 с.
- Бородовский А.П. Об одной из особенностей дизайнера и декора сейминско-турбинских копий Среднего Прииртышья // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36. №2. С. 225–238.
- Бородовский А.П. Металлические наконечники копий эпохи бронзы — новые находки с территории Омской области // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024а. №2. С. 65–73.
- Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М. : Научный мир, 2004. 440 с.
- Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. 203 с.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск : Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006, С. 45–53.
- Ковалев А.А. Новые находки кинжалов бронзового века: вновь к проблеме «северных» путей взаимодействия Древнего Китая с культурами степной зоны // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 108–115.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово : ASIA PRINT, 2013. 702 с.

Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014. 292 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. 136 с.

Михайлов Ю.И. Дизайн сейминско-турбинских бронзовых изделий Среднего Прииртышья // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №1. С. 76–88.

Михайлов Ю.И. Размерный стандарт сейминско-турбинских отливок с ушками // СибСкрипт. 2024. Т. 26, №3. С. 335–344.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника — последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. Т. 43. №3. С. 58–71.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.

REFERENCES

Bader O.N. Oldest Metallurgists of the Urals. Moscow : Nauka, 1964. 176 p. (In Russ.)

Borodovskiy A.P. On one of the Features of Design and Décor of the Seyma-Turbino Copies of the Middle Irtysh Region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):225–238. (In Russ.)

Borodovskiy A.P. Metal Spearheads of the Bronze Age — new Finds from the Territory of the Omsk Region. *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2024a;2:65–73. (In Russ.)

Butovskaya M.L. Body Language: Nature and Culture (Evolutionary and Cross-Cultural Foundations of Human Nonverbal Communication) Moscow : Nauchnyj mir, 2004. 440 p. (In Russ.)

Durakov I.A., Mylnikova L.N. At the Dawn of Metallurgy: Bronze Casting Production of the of the Ob-Irtysh Forest-Steppe Population in the Early Bronze Age. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. 203 p. (In Russ.)

Epimakhov A.V. Early Complex Societies of the north of Central Asia (based on the materials of the Kamenny Ambar burial ground-5). Book 1. Chelyabinsk : Chelyabinskij dom pečhati, 2005. 192 p. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F. Eneolithic and Early Bronze Age of the South of Western Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 p. (In Russ.)

Kiryushin Yu.F., Shulga P.I., Grushin S.P. Random Finds of Bronze Objects in the North-Western Foothills of the Altai. In: Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age. Barnaul : Izd-vo Altun-ta, 2006. Pp. 45–53 (In Russ.)

Kovalev A.A. New Finds of Bronze Age Daggers: Again to the Problem of «Northern» Ways of Interaction of Ancient China with Cultures of the Steppe Zone. In: Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Issue 3. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2023. Pp. 108–115. (In Russ.)

Kovtun I.V. Prehistory of Indo-Aryan Mythology. Kemerovo : ASIA PRINT, 2013. 702 p. (In Russ.)

Lopatin V.A. The Beginning of the Late Bronze Age in the North of the Lower Volga Region. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2014. 292 p. (In Russ.).

Matyushenko V.I., Sinitcina G.V. Burial Ground near the Village of Rostovka near Omsk. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1988. 136 p. (In Russ.)

Mikhailov Yu.I. Design of Seyma-Turbino Bronze Products of the Middle Irtysh Region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(1):76–88. (In Russ.)

Mikhailov Yu.I. Dimensional Standard of Seyma-Turbino Castings with Ears. *SibScript*. 2024;26(3):335–344 (In Russ.)

Molodin Vu.I., Neskоров A.V. Collection of Seyma-Turbino Bronzes from the Irtysh Region (the tragedy of a Unique Site — the Consequences of the Grave Robbery of the 21st Century). *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2010;43(3):58–71. (In Russ.)

Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon). Moscow : Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михайлов Юрий Иннокентьевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-производственного объединения «АрхеоПолис», Кемерово, Россия.

Yuri I. Mikhailov, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Research and Production Association “ArcheoPolis”, Kemerovo, Russia.

*Статья поступила в редакцию 04.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 25.02.2025.
The article was submitted 04.12.2024;
approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 25.02.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.03(4-11)»653»

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-06)

EDN: ZRTHAQ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ БУСЫ МИЛЛЕФИОРИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Анастасия Витальевна Письмарова

*Институт археологии РАН, Москва, Россия;
pismarova1407@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0003-2946-5450>*

Резюме. Статья посвящена комплексному исследованию раннесредневековых бус миллефиори, обнаруженных на территории Восточной Европы. Бусы этого типа широко известны на территории Меровингского королевства, включавшего Западную и Центральную Европу, и в меньшем количестве — на территории Великобритании и Скандинавии. Основу исследования составляют бусы миллефиори археологических памятников Восточной Европы (могильники Юго-Западного Крыма, Северного Кавказа и днепровские клады типа Мартыновского), которые ранее не были детально рассмотрены. Особое внимание уделено морфологической и технологической характеристике бус, их орнаментальным особенностям и сравнительному анализу с миллефиори Западной и Центральной Европы. Основные результаты исследования демонстрируют обширную географию распространения миллефиори во 2-й половине VI — VII в., с пиком их бытования в 1-й половине VII в. В ходе анализа материала выявлен уникальный тип декора, характерный исключительно для Восточной Европы, что может указывать на существование стеклоделательных мастерских, производивших украшения для отдельных регионов.

Ключевые слова: раннее Средневековье, меровингский период, стеклянные бусы, миллефиори, мозаичные бусы, клады типа Мартыновского

Благодарности: выражаю глубокую признательность автору раскопок В.Е. Родинковой (ИА РАН), директору Суджанского краеведческого музея Л.М. Придубковой, главному хранителю Курчатовского краеведческого музея Н.В. Воронцовой и главному хранителю Курского государственного областного музея археологии А.В. Зорину за предоставление доступа к материалам кладов из Суджи-Замостья, Фанасеевки, Куриловки и Гапоново.

Для цитирования: Письмарова А.В. Раннесредневековые бусы миллефиори в Восточной Европе // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 101–122. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-06)

EARLY MEDIEVAL MILLEFIORI BEADS IN EASTERN EUROPE

Anastasiia V. Pismarova

*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia;
pismarova1407@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0003-2946-5450>*

Abstract. The article presents a comprehensive study of early medieval millefiori beads discovered in Eastern Europe. These beads are widely known in the territory of the Merovingian Kingdom, which encompassed Western and Central Europe, and were found in smaller quantities in the territories of Great Britain and Scandinavia. The study is based on millefiori beads from archaeological sites in Eastern Europe (necropolises of Southwestern Crimea, the Caucasus, and Dnieper hoards of the Martynovka type), which have not been examined in detail previously. Special attention is paid to the morphological

and technological characteristics of the beads, their ornamental features, and a comparative analysis with millefiori from Western and Central Europe. The main research findings demonstrate the extensive geographical distribution of millefiori during the second half of the 6th — 7th centuries, with their peak occurrence in the first half of the 7th century. During the material analysis, a unique decorative type was identified, characteristic exclusively of Eastern Europe, which may indicate the existence of independent glassmaking workshops producing ornaments for specific regions.

Keywords: Early Middle Ages, Merovingian period, glass beads, millefiori, mosaic beads, hoards of Martynovka type

Acknowledgments: the author expresses deep gratitude to V.E. Rodinkova (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), the excavator of the findings, L.M. Pridubkova, Director of Sudzha Local History Museum, and N.V. Vorontsova, Chief Curator of the Kurchatov Local History Museum and Chief Curator of the Kursk State Regional Museum of Archaeology A.V. Zorin for granting access to materials from Sudzha-Zamostye, Fanasevka, Kurilovka and Gaponovo hoards.

For citation: Pismarova A.V. Early Medieval Millefiori Beads in Eastern Europe. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):101–122. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-06)

Введение

Бусы миллефиори (итал. *millefiori* — «тысяча цветов») выделяются среди других стеклянных бус своей выразительностью и сложностью техники их изготовления. Их полихромные композиции, напоминающие разноцветную мозаику, не только демонстрируют высокий уровень стеклоделательного ремесла, но и служат важным источником информации о культурных взаимодействиях и торговых путях раннесредневековой Европы.

История изучения бус миллефиори была подробно рассмотрена А. Фолькманом и К. Тойнэ в работе, которая представляет собой одно из наиболее полных исследований бус миллефиори (Volkman, Theune, 2001, s. 523–525). Авторами был описан период изучения миллефиори, который на момент публикации насчитывал почти 100 лет. Избегая повторений, стоит отметить основные направления исследований рассматриваемых артефактов. В первую очередь важным достижением стал полноценный анализ бус миллефиори (Kisa, 1908; Fremersdorf, 1939) и, как следствие, их типологизация (Andrae, 1973; Koch 1977, 2001; Callmer, 1977). Научные изыскания конца XX в. существенно расширили базу исследований миллефиори не только включением новых материалов в научный оборот, но и анализом этих изделий в контексте средневековых, в большей степени меровингских древностей (Roth, Theune, 1988; Theune-Vogt, 1990; Sasse, Theune, 1996; Siegmann, 2001, 2002, 2004, 2005, 2006). Остается открытым вопрос о возможных центрах производства бус миллефиори. Высказывались разные мнения, где могли существовать такие центры: в Александрии (Kisa, 1908; Trowbridge, 1930; Fremersdorf, 1955; Andrae, 1973), Ассирии (Zhouidi, 1958; Haevernick, 1968), Северной Италии (Koch, 1974). Однако до сих пор не обнаружены прямые археологические доказательства существования стеклянных мастерских, которые можно было бы считать центрами производства миллефиори.

В упомянутом исследовании А. Фолькмана и К. Тойнэ не учтены работы советских/российских авторов, которыми были рассмотрены подобные бусы с территории Восточной Европы (Алексеева, 1982, табл. 49; Ковалевская, 2000, с. 93–94). Этот пробел указывает на возможность уточнения существующей в зарубежной историографии картины распространения бус миллефиори.

На сегодняшний день бусы, подобные изделиям миллефиори меровингского периода, известны среди древностей Юго-Западного Крыма, Северного Кавказа, Поднепровья (в кладах типа Мартыновского) и еще нескольких единичных памятников вне территории Меровингского королевства.

Актуальность настоящего исследования определяется возможностью расширения существующих представлений о географии распространения бус миллефиори за пределы традиционно изучаемых территорий Меровингского королевства и реконструкции широких экономических и культурных связей раннесредневекового периода.

Цель работы — комплексное исследование раннесредневековых бус миллефиори, которое включает:

- морфологическую и технологическую характеристику бус;
- рассмотрение территориальной и хронологической специфики распространения миллефиори на основе сопоставления материалов из Восточной Европы с центральными и западноевропейскими коллекциями;
- реконструкцию возможных культурно-экономических связей раннесредневековых сообществ.

Понятие «миллефиори»

Использование термина «миллефиори» неоднозначно, что обуславливает определенные сложности при работе с научной литературой. Описывая технику изготовления бус миллефиори, исследователи часто используют разные термины. Таким образом сложилась следующая ситуация: несмотря на то что на сегодняшний день существует вполне четкое представление о том, что представляют собой изделия миллефиори, в специальной литературе до сих пор нет единого общепринятого термина для их обозначения.

Историографический анализ Г. Штайна показывает, что появление самого понятия произошло значительно позже возникновения и распространения техники изготовления подобных изделий (Stein, 1957, s. 519). Как отмечал немецкий исследователь, точно определить период возникновения данной техники не представляется возможным. Посуда и украшения, изготовленные в технике миллефиори, были известны как минимум уже с периода античности. При этом термин «миллефиори» впервые документально зафиксирован только в 1834 г., когда доктор Фусц изобрел соответствующий метод производства и около 1842 г. основал «Фабрику венецианского миллефиори и художественных изделий из стекла» (Stein, 1957, s. 520). Таким образом, во 2-й половине XIX в. распространение изделий миллефиори получило новый импульс, а сам термин вошел в широкий обиход.

Наиболее часто вместо «миллефиори» используется термин «мозаичные бусы», что, например, по мнению А. Киса является более правильным, так как техника миллефиори связана непосредственно с венецианской традицией стеклоделия (Kisa, 1908, s. 501). Специалист по англосаксонским бусам М. Гвидо предлагала следовать примеру Д. Хардена, который, по ее мнению, наиболее точно определил разницу между «миллефиори» и «мозаичными» изделиями (Guido, 1999, p. 70). Согласно Д. Хардену, «мозаичными» являются все полихромные изделия, полученные путем сплавления разноцветных заготовок, в то время как к «миллефиори» относятся только стеклянные изделия, которые составлены из поперечных срезов стеклянных стержней с цветочными или подобными им узорами (Harden, 1968, p. 21).

В целом термин «мозаичные» бусы был более популярен в литературе, однако после работы У. Кох по изучению памятника Шрэтцхайм (Schretzheim) (Koch, 1977), на котором было обнаружено большое количество бус, ситуация для зарубежных исследователей изменилась. У. Кох было выделено несколько групп (типов) стеклянных бус, одна из которых была обозначена как «миллефиори» (Koch, 1977, FARVTADEL 6.-M1-54, M56-63). Благодаря многообразию и информативности материала памятника результаты анализа бус Шрэтцхайма стали важным источником при изучении синхронных коллекций, что повлияло на частоту использования термина «миллефиори» по отношению к аналогичным бусам Шрэтцхайма.

В отечественной литературе термин «миллефиори» не получил широкого распространения и такие бусы чаще относятся к группе «мозаичных». Так, например, в одной из эталонных работ Е.М. Алексеевой, посвященных изучению бус Северного Причерноморья, выделена группа мозаичных изделий. При этом исследователь предлагала расширить понимание мозаичной техники, включив в нее не только классические спаянные, но и спаянно-накладные орнаменты (Алексеева, 1982, с. 35).

Стоит также отметить, что в определении отечественными исследователями «мозаичных» бус имеются свои трудности. Одной из проблем, которая, впрочем, не получила большого развития, является понимание «мозаичной» техники бус как способа орнаментации изделий разноцветными кусочками стекла (см., напр.: Полубояринова, 1988, с. 168; Курышова, 2012, с. 207; Кутузова, Воробьева, 2018, с. 107, рис. 1.-29). Такие бусы прокатывались по крошке стекла, за счет чего формировался декор из россыпи разноцветных крапинок, отсюда их другое, более распространенное наименование — «крапчатые» бусы (см., напр.: Мастыкова, 2015, рис. 50.-2-4, с. 60, 61; Румянцева, 2019, с. 20, рис. 2.-1-4; с. 21, рис. 2а.-1-4).

Кроме того, в отечественной науке получил широкое распространение технологический подход в изучении стеклянных бус, сформированный трудами З.А. Львовой. Согласно этой традиции, бусы миллефиори рассматриваются через призму производственных процессов — как изделия, изготовленные посредством сварки (Львова, 1979, с. 100; Мастыкова, 1996, с. 93).

Таким образом, терминология, используемая для обозначения рассматриваемых бус, варьируется в зависимости от подхода исследователей. В научной литературе встречаются следующие термины: «миллефиори» (по большей части историографический термин, так как связан со стеклоделательной традицией XIX в.), «мозаичные» (описывающий визуальные характеристики) и «бусы, изготовленные посредством сварки» (отражающий технологию производства). В рамках настоящего исследования будет использоваться термин «миллефиори», поскольку тип рассматриваемых изделий получил широкую известность в зарубежных исследованиях именно под этим названием, хотя следует учитывать условность его применения к древним артефактам.

Источники

В работе рассмотрены миллефиори меровингского периода из материалов Восточной Европы. Лично обработаны экземпляры из днепровских раннесредневековых кладов типа Мартыновского: клад из Суджи-Замостья (6 экз.), Гапоновский (1 экз.), Куриловский (4 экз.) и Фанасеевский (1 экз.) клады. Привлечены материалы из аналогичного опубликованного комплекса: клад из Козиевки / Новой Одессы (клад утерян, примерно 4 экз.) (рис. 1).

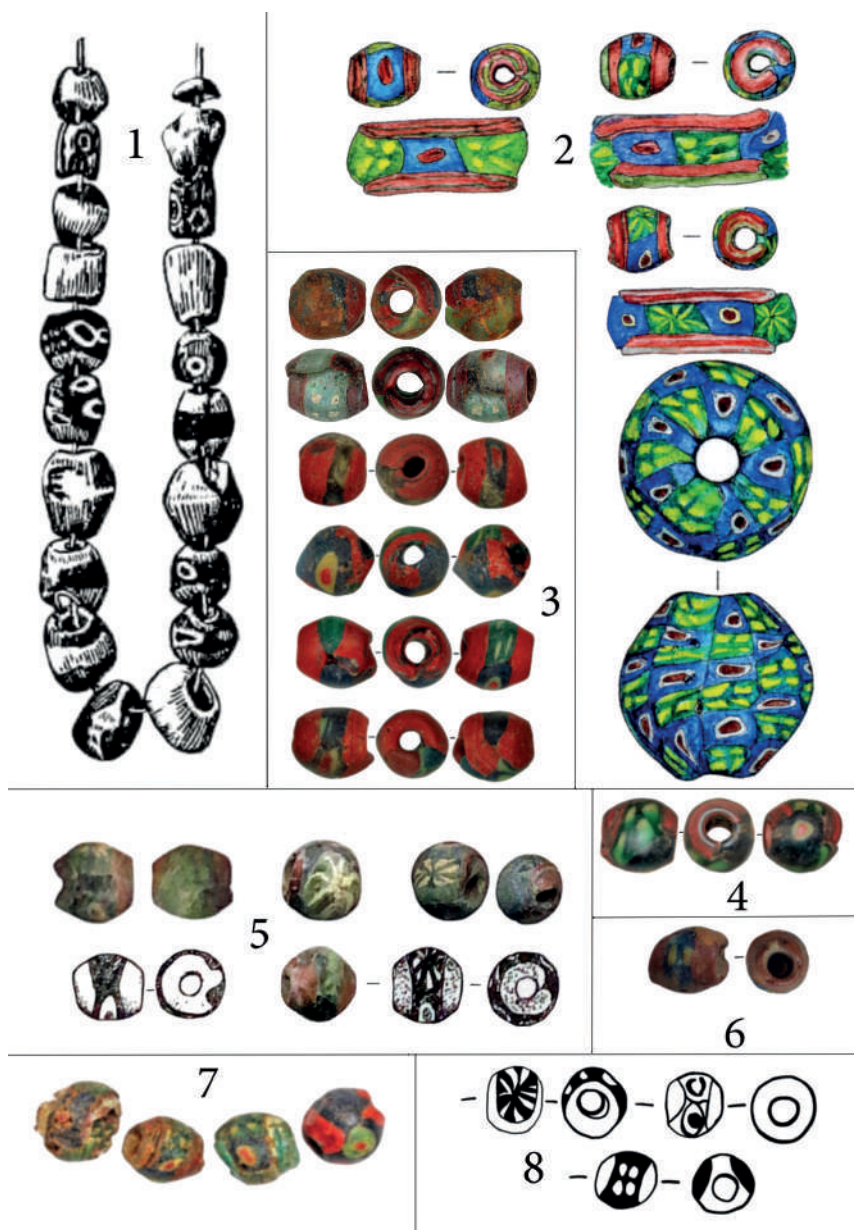

Рис. 1. Бусы миллефиори Восточной Европы (ч. 1):

- 1 — клад из Козиевки / Новой Одессы (Корзухина, 1996, с. 637, табл. 47.-5);
 2 — Куриловский клад (рис. С.Л. Богаченко); 3 — клад из Суджи-Замостья (фото Д.И. Киселева);
 4 — Гапоновский клад (фото КГОМА); 5 — Адым-Чокрак (Ветманн et al., 2013, taf. 4.-10.1;
 14.-5; 20.-4.1), Южный-I и Южный-II (Ветманн et al., 2013, taf. 41.-9; 52.-2); 6 — Фанасеевский клад;
 7 — некрополь Дюрсо (Могильник Дюрсо, 2021, с. 232, рис. 169.-3.2.2);
 8 — погребения у с. Мохнач (Аксенов, Бабенко, 1998, с. 116, рис. 4.-4)

Fig. 1. Millefiori Beads of Eastern Europe (P. 1):

1 — Kozievka / Nova Odessa Hoard (Korzhuikhina, 1996, p. 637, tab. 47.-5); 2 — Kurilovka Hoard (Illustration by S.L. Bogachenko); 3 — Sudzhi-Zamostye Hoard (Photo by D.I. Kiselyov); 4 — Gaponovo Hoard (Photo of the Kursk State Regional Museum of Archaeology); 5 — Adym-Chokrak (Bemmann et al., 2013, taf. 4.-10.1; 14.-5; 20.-4.1), Juznyj-I and Juznyj-II (Bemmann et al., 2013, taf. 41.-9; 52.-2); 6 — Fanasyeevka Hoard; 7 — Necropolis of Dyurso (Durso Burial Ground, 2021, p. 232, fig. 169-3.2.2); 8 — Burials near the village of Mohnach (Aksenov, Babenko, 1998, p. 116, fig. 4.-4)

Проанализированы опубликованные крымские и северокавказские материалы: могильник у с. Лучистое (экз.), Адым-Чокрак (3 экз.), Южный-I (1 экз.), Южный-II (1 экз.), Сахарная Головка (1 экз.), некрополь Дюurso (4 экз.) (рис. 1, 2).

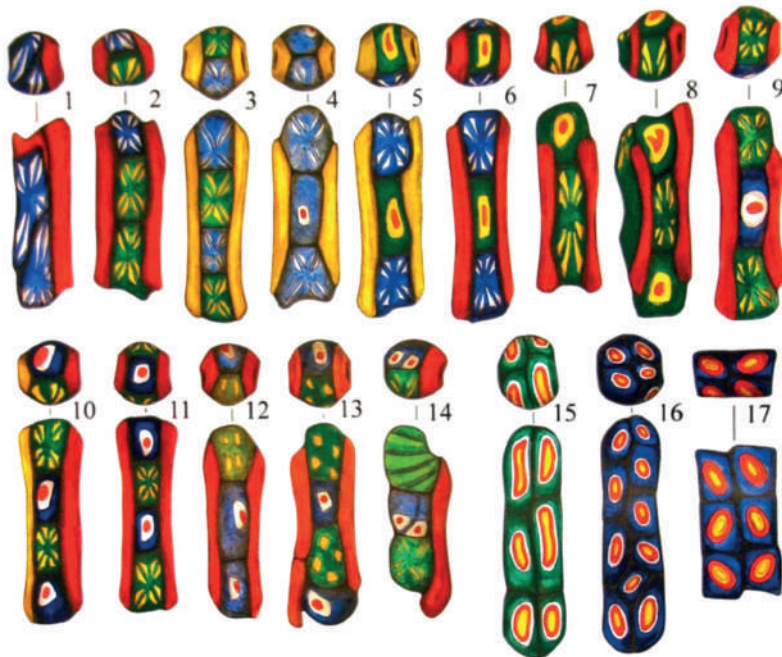

Рис. 2. Бусы миллефиори Восточной Европы (Ч. 2): миллефиори меровингского типа на могильнике у с. Лучистое (Айбабин, Хайрединоva, 2008, с. 318, табл. 184.-1-17)

Fig. 2. Millefiori Beads of Eastern Europe (P. 2): Merovingian-type Millefiori at the Burial site near the village of Luchistoye (Aibabin, Khayredinova, 2008, p. 318, Tab. 184.-1-17)

Характеристика раннесредневековых бус миллефиори

Разнообразие миллефиори меровингского периода достаточно велико. В результате анализа бус из Шрэтцхайма У. Кох выделила 63 типа миллефиори (Koch, 1977, Farbtafel 6.-M1-M54, M56-63). Затем этот список был ею дополнен на основе коллекции из Пляйдельсхайма (Pleidelsheim) еще 14 типами (Koch, 2001, Farbtafel 8.-M77-M90). Позже в Ашхайме (Aschheim) были обнаружены новые типы миллефиори, которые выделяются необычной цветовой палитрой (Gutsmiedl-Schümann, 2010, Farbtafel 30.-M97A-M123A) (рис. 3).

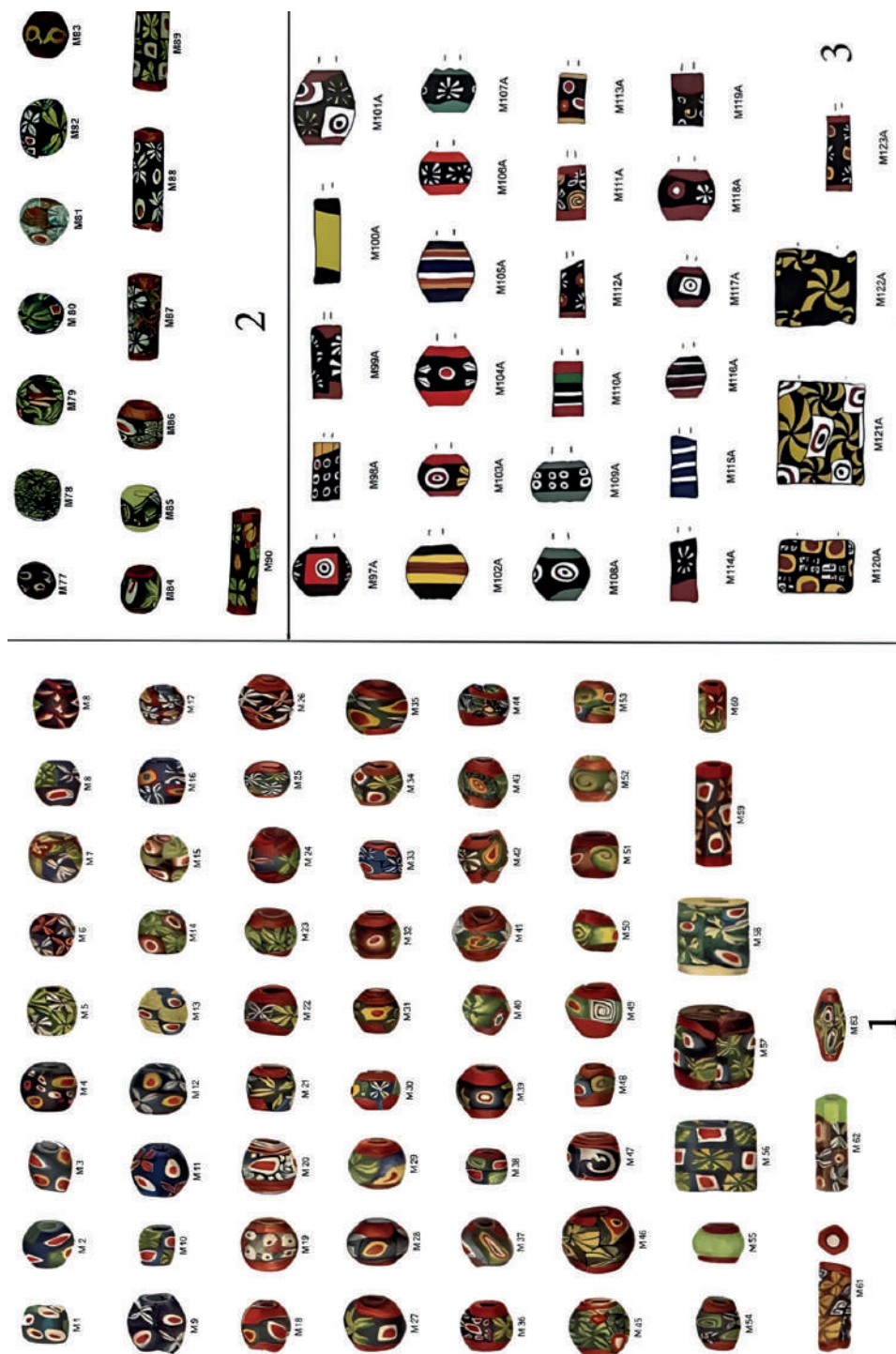

Рис. 3. Типы миллефори Меровингского королевства: 1 — на основе бус из Шретцхайма; 2 — бус из Плядельсхайма; 3 — бус из Ашхайма
 Fig. 3. Types of Millefiori in the Merovingian Kingdom: 1 — Based on beads from Shretzheim; 2 — Beads from Pleidelsheim; 3 — Beads from Aschheim

Форма. Варианты бус миллефиори различаются на основании декора, формы и цветовой палитры. Наиболее популярны среди бус миллефиори меровингского периода округлая шаровидная и вытянутая цилиндрическая формы. Некоторые цилиндрические бусы имеют граненую форму (призматические), присутствуют также цилиндрические крупные невытянутые бусины (когда диаметр и высота изделия не имеют большой разницы). Миллефиори Восточной Европы имеют преимущественно округлую шаровидную форму.

Орнамент. А. Фолькман и К. Тойнэ выделили орнаменты бус миллефиори, характерные для разных хронологических периодов: римского, меровингского, каролингского/викингов и для XIX/XX вв. в Венеции (Volkmann, Theune, 2001, s. 529, abb. 2). Согласно исследованию авторов, миллефиори римского периода выделяются сложными видами орнаментации в виде лиц и так называемого коврового декора. Для раннесредневековых бус характерны следующие виды декора: глазки, листики и спирали. Причем эти типы имеют разные варианты исполнения и комбинации между собой. Для бус эпохи викингов типично использование шахматного декора, который зачастую покрывал не всю бусину, а являлся одним из элементов композиции и комбинировался, например, с глазками, бытовавшими и в более ранний период.

Узор раннесредневековых бус миллефиори Восточной Европы включает как типичные для меровингских коллекций виды декора, так и один новый вид. Он представляет собой четыре точки желто-зеленого цвета на зеленом фоне. Этот тип визуально похож на листики, широко распространенный орнамент на территории Меровингского королевства, но, по всей видимости, полихромные заготовки для этих декоров изготавливались разными способами.

Технология изготовления. В целом техника миллефиори подразумевает процесс сварки между собой нескольких стеклянных заготовок. Эти заготовки представляют собой отрезки стеклянных полихромных палочек (в литературе также известны под названием палочки миллефиори (*milleforistäben*) и многослойных палочек (*überfangstäbe*), или стержней).

М. Зигман было отмечено, что существует два основных метода изготовления палочек миллефиори, которые могли также использоваться в комбинации: из холодных стеклянных палочек и горячего размягченного стекла. В первом случае разноцветные стеклянные палочки или другие стеклянные детали складывались вместе и нагревались, в результате чего мастер получал толстый полихромный стержень — «мультикомпозиционную палочку» (*multikompositstäbe*) (Siegmann, 2006, s. 943, 945). Такой способ, например, мог использоваться для изготовления лицевых бусин.

Для бус миллефиори Восточной Европы использовались четыре вида полихромных стерженьков, каждый из которых отличается узором и технологией изготовления.

Декор 1 — глазок (мозаичный или концентрический) (рис. 4.-1)

Этот вид декора наиболее популярен для бус. Его бытование не ограничивается хронологическими рамками исследования, в отличие от других узоров. Для его изготовления на горячее размягченное стекло накладывался слой стекла другого цвета (навивался по спирали). Эта операция повторялась в зависимости от желаемого количества цветов и соответственно слоев на заготовке.

Рис. 4. Виды декора полихромных палочек: 1 — глазок; 2 — точки; 3 — листики; 4 — спираль (1, 4 — клад из Суджи-Замостья; 2 — Гапоновский клад; 3 — англо-саксонские погребения (Иклингем, Саффолк; Норфолк))

Fig. 4. Types of Decoration on Polychrome Rods: 1 — Eye; 2 — Dots; 3 — Flower and leaf designs; 4 — Spiral (1, 4 — Sudzhi-Zamostye Hoard; 2 — Gaponovo Hoard; 3 — anglo-saxon cemetrys (Icklingham, Suffolk; Norfolk))

В исследовании М. Зигман приведено еще два возможных способа изготовления полихромных палочек с глазчатым узором. На горячее стекло цилиндрической формы накладывались толстые стеклянные нити другого цвета вдоль цилиндра до того момента, пока он не был покрыт ими полностью. Другой способ состоит в том, что к цилиндрической заготовке стекла присоединялся конус из стекла, который в результате нагревания и плавления также полностью покрывал первоначальную заготовку (Siegmann, 2006, s. 943). В отечественной науке более популярно следующее представление об изготовлении концентрических глазков: одноцветный стеклянный стержень последовательно опускали в жидкое стекло различных цветов, каждый раз давая застыть новой оболочке (Алексеева, 1975, с. 51).

Каждый из вариантов техники изготовления глазков имеет право на существование, однако первый метод был опробован С. Хейзер, которая занимается экспериментальным изучением стеклянных бус и в одной из своих работ создала миллефиори, аналогичные тем, что рассматриваются в этом исследовании (Haeser, 2022, s. 18, abb. 1).

Декор 2 — четыре точки (рис. 4.-2)

Заготовка для такого декора могла быть получена в результате изготовления мультикомпозиционной палочки. Стеклопалочки двух цветов в холодном твердом состоянии складывались вместе, нагревались, в результате чего соединялись в один стеклянный стержень. Также узор из четырех одинаковых элементов мог быть изготовлен из одной палочки миллефиори с глазчатым узором, которая разрезалась на четыре части. Затем отрезки соединялись, образуя новую композицию.

Декор 3 — листики (рис. 4.-3)

Процесс получения узора с листиками, по мнению М. Зигман, может быть аналогичным описанному выше. Сначала формировался стержень миллефиори с одним или двумя листиками, затем делился на несколько частей, из которых формировалась мультикомпозиционная палочка с несколькими листиками (Siegmann, 2006, s. 945).

Встречаются узоры с двойными листиками, которые визуально делятся на четыре части, и восемь одинаковыми листиками. Есть вероятность, что второй вид узора мог быть получен в результате наложения вдоль центральной стеклянной заготовки восьми нитей стекла другого цвета в расплавленном состоянии.

Декор 4 — спираль (рис. 4.-4)

Палочка миллефиори со спиральным рисунком формировалась из нескольких слоев горячего размягченного стекла, которые накладывались друг на друга, а затем вместе скручивались.

Обсуждение

На территории Восточной Европы бусы миллефиори встречаются в некоторых днепровских раннесредневековыхкладах типа Мартыновского: клад из Козиевки / Новой Одессы (Корзухина, 1996, с. 637, табл. 47.-5), Гапоновский клад (Мастыкова, 1996, с. 43–44), клад из Суджи-Замостья (Родинкова, Сапрыкина, Сычева, 2018, рис. 4.-70, с. 135), Куриловки (Письмарова — в печ.), Фанасеевки и Черкасской Конопельски (Родинкова, 2023, рис. 4, 5, с. 207). Такие бусы присутствуют в материалах погребения у с. Мохнач (Харьковская обл.) (Аксенов, Бабенко, 1998, с. 116, рис. 4.-4) (рис. 1). Кроме того, они известны на средневековых памятниках Юго-Западного Крыма. В нескольких погребениях на могильнике Лучистое, принадлежавшем крымским готам: ск. 35, сл. 4, п. 5 (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 99); ск. 38, сл. 3, п. 9 и п. 12 (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 112, 114), ск. 40, сл. 1, п. 2 (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 118), ск. 46а, п. 4 (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 60), ск. 54/54а, сл. 3, п. 12 (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 71), ск. 59, сл. 4, п. 19 (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 88). ск. 65, сл. 1, п. 1-2 (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 97–99), ск. 65, сл. 2, п. 3, 13–15 (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 100, 105–107) (рис. 2).

На памятниках Адым-Чокрак (п. 7, 26, 32) (Vemmann et al., 2013, taf. 4.-10.1; 14.-5; 20.-4.1), Южный-I (п. 12), Южный-II (п. 8) (Vemmann et al., 2013, , taf. 41.-9; 52.-2) и Сахарная Головка (Ковалевская, 2000, с. 82, тип. 280). Подобные бусины бытовали и на Северном Кавказе, в некрополе Дюрсо (п. 135), принадлежавшем готам-тетракситам, расположенном под Новороссийском (Могильник Дюрсо, 2021, с. 232, 3.2.2) (рис. 1).

Миллефиори Западной и Центральной Европы и бусы Восточной Европы имеют ряд сходств и могут рассматриваться в качестве аналогий друг для друга. Но только бусы миллефиори Восточной Европы имеют отличный декор с четырьмя точками, отсутствующий среди материалов Западной и Центральной Европы (табл.1).

Таблица 1

Распределение типов декора миллефиори на раннесредневековых памятниках

Tab. 1

Distribution of Millefiori Decoration Types on Early Medieval Monuments

Узор полихромной палочки, используемой для бус миллефиори Памятник	Глазок	Четыре точки	Спираль	Листики	Полосы по краям ¹	Комментарии к таблице:
	Рис. 2.-1	Рис. 2.-2	Рис. 2.-3	Рис. 2.-4		
1. Днепровские раннесредневековые клады	+	+	+		Красно-коричневые	1. Известны миллефиори с полосами и без. В данном случае интерес представляет цвет этих полос, так как он редко отличается. 2. Глазки стандартных цветов и глазки отличного цвета. 3. Встречаются на бусах, изготовленных другим способом, но морфологически похожих на миллефиори. 4. По публикации трудно определить тип декора (точки или листики) 5. Выделен среди памятников Центральной Европы, так как имеет уникальные типы миллефиори. 6. Встречаются глазки стандартного вида и глазки с большим количеством слоев, отличного цвета
2. Погребение у с. Мохнач	+	+		+	Красно-коричневые	
3. Могильник у с. Лучистое	+ ²	+	? ³	+	Красно-коричневые; желтые	
4. Могильник Адым-Чокрак	+			+	?	
5. Могильники Южный-I, II	+			+	?	
6. Могильник Сахарная Головка	+	+ ⁴		+		
7. Некрополь Дюрсо	+	+			Красно-коричневые; голубые	
8. Лангобардские памятники в Италии	+			+	Красно-коричневые	
9. Меровингские памятники Центральной Европы	+		+	+	Красно-коричневые	
10. Некрополь Ашхайм, Бавария ⁵	+			+	Красно-коричневые; зеленые	
11. Западная часть Меровингского королевства	+ ⁶			+	Красно-коричневые	
12. Англосаксонские памятники	+		+	+	Красно-коричневые	
13. Скандинавские памятники	+			+	Красно-коричневые	
14. Поселение Эж-Жаузе в Ливане	?			+	Красно-коричневые	

Наибольшее количество типов миллефиори представлено в коллекции могильника у села Лучистое (рис. 2). Поскольку там присутствуют бусы с декором как в виде листиков, так и с точками, не остается сомнения, что это два разных типа узора. Бытование бус с отличным орнаментом на территории Восточной Европы может быть свидетельством существования отдельной мастерской, продукция которой поставлялась непосредственно в Восточную Европу. Но не стоит исключать и возможность существования единого источника производства миллефиори.

При рассмотрении этого вопроса стоит обратиться и к материалам могильника Ашхайм, оставленного баюварами. Коллекция бус из Ашхайма отличается многообразием и также имеет несколько типов, неизвестных на других территориях (Gutsmiedl-Schümann, 2010, Farbtafel 30.-M97A-M123A). Причем миллефиори из коллекции этого памятника отличаются не только иными композициями декора, но и цветом стекла. Так, только для бус из Ашхайма характерно использование зелено-голубого стекла для полос по краям бусины, на всех остальных известных миллефиори эти полосы красно-коричневого цвета. По всей видимости, для бус населения, оставившего этот могильник, могло быть использовано другое стекло, а следовательно, могла существовать и другая мастерская, где они производились. В связи с этим можно предположить, что в рассматриваемый период техника миллефиори была особенно популярна и могла распространиться за пределы первоначального источника изготовления таких бус.

О масштабах распространения моды на бусы миллефиори в раннем Средневековье свидетельствует территория их распространения (рис. 5). Бусы миллефиори такого типа известны на территории Италии в лангобардских памятниках (например, на памятниках Чивидале-дель-Фриули (Cividale del Friuli)) (Лангобарды..., 2018, с. 94, II.1); Имола (Imola) (Cavallari, 2014, fig. 4, 5–7); Боргомазино (Borgomasino) (Ceretti, 2019/2020, taf. XXIX, fig. 70), на территории Германии, Швейцарии и Франции у алеманнов и меровингов (Koch, 1974, s. 515–518; Volkmann, Theune, 2001, s. 552–553; Legoux, Périn, Vallet, 2016, p. 43). Кроме того, такие бусы встречаются на англосаксонских памятниках, но сравнительно редко (Haeser, 2021, p. 22). В небольшом количестве миллефиори рассматриваемого типа присутствуют на скандинавских памятниках эпохи викингов (например, в Вёря-Капаркуллен (Vörä-Kaparkullen) (Koch, 1974, s. 498, abb. 1) или Борнхольме (Bornholm) (Jorgensen, Nørgård Jorgensen, 1997, p. 220, pl. 29.-2)). Подобные бусы имеются в коллекции ранневизантийского периода на поселении Эж-Жаузе (Ej-Jaouzé) в Ливане (Мастыкова, 2023, с. 201, рис. 3.-31).

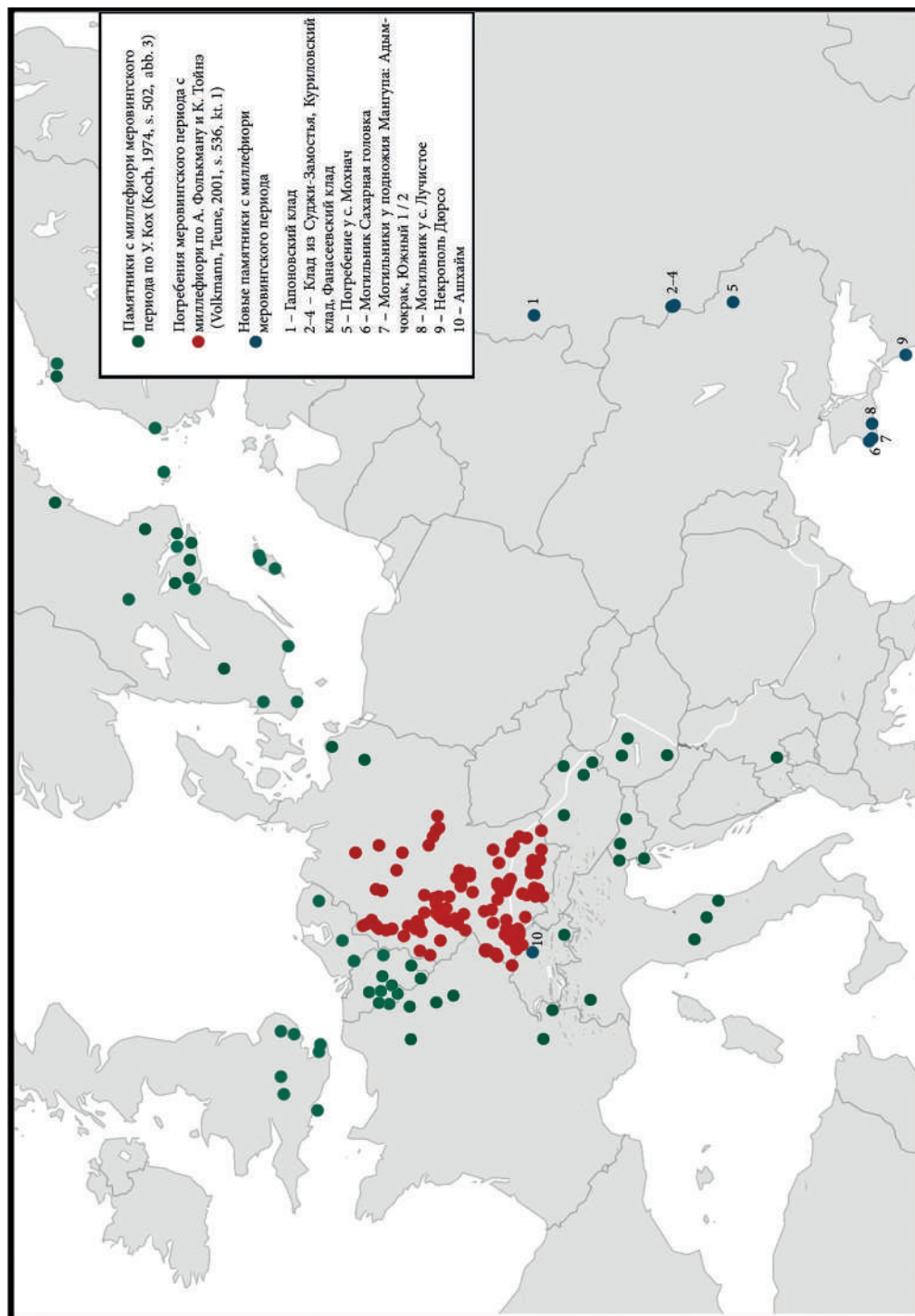

Рис. 5. Карта распространения бус миллефиори Fig. 5. Map of Millefiori Bead Distribution

Исследователями был изучен обширный археологический материал с земель, входивших в состав государства Меровингов, что дает возможность использовать изделия миллефиори как хронологический индикатор. Исследования 192 погребальных комплексов западных областей меровингского государства позволили создать систему абсолютной хронологии древностей (Legoux, Périn, Vallet, 2016). Согласно этой системе изучаемые бусы характерны преимущественно для второй фазы раннемеровингской эпохи, охватывающей период 520/530–560/570 гг., хотя отдельные экземпляры фиксируются как в более раннее время, так и позднее — вплоть до 600/610 гг. (Мастыкова, 2023, с. 197–198). Изучение находок со 120 археологических объектов в землях Центральной Европы позволило выявить специфику распространения разных типов миллефиори. В центральноевропейском регионе подобные украшения начинают встречаться со 2-й трети VI в. Самые ранние образцы преимущественно характеризуются формой, близкой к бочонковидной (округло-шаровидной), и декорированы глазчатым орнаментом синего, белого, желтого или красного цветов, а также растительными мотивами зеленого цвета в виде листьев. Красно-коричневая полоса по краям отсутствует. Пик распространения миллефиори приходится примерно на рубеж VI/VII вв., когда качество изделий становится выше, увеличивается их многообразие, к декору добавляются красно-коричневые полосы по краям. В этот же период были распространены крупные стеклянные миллефиори (которые в зарубежной литературе рассматриваются в качестве пряслиц). В VII в. количество типов миллефиори становится меньше и снижается их качество, распространяются призматические бусы (Volkmann, Theune, 2001, s. 534).

Памятники Восточной Европы с бусами миллефиори имеют более широкие датировки (табл. 2). Наиболее информативными в этом вопросе являются погребения некрополя у с. Лучистое, датированные авторами на основе анализа взаимовстречаемости однотипных вещей в составе закрытых комплексов (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 72). Большинство погребений этого могильника с бусами миллефиори относятся к 1-й половине VII в., два погребения — ко 2-й половине VI в., три погребения — ко 2-й половине VII в. В целом наибольшее распространение бус миллефиори на территории Восточной Европы характерно для 1-й половины VII в. (табл. 2), хотя они также известны среди более ранних и поздних материалов.

Анализ материала позволяет выдвинуть гипотезу о разновременном появлении украшений в технике миллефиори в разных регионах Европы. К VII в. их количество в памятниках государства Меровингов уменьшается, однако в это же время они получают распространение в бассейне Днепра, на территории Юго-Западного Крыма и в северокавказском регионе. Как отмечает В.Б. Ковалевская, эти бусы попадали в Крым и на Северный Кавказ через черноморские торговые пути на протяжении VI–VII вв. (Ковалевская, 2000, с. 83). Она отметила также эпизодический характер поступления этих бус на территорию Восточного Предкавказья. Учитывая многообразие миллефиори в Юго-Западном Крыму, можно предположить, что изначально они достигали этой территории, а затем распространялись дальше, на Северный Кавказ и в Поднепровье.

Таблица 2

Хронология археологических памятников с бусами миллефиори

Tab. 2

Chronology of Archaeological Sites with Millefiori Beads

Памятник	Дата
1. Клады типа Мартыновского: Клад из Козиевки / Новой Одессы Гапоновский клад Клад из Суджи-Замостья Куриловский клад Фанасеевский клад	Конец VI в. / рубеж VI–VII вв. до середины / третьей четверти VII в.
2. Погребение у с. Мохнач	VI–VII вв.
3. Могильник у с. Лучистое: Ск. 35, сл. 4, п. 5 Ск. 38, сл. 3, п. 9, 12 Ск. 40, сл. 1, п. 2 Ск. 46а, п. 4; ск. 59, сл. 4, п. 19; ск. 65, сл. 2, п. 3 Ск. 54/54а, сл. 3, п. 12; ск. 65, сл. 1, п. 1–2 Ск. 65, сл. 2, п. 13–15	600–700 гг. 600–650 гг. 550–600 гг. 600–625 гг. 650–700 гг. 625–650 гг.
4. Могильник Адым-Чокрак	600–680 гг.
5. Могильники Южный-I, II	600–680 гг.
6. Могильник Сахарная Головка	VIII/IX вв.
7. Некрополь Дюрсо	2-я половина VI — 2-я половина VII в.
8. Лангобардские памятники в Италии: Чивидале-дель-Фриули Имола Боргомазино (Турин)	Последняя треть VII в. VI — 1-я половина VII в. Конец VI — конец VII в.
9. Мерovingские памятники Центральной Европы	2-я треть VI в. — до VII в.
10. Некрополь Ашхайм, Бавария	480/490–540/550 гг.
11. Западная часть Мерovingского королевства	520/530–600/610 гг.
12. Англосаксонские памятники	VI–VII вв.
13. Скандинавские памятники	650–700 гг. (750)
14. Поселение Эж-Жаузе в Ливане	IV–VIII вв.

Заключение

Бусы миллефиори в период раннего Средневековья заполнили обширную географическую территорию, что, вероятно, отражает существование определенной моды в этот период. У. Кох в своем исследовании 1974 г. привела список археологических источников бус миллефиори мерovingского периода, который включает Италию, страны бывшей Югославии, Венгрию, Австрию, Швейцарию, Германию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Англию, Швецию и Финляндию (Koch, 1974, s. 515–519). Сегодня этот, и без того длинный, список памятников является уже неполным. Бусы миллефиори были обнаружены не только на новых памятниках, включенных в названную территорию, но и за ее пределами — в Юго-Западном Крыму, на Северном Кавказе, в Среднем Поднепровье и Ливане.

В Западной и Центральной Европе распространение миллефиори приходится на 2-ю треть VI — VII в., с пиком на рубеже VI/VII вв. Памятники Восточной Европы с бусами миллефиори имеют похожие датировки, которые укладываются в рамки 2-й половины VI — VII в., с наибольшим распространением в 1-й половине VII в. Вероятно, миллефиори могли проникнуть в Восточную Европу несколько позднее, чем на территорию Меровингского королевства. В таком случае можно предположить, что первоначально эти украшения поступали на территорию Меровингского королевства, откуда они могли двигаться дальше на север, к англосаксам и скандинавам, или на восток, на территорию Юго-Западного Крыма. Принимая во внимание факт существования значительных контактов крымских готов с населением Среднего Поднепровья, точку зрения В.Б. Ковалевской об эпизодическом характере поступления миллефиори в северокавказский регион и их многообразии в Юго-Западном Крыму, вероятно, можно говорить о том, что бусы распространялись на Северный Кавказ или Среднее Поднепровье непосредственно из Юго-Западного Крыма.

Вопрос о центре производства остается открытым, так как до сих пор не было обнаружено мастерских, производивших стекло миллефиори, функционировавших в рассматриваемый период. Основные точки зрения связаны с локализацией центров стеклоделия в Египте или Сирии. У. Кох, выдвинула гипотезу о распространении стеклоделия в римский период за пределами этих центров, но местными мастерами, так как знания по изготовлению и обработке стекла, вероятно, как и в Средние века, передавались только внутри небольшой группы стеклоделов (Koch, 1974, s. 501). На основе анализа особенностей распространения миллефиори, а также монет и другого сопроводительного инвентаря У. Кох обосновала версию о возможной локализации стеклоделательного центра, снабжавшего Центральную Европу бусами миллефиори в Северной Италии (Koch, 1974, s. 503). Стоит отметить, что такое представление продолжает существовать на уровне теории, но при этом оно не противоречит высказанной выше точке зрения о возможных путях распространения миллефиори в раннем Средневековье.

Типологическое разнообразие миллефиори может интерпретироваться не только как показатель высокого уровня стеклоделательного ремесла, но и как аргумент в пользу существования мастерских за пределами основного источника их изготовления. Мастера могли копировать стили, передавать технологические знания или мигрировать, изготавливая бусы на месте. Вероятность производства похожих между собой бус миллефиори в отдаленных местах была также отмечена У. Кох при исследовании бус Финляндии (Koch, 1974, s. 501).

Распространение в Восточной Европе бус с декором, нетипичным для других территорий, в таком случае может рассматриваться как показатель существования мастерской, работающей на данный регион. Кроме того, в кладе из Суджи-Замостья присутствует несколько бусин, морфологически очень похожих на рассматриваемый тип миллефиори (тот же декор, композиция, цветовая палитра), но изготовленных иным способом. Тулово бусины сделано путем обертывания стеклянной полосы вокруг стержня, декорированного затем отрезками полихромных палочек, которые накладывались сверху. Вероятно, такая техника несколько легче в исполнении, что может объяснять ее использование мастерами, подражающими стилю миллефиори. Но исключать веро-

ятность изготовления бусин этих типов в одной мастерской тоже нельзя, как минимум потому, что для их производства были использованы аналогичные заготовки.

Таким образом, исследование раннесредневековых бус миллефиори позволило расширить представления о культурном взаимодействии и торговых путях раннесредневековой Европы, продемонстрировав высокий уровень популярности этих украшений во 2-й половине VI — VII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Т. 1. Симферополь ; Керчь : АДФУ-Україна, 2008. 334 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Т. 2. Керчь : Майстер Книг. 2014. 400 с.

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII века н.э. у села Мохнач // РА. 1998. №3. С. 111–122.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М. : Наука, 1975. 94 с. (САИ. Вып. Г1-12)

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М. : Наука, 1982. 105 с., табл. 35–54. (САИ. Вып. Г1-12/3)

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии // Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435.

Курьшова Н.П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология. 2012. №1. С. 204–215.

Кутузова Д.О., Воробьева Е.Е. Стеклоделательное ремесло нижневолжских столиц Золотой Орды: предварительные результаты раскопок 2017 года Селитренного городища // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 103–108.

Лангобарды. Народ, изменивший историю: каталог выставки / под ред. А.А. Иконникова-Галицкого. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 464 с.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 90–103.

Мастыкова А.В. Бусы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. : ИА РАН, 1996. С. 42–46 (Раннеславянский мир. Вып. 3).

Мастыкова А.В. Стеклянные и полихромные бусы из Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 57–68.

Мастыкова А.В. Ранневизантийские бусы поселения Эж-Жаузе в Ливане // ХΕΣΩΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Севастополь; Балаклава : ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 195–202.

Могильник Дюрсо: Каталог. Ч. I. М. : МАКС Пресс, 2021. 448 с. (Некрополи Черноморья. Т. VI).

Письмарова А.В. Раннесредневековые бусы из Куриловского «антского» клада (Суджанский район, Курская область) — в печати.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М. : Наука, 1988. С. 151–219.

Родинкова В.Е. Раннеславянские клады Верхнего Псла // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Симферополь : ООО «Антиква», 2023. С. 193–209.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации // РА. 2018. №2. С. 130–147.

Румянцева О.С. Находки полихромных бус на территории Среднего Поочья: хронология, распространение, социокультурный контекст // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 2019. С. 7–22.

Andrae R. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingerzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa // Acta Praehist. et Arch. 1973. №4. S. 101–198.

Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černýš S., Maćzyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuße des Mangup. Mainz, 2013. 100 s. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 108)

Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. Bonn : Rudolf Habelt Verlag, 1977. 230 p.

Cavallari C. Precenze longobarde in Emilia Romagna orientale: il punto sulla questione // Necropoli longobarde in Italia: indirizzi della ricerca e nuovi dati. Trento : Castello del Buonconsiglio monumenti e collezione provinciali, 2014. P. 380–401.

Ceretti K. Scavi archeologici a Testona di Moncalieri: storia, aggiornamenti, approfondimenti e confronti: dissertazione finale. Torino, 2019/2020. 186 p.

Fremersdorf F. Zur Zeitstellung und zur Herkunft der Millefiori-Gläser aus den vandalischen Fürstengräbern von Sacrau bei Breslau // Altschlesien. 1939. Bd. 8. S. 85–90.

Fremersdorf F. Das fränkische Reihengräberfeld Köln-Müngersdorf. Berlin : de Gruyter, 1955. 167 s. (Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Bd.6)

Guido M. The Glass Beads of Anglo-Saxon England C.Ad 400–700. Suffolk : Boydell Press for the Society of Antiquaries of London, 1999. 361 p.

Gutmiedl-Schumann D. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Aschheim-Bajuwarenring. Kallmünz: Michael Lassleben. 2010. 433 s. (Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte. Bd. A 94).

Haeser S. A Slice of the Action — the millefiori mosaic beads of Anglo-Saxon Britain // Bead Society of Great Britain Journal. 2021. №37. P. 22–24.

Haeser S. Glasperlenherstellung im frühen Mittelalter // Experimentelle Archäologie. Mistelbach: WMB Weinviertel Museum Betriebs GmbH. 2022. S. 18–21.

Haevernick T.E. Assyrisches Millefioriglas // Staatliche Museen zu Berlin. Forschung und Berichte. 1968. №10. S. 63–70.

Harden D.B. The Canosa group of Hellenistic glasses in the British Museum // Journal of Glass Studies. 1968. Vol. 10. P. 21–47.

Jorgensen L., Nørgård Jorgensen A. Norre Sandegard Vest. A Cemetery from the 6th–8th Centuries on Bornholm. København : Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab, 1997. 243 p.

Kisa A. Das Glas im Altertume. Bd. 2. Leipzig: Hiersemann, 1908. 692 s.

Koch U. Mediterrane und fränkische Glasperlen des 6. und 7. Jahrhunderts aus Finnland // Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag. München : C.H. Beck, 1974. Tl. 1. S. 495–520.

Koch U. Das Reihengräberfeld bei Schretzheim. Germanische Denkmäler Völkerwanderungszeit. Tl. 2: Katalog u. Tafeln. Berlin : Mann, 1977. 148 s. (Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit Serie A. Band 13.)

Koch U. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pledelsheim. Stuttgart: Landesamt für Denkmalpflege im Regierungspräsidium, 2001. 647 s. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Band 60).

Legoux R., Perin P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germainen Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne, 2016. 71 p.

Roth H., Theune C. Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Süddeutschland. Ein Vorbericht zum Gräberfeld Weingarten, Kr. Ravensburg. Stuttgart, 1988. 37 s. (Archäologische Informationen aus Baden-Württemberg. № 6.)

Sasse B., Theune Cl. Perlen als Leittypen der Merowingerzeit // Germania. 1996. №74. S. 187–231.

Siegmann M. Bunte Pracht — die Perlen der frühmittelalterlichen Gräberfelder von Liebenau, Kreis Nienburg/Weser, und Dörverden, Kreis Verden/: Chronologie der Gräber, Entwicklung und Trageweise des Perlenschmucks, Technik der Perlen. Lagenweissbach : Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur, 2001. Tl. 1. 183 s.; 2002. Tl. 2. S. 184–408; 2004. Tl. 3. S. 409–601; 2005. Tl. 4. S. 602–908; 2006. Tl. 5. S. 909–1093 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Bd. 28).

Stein G. Zum Begriff «Millefioriglas» // Glastechnische Berichte. 1957. Heft 12. Volume 30. S. 519–520.

Theune-Vogt Cl. Chronologische Ergebnisse zu den Perlen aus dem alamannischen Gräberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg: eine Datenanalyse. Marburg: Universität Marburg. 1990. 54 s. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 33).

Trowbridge M. Philological Studies in Ancient Glass // Univ. Illinois, Stud. In Language and Literature. 1930. Vol. 13. Number 3–4. 239 p.

Volkman A., Theune C. Merowingerzeitliche Millefioriperlen in Mitteleuropa // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 2001. Heft 4. № 43. S. 521–554.

Zouhdi B. Les verres mosaïques et millefiori. Du Musée National de Damas // Ann. du 3. congrès des journées internationales du verre. 1958. P. 47–58.

REFERENCES

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. The Cemetery near the Village of Luchistoe. Excavations of 1977, 1982–1984. Vol. 1. Simferopol; Kerch : ADEF-Ukraine, 2008. 334 p. (In Russ.)

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. The Cemetery near the Village of Luchistoe. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993–1995. Vol. 2. Kerch : Majster Knig, 2014. 400 p. (In Russ.)

Aksenov V.S., Babenko L.I. Burial of the 6th–7th Centuries AD near the Village of Mokhnach. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 1998;3:111–122. (In Russ.)

Alekseeva E.M. Antique Beads of the Northern Black Sea Region. Moscow : Nauka, 1975. 94 p. (Code of archaeological sources. Issue G1-12) (In Russ.)

Alekseeva E.M. Antique Beads of the Northern Black Sea Region. Moscow : Nauka, 1982. 105 p., tables 35–54. (Code of archaeological sources. Issue G1-12/3) (In Russ.)

Kovalevskaya V.B. Computer Processing of Mass Archaeological Material from Early Medieval Sites in Eurasia. In: Chronology of East European Antiquities of the 5th–9th Centuries. Issue 2. Pushchino : ONTI PNC RAN, 2000. 364 p. (In Russ.)

Korzukhina G.F. Hoards and Random Finds of Items of the «Antiquities of the Antes» Circle in the Middle Dnieper Region. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii = Materials on the Archaeology and History and Ethnography of Tavria*. 1996;5:352–435. (In Russ.)

Kuryshova N.P. Classification of Beads from Nomadic Burials of the Golden Horde Period. *Povolzhskaya arheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2012;1:204–215. (In Russ.)

Kutuzova D.O., Vorobyeva E.E. Glassmaking Craft of the Lower Volga Capitals of the Golden Horde: Preliminary Results of the 2017 Excavations of the Selitrennoe Settlement. *Arheologiya Evrazijskikh stepej = Archaeology of Eurasian Steppes*. 2018;4:103–108. (In Russ.)

Langobards. A People Who Changed History. Exhibition Catalog / Ed. by A.A. Ikonnikov-Galitsky. St. Petersburg : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2018. 464 p. (In Russ.)

Lvova Z.A. Technological Classification of Glass Items (based on early medieval glass ornaments). *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha = Archaeological Studies of the State Hermitage Museum*. 1979;20:90–103. (In Russ.)

Mastyukova A.V. Beads. In: Gavritukhin I.O., Oblomsky A.M. The Gaponnovsky Hoard and its Cultural and Historical Context. Moscow : IA RAN, 1996. P. 42–46 (Early Slavic World. Vol. 3). (In Russ.)

Mastyukova A.V. Glass and Polychrome Beads from the Velegož Hoard. In: Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Period of Roman Influences and the Great Migration. Conference 4. Part 1. Tula : Gos. muzej-zapovednik «Kulikovo pole», 2015. P. 57–68. (In Russ.)

Mastyukova A.V. Early Byzantine Beads from the Ez-Jauze Settlement in Lebanon. In: ΧΕΣΩΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis. Sevastopol; Balaklava : IT «ARIAL», 2023. P. 195–202. (In Russ.)

Durso Burial Ground. Catalog. Part 1. Moscow : MAKS Press, 2021. 448 p. (The Pontic Necropolises. Vol. VI). (In Russ.)

Pis'marova A.V. Early Medieval Beads from the Kurilovka “Antes” Hoard (Sudzha district, Kursk region) — In press. (In Russ.)

Poluboyarinova M.D. Glass Items of the Bolgar Settlement. In: City of Bolgar. Essays on Craft Activities. Moscow : Nauka, 1988. P. 151–219. (In Russ.)

Rodinkova V.E. Early Slavic Hoards of the Upper Psel. In: Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations. Simferopol : Antikva, 2023. P. 193–209. (In Russ.)

Rodinkova V.E., Saprykina I.A., Sycheva S.A. The Sudzha-Zamostye Hoard and the Problem of Socio-Cultural Interpretation. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2018;2:130–147. (In Russ.)

Rumyantseva O.S. Finds of Polychrome Beads in the Middle Oka Region: Chronology, Distribution, and Socio-Cultural Context. In: Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Period of Roman Influences and the Great Migration. Conference 4. Part 2. Tula : Gos. muzej-zapovednik «Kulikovo pole», 2019. P. 7–22. (In Russ.)

Andrae R. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingischer Millefioriglasperlen in Europa. *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 1973;4:101–198. (In Deutsch)

Bemmann J., Schneider K., Gercen A., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freeden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuße des Mangup. Mainz, 2013. 100 s. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Vol. 108) (In Deutsch)

Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. Bonn : Rudolf Habelt Verlag, 1977. 230 p.

Cavallari C. Precenze Longobarde in Emilia Romagna Orientale: il punto sulla questione. In: Necropoli longobarde in Italia. Castello del Buonconsiglio Monumenti e Collezioni Provinciali. Trento : Castello del Buonconsiglio monumenti e collezione provinciali, 2014. P. 380–401. (In Italian)

Ceretti K. Scavi archeologici a Testona di Moncalieri: storia, aggiornamenti, approfondimenti e confronti: Final Dissertation. Torino, 2019/2020. 186 p. (In Italian)

Fremersdorf F. Zur Zeitstellung und zur Herkunft der Millefiori-Gläser aus den vandalenzeitlichen Fürstengräbern von Sacrau bei Breslau. *Altschlesien*. 1939;8:85–90. (In Deutsch)

Fremersdorf F. Das fränkische Reihengräberfeld Köln-Müngersdorf. Berlin : de Gruyter. 1955. 167 s. (In Deutsch)

Guido M. The Glass Beads of Anglo-Saxon England C. AD 400–700. Suffolk : Boydell Press for the Society of Antiquaries of London, 1999. 361 p.

Gutmiedl-Schumann D. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Aschheim-Bajuwarenring. Kallmünz: Michael Lassleben, 2010. 433 p. (In Deutsch)

Haeser S. A slice of the Action — the Millefiori Mosaic Beads of Anglo-Saxon Britain. *Bead Society of Great Britain Journal*. 2021;37:22–24.

Haeser S. Glasperlenherstellung im frühen Mittelalter. In: Experimentelle Archäologie. Mistelbach: WMB Weinviertel Museum Betriebs GmbH. 2022. S. 18–21. (In Deutsch)

Haevernick T.E. Assyrisches Millefioriglas. *Staatliche Museen zu Berlin: Forschungen und Berichte*. 1968;10:63–70. (In Deutsch)

Harden D.B. The Canosa Group of Hellenistic glasses in the British Museum. *Journal of Glass Studies*. 1968;10:21–47.

Jorgensen L., Nørgård Jorgensen A. Norre Sandegard Vest. A Cemetery from the 6th–8th Centuries on Bornholm. København : Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab, 1997. 243 p. (In Danish)

Kisa A. Das Glas im Altertume. Vol. 2. Leipzig: Hiersemann, 1908. 692 p. (In Deutsch)

Koch U. Mediterrane und fränkische Glasperlen des 6. und 7. Jahrhunderts aus Finnland. In: Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag. München : C.H. Beck, 1974. Tl. 1. S. 495–520. (In Deutsch)

Koch U. Das Reihengräberfeld bei Schretzheim. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Tl. 2: Katalog u. Tafeln. Berlin : Mann, 1977. 148 s. (Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit Serie A. Band 13.) (In Deutsch)

Koch U. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart : Landesamt für Denkmalpflege, 2001. 647 p. (In Deutsch)

Legoux R., Perin P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye : Association française d'Archéologie mérovingienne, 2016. 71 p. (In French)

Roth H., Theune C. Zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Süddeutschland. Ein Vorbericht zum Gräberfeld Weingarten, Kr. Ravensburg. Stuttgart, 1988. 37 p. (In Deutsch)

Sasse B., Theune C. Perlen als Leittypen der Merowingerzeit. *Germania*. 1996;74:187–231. (In Deutsch)

Siegmann M. Bunte Pracht — die Perlen der frühmittelalterlichen Gräberfelder von Liebenau, Kreis Nienburg/Weser, und Dörverden, Kreis Verden/: Chronologie der Gräber, Entwicklung und Trageweise des Perlenschmucks, Technik der Perlen. Lagenweissbach : Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur, 2001. Tl. 1. 183 s.; 2002. Tl. 2. S. 184–408; 2004. Tl. 3. S. 409–601; 2005. Tl. 4. S. 602–908; 2006. Tl. 5. S. 909–1093 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Bd. 28). (In Deutsch)

Stein G. Zum Begriff «Millefioriglas». *Glastechnische Berichte*. 1957;30(12):519–520. (In Deutsch)

Theune-Vogt C. Chronologische Ergebnisse zu den Perlen aus dem alamannischen Gräberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg: eine Datenanalyse. Marburg: Universität Marburg. 1990. 54 s. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Vol. 33) (In Deutsch)

Trowbridge M. Philological Studies in Ancient Glass. *University of Illinois Studies in Language and Literature*. 1930;13(3–4):239 p.

Volkmann A., Theune C. Merowingerzeitliche Millefioriperlen in Mitteleuropa. *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift*. 2001;4(43):521–554. (In Deutsch)

Zouhdi B. Les verres mosaïques et millefiori. Du Musée National de Damas. *Annales du troisième congrès des journées internationales du verre*. 1958:47–58. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Письмарова Анастасия Витальевна, аспирант Института археологии РАН, Москва, Россия.

Anastasiia V. Pismarova, PhD-student, Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.01.2025;
одобрена после рецензирования 23.01.2025;
принята к публикации 12.02.2025.
The article was submitted 06.01.2025;
approved after reviewing 23.01.2025;
accepted for publication 12.02.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.53(571.16)«653»

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-07)

EDN: CYLHNO

УТОЧНЕНИЕ ДАТИРОВКИ НЕКОТОРЫХ КУРГАНОВ ТИМИРЯЗЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА-1

Людмила Михайловна Плетнева¹, Илья Николаевич Коробейников^{2*}

¹Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия;
mila.pletnyova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9715-8063>

²Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия;

russianViking@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3088-5474>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Тимирязевский курганный могильник-1 (ТКМ-1) расположен на левом берегу р. Томи и административно входит в территорию г. Томска. По результатам исследований на 2009 г. включает более 800 объектов. В разные годы раскопано около 80 из них (курганы, поминальные объекты, грунтовое погребение). Дата могильника: V — начало X в., относится к верхнеобской культуре. В статье анализируются материалы раскопок Л.М. Плетневой 1971 и 1973 гг. Цель статьи: выделить курганы V–VI вв. Ранее такая работа уже выполнялась, однако в связи с появившимися обширными публикациями источников по сопредельным территориям авторы сочли необходимым вновь вернуться к этому важному периоду — началу раннего средневековья. В результате анализа всех материалов из ТКМ-1 был выделен культурно-хронологический комплекс предметов V–VI вв. В него вошли: орудия труда (сошник, ножны, витые цепочки), оружие и доспех (наконечники стрел, пояс, панцирные пластины, колчаные крюки), убранство коня (удила), принадлежности одежды, украшения и культовые предметы (серьги, гривны, медальоны, перстень, пряжки, колоколовидные и зооморфные подвески). Взаимовстречаемость этих предметов в курганах ТКМ-1 позволила достоверно определить дату 13 курганов и с большой долей вероятности отнести к этой группе еще семь курганов.

Особенностью курганов V–VI вв. является нахождение многих предметов в объектах насыпи, выполненных в уменьшенном или миниатюрном виде. Нахождение предметов таштыкского облика, предметов полихромного стиля, характерных для постгуннского времени, и предметов раннетюркской культуры указывает на то, что Томское Приобье не только входило в сферу влияния этих культур, но, возможно, была неоднократная инфильтрация небольших групп таштыкского и раннетюркского населения.

Ключевые слова: археология юга Западной Сибири, раннее средневековье, могильник, культурно-хронологический комплекс

Для цитирования: Плетнева Л.М., Коробейников И.Н. Уточнение датировки некоторых курганов Тимирязевского курганного могильника-1 // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 123–153. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-07)

CLARIFICATION OF THE DATING OF SOME MOUNDS OF THE TIMIRYAZEVO BURIAL GROUND-1

Lyudmila M. Pletneva¹, Ilya N. Korobeinikov^{2*}

¹Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia;
mila.pletnyova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9715-8063>

²National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia;
russianViking@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3088-5474>

*Corresponding Author

Abstract. The Timiryazev Burial Ground-1 is located on the left side of the Tom River in the territory of Tomsk. According to the research results in 2009 includes more than 800 objects. More than 80 burial mounds were excavated in different years (including burial memorial objects, ground burial). The date of the burial ground is the 5th — early 10th century, is attributed to the Upper Ob culture. The article analyzes the materials of L.M. Pletneva's excavations in 1971 and 1973.

The purpose of this article is to identify the burial mounds of 5th–6th centuries. At the past time this work has already been carried out, however, in connection with the extensive publications of sources on the adjacent territories, the authors considered it necessary to return to this important period — the beginning of the early Middle Ages. As a result of the analysis of all materials from the Timiryazev Burial Ground-1, a cultural and chronological complex of objects of the 5th–6th centuries was identified. It includes tools (coulters, scabbards, twisted chains), weapons and armor (arrowheads, belt, armor plates, quiver hooks), horse decoration (bridles), clothing accessories, jewelry and cult objects (earrings, manes, medallions, ring, buckles, bell-shaped and zoomorphic pendants). The mutual occurrence of these items in the Timiryazev Burial Ground-1 barrows allowed us to reliably determine the date of 13 burial mounds and, with a high degree of probability, to attribute 7 burial mounds to this group.

The specific features of the burial mounds of the 5th–6th centuries is the finding of many items in the objects of the mound, made in reduced or miniature form. Finding objects of the Tashtyk style, objects of polychrome style, which are typical for the post-hunnic period and objects of Early Turkic culture indicates that Tomsk Priobye was not only included in the sphere of influence of these cultures. Probably, in that time there was repeated infiltration of small groups of the Tashtyk and Early Turkic population.

Keywords: archaeology of the south of Western Siberia, Early Middle Ages, burial ground, cultural and chronological complex

For citation: Pletneva L.M., Korobeinikov I.N. Clarification of the Dating of Some Mounds of the Timiryazev Burial Ground-1. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):123–153. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-07)

Введение

Тимирязевский курганный могильник-1 (ТКМ-1) находится на левом берегу р. Томи, напротив г. Томска. Он открыт В.И. Матющенко в 1954 г. Его исследование проводили В.И. Матющенко (1954 г. — 1 курган, 1956 — 1 курган), Л.М. Плетнева (1971 — 8 курганов, 1973 — 61 курган), П.А. Марков (2009), А.В. Ильин (2011), О.Б. Беликова (2014 г.), А.Ю. Цурикова (2015). В начале XXI в. выяснено, что некрополь включает не только курганы и объекты вне их, но также и грунтовые погребения (Зайцева, Беликова, Водясов, 2017, с. 75).

В монографии О.Б. Беликовой, Л.М. Плетневой (1983) по раскопкам Л.М. Плетневой были выделены две хронологические группы: курганы V–VI вв. и VI–VIII вв. Отдельно опубликованы курганы IX — начала X в. (Плетнева, 1984). За прошед-

шее время накоплен огромный корпус новых источников как по Западной Сибири (включая Алтай), Центральной Азии, так и по другим территориям, дана их культурно-хронологическая характеристика, что отражено в многочисленных публикациях, позволяющих пересмотреть материалы ряда погребений Тимирязевского курганного могильника-1.

Цель настоящей статьи — по материалам раскопок 1971 и 1973 гг. Тимирязевского курганного могильника-1 выделить культурно-хронологический комплекс предметов V–VI вв. и по нему определить курганы, относящиеся к этому времени. Для этого использованы только те категории предметов, по которым можно определить более узкую дату. Исключены такие предметы, как ножи, топоры-тесла, каменные предметы и предметы неясного назначения.

Материалы и исследования

По выявленному культурно-хронологическому комплексу предметов из ТКМ-1, характерных для гунно-сарматского времени и начала раннего средневековья, проанализированы все курганы этого памятника. Сначала приведем описания тех курганов, дата которых достоверно определена V–VI вв. Учтено описание насыпей в статье Л.М. Плетневой (2024). Описание погребений человека могут не совпадать с текстом предыдущей публикации (Беликова, Плетнева, 1983), так как внесены изменения в связи с дополнительной проработкой документации (Плетнева, Архив МАЭС ТГУ, №498, 553, 554).

Рельеф на площади могильника представлен дюнами и бугристыми песками, поросшими сосновым бором. Размеры курганов варьируются от 4×4 м до 7,5×9,5 м, современная высота от 0,3 до 1,0 м (Беликова, Плетнева, 1983, с. 7). Насыпи овальной или округлой формы, состоят из сыпучего песка, иногда курган присыпался к естественным всхолмлениям (Плетнева, 2024, с. 53).

Курган №1. Размер 7,7×7,2 м. *Насыпь.* Объект. В юго-восточном секторе на глубине 0,12 м от современной поверхности выявлено скопление предметов (сосуд, железные обойма от ножен, пряжка, два небольших ножа, миниатюрные наконечники стрел, части миниатюрного тесла, стерженьки, бронзовые крючок и проволока в виде трех полуколец). *Отдельные находки.* В юго-восточном и северо-восточном секторах на глубине 0,10–0,12 м обнаружены фрагменты керамики и сосудов; в юго-западном секторе на глубине 0,22 м — фрагменты керамики (Плетнева, 2024, с. 54).

Погребение. На глубине 0,5 м от поверхности прослежено могильное пятно. Размер могилы 1,35×1,1 м, глубина — 0,4 м. При погребенном обнаружены: железные круглая бляшка со шпеньком, пластинка, нож. С южной стороны находился сосуд (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 2.-8, 9; рис 3.-3). От костяка сохранилось несколько трудноопределимых костей.

Курган №35. Размер 6,0×6,0 м, нарушен грабительской ямой размером 1,3×1,4 м, глубиной 0,6 м. *Насыпь.* Объект 1. В юго-западной части на глубине 0,1–0,15 м обнаружены жженные кости неопределенной принадлежности. Объект 2. В северной части на глубине 0,3–0,55 м зафиксировано угольное пятно размером 1,0×0,95 м с фрагментами керамики и костями животных (Плетнева, 2024, с. 55).

Могильное пятно размером 2,8×1,5 м выявлено на глубине 0,7–0,75 м, вытянуто с запада на восток, предположительно ориентацией на восток. Глубина могилы в материке 0,25 м. Предметы в могиле находились на разной глубине и части одного предмета находились в разных местах. В могиле обнаружен череп женщины (около 25 лет), лежащий лицом вниз, западнее его выявлены две кости: трубчатая и небольшой остаток от другой. Около черепа, с западной стороны, обнаружены два фрагмента бронзовой витой гривны (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 42.-10). На расстоянии 0,08 м к югу от черепа обнаружен медальон со вставкой из зеленого стекла, еще два медальона зафиксированы на расстоянии 0,12–0,13 м к северо-западу от черепа. Еще два медальона найдены юго-западнее черепа. В северо-западном конце могилы (предположительно в ногах) обнаружены два фрагмента (уздечного?) узкого кожаного ремня, украшенного серебряными круглыми бляшками со шпеньком с внутренней стороны, посредством чего они прикреплялись к ремню. Еще несколько таких бляшек найдено в разных местах могилы. Рядом с кожаным ремнем лежал разбитый сосуд, южнее его находился бронзовый цельнолитой перстень с овальным щитком. С правой стороны, в районе предположительно бедренной кости, обнаружена часть кожаного ремня (пояс (?)) длиной 3,4 см, шириной 1,8–2 см. Он украшен узкими бронзовыми пластинками, прикрепленными к ремню бронзовыми шпеньками (на одном шпеньке сохранилась шляпка). Кроме того, в разных частях могилы найдены две бронзовые зооморфные подвески с отверстием в верхней части, небольшая колоколовидная подвеска, фрагменты железных предметов и скопление фрагментов керамики. На расстоянии 0,95–1,0 м к северу от погребения (на одном уровне с ним) обнаружен сошник.

Курган №37. Размер 7,0×7,5 м. *Насыпь.* Объект 1. В северо-восточной части на глубине 0,1–0,15 м найдены сосуд, костяной предмет и фрагменты керамики. Объект 2. В северной половине на глубине 0,2–0,4 м — два точила из песчаника, сосуд с миниатюрными предметами (железные тесло, нож, крючок, пять наконечников стрел (?), бронзовая пряжка). Отдельные находки. В северо-западной и юго-западной частях насыпи на глубине 0,1–0,15 м обнаружено по одному сосуду (Плетнева, 2024, с. 55).

Погребение располагалось на материке, на глубине 0,75–0,8 м от поверхности. Размер могильного пятна 2,2×0,8 м, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Сохранились кости нижних конечностей. С южной стороны от них найден сосуд.

Курган №39. Размер 6,5×8,5 м. *Насыпь.* Объект 1. В северо-восточной части на глубине 0,08–0,09 м обнаружен целый сосуд, под которым лежали бронзовая личина и железный нож. Объект 2. В северной части на глубине 0,1–0,15 м зафиксировано пятно с углистой землей и мелкими пережженными костями, размерами 1,4×0,8–1,2 м и мощностью до 0,1–0,15 м. Объект 3. В юго-западном секторе, у полы кургана, на глубине 0,15–0,2 м выявлено темное пятно размером 1,2×0,7 м со скоплением керамики. Объект 4. У южной полы кургана зафиксировано пятно с углями размерами 0,8×1,2 м, мощностью 0,1–0,12 м, с фрагментами керамики и зубами животного. Объект 5. В юго-западном секторе на глубине 0,40–0,45 м выявлен сосуд, железный предмет и часть втулки железного тесла. Объект 6. На глубине 0,5–0,55 м к юго-востоку от центра кургана зафиксировано темное пятно размером 1,3×1,7 м, в котором обнаружена часть сосуда, южнее его — челюсть животного и кость.

Отдельные находки. 1. В юго-западном секторе на глубине 0,2–0,3 м выявлены челюсти лошади. 2. Севернее находки 1 найдена железная пряжка.

Погребение. В юго-западном секторе, у границы кургана и выходя за нее, найдены сосуд, череп женщины (25–30 лет), бронзовая пряжка, фрагменты двух железных предметов и кусочки кожи со следами от заклепок.

Курган №40. Размер 6,0×8,0 м. *Насыть.* Объект 1. В юго-западном секторе на глубине 0,2–0,3 м от поверхности обнаружено скопление миниатюрных предметов: железные тесло, нож, пять наконечников стрел (?), две обоймы, четырехгранный стерженек, круглая пряжка с длинным язычком и бронзовая накладка. Объект 2. В северо-восточном секторе на 0,8 м севернее вышеописанного скопления зафиксировано второе скопление миниатюрных железных предметов: два ножа, обкладка ножен, обойма с петлей, пряжка и кольцо. Объект 3. В юго-западном секторе выявлено темное пятно размером 1,5×0,6 м, мощностью 0,1–0,12 м, в котором обнаружено две челюсти животного. Объект 4. В северо-восточном секторе — челюсть животного и скопление керамики. Отдельные находки. Северо-восточнее объекта 4 обнаружен целый сосуд.

Погребение. На глубине 1 м от дневной поверхности зафиксировано могильное пятно размерами 2,0×1,5 м, углубленное в материк на 0,25–0,35 м. Вследствие плохой сохранности кости сложно определить принадлежность. Из предметов в могиле найдены железные пряжка и предметы плохой сохранности.

Курган №47. Размер 5,0×7,0 м. *Насыть.* Объект 1. В юго-восточном секторе, выше погребения на 0,1 м, обнаружен сосуд с миниатюрными железными теслом и крючком. Объект 2. На уровне погребения, южнее его на 1 м, выявлены угли и кости животных. Отдельные находки. 1. В разных секторах кургана на глубине 0,1–0,2 м найдены фрагменты керамики. 2. Севернее погребения на 1,4 м — часть сосуда. 3. На уровне погребения и южнее его на 0,5 м выявлен железный миниатюрный наконечник стрелы (?) (Плетнева, 2024, с. 56).

Погребение. В южной части кургана на глубине 0,7 м от поверхности выявлено могильное пятно размером 2,0×0,7 м. Могила углублена в материк на 0,15 м. От костяка сохранились трубчатые кости нижних конечностей и часть таза. Положение погребенного вытянутое, с ориентацией головой на северо-восток. В ногах стоял сосуд, у левого коленного сустава находились костяные наконечники стрел. У бедренной кости левой ноги и у костей таза зафиксированы плохо сохранившиеся железные предметы.

Курган №48. Размер 4,0×5,5 м. Зафиксирована грабительская яма, визуальные размеры 1,0×0,9 м, глубина 0,45 м. *Насыть.* Объект 1. На глубине 0,2–0,25 м в северо-восточной части зафиксировано пятно гумусированной земли с углями, размером 0,9×0,75 м, мощностью 0,08–0,1 м. Объект 2. В южной части кургана на той же глубине — кости животных (Плетнева, 2024, с. 56).

Погребение. На глубине 0,65–0,7 м в центре кургана обнаружено могильное пятно размером 1,7×1,0 м. В пятне выявлены мелкие пережженные кости и предметы: часть кожаного пояса с бронзовыми заклепками, панцирные пластины, скопление керамики, каменный предмет (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 49.-5). Могила заглублена в материк на 0,1–0,12 м. Находки были перемешаны с мелкими пережженными костями.

Курган №51. Размер 6,0×6,0 м. *Насыпь.* Объект. В юго-западном секторе на глубине 0,3 м зафиксировано пятно размером 0,9×0,65 м с разбитым сосудом (Плетнева, 2024, с. 57).

Погребение обнаружено на глубине 0,6–0,65 м. Размер могильного пятна 1,8×1,4 м. В нем выявлены разрозненные кости человека, кости животных, фрагменты керамики и часть железных ножен с петлей (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 8.-2). Могила уходила в материк на 0,1–0,25 м.

Курган №54. Размер 5,0×4,0 м. *Насыпь.* Объект 1. В юго-западной части на глубине 0,2–0,25 м обнаружены разбитый сосуд и бронзовая пряжка. Объект 2. В западной части, ближе к центру, зафиксировано гумусированное пятно размером 1,4×1,2 м, мощностью 0,1–0,15 м, с фрагментом железного ножа. Отдельные находки. В юго-западной части насыпи на глубине 0,08–0,1 м найдены фрагменты керамики.

Погребение. На глубине 0,6–0,65 м в центре кургана выявлена могила размером 1,2×1,0 м, углублена в материк на 0,2–0,25 м. В погребении обнаружены три сосуда. В одном из них лежали железные тесловидное орудие и пряжка (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 9.-1, 2, 6; рис. 50.-4).

Курган №55. Размер 5,0×5,4 м. *Насыпь.* Объект. В юго-западной части на глубине 0,5 м обнаружено два сосуда. В большем из них находился другой сосуд, в котором было 17 миниатюрных предметов: железные нож, крученая цепочка, пряжка, пластинки, разомкнутое кольцо, вероятно, от пряжки, два стерженька, две согнутые пластинки, неопределенный предмет и бронзовая личина. В сосуде, найденном рядом, обнаружено 12 предметов: миниатюрные железные тесловидное орудие, нож, а также железные крученая цепочка, фрагменты предметов, бронзовые изображение лошади и нашивка.

Курган №60. Размер 7,0×7,0 м. *Насыпь.* Объект. В северо-восточной части на глубине 0,12–0,15 м обнаружен сосуд, в котором находились железные тесловидное орудие, накладка с пряжкой и петлей, нож, бронзовая личина.

Погребение. В центре кургана на глубине 0,65–0,7 м от поверхности выявлено погребение. Размер могилы — 2,65×2,2 м, глубина — 0,2 м. В могиле обнаружены фрагменты от двух черепов: мужского (?) (30–40 лет) и женского (16–20 лет), а также несколько длинных костей. Между черепом и длинными костями найдены бронзовые пряжка, подвеска, круглые нашивки, железные нож, фрагмент ножен с железными накладными пластинами (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 12.-2, 6, 3; рис. 13.-1, 4, 6, 8, 11). Слева от черепа лежала круглая железная пряжка, слева же от костяка — остатки железных предметов (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 13.-9, 10, 12). В ногах стоял сосуд, рядом находились удила. Немного в стороне от погребения обнаружена металлическая серьга, выполненная в полихромном стиле (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 12.-5).

Курган №62. Размер 4,8×5,4 м. Зафиксирована грабительская яма размером 1,4×1,4 м, глубиной 0,6–0,7 м. *Насыпь.* Отдельные находки. В восточной части на глубине 0,15–0,3 м на значительном расстоянии друг от друга найдены части железных ножен и неопределенных предметов, а также зубы животного (Плетнева, 2024, с. 57).

Погребение. На глубине 0,6–0,7 м прослежены остатки погребения, грабительская яма коснулась его частично. Размер могильного пятна 1,7×2,0 м. Сохранились кости нижних конечностей. С погребенным обнаружены железные пряжка и фрагменты дру-

гой пряжки, фрагменты от трех наконечников стрел, крученая цепочка, панцирные пластины, бронзовая пластина с шестью круглыми выпуклинами и двумя петлями на обороте, полая подвеска с зооморфным изображением и фрагмент керамики (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 53.-1-7, 9-13; рис. 54.-2-5).

Курган №69. Размер кургана 6,0×6,8 м. *Насыпь.* Отдельные находки. 1. В северной части насыпи на глубине 0,1-0,12 м обнаружен сосуд, поставленный кверху дном. 2. В насыпи кургана на разной глубине зафиксированы фрагменты керамики и кости животных (Плетнева, 2024, с. 57).

Погребение. Почти в центре кургана зафиксировано погребение, разрушенное грабительской ямой. Обнаружены фрагмент трубчатой человеческой кости и предметы: железные обойма с петлей, небольшое тесло, нож, трехлопастной наконечник стрелы, согнутая пластинка, миниатюрный предмет, кольцо, возможно, от пряжки, крючок (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 14.-4-7, 9, 11, 12).

Предположительно к началу раннего средневековья отнесено еще семь курганов.

Курган №23. Размер кургана 4×4 м. *Насыпь.* Объект 1. В центре кургана на глубине 0,15-0,18 м выявлено пятно обожженной земли с углями, вытянутое с севера на юг. Размеры пятна — 3,9×1,3 м, мощность — 0,2 м.

Погребение (?). Трупосожжение (?). В северной части кургана на глубине 0,3 м обнаружено пятно размерами 0,8×0,6 м, содержащее мелкие жженые кости и угли. При разборке пятна обнаружены следующие предметы: две пастовые и одна бронзовая бусины, три костяных наконечника стрел, железное тесло, костяной и железный предметы, бронзовое несомкнутое кольцо (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 32.-2-8). Сверху на них лежал кусок бересты.

Курган №26. Размер 4×4 м. *Насыпь.* Отдельные находки. На разной глубине по всей площади насыпи обнаружены фрагменты керамики, кость животного, лезвие каменного топора (Плетнева, 2024, с. 55).

Погребение. В северной части кургана на глубине 0,6-0,7 м найден череп мужчины (25-30 лет), лицом вниз, на материке. Справа от него найдена серьга. Кроме того, выявлены плечевая кость, неопределенные фрагменты железных предметов и керамический сосуд (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 39.-2, 4).

Курган №30. Размер 6×6 м. *Насыпь.* Объект. Обнаружена яма размером 1,25×1,9 м, овальной формы, вытянутая с запада на восток, углубленная в материк на 0,2 м. В ней обнаружены железный трехлопастной наконечник стрелы и фрагменты неопределенного железного предмета. Сверху над ямой находились железные удила. Отдельные находки. В юго-восточном секторе зафиксированы зубы животного, фрагменты керамики от двух сосудов и скопление камней.

Курган №36. Размер 6,7×6,5 м. *Насыпь.* Объект 1. В юго-западном секторе на глубине 0,15-0,3 м обнаружены кости животных, бронзовые бляшки, целый сосуд, фрагменты бронзового и железного предметов, а также каменный предмет. Объект 2. В северо-западной части насыпи найден разбитый сосуд. Объект 3. В юго-восточной части на глубине 0,3 м обнаружены железная пряжка и сосуд.

Погребение (?). На глубине от поверхности выявлено пятно размером 1,2×1,2 м, мощностью 0,15-0,3 м, заполненное пережженными костями неопределенной при-

надлежности. В пятне были сосуд, часть бронзовой витой гривны и фрагмент деревянного предмета с обкладкой из белого сплава (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 43.-4).

Курган №46. Размер 4×5 м. *Насыпь.* Объект 1. В северо-восточной части на глубине 0,1–0,15 м обнаружено пятно размером 0,7×0,7 м, мощностью 0,1–0,15 м, с углями, обожженными деревянными фрагментами, миниатюрным железным теслом и ножом (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 48.-3, 4). Объект 2. В юго-восточной части насыпи на уровне погребения выявлено темное пятно размером 2,9×0,6–1,0 м, мощностью до 0,3 м, с керамикой. Отдельные находки. Южнее объекта 1 также найдены фрагменты керамических сосудов (Плетнева, 2024, с. 56).

Погребение. В северо-западной части кургана обнаружен череп индивида (мужчины?) возрастом около 30 лет и нижняя челюсть. Юго-западнее на 0,7 м найдено две кости, а северо-западнее черепа обнаружено пять железных наконечников стрел плохой сохранности (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 48.-5–8).

Курган №49. Размер 5×5,5 м. *Насыпь.* Отдельные находки. У западного края насыпи на глубине 0,1–0,12 м найден миниатюрный сошник (Плетнева, 2024, с. 56).

Погребение разрушено. В центре кургана на глубине 0,1–0,15 м обнаружены тесло-видное орудие, бронзовый браслет. Западнее этих находок на 0,5–0,6 м и глубже на 0,1 м — кость человека и фрагменты керамики, еще глубже — на 0,15 м найден череп человека (50–60 лет).

Курган №66. Размер 3,6×4,0 м. *Насыпь.* Отдельные находки. 1. В северной части насыпи на глубине 0,1–0,12 м найден сосуд, поставленный кверху дном. 2. На разной глубине в насыпи обнаружены кости животных и фрагменты керамики.

Погребение. На глубине 0,6 м от поверхности зафиксирована могила глубиной в метрике 0,25–0,3 м. В ней захоронено четыре человека. Трое из них (2, 3, 4) лежали головой на восток. Поверх них был положен еще один человек, головой на юго-восток. Все зафиксированы в вытянутом положении. Костяк 1. Мужчина, 30–40 лет. Сохранились череп, кости таза и нижних конечностей. Костяк 2. Женщина, 20–25 лет. Сохранились обломки черепа. Костяк 3. Женщина (?), 30–35 лет. Костяк 4. Женщина (?), около 25 лет. На уровне костяков 2–4 найдены предметы: к западу на 0,3 м от черепа костяка 4 выявлены железные пряжка, нож. Под нижней челюстью костяка 2 — две бронзовые колоколовидные подвески (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 56.-5). На 0,6 м к юго-западу от него найден сосуд, костяная пластинка и фрагмент от этого же сосуда. На уровне костяка 1 лежало железное кольцо.

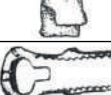

Для определения культурно-хронологического комплекса курганов V–VI вв. из всех курганов ТКМ-1 были отобраны следующие предметы: орудия труда — сошники, обоймы от ножен, витые цепочки; оружие и доспех — наконечники стрел, боевые ножи, панцирные пластины, колчаные крюки, фрагменты кожаных поясов; снаряжение коня — удила; принадлежности одежды и украшения: пряжки от поясов, конской упряжи и одежды; гривны, медальоны, перстень, колоколовидные и зооморфные подвески (табл. 1).

Таблица 1

Предметно-хронологический комплекс для курганов V–VI вв. Тимирязевского курганного могильника-1

Table 1

Item-chronological complex of burial mounds of the 5th–6th centuries of the Timiryazev Burial Ground-1

Номер кургана															
1	+														
35			+												+
37				+											+
39						+									
40	+														
47															
48															
51	+														
54															
55															
60															+
62	+														+
69	+														

Орудия труда

Сошники. В ТКМ-1 они найдены в погребениях трех курганов: №8, 35 и 49 (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 20.-1; 42.-11; 49.-8). Сошники из курганов №8, 35 имеют размеры натуральной величины (курган №8: длина — 16 см, наибольшая ширина втулки — 4,8 см, ширина лезвия у втулки — 4,5 см; курган №35: длина — 17,8 см, ширина втулки у верхнего края — 5,6 см, ширина лезвия у втулки — 5,5 см). Сошник из кургана №49 — это уменьшенная копия, его длина 8 см, ширина втулки по верхнему краю 5 см, наибольшая ширина лезвия 5 см. Сошники выкованы из одной полосы железа, имеют загнутые края для насады на деревянную часть орудия, рабочая часть выкована в форме клина, имеющего изгиб. Такие сошники характерны для таштыкской эпохи I–V вв. (Кызласов, 1960, с. 181, рис. 62.-2).

Ближайшей аналогией сошникам из ТКМ-1 являются сошники из ТКМ-2, из курганов №95, 103 (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 69.-1; рис. 71.-1). В кургане №95 сошник найден в насыпи. Ни в насыпи, ни в погребении этого кургана других датирующих предметов нет. В кургане №103 сошник обнаружен вместе с предметами VII — начала IX в.: подвеской с каплевидным окончанием, бронзовой поясной бляшкой овально-прямоугольной формы с прямоугольным вырезом. Сошники в Томском Приобье известны на протяжении всего средневековья. Более массивный сошник, чем сошники таштыкской эпохи и раннего средневековья, был, например, обнаружен на городище Шеломок в слое XVI–XVII вв. (Плетнева, 1990, рис. 57.-1).

Сошник из кургана №35 следует датировать по наличию в нем предметов V–VI вв., описанных выше, этим же временем. Его присутствие в этом комплексе свидетельствует о возможном земледелии в Томском Приобье, что было связано с влиянием таштыкской культуры, а возможно, и с переселением небольшой группы таштыкцев. На протяжении всего средневековья в южной части Западной Сибири землеобрабатывающие орудия встречаются редко (Беликова, 2010, табл. 1, с. 250–256). Они найдены в памятниках верхнеобской культуры одинцовского (V–VI вв.) и тимиразевского (VII — начало VIII в.) этапов (Троицкая, Новиков, 1998, с. 26; рис. 13.-23, Крохалева-23, курган №2; рис. 13.-24, Юрт-Акбалык-8, курган №17, могила-2. Сводная таблица материалов верхнеобской культуры, №53 — Юрт-Акбалык-8; №137 — Юрт-Акбалык-4). Они обнаружены на Среднем Чулыме в X — начале XI в. (Беликова, 2010, рис. 84.-1, 2; Калмацкий курганный могильник).

В монографии О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой сошники определены как пахотные орудия к плугу с однолезвийным полозом (1983, с. 101). Л.А. Чиндина высказала мнение о том, что такие орудия «в лучшем случае могли быть бесполезными наральниками» (Чиндина, 1991, с. 85). С замечанием Л.А. Чиндиной следует согласиться. Как отмечает Ю.А. Краснов, такие орудия могли делать борозды вдоль и поперек обрабатываемого участка (Краснов, 1967, с. 12).

Ножны. В Тимиразевском курганном могильнике фрагменты ножен найдены в пяти курганах (№1, 40, 51, 62 и 69) (табл. 1).

Курган №1. Обойма устья — согнутая тонкая железная пластина шириной по устью 3,7 см, длиной 2,4 см. С одной стороны обоймы сохранилась продольная накладка из узкой железной пластинки длиной 4,8 см, шириной 0,8–0,9 см. На ней имеется три гвоз-

дика, скреплявших пластинку и обойму, средний гвоздик удерживал еще и железную петлю, состоящую из узкой пластинки, согнутой пополам, концы ее расширены: с одной стороны конец овально-подтреугольной формы, с другой — округлой формы с насечками. Длина петли 2,5 см, ширина — 0,4–0,9 см. Обойма найдена в северо-восточном секторе в скоплении предметов на глубине 12 см.

Курган №40. В этом кургане обнаружены часть обоймы от устья, одна длинная накладная пластина на поверхность ножен и небольшой фрагмент от оконечности их. В настоящее время в коллекции сохранилась только часть согнутой пластины от устья — и та в мелких фрагментах, размеры ее не определены. На рисунке в монографии показана обойма с железной продольной накладкой-бортиком и петлей (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 5.-5).

Железная тонкая пластина-накладка на футляр неопределенного изделия. Размеры: длина 9,3 см, ширина с одного конца 2,1 см, с другого — 1,9 см. По продольным краям пластина подогнута, видимо, по твердой основе футляра. На подогнутых частях пластины расположены по две пары отверстий диаметром 0,15–0,3 см. У одного из краев есть отверстие посередине края и по одному отверстию по бокам. Кроме того, обнаружена небольшая пластинка овально-подпрямоугольной формы размером 2,0×2,1 см с двумя отверстиями на овальном конце пластинки.

Курган №51. Сохранилась часть обоймы длиной 3,5–3,9 см, шириной 2,5 см с продольной узкой накладкой-бортиком длиной 3,5 см, шириной 0,8 см, с тремя шпеньками. Средний шпенец удерживал петлю (в настоящее время она разрушена, небольшая ее часть видна с оборотной стороны).

Курган №62. Часть железной обоймы, состоящей из тонкой согнутой пластинки, суживающейся книзу, ширина ее вверху 2,9 см, внизу — 2,4 см. Длина обоймы 2,9–3,5 см. Продольная узкая пластинка-бортик длиной 3,4 см, шириной 0,7–0,8 см. По продольной стороне сохранилось два гвоздика, скрепляющих обойму.

Курган №69. Две железные согнутые пластины составляют обойму ножен (в сечении образуют овал, зауженный со стороны бортика). Размеры пластин: верхняя — ширина 3,5 см, продольная ширина 1,9 см, нижняя — ширина 3,3 см, ширина по вертикали 0,7 см. Бортик имеет длину 3,5 см, ширину 0,7–0,8 см. Вдоль бортика сохранилась три шпенька, скрепляющих обойму, к среднему из них прикреплена еще и петля. Она обломлена, сохранилась только часть одной стороны длиной 1,7 см и шириной 0,5–0,9 см, в месте прикрепления к бортику конец расширен.

У всех обойм ножен, происходящих из ТКМ-1, продольная пластина-бортик крепилась только с одной стороны. Такие обоймы вряд ли были пригодны для ножен боевых ножей, как это засвидетельствовано, например, на Алтае в материалах булан-кобинской культуры (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 62–64, табл. 9, 10, 13). У ножен из ТКМ-1 слишком небольшое отверстие для лезвия ножа. К тому же в кургане №1 обойма найдена в скоплении предметов на глубине 12 см вместе с двумя небольшими ножами, на одном из которых зафиксирована часть железной пластины.

Сходство в изготовлении ножен из ТКМ-1 с алтайскими наблюдается в применении в верхней части ножен железных обойм из пластин, скреплении их продольной узкой пластиной железными шпеньками-гвоздиками.

Ножны булан-кобинской культуры подвешивались к поясу витыми цепочками и ремешками с пряжками (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 13; Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2.204.-26). У ножен из ТКМ-1 есть только железная петля. Подобная арматура от ножен найдена в могильнике VI–VIII вв. Окунево-III потчевашской культуры (Конилов, 2007, рис. 307.-4).

Витые цепочки (табл. 1). В ТКМ-1 витые цепочки найдены в двух курганах: №55 и 62. В кургане №55 их две: одна в восемь оборотов (длина 4,7 см, кольца на обоих концах сломаны), другая в четыре оборота (длина 5 см), обе происходят из насыпи (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-22, рис. 11.-4, рис. 53.-7).

Витые цепочки найдены в памятниках таштыкской культуры: Изых, склеп 2 (V–VI вв.), Сыры, скл. 1 (VI–VII вв.), Тепсей, скл. 1 (V–VI вв.), Ташеба, скл. 2 (V–VI вв.) (Вадецкая, 1999, рис. 64; Худяков, 1978, рис. 1.-7), в могильнике Алды-Бель в Туве (Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82.-20). Многочисленные аналогии витым цепочкам приведены в работе А.А. Тишкина, С.С. Матренина, А.В. Шмидта (2018, с. 64). По времени они охватывают конец III — VI в. В раннем средневековье такие цепочки встречаются редко. Так, на Средней Оби две цепочки, скрепленные вместе, обнаружены в насыпи кургана №6 могильника Релка (Чиндина, 1977, рис. 19.-10). Цепочка обнаружена в могильнике Крохалевка-23, кургане №12 одинцовского этапа верхнеобской культуры (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 14.-19).

Оружие и доспех

Наконечники стрел. В коллекции из ТКМ-1 сохранились фрагменты железных черешковых наконечников стрел из нескольких курганов. Большинство фрагментов определяются как трехлопастные, среди них один наконечник ярусный, один с отверстиями в лопастях, остальные без отверстий. Кроме трехлопастных есть и миниатюрные четырехгранные и плоские.

Трехлопастные.

1. Ярусный. Сохранилась большая часть пера. Размеры: длина пера 6,7 см, длина от острия до уступа 3,5 см. Форма лопасти до уступа подтреугольная, от уступа к острию — подтреугольная с покатой внешней стороной (МАЭС, колл. №9004, №1471).

2. Трехлопастной наконечник из кургана №30 (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 39.-2). Часть пера утрачена, с отверстиями в лопастях. Общая длина 8,0 см, длина четырехгранного черешка — 4,0 см. Упор для древка — уступы у лопастей.

3. Трехлопастной наконечник из кургана №62 (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 53.-4). Сохранилась большая часть пера: длина 7 см, ширина лопасти в нижней части пера 0,8 см, в верхней — 0,5 см. В этом же кургане найдена часть черешка с частью пера общей длиной 4,2 см.

4. Трехлопастной наконечник из кургана №48 (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 49.-2). Размеры: длина 7 см, ширина лопасти в нижней части пера 0,9 см, в верхней — 0,3 см. Черешок длиной 2,2 см.

Ярусный наконечник стрелы из ТКМ-1 аналогичен наконечнику из могильника Кок-Паш (Тишкин, Горбунов, 2024, рис. 1.-13, верх-уймонский этап булан-кобинской культуры (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.)).

Трехлопастные наконечники стрел по классификации В.В. Горбунова можно отнести к типам 9а (без упора) и 9б (с лопастным упором) (Горбунов, 2006, с. 29).

Такие наконечники известны с хуннского времени вплоть до XIV в. (Горбунов, 2006, с. 38).

Как отмечает В.В. Горбунов, в связи с появлением средних и коротких луков «тюркских» типов размеры трехлопастных наконечников увеличиваются, но уже во 2-й половине V — 1-й половине IX–XI вв. большие наконечники встречаются редко (Горбунов, 2006, с. 44).

Кроме трехлопастных в ТКМ-1 найдены четырехгранные наконечники стрел. В погребении кургана №46 обнаружено пять наконечников, сохранность их очень плохая: часть одного наконечника — проникатель в виде лопаточки, на черешке видны следы дерева. Его размер: длина 8 см, ширина 0,7–1,0 см. Более конкретно форма не определяется. Другие фрагменты еще более коррозированы.

Кроме наконечников стрел в натуральную величину, в курганах №1, 37, 40, 55 найдены миниатюрные (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 2.-10–14; рис. 4.-4; рис. 5.-7–9; рис. 7.-3). Среди них сохранностью выделяются наконечники из кургана №37. Конец пера у них расплюсчен в форме лопаточки, тело имеет по бокам вогнутую форму, в месте перехода в черешок есть утолщение. Их размеры: общая длина 3,3–3,5 см, ширина острия 0,3 см.

Четырехгранные стерженьки обнаружены в кургане №55. Из пяти экземпляров на наконечник с лопаточкой похож один; форму других трудно определить из-за коррозии. Размер их: длина от 2,2 до 3,5 см (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-9). Из кургана №40 к четырехгранным относятся два стерженька: у одного острие в форме лопаточки, черешок короткий, имеется упор. Его размер: длина — 4,8 см, длина черешка — 1,3 см; размер второго — 4,8 см, граница между пером и черешком не определяется. Два стерженька происходят из кургана №69: их длина 2,9 см, ширина в сечении 0,2 см.

Четырехгранные наконечники появляются в последней четверти I тыс. до н.э. и применяются до середины II тыс. н.э. (Горбунов, 2006, с. 40).

Плоские наконечники стрел в количестве 3 экз. из кургана №40. У двух перо листовидной формы, острие утрачено, сечение в виде плоского овала. Их размеры: длина — 4,1 см, длина черешка — 1,3 см; наибольшая ширина — 0,5 см; длина другого — 3,7 см, длина черешка — 1,2 см, ширина — 0,6 см. Третий наконечник лопаточковидный. Длина — 3,3 см (острие утеряно), черешок — 1,0 см (часть отломлена) без упора, ширина — 0,7 см в верхней части острия. Плоские наконечники известны у хунну (Коновалов, 1976, табл. 1.-2 (Черемуховая падь), 3, 6 (Ильмовая падь); Могильников, 1992, табл. 105.-14–16, I в. до н.э. — I в. н.э.).

Миниатюрные наконечники стрел обнаружены в составе поминов, расположенных в насыпях курганов. Г.В. Кубарев, исследуя поминальные комплексы древнетюркской культуры, обратил внимание на то, что в их состав для мужчин-воинов входили копье и панцирные пластины (Кубарев, 2016, с. 457). В ТКМ-1 ни в захоронениях, ни в поминальных комплексах нет наконечников копий. Возможно, наконечники стрел выполняли ту же функцию, что и наконечники копий.

Панцирные пластины. В ТКМ-1 они найдены в курганах №6, 32, 48, 62, 64. В кургане №32 зафиксированы в пятне, нарушенном грабительской ямой, на глубине 0,7–0,75 м и в кургане №62 в погребении, в остальных курганах — в насыпи. В кургане №48 сохранилось несколько целых пластин (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 49.-3, 4), лучше всего

они сохранились в кургане №6 (более 30 целых пластин) (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 19.-1, 2, 3, 5), в остальных курганах — фрагменты (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 40.-5-7; рис. 53.-2, 3; рис. 54.-2-4). Специального изучения панцирей из ТКМ-1 не производилось. Пластины из кургана №6 имеют различные размеры и разное количество отверстий.

Приведем несколько примеров: они прямоугольной формы, один конец округлый, другой — прямой. Есть пластины размером 5,8×2,0 см, 8,5×2,7 см с девятью отверстиями. Есть пластины с 11 отверстиями, размером 7,5×1,8-2,3 см; 6,3×2,3 см. У пластин с 11 отверстиями верхние и нижние края прямые.

В кургане №48 форма пластин определена по одной целой пластине и их фрагментам. Целая пластина прямоугольной формы с одним округлым концом и немного заоваленными углами у другого конца. Ее размер 4,8×2,2 см, толщина 0,1 см, имеется восемь отверстий. Были пластины и больших размеров, но с обломанными концами, например, размер одной из них: длина 6,3 см, ширина 3,0 см, толщина 0,2 см. Она сильно корродирована, видно только по одному отверстию у верхнего и нижнего краев. К ней по продольной стороне «прикипел» край другой пластины.

В кургане №62 целых пластин не сохранилось, их длина не определена (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 53.-2, 3; рис. 54.-5-7). По их фрагментам можно определить форму: прямоугольные пластины с овальным концом, другой конец обломлен, и есть с прямоугольным концом. Среди пластин есть широкие (3,2-4,0 см) и узкие (2,5-2,6 см), толщина от 0,15 до 0,2-0,3 см. Все корродированы. Количество отверстий не восстанавливается.

В кургане №64 целых пластин не сохранилось, фрагменты небольших размеров: две пластины с округлым краем, размер одной 3,2×2,2 см, толщина 0,15-0,2 см, другой — 4,0×2,2 см, толщина 0,2 см.

В этом кургане также найдено три тесла. Одно изготовлено по обычной технологии (его размер 8,3×2,0 см), другие два, вероятно, сделаны из панцирных пластин (?): толщина одинаковая по всей длине, имеются отверстия как на панцирных пластинах: у одного два отверстия в месте перехода втулки в лезвие, у другого — по верхнему краю втулки. Размеры меньшего тесла — 5,1×2,3 см, толщина пластины 0,1 см, отверстия очень четкие, диаметром 0,4 см. Это тесло почти не корродировано, возможно, было в огне (цвет иссиня-черный). Размеры большего — 8,2×2,5 см, оно также слабо корродировано (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 55.-1-3).

В кургане №32 панцирные пластины настолько корродированы, что их форму, размеры, количество отверстий определить не удастся. Можно лишь отметить, что среди пластин были пластины с округлыми и прямоугольными концами (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 40.-5-7).

Панцирные пластины из курганов №6, 48, 62 по классификации В.В. Горбунова относятся к отделу VI. Они с боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (нижними) отверстиями. Срединные отверстия расположены по верхнему краю и в центре; к типу 9 — овально-прямоугольные, укороченных пропорций, с девятью отверстиями. Боковых отверстий две пары, с каждой стороны; срединных — вертикальная пара у верхнего края и одно в центре. Окантовочных — пара по нижнему краю (Горбунов, 2003, с. 34). По приведенным размерам в тексте В.В. Горбунова они близки к пластинам из курганов №48 и 62.

Панцири с пластинами типа 9 на сопредельных с Томским Приобьем территориях выявлены в материалах булан-кобинской, тюркской, одинцовской культур на Алтае (Горбунов, 2019, рис. 3.8-8), потчевашской (Конилов, 2007, рис. 10.-2), релкинской (Чиндина, 1977, рис. 10.-2, рис. 24.-17, 18). Пластины из кургана №48 находят аналогии в тюркской культуре (Горбунов, 2019, рис. 3.16.-2), за исключением того, что у пластин из ТКМ-1 отсутствует центральное отверстие. Время существования пластин типа 9 — с IV по XIV в. (Горбунов, 2003, с. 47). В контексте настоящей работы важно отметить, что панцирные пластины, подобные пластинам из кургана №48, найдены в памятниках конца эпохи раннего железа и в памятниках V–VI вв.

Крюки колчанные (табл. 1) в миниатюрном исполнении найдены в насыпях курганов №37 и 47. Они были положены в сосуды небольших размеров вместе с другими предметами. В кургане №69 крюк обнаружен среди предметов нарушенного погребения (?). Они состоят из стержня с крючком и перекладины на другом конце. Перекладина представляет собой плавно изгибающиеся концы пластины, направленные в разные стороны. Размеры крюков: курган №37 — длина вместе с крючком и перекладиной 3 см, длина перекладины 3,5 см; курган №47 — длина стержня до перекладины 3 см, длина перекладины 2,3 см (концы частично утрачены), длина крючка 0,7 см; курган №69 — длина стержня до перекладины 2,8 см, длина перекладины 2 см (концы и крючок утрачены) (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 4.-9; рис. 7.-2; рис. 14.-9). На крюке из кургана №37 есть такие же треугольные насечки, как и на бронзовой цельнолитой пряжке из этого кургана. Такие крюки известны в таштыкской культуре (Худяков, 1978, рис. 2.-6, Утух-Хая-Кисте, IV–V вв., с. 164).

Фрагменты кожаного пояса (табл. 1). Среди предметов в погребении кургана №35 найдена часть кожаного пояса, длиной 3,4 см и шириной 1,8–2 см. На нем имеются бронзовые узкие пластинки, прилегающие друг к другу, прикрепленные к поясу бронзовыми шпеньками-гвоздиками. На одном сохранилась круглая шляпка.

Часть подобного кожаного пояса (два фрагмента) происходит из кургана №48 ТКМ-1. Размеры фрагментов: 1. Длина 3,8 см, ширина 2,7 см. По верхнему и нижнему краям пробито по пять отверстий, в одном из них сохранился бронзовый шпенец от гвоздика. 2. Длина 1,8–2,5 см, ширина 2,7 см. В дневнике раскопок этого кургана указано: «... обнаружены остатки кожаного пояса с остатками прикрепленных на него бронзовыми пластинками» (Плетнева, Архив МАЭС ТГУ, №553).

Аналогии этим поясам найдены в Сибири, на Алтае, в Центральном Казахстане. Так, в могильнике Красноярка-4 (Омская обл.) в кургане №8, погребение 2, обнаружены прямоугольные накладки из узких пластин с двумя шляпками (Грачев, Зеленков, Слепцова, 2021, рис. 2А.-2). Два пояса происходят из того же могильника: из кургана №18, погребение 3 и кургана №20, погребение 1 (Грачев и др., 2021, рис. 5Б.-16, 6А.-5). Авторы датируют эти погребения концом IV–VI вв. (Грачев, Зеленков, Слепцова, 2021, с. 69–70).

В могильнике Кок-Паш (Восточный Алтай) в кургане №33 выявлены части сбруйных ремней с накладками из узких металлических полосок (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 56.-17–32). Несколько поясов происходит из памятника булан-кобинской культуры Степушка (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 28.-2, 4; табл. 29.-2–4). Среди них есть пояса с вертикальными узкими металлическими пластинками, прикре-

пленными к кожаному ремню. Дополнительной деталью этих поясов являются металлические кольца для подвесных ремешков, прикрепленные к поясу согнутой пополам металлической пластинкой, закрепленной штифтами-гвоздиками (Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2.205.-3–5).

В более раннее время наборные пояса с вертикальными металлическими пластинками — обоймами известны в памятниках тасмолинской культуры (Казахстан): в кургане №1 Тасмолы-2 (V–IV вв. до н.э.), в курганах №1 и 3 Нурманбет-IV (Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 136, табл. 53.-2, 14, 15).

Боевые ножи. Были ли они на вооружении населения Томского Приобья в раннем средневековье, сказать однозначно нельзя, поскольку мало чем отличаются от бытовых ножей. За основной признак боевого ножа В.В. Горбунов предложил взять длину клинка более 13 см (Горбунов, 2006, с. 75). В ТКМ-1 имеется два ножа с длиной клинка немного больше, чем 13 см.

Нож из кургана №67 с прямым обухом и череном, общая длина 16,2 см (сохранился не весь). Длина клинка — 13,5 см, ширина его у черена 2,5 см, клинок треугольный в сечении, конец клинка острый, есть уступ со стороны лезвия. На черене сохранились остатки органического вещества (кость (?)).

Нож из кургана №66 был предположительно (часть клинка отсутствует) длиной около 16 см. Длина клинка — 13,5 см, ширина у черена 2,2 см. Обух прямой, клинок в сечении треугольный, имеется уступ со стороны лезвия. На черене остатки дерева.

Подобные боевые ножи по классификации В.В. Горбунова относятся к типу 1а, датируются 2-й половиной IV — XIV в. (Горбунов, 2006, с. 77). Ножи из ТКМ-1 по форме аналогичны ножам из могильников Кок-Паш и Троицкий Елбан (Горбунов, 2006). Они распространены у хунну, в Туве (улуг-хемская культура), редко встречаются в таштыкской культуре и в булан-кобинской культуре на Алтае (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 58–59).

Конское убранство

Удила. Удила в ТКМ-1 найдены в курганах №30, 32, 48.

Удила из кургана №30 плохой сохранности. Размер звеньев: длина одного звена 7,2 см, другого — 8,3 см, сделаны из четырехгранного дрота толщиной 0,3–0,4 см, в сечении прямоугольные. Удила из курганов №32 и 48 изготовлены из четырехгранного дрота с загнутыми концами и крюковым сцеплением. Удила из кургана №32 почти полностью разрушены коррозией, сохранилась часть одного звена с кольцом и фрагмент грызла от другого звена. Размеры удил из кургана №48: длина звеньев 9,2 см, диаметр колец по внешнему краю 1,8 см и 2,3 см. Удила из курганов №30 и 48 очень тонкие, вероятно, сделаны для похоронно-поминального обряда (в кургане №48 они найдены в насыпи). Подобные удила обнаружены в могильнике Карлык-1, могила-5 фоминской культуры (Ширин, 2003, табл. Л.-3, 4), в памятниках Степушка (Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2.206.-1, снаряжение верхового коня II — 1-й половины IV в. н.э.). Ю.В. Ширин отмечает, что удила с тонкими звеньями могли быть моделями в натуральную величину (Ширин, 2003, с. 53). Такие удила встречаются в начале раннего средневековья: так, удила небольшого размера с одним загнутым кольцом, второе изготовлено из об-

разующего кольцо дрота, сложенного вдвое и выгнутого на круглой болванке, найдено в скоплении кургана №1 могильника Релка (Чиндина, 1977, рис. 5.-18).

Принадлежности одежды, украшения и культовые предметы

Пряжки. Пряжки бронзовые, железные и биметаллические найдены в нескольких курганах ТКМ-1 (табл. 1, 2). По конструктивным особенностям, а именно способу скрепления с ремнем, выделено две группы: прикрепление ремня к рамке — рамчатые и по креплению ремня к щитку — щитковые.

Группа 1. В этой группе выделено два типа: 1 — рамчатые пряжки с неподвижным язычком, 2 — рамчатые пряжки с подвижным язычком.

Тип 1. Рамка подпрямоугольно-овальной формы с неподвижным язычком на рамке изделия (3 экз.).

1. Бронзовая цельнолитая пряжка из кургана №54 подтрапециевидной формы с двумя прямоугольными выступами в задней части пряжки и пятью овальными выступами и с неподвижным язычком-крючком в ее передней части. Размер: длина по внешней стороне посередине пряжки 3,3 см, наибольшая ширина (вместе с овальными выступами) — 2,9 см, выступы у основания пряжки — 0,2 см по длине и 0,4 см по ширине, общая ширина пряжки у основания 1,9 см, длина клювовидного язычка — 0,8 см. Такие пряжки обнаружены в памятниках таштыкской культуры: Сыры, склеп 1 (VI–VII вв.), Ташеба, склеп 1, 2 (V–VI вв.) (Вадецкая, 1999, рис. 64), у ранних кочевников Тувы (Мандельштам, 1992, табл. 77.–60. Эта пряжка без овальных выступов в передней части). Похожая пряжка в более раннее время происходит из памятника прохоровской культуры Усатово, кургана CG, погребения 12 (III–II вв. до н.э.) (Мошкова, 1963, табл. 25.-18).

2. Бронзовая пряжка из кургана №39 овально-подпрямоугольной формы со шпеньком на передней части рамки. Размер рамки пряжки по внешнему краю — 2,3×2,6 см, длина язычка — 0,7 см. При раскопках на пряжке была выявлена небольшая полоска кожи. Подобные пряжки происходят из склепов таштыкской культуры: Ташиба, скл. 2 (V–VII вв.) (Вадецкая, 1999, рис. 64), булан-кобинской культуры (Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2.206.-13, II — 1-я половина IV в.).

3. Пряжка из кургана №60 подтрапециевидной формы с неподвижным язычком. Размер рамки пряжки по внешнему краю — 2,0×1,6 см, ширина рамки — 0,4–0,5 см, длина язычка — 0,7 см.

Тип 2. Круглые, овальные и сегментовидные. Среди них есть пряжки хорошей сохранности и есть сильно коррозированные.

Вариант 1. Сделаны из круглого, овального или четырехгранного в сечении дрота. Они найдены в курганах №1 (размер 1,7×2,5 см (размеры даны по внешним сторонам пряжек), ширина рамки 0,2–0,3 см, язычок обломлен, его длина 1,3 см, ширина 0,2 см); №37 (размер 2,0×2,1 см); №40 — 2 экз. (1. Размеры 3,5×2,8 см, длина язычка 2,6 см, толщина 0,3 см; 2. Размеры 2,3×2,2 см); №54 (размер 2,5×2,0 см, длина язычка 1,3 см (сломан), толщина 0,4 см); №60 (размер 2,3×2,4 см), №29 (размер 2,0×2,2 см, длина язычка 2,3 см); №62 (размер 3,0×2,7 см, длина язычка 2,2 см, часть его отломлена, ширина 0,4–0,5 см); №66 (размер 2,5×2,5 см, длина язычка 2,6 см, к концу он округлен и заужен,

выходит за рамку на 0,1 см) (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 2.-2; рис. 4.-11; рис. 5.-1, 2; рис. 13.-3; рис. 38-7; рис. 54.-5; рис. 56.-4).

Такие пряжки известны с раннего железного века: они найдены у хунну (Коновалов, 1976, табл. XII.-5; Могильников, 1992, табл. 106.-19 (I в. до н.э.)), в Туве (Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-28), в памятниках саргатской культуры (Могильников, 1992, табл. 124.-11 (II в. до н.э. — II в. н.э.)), булан-кобинской культуры (II в. до н.э. — 2-я половина IV — V в. н.э.) (Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2.198.-8, Яломан-II), фоминской (Шишин, 2003, табл. LXVI.-9) и других культур. В раннем средневековье они известны в памятниках верхнеобской культуры — Крохалевка-16 (курган №1, погребение 2 (Сумин и др., 2013, рис. 153.-1, 5)), Крохалевка-23 (Троицкая, Новиков, 1998, табл. 6.-3), в Архиерейской Заимке (погребение 5, Беликова, Плетнева, 1983, рис. 74.-10, 11). Обнаружены они и в памятниках кызыл-ташского этапа тюркской культуры (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 3.-5, 6).

Аналогичные пряжки встречаются и в более позднее время: в северо-западных предгорьях Алтая в IX–XI вв. (Могильников, 2002, рис. 37.-8, 12; рис. 63.-9, 10; рис. 142.-7). В X–XIV вв.: в Новосибирском Приобье в могильнике Березовый остров-1 — курган №9 и в могильнике Высокий Борок — курган №14, погр. 1 (Адамов, 2000, рис. 42.-2; рис. 44. -14); в Среднем Причумылье в Змеинкинском курганном могильнике — погребения курганов №29 и 57 (Беликова, 1996, рис. 18.-9, рис. 43.-9) и Калмакском курганном могильнике — погребения курганов №5, 11, 16 (Беликова, 1996, рис. 64.-7, 8; рис. 71.-11, рис. 77. -8); в Томском Приобье в Астраханцевском курганном могильнике — курган №68 (Плетнева, 1997, рис. 58.-3).

Вариант 2. 1. Железная пряжка сегментовидной формы из кургана №62 с подвижным язычком выполнена из четырехгранного дрота, подтрапециевидного в сечении. Размер: длина по внешней стороне основания — 2,2 см, ширина рамки по основанию — 0,3 см, по верхней части — 0,15–0,2 см, длина язычка 1,9 см (толщина — 0,23 см, на конце заужен до 0,2 см и округлен). Подобные пряжки были распространены в булан-кобинской и одинцовской культурах (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 134–135).

Группа 2. Щитковые пряжки. Выделено два типа (3, 4).

Тип 3. Цельнолитые пряжки с неподвижным язычком. 1 экз. (табл. 1). Бронзовая цельнолитая пряжка из кургана №37. На щитке, по наружной поверхности краев пряжки, нанесены выемки подтреугольной формы. На рамку припаян (?) прямой подтреугольной формы заостренный шпенек длиной 0,9 см. На обороте к щитку припаяна перемычка шириной 0,9 см. Размер пряжки: длина — 2 см, ширина рамки — 0,9 см, ширина щитка — 0,7 см. Такие пряжки известны в таштыкской культуре: в Изыхском чаатасе (склеп 2), в Тепсее-III (склеп 1), которые датируются V–VI вв. (Вадецкая, 1999, табл. 91, рис. 64; табл. 104, рис. 64), в раннетюркских памятниках Алтая (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 4.-1, Кудыргэ, оградка 104).

Тип 4. Пряжки с подвижным язычком. 4 экз. По форме рамки выделено два варианта.

Вариант 1. Овальнорамчатые щитковые пряжки с подвижным язычком. 3 экз. Щиток — согнутая железная полоска, продетая через рамку, в месте перегиба сделан вырез для язычка. Между краями согнутой полоски вставлялся ремень, закрепленный гвоздиками. Они найдены в курганах №55, 60. Размеры: курган №55 (размер рамки 1,4×1,1 см, длина щитка 1,8 см); №60 (размер рамки 3,4×2,2 см, длина язычка 2,7 см, размер щитка 1,8×1,9 см, между концами железной пластинки сохранилась кожа). Размер третьей

пряжки не определен. Аналогичные пряжки зафиксированы в таштыкской культуре — Уйбат, склеп 7, V–VII вв. (Вадецкая, 1999, рис. 64), верхнеобской культуре одинцовского этапа (Троицкая, Новиков, 1998, с. 133), в булан-кобинской культуре (Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2.204.-22, Степушка, II — 1-я половина IV в.).

Вариант 2. Рамчатая пряжка овально-подпрямоугольной формы (задняя часть пряжки вытянута в форме прямоугольника) с длинными накладками на ремень. Длина пряжки 3,3 см, толщина 0,4 см. На рамке в передней части пряжки расположен крючок длиной 0,8 см. За торец пряжки перекинута узкая пластинка, согнутая на торце пряжки. С внешней стороны ее длина 9,1 см, ширина 1,3 см, продольные края пластины немного подогнуты, ширина подгиба 0,25–0,3 см. С оборотной стороны пластина уже, ширина ее 1,0–1,2 см, длина 2,7 см. Под нее подложена другая пластина, длина которой 5,8 см. В месте соединения этих пластин имеется заклепка, которая держит верхнюю пластину, петлю и две нижние пластины. Шляпка заклепки диаметром 0,6 см. Кроме того, по всей длине пластин есть еще одна заклепка. Между пластинами крепился ремень, но материал, из которого он был изготовлен, не сохранился (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 13.-7). Материал, из которого изготовлено изделие, — бронза со значительным содержанием железа (реагирует на магнит). В более раннее время похожая пряжка найдена в могильнике на берегу р. Бегирэ в кургане №39, датированном II–I вв. до н.э. шурмакской культуры (Кызласов, 1979, рис. 61.-12). Похожая пряжка происходит из памятника Степушка булан-кобинской культуры (Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2.204.-21, оружие и воинская амуниция II — 1-й половины IV в. н.э.).

Анализ по месту расположения пряжек показал следующие результаты (табл. 2). Они найдены как в насыпи курганов (12 экз.), так и в погребениях (9 экз.). В насыпях пряжки зафиксированы в курганах без погребений (5 экз.) и в курганах с погребениями человека (7 экз.). Большинство их располагалось в объектах на глубине 0,12–0,3 м от современной поверхности. В кургане без погребения №38 пряжка найдена в пятне, уходящем в материк на глубину 0,1–0,12 м, а в кургане №55 она обнаружена на глубине 0,5 м (курган тоже без погребения) вместе с другими предметами. Эти два кургана сооружены как кенотафы.

В насыпи курганов в семи случаях пряжки найдены в сосудах вместе с другими предметами, в двух объектах — в скоплении предметов без сосудов и в двух случаях — с предметами и керамикой (состав предметов в сосудах и в скоплениях без них см.: Беликова, Плетнева, 1983; Плетнева 1984, 2024). В погребениях пряжки найдены в пяти курганах. Из вышеизложенного видно, что пряжки входили как в набор предметов при захоронении, так и при поминальном обряде.

Серьги. Бронзовая серьга овальной формы со вставкой из опала (?) и дужкой обнаружена в кургане №60. Внешние размеры — 2,2×1,9 см, толщина с камнем — 0,8 см, длина дужки — 2,2 см, толщина — 0,1 см. Общий вес — 4,76 г (без дужки — 4,45 г). Хорошо виден край пластины гнезда, закрепляющей каменную вставку. Камень заточен на конус. На оборотной стороне всю поверхность серьги закрывает овальная бронзовая пластина, на ней имеется два отверстия, через одно продета дужка серьги. Серьга выполнена в полихромном стиле.

Бронзовая серьга луничного типа с ушком и привеской в виде трехбусинной грозди найдена в кургане №26. Ее размер: длина — 2,6 см, наибольшая ширина — 1,5 см, дли-

на дужки 2 см, толщина 0,15 см. Литье полое, внутри прослеживается органика. Часть ушка отломлена, на месте застежки на корпус серьги надето тонкое бронзовое колечко. Такие серьги найдены в могильниках харинского типа (Амброз, 1980, рис. 8.-39; Генинг, Голдина, 1973, с. 87, V — 1-я половина VI в.). Подобные же серьги происходят из памятников бакальской культуры (Матвеева, 2022, рис. 24.-27, 28).

Медальоны. В кургане №35 найдено пять металлических медальонов со вставками из зеленого стекла (табл. 1). Они округлой формы, размером от 1,7×1,7 см до 2,1×2,2 см, весом от 1,65 до 2,25 г. Хорошо видны гнезда для вставок из стекла. Они сделаны из серебряной (?) пластинки размером по окружности стекла, края их загнуты с наружной стороны, охватывая вставку. Гнезда обрамлены двумя или тремя рядами плоского серебряного дрота с насечками. У трех медальонов сохранилось по два ушка для продевания шнура, у одного — одно ушко и у одного вместо ушек пробито два отверстия. Ушки сделаны из узкой тонкой серебряной пластинки с двумя или тремя рубчиками. У одного медальона вставка имеет вертикальную трещину.

С оборотной стороны у одного медальона прослежена бронзовая круглая вставка, закрывающая гнездо. Все медальоны с оборотной стороны были покрыты клеящим составом. Украшения, подобные медальонам из ТКМ-1, найдены в памятниках сарматского времени (Мошкова, 1989, табл. 82.-49) и начала эпохи раннего средневековья (Кубарев, 2010, рис. 1.-18; Сумин и др., 2013, рис. 155.-1, 2; Казаков, 2016, рис. 2). Наиболее географически удаленные аналогии характерны для постгуннского времени и обнаружены в памятниках Северного Причерноморья (Казанский, 2020, рис. 2.-1, 2, 30–33; рис. 4.-1, 3–5).

Гривны. Из украшений, кроме медальонов, в районе шеи захороненной женщины в кургане №35 ТКМ-1 найдены два фрагмента витой из двух бронзовых проволочек гривны (табл. 1). Их длина — 3,5 см и 7,8 см. Часть такой же гривны обнаружена в кургане №36. Витые гривны известны с эпохи бронзы — например, золотая гривна (браслет (?)) происходит из Еловского могильника-II (Матющенко, 2004, рис. 282.-3, еловская культура). Гривны обнаружены в материалах скифской культуры лесостепной и степной европейской части бывшего СССР (Петренко, 1989, табл. 41.-21; табл. 42.-13, 19; табл. 102.-42), а также в гунно-сарматский период на территории Тувы (Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 203).

На Алтае в хуннуско-сянбийско-жужанское время они зафиксированы в памятниках булан-кобинской культуры (Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, рис. 2. 207.-15, в памятнике Айрыдаш-1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13.-19, 45).

В раннем средневековье лесостепного Алтая витые гривны происходят из памятников одинцовской культуры Ближние Елбаны: из могилы 1 БЕ-III и могилы 11 БЕ-XII (Грязнов, 1956, табл. XLV.-1; табл. XLVII.-14).

Перстень. В погребении кургана №35 ТКМ-1 обнаружен цельнолитой перстень с овальным щитком, вытянутым вдоль фаланги, и округлой сплошной шинкой. Щиток орнаментирован двумя зигзагообразными линиями, между которыми расположены точки с чередованием коротких горизонтальных линий со штрихами. Предмет имеет широкие географические и хронологические аналогии — технологически подобные изделия идентичны, а отличия наблюдаются в различных геометрических узорах.

Таблица 2

Table 2

Расположение пряжек в курганах из Тимирязевского курганного могильника-1

The position of buckles in burial mounds from the Timiryazev Burial Ground-1

Номер кургана	Объект	Отдельные находки	Глубина от поверхности, м	В насыпи					Курган с погребением	В погребении
				В сосуде с другими предметами	В скоплениях предметов	С предметами и фрагментами керамики	Курган без погребений	Курган с погребением		
1	1		0,12	Разбитый сосуд с предметами					+	
7			Из пятна 0,2-0,25	+					+	
29	1		0,2	+				+		
37	2		0,2-0,4	+					+	
38	1		В пятне, уходящим в материк на 0,1-0,12 м							+
39		+	0,2-0,3						+	
40	1		0,2-0,3		С миниатюрными предметами				+	
	2		0,2-0,3		С миниатюрными предметами				+	
53										2
54	1		0,2-0,25					Разбитый сосуд, пряжка	+	
55	1		0,5	+					+	
				+						3
60	1		0,12-0,15	+					+	
										2
64	3		В пятне 0,3-0,35					+		
66										1
39										1

Такой перстень известен, например, в материалах Ошкинского могильника в Прикамье (Лещинская, 2014, с. 79, табл. 2.-33; с. 218; с. 254, табл. 35.-7). В Западной Сибири аналогии встречаются, например, в материалах городища Няксимволь (Няксимволь, 2014, с. 48–49), святилища Усть-Полуй (Чернецов, 1953, с. 131, табл. IV.-10; Гусев, Федорова, 2012, с. 54, рис. 32.-17, 18), курганного могильника Красноярский-IV (Грачев и др., 2010, с. 239–240; Грачев, Зеленков, Слепцова, 2021, с. 65, рис. 5.-7), Потчевашских курганов (Археологический музей..., 1888, с. 32), могильника Релка (Чиндина, 1977, рис. 30.-2), могильника Красный Яр I (Троицкая, 1978, рис. 4.-7).

Если материалы святилища Усть-Полуй датируются II в. до н.э. — II в. н.э., а в Прикамье перстень обнаружен в захоронении рубежа ананьинского и пьяноборского времени конца I — II в. н.э., то другие упомянутые материалы датируются в диапазоне от конца IV до VIII в. н.э.

Колоколовидные подвески. В курганах №35, 60 и 62 ТКМ-1 обнаружены колоколовидные орнаментированные подвески, имеющие форму усеченного конуса и три по довольных выступа по нижнему краю (табл. 1). Подобные изделия, например, обнаружены в материалах могильника Релка (Чиндина, 1977, рис. 5.-5; рис. 16.-8), могильника Красный Яр I (Троицкая, 1978, рис. 7.-22) и встречаются в комплексах с датами от V до VIII в. н.э.

Зооморфные подвески. Обнаружены в курганах №35 и 62 ТКМ-1 (табл. 1). Они изготавливались в двусторонней двухчастной форме с сердечником и представляют собой изображения медведей с опущенной головой. Подобные изделия (точных аналогий не выявлено) встречаются, например, в материалах святилища Усть-Полуй (II в. до н.э. — II в. н.э.) (Археология Арктики, 2017, с. 209, УП-15/129) и в целом существуют на протяжении всего I тыс. н.э., с постепенными стилистическими упрощениями. Функционально близкие изделия — подвесные украшения-амулеты в форме объемной фигуры росوماхи (медведя (?)) обнаружены в результате раскопок погребального комплекса IV–VII вв. н.э. ансамбля «Священная кедровая роща» (Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021, с. 130–131, рис. 6.03; с. 134–135, рис. 6.08–6.11).

Выводы

1. На основе появившихся после выхода в 1983 г. монографии О.Б. Беликовой, Л.М. Плетневой публикаций огромного корпуса источников методом аналогий проведен анализ материалов из ТКМ-1.

В предметно-хронологический комплекс для курганов V–VI вв. Тимирязевского курганного могильника-1 включены орудия труда (сошник, обоймы ножен, витые щепочки), оружие и доспех (наконечники стрел, пояс, панцирные пластины, колчаные крюки), упряжь коня (удила), принадлежности одежды (фрагменты кожаных поясов, пряжки), украшения и культовые предметы (серьги, гривны, медальоны, перстень, колоколовидные и зооморфные подвески).

Из приведенных аналогий этим предметам устанавливается, что они заканчивают свое существование в конце эпохи раннего железа и в начале раннего средневековья. Другие предметы, такие как пряжки, щиток которых образован перекинутой через ее основание тонкой железной пластинкой, начинают изготавливаться в указанное время, широкое распространение получают трехлопастные наконечники стрел. Нахождение

ние в одном кургане предметов ранней группы и предметов более поздних дает основание для датировки ряда курганов из ТКМ-1 V–VI вв.

2. Исходя из наличия указанных предметов и их встречаемости в курганах к V–VI вв. обоснованно отнесены следующие курганы ТКМ-1: №1 (обойма от ножен, миниатюрные наконечники стрел), №35 (фрагменты кожаного пояса, медальоны, витая гривна, перстень, зооморфная и колоколовидная подвески), №37 (крючок, пряжка «таштыкского» типа), №39 (рамчатая пряжка с неподвижным язычком), №40 (обойма от ножен, миниатюрные наконечники стрел), №47 (крючок), №48 (фрагменты кожаного пояса), №51 (обойма от ножен), №54 (бронзовая пряжка с неподвижным язычком и железная пряжка с подвижным язычком), №55 (две витых цепочки), №60 (колоколовидная подвеска и пряжки: бронзовая с неподвижным язычком и железные щитковые), №62 (обойма, витая цепочка, колоколовидная и зооморфная подвески), №69 (обойма, крючок).

На основании источниковедческого анализа в эту группу можно предположительно включить курганы №26 (бронзовая серьга с дужкой и тремя выпуклостями на окончании), №30 (ярусный наконечник стрелы, удила), №36 (витая гривна и сосуд с фигурно-штамповой орнаментацией), №49 (миниатюрное землеобрабатывающее орудие), №66 (колоколовидная подвеска). Дополнительно в эту группу включены курганы, датированные VI в. по ^{14}C — №23 (550 ± 30 (КИ-994)) и №46 (560 ± 45 (КИ-980)) (Беликова, Плетнева, 1983, с. 96).

В результате проделанной работы по материалам раскопок 1971 и 1973 гг. к раннему периоду существования некрополя достоверно отнесено 13 курганов (№1, 35, 37, 39, 40, 47, 48, 51, 54, 55, 60, 62, 69), предположительно — еще семь курганов (№23, 26, 30, 36, 46, 49, 66).

3. Вопрос о культурных связях населения Томского Приобья в V–VI вв. — предмет отдельного исследования. Здесь обратим особое внимание на комплекс предметов из кургана №35. В нем найдены медальоны полихромного стиля, что говорит о распространении гуннского влияния (Казаков, 2016, с. 113). Можно предположить, что в Томском Приобье неоднократно происходило проникновение небольших групп таштыкцев и, возможно, ранних тюрков (Плетнева, Рыбаков, 2024). Местное население имело связи также с западными и северными соседями. В этом же кургане обнаружены предметы, характерные для западных и северо-западных территорий Западной Сибири (зооморфные и колоколовидные подвески). Женщина, захороненная в этом кургане, по-видимому, была знатной особой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М. : Наука, 1980. С. 3–56.

Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. 276 с.

Археология Арктики. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. Екатеринбург : Деловая пресса, 2017. 277 с.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.

Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI — XVII в. таежного Причумылья в свете археологии и археоботаники (опыт комплексного исследования одного кургана). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 432 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 140–148.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в истории древней Сибири. СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. Вып. 12. // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1973. С. 58–121.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Одинцовская культура // История Алтая в 3 т. Т. 1. Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 312–322.

Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Северный археологический конгресс. Екатеринбург : ИД «ИздатНаукаСервис», 2010. С. 239–240.

Грачев М.А., Зеленков А.С., Слепцова А.В. Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №4. С. 60–73.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 160 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №48).

Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард : Северное издательство, 2012. 59 с.

Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Ти-мирязевского–I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №4. С. 73–81.

Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №3. С. 106–114.

Казанский М.М. Морской Чулек — Шамси — Аржан Бугузун: миграции степных кочевников в постгуннское время и «княжеская» культура // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2020. №5. С. 55–72 (hal-02988868).

Кардаш О.В., Слесаренко И.В., Родин С.О. Археология Севера России: Священная кедровая роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Сургут : АНО «Институт археологии Севера», 2021. 160 с.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск : Изд. ОмГПУ; Наука, 2007. 466 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1976. 248 с.

Краснов Ю.А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // *Советская археология*. 1967. №1. С. 3–21.

Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Барнаул : Азбука, 2010. С. 27–31.

Кубарев Г.В. Мир в миниатюре: Традиция помещения вотивных вещей в древнетюркские поминальные оградки // *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 429–479.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). М. : МГУ, 1960. 198 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М. : Изд-во Московского ун-та, 1979. 207 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск : Б.и., 2014. 472 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27).

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М. : Наука, 1992. С. 178–195.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М. : Наука, 1992. С. 196–205.

Матвеева Н.П. Бакальская культура // *Западная Сибирь в эпоху раннего средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей*. Тюмень : Изд-во Тюм. ун-та, 2022. С. 48–89.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М. : Наука, 1992. С. 254–273.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // *Свод археологических источников*. Д1–10. М. : Наука, 1963. 56 с. + 32 табл.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье и Северном Причерноморье // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 191–214.

Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск : Изд-во Томского ун-та, 2014. 200 с.

Петренко В.Г. Скифская материальная культура. Украшения и булавки // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 106–108.

Плетнева Л.М. Полевая документация. 1971 г. Экспедиции СОАЭ — 71. Дневник разведки // Архив МАЭС ТГУ. №498.

Плетнева Л.М. Полевые дневники раскопок Тимирязевского курганного могильника в 1973 г. // Архив МАЭС ТГУ. №553.

Плетнева Л.М. Полевые чертежи раскопок Тимирязевского курганного могильника в 1973 г. // Архив МАЭС ТГУ. №554.

Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64–87.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 134 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Плетнева Л.М. Исследование насыпей курганов Тимирязевского курганного могильника-1 // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №2. С. 52–73.

Плетнева Л.М., Рыбаков Д.Ю. Томское Приобье в конце эпохи раннего железа (III–IV вв. н.э.) и раннего средневековья (V–X вв.) // Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий [Электронный ресурс]. URL: <https://zsaek.tsu.ru/node/60> (дата обращения: 09.01.2024).

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области. Новосибирск : Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. 272 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Алтай в жужанское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №4. С. 25–47.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В. Булан-кобинская культура // История Алтая: в 3 т. Т. 1. Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 286–308.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 14–32.

Троицкая Т.Н. Красный Яр-1 — памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 99–117.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Худяков Ю.С. О вооружении таштыкского воина // Древняя история Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 164–169.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 121–178 (Материалы и исследования по археологии СССР. №35).

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск : Изд-во Том ун-та, 1991. 184 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

REFERENCES

Adamov A.A. Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th Centuries. Tobolsk; Omsk : Izd-vo OmGPU, 2000. 256 p. (In Russ.)

Ambroz A.K. Birsky Burial Ground and Problems of Chronology of the Urals in the 4th–7th Centuries. In: Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes. Moscow : Nauka, 1980. Pp. 3–56. (In Russ.)

Archaeological Museum of Tomsk University. Tomsk, 1888. 276 p. (In Russ.)

Archaeology of the Arctic. Issue 4: Ust'-Polui: Materials and Research. Vol. 1. Ekaterinburg : Delovaya pressa, 2017. 277 p. (In Russ.)

Belikova O.B. Middle Chulym Region in the 10th–13th Centuries. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1996. 272 p. (In Russ.)

Belikova O.B. Zyryanskoye Burial Ground of the late 16th –17th Century in the Taiga Chulym River Region in Light of Archaeology and Archaeobotany (a comprehensive study of the barrow). Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 432 p. (In Russ.)

Belikova O.B., Pletneva L.M. The Sites of the Tomsk Priobie of the 5th–8th Century A.D. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 244 p. (In Russ.)

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Eastern Altai in the Era of the Great Nations Migration (the 3rd–7th centuries). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2003. 224 p. (In Russ.)

Bokovenko N.A., Zadneprovskij Yu.A. Early Nomads of Eastern Kazakhstan. In: Archaeology of the USSR. The Steppe Strip of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 140–148. (In Russ.)

Vadetskaya E.B. The Tashtyk Era in the Ancient History of Siberia. St. Petersburg : Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1999. 440 p. (In Russ.)

Gening V.F. and Goldina R.D. Burial mounds of the Kharinsky Type in the Upper Kama Segion. In: Questions of the Archaeology of the Urals. Issue 12. Sverdlovsk : UrGU, 1973. Pp. 58–121. (In Russ.)

Gorbunov V.V. Military Affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part I: Defensive Weapons (armor). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 174 p. (In Russ.)

Gorbunov V.V. Military Affairs of the Population of Altai in the 3rd–14th Centuries. Part II: Offensive Weapons (weapons). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p. (In Russ.)

Gorbunov V.V. Odintsovo Culture. In: Altai History: in 3 vols. Vol. 1: Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. Pp. 312–322. (In Russ.)

Grachev M.A., Gracheva O.E., Danchenko E.M., Plekhanov A.V. New Burial Ground of the Kharim Culture in the Southern Taiga Region of the Irtysh Region. In: III Northern Archaeological Congress. Ekaterinburg : ID “IzdatNaukaServis”, 2010. Pp. 239–240. (In Russ.)

Grachev M.A., Zelenkov A.S., Sleptsova A.V. Krasnoyarsky-IV Kurgan Cemetery of the Great Migration Period. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021;4:60–73. (In Russ.)

Gryaznov M.P. The History of Ancient Tribes Based on Excavations Near the Village of Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. 160 p. (Materials and research on the archeology of the USSR. No 48). (In Russ.)

Gusev A.V., Fedorova N.V. The Ancient Sanctuary of Ust-Polui: Design, Actions, Artifacts. The Results of the Research Planigraphy and Stratigraphy of the Site: 1935–2012. Salekhard : Severnoe izdatel'stvo, 2012. 59 p. (In Russ.)

Zaitseva O.V., Belikova O.B., Vodyasov E.V. Anthropomorphic Bronze Masks of the Timiryazev-1 Burial Ground. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2017;45(4):73–81. (In Russ.)

Kazakov A.A. Polychrome Style Objects from the Nurial Site on the Eras'ka River. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. 2016;3:106–114. (In Russ.)

Kazanskij M.M. Morskoj Chulek — Shamsi — Arzhan Buguzun: Migration of Steppe Nomads in Post-Hunnic Period and “Princely” Culture. *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya = Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2020;5:55–72 (hal-02988868). (In Russ.)

Kardash O.V., Slesarenko I.V., Rodin S.O. Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove): Formation and Development of the Salym Khanty Religion in 4th–20th Centuries. In: Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the Mirror of the Past. Issue 19. Hanty-Mansijsk; Nefteyugansk; Surgut : ANO “Institut arheologii Severa”, 2021. 160 p. (In Russ.)

Konikov B.A. Omskoye Priirtyshie in the Early and Developed Middle Ages. Omsk : Izd-vo OmGPU; Nauka, 2007. 466 p. (In Russ.)

Kononov P.B. Huns in Transbaikalia (Funeral sites). Ulan-Ude : Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 248 p. (In Russ.)

Krasnov Yu.A. About the Systems and Techniques of Early Agriculture in the Forest Belt of Eastern Europe. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1967;1:3–21. (In Russ.)

Kubarev G.V. Polychrome Style Bridle Set from the Arzhan-Buguzun Site (Southeast Altai). In: Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 27–31. (In Russ.)

Kubarev G.V. World in Miniature: Tradition of Placement of Votive Items in Ancient Turkic Memorial Enclosures. In: *Altai among the Eurasian Antiquities*. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2016. Pp. 429–479. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. The Tashtyk Era in the History of the Khakass-Minusinsk basin (the 1st century BC — 5th century AD). Moscow : MGU, 1960. 198 p. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. Ancient Tuva. Moscow : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1979. 207 p. (In Russ.)

Leshchinskaya N.A. The Vyatka Region in the Pyanobor Epoch (based on the materials of burial grounds of the 1st–5th centuries AD). Izhevsk : B.i., 2014. 472 p. (Materials and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition. Vol. 27). (In Russ.)

Mandel'shtam A.M. Early Nomads of the Scythian Period on the Territory of Tuva. In: *Archaeology of the USSR. The Steppe Strip of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time*. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 178–195. (In Russ.)

Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U. Hunno-Sarmatian Period on the Territory of Tuva. In: *Archaeology of the USSR. The Steppe Strip of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time*. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 196–205. (In Russ.)

Matveeva N.P. The Bakal Culture. In: *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of Ethnocultural Communities*. Tyumen' : Izd-vo Tyum. un-ta, 2022. Pp. 48–89. (In Russ.)

Matyushchenko V.I. The Elovsky Archaeological Complex. Part Two: The Elovsky Burial Ground II. The Pre-Irmen Complexes. Omsk : Izd-vo OmGU, 2004. 468 p. (In Russ.)

Mogil'nikov V.A. Huns in Transbaikalia. In: *Archaeology of the USSR. The Steppe Strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time*. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 254–273. (In Russ.)

Mogil'nikov V.A. Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th–11th Centuries. Moscow : Nauka, 2002. 362 p. (In Russ.)

Moshkova M.G. The Sites of Prokhorovka Culture. In: *Collection of Archaeological Sources. D1–10*. Moscow : Nauka, 1963. 56 p. + 32 tabl. (In Russ.)

Moshkova M.G. Sauromatians and Sarmatians in the Volga-Don Interfluvium, Southern Urals and Northern Black Sea Region. In: *Archaeology of the USSR. The Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time*. Moscow : Nauka, 1989. Pp. 191–214. (In Russ.)

Nyaksimvol'. Tomsk; Hanty-Mansijsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2014. 200 p. (In Russ.)

Petrenko V.G. Scythian Material Culture. Jewelry and Pins. In: *Archaeology of the USSR. The Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time*. Moscow : Nauka, 1989. Pp. 106–108. (In Russ.)

Pletneva L.M. Field Documentation. 1971. SOAE Expedition — 71. The Diary of Archaeological Reconnaissance. In: *Archive of MAES TSU. №498*. (In Russ.)

Pletneva L.M. Field Diaries of Archaeological Excavations of the Timiryazev Burial Ground-1 in 1973. In: *Archive of MAES TSU. №553*. (In Russ.)

Pletneva L.M. Archaeological Field Drawings of the Timiryazev Burial Ground-1 in 1973. In: *Archive of MAES TSU. №554*. (In Russ.)

Pletneva L.M. Burials of the 9th–10th Centuries in the Tomsk Priobie. In: *Western Siberia in the Middle Ages*. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1984. Pp. 64–87. (In Russ.)

Pletneva L.M. Tomsk Ob' Region in the Late Middle Ages. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1990. 134 p. (In Russ.)

Pletneva L.M. The Tomsk Ob Region at the Beginning of the 2nd Millennium A.D. (Based on Archaeological Sources). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1997. 350 p. (In Russ.)

Pletneva L.M. The Study of Burial Mounds of the Timiryazev Burial Ground-1. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):52–73. (In Russ.)

Pletneva L.M., Rybakov D.Yu. Tomsk Priobie at the End of the Early Iron Age (the 3rd–4th centuries AD) and Early Middle Ages (5th–10th centuries). In: Historical Experience of Ethnocultural Development of Northern Eurasia and Adjacent Territories [Electronic resource]. Available at: <https://zsaek.tsu.ru/node/60> (date of access: 09.01.2024) (In Russ.)

Sumin V.A., Evteeva E.M., Anufriev D.E., Roslyakov S.G. Archaeological Sites of the Kochenevsky District of the Novosibirsk Region. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyj tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Novosibirskoj oblasti, 2013. 272 p. (In Russ.)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. The Complex of Archaeological Sites in the Biyke River Valley (Altai Mountains). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p. (In Russ.)

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Altai in the Rouran Time: Cultural and Chronological Analysis of Archaeological Materials. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(4):25–47. (In Russ.)

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Gorbunov V.V. The Bulan-Kobinskaya culture. In: History of Altai: in 3 vols. Vol. I. The Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod: Konstanta, 2019. Pp. 286–308. (In Russ.)

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V. Altai in the Xianbei-Rouran Time (based on materials from the Stepushka Site). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 368 p. (In Russ.)

Tishkin A.A. and Seregina N.N. The Subject Complex from the Sites of the Kyzyl-Tash Stage of the Turkic Culture (2nd half of the 5th — 1st half of the 6th centuries AD): Traditions and Innovations. In: Theory and Practice of Archaeological Research. Issue 6. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2011. Pp. 14–32. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Krasnyj Yar-1 — the Site of the Late Iron Age. In: Ancient Cultures of Altai and Western Siberia. Novosibirsk: Nauka, 1978. Pp. 99–117. (In Russ.)

Troitskaya T.N. and Novikov A.V. The Upper Ob Culture in the Novosibirsk Ob Region. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p. (In Russ.)

Hudyakov Yu.S. About the Armament of the Tashtyk Warrior. In: Ancient Cultures of Altai and Western Siberia: Novosibirsk: Nauka, 1978. Pp. 164–169. (In Russ.)

Chernetsov V.N. Bronze in the Ust-Polui period. In: Ancient History of the Lower Ob region. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953. Pp. 121–178 (Materials and research on the archeology of the USSR. No 35). (In Russ.)

Chindina L.A. The Relka Burial Ground on the Middle Ob. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1977. 192 p. (In Russ.)

Chindina L.A. The History of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages (Ryolka culture). Tomsk: Izd-vo Tom un-ta, 1991. 184 p. (In Russ.)

Shirin Yu.V. The Upper Ob River Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau in the Beginning of the 1st Millennium AD (burial artifacts of the Fominsk culture). Novokuznetsk: Kuzneckaja krepost', 2003. 288 p. (In Russ.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Плетнева Л.М.: сбор и обработка материалов, написание разделов статьи, научное редактирование статьи, общее руководство.

L.M. Pletneva: collection and processing of materials, writing sections of the article, scientific editing of the article, general guidance.

Коробейников И.Н.: сбор материала, поиск аналогий, написание разделов статьи.

I.N. Korobeinikov: collecting material, searching for analogies, writing sections of the article.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Плетнева Людмила Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, Томск, Россия.

Lyudmila M. Pletneva, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Department of World History, Archaeology and Ethnology, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia.

Коробейников Илья Николаевич, заведующий музеем истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия.

Илья Н. Korobeinikov, Head of the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography named after V.M. Florinsky, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025;

одобрена после рецензирования 04.02.2025;

принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 13.01.2025;

approved after reviewing 04.02.2025;

accepted for publication 18.02.2025.

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(571.513)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-08)

EDN: DIAXIP

РОГОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ ТАШТЫКСКОГО ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА БЕЛЫЙ ЯР-3 В АЛТАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Иван Сергеевич Половников^{1*}, Александр Иванович Поселянин²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;
polis.sib@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

²Хакасский государственный университет, Абакан, Россия;
apograv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-9291>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты анализа четырех изделий из цельного рога, обнаруженных отрядом Хакасского государственного университета при раскопках таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3. Для этих находок характерно высокохудожественное исполнение резьбы по рогу. Другим аспектом, позволяющим говорить об уникальности предметов, следует считать контекст их обнаружения. Во-первых, данные предметы зафиксированы в непо потревоженном археологическом комплексе, исследованном полностью, что служит важным источником в изучении таштыкской культуры. Во-вторых, речь идет об объектах меморативного назначения — поминах, материал которых до настоящего времени в научной литературе освещен недостаточно. В статье дается также краткое описание истории изучения данного типа памятников, вопрос о котором актуален в таштыкской проблематике.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Алтайский р-н, погребально-поминальный комплекс Белый-Яр-3, таштыкская культура, косторезное производство, рог, обработка металлическим инструментом

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта НИР FWZG-2025-0005 «Природные условия обитания древнего человека в четвертичном периоде Евразии». Авторы благодарят канд. ист. наук О.А. Митько и д-ра. ист. наук П.В. Волкова за консультации при подготовке работы.

Для цитирования: Половников И.С., Поселянин А.И. Роговые предметы из таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3 в Алтайском районе Республики Хакасия // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 154–165. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-08)

HORN OBJECTS FROM THE TASHTYK FUNERAL SITE 'BELY YAR-3' (THE ALTAISKY DISTRICT, THE REPUBLIC OF KHAKASIA)

Ivan S. Polovnikov^{1*}, Alexander I. Poselyanin²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;
polis.sib@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

²Khakass State University, Abakan, Russia;
apograv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9746-9291>

*Corresponding Author

Abstract. The article presents the results of the analysis of four items made of antlers discovered by the archaeological team from Khakass State University during excavations of the Tashtyk funerary site 'Bely Yar-3'. A striking feature of these finds is the highly artistic execution of horn carving. Another aspect that allows us to talk about the uniqueness of the items is the context of their discovery. Firstly, these items were recorded in an undisturbed archaeological complex that was fully explored, which serves as an important source in the study of the Tashtyk culture. Secondly, we are talking about memorial objects — commemorations, the material of which has not been sufficiently covered in the scientific literature up to date. The article also provides a brief description of the history of the study of this type of monuments, the issue of which is relevant in the Tashtyk problematic. However, the complexity of interpreting these objects complicates the understanding of the functional use of the objects under study.

Keywords: Republic of Khakassia, Altaysky district, funerary site 'Bely-Yar-3', Tashtyk culture, bone carving production, horn, processing with a metal tool

Acknowledgments: the project of the scientific and research institute of the IAET SB RAS №FWZG-2025-0005 "Natural Habitat Conditions of Ancient Man in the Quaternary Period of Eurasia". The authors thank Candidate of Historical Sciences O.A. Mitko and Doctor of Historical Sciences P.V. Volkov for consultations during the preparation of this work.

For citation: Polovnikov I.S., Poselaynin A.I. Horn Objects from the Funeral Site 'Bely Yar-3' (the Altaysky District, the Republic of Khakassia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):154–165. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-08)

Введение

В ходе изучения погребально-поминальных памятников таштыкской культуры на территории Минусинских котловин у большинства исследователей не сформировалось четкого понимания объектов, известных в научной литературе под термином «поминальник». Э.Б. Вадецкая выделила каменные стелы на краю грунтовых могильников в отдельный вид памятников, назвав их «поминальными камнями таштыкских могильников» (Вадецкая, 1971, с. 33–36). М.П. Грязнов в структуру поминального объекта включал вертикально поставленный камень и размещенную к северо-востоку перед ним ямку либо различные их варианты (Грязнов, 1979, с. 141). К настоящему времени под поминами принято понимать небольшие ямы подпрямоугольной или овальной формы размерами от 1,5 до 2,5 м, перекрытыми бревнами и берестой, глубиной приблизительно 0,5–1 м, дно могло застилаться берестой. В состав жертвенного сопровождения входила жидкая пища в сосудах и часть мясной пищи (овца, корова). Подобные объекты располагались преимущественно с восточной или южной сторон от таштыкских склепов. По определению их хронологии и функциональному назначению в научной литературе сложились различные точки зрения.

С.В. Киселев выделял в таштыкской культуре «переходный тип погребений» и датировал его докудыргинским временем. Л.А. Евтюхова, развивая данный подход, предложила обозначить «переходную стадию» памятников от таштыкской эпохи к последующей (эпохе чаатас) (Киселев, 1951, с. 468-472). Позднее Л.Р. Кызласов предложил именовать позднеташтыкский этап камешковским и датировал его IV–V вв. н.э. (Кызласов, 1960).

М.П. Грязнов, опираясь на материалы могильников у горы Тепсей, выделил таштыкские поминальники около склепов в отдельный тип археологических памятников (Грязнов, 1979, с. 128–142). Э.Б. Вадецкая, опираясь на идею М.П. Грязнова о поминальной функции рассматриваемых объектов и проанализировав материалы всех раскопанных памятников таштыкской культуры, пришла к выводу, что выделенные С.В. Киселевым «переходные могилы» и Л.Р. Кызласовым могилы «камешковского этапа» относятся к «жертвенно-поминальным комплексам», которые характерны для всех этапов существования таштыкской культуры (Вадецкая, 1986, с. 130).

С.В. Панкова продолжила исследования в этом направлении, по ее мнению, типологические различия этих объектов могут быть связаны с локальными вариантами развития культуры. При трактовке «камешковских» памятников (как погребения или как помины) она заметила, что «обнаруженная в них керамика никак не подтверждает их переходный характер, в то же время высока вероятность того, что „камешковские“ выкладки сооружались на всем протяжении таштыкской культуры» (Панкова, 1996).

Наиболее полно на сегодняшний день изучены поминальные комплексы в таштыкской культуре на памятниках Белый Яр-3 и Быстрая-2 (раскопанные большими площадями) (Вадецкая, Поселянин, 2015; Поселянин, 2016). Одним из соавторов настоящей статьи была предложена характеристика основных признаков поминальных объектов, благодаря которой было выделено три принципа их планиграфической организации («рядная», «свободная» и «смешанная») (Поселянин, 2009, с. 168–174).

Отдельный взгляд на проблему сформулировал О.А. Митько. Опираясь на материалы могильника Маркелов Мыс-II (таштыкско-древнетюркского времени), он заметил, что состав меморативных и погребальных объектов таштыкской культуры «...не ограничивается рамками только могил, склепов и „традиционных поминов“». Также он отметил, что «характер „поминальных сооружений“ гораздо сложнее, а семантика намного глубже тех представлений, что сложились в современной научной литературе» (Митько, 2006, с. 168). На могильнике Маркелов Мыс-II был выполнен антропологический анализ таштыкских погребений и отмечены особенности обряда кремации под каменными выкладками (Митько, Николаева, 2016).

В то же время практически никто не обращал внимания на немногочисленные, но яркие предметы из кости и рога, обнаруженные в поминальных объектах. Данная работа посвящена морфологическому и технологическому анализу роговых ложечек из поминов таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3.

Материалы исследования и методы

Погребально-поминальный комплекс Белый Яр-3 расположен на юге Минусинской котловины в Алтайском районе Республики Хакасия, на вершине степного увала правого берега р. Абакан, в 4,3 км к юго-востоку от с. Белый Яр (рис. 1). Исследуемый памятник входил в Белоярский археологический микрорайон, состоящий из разных культурно-археологических эпох (XIII в. до н.э. — IX в. н.э.). Южную часть увала занимал могильник карасукской культуры (Белый Яр-5). Таштыкский (Белый Яр-3) и древнетюркский (Белый Яр-2) памятники находились в северной его части, на остальной территории фикси-

ровались разновременные курганы тагарской культуры (Белый Яр-1 и Белый Яр-4) (Вадецкая, Поселянин, 2015, рис. 1).

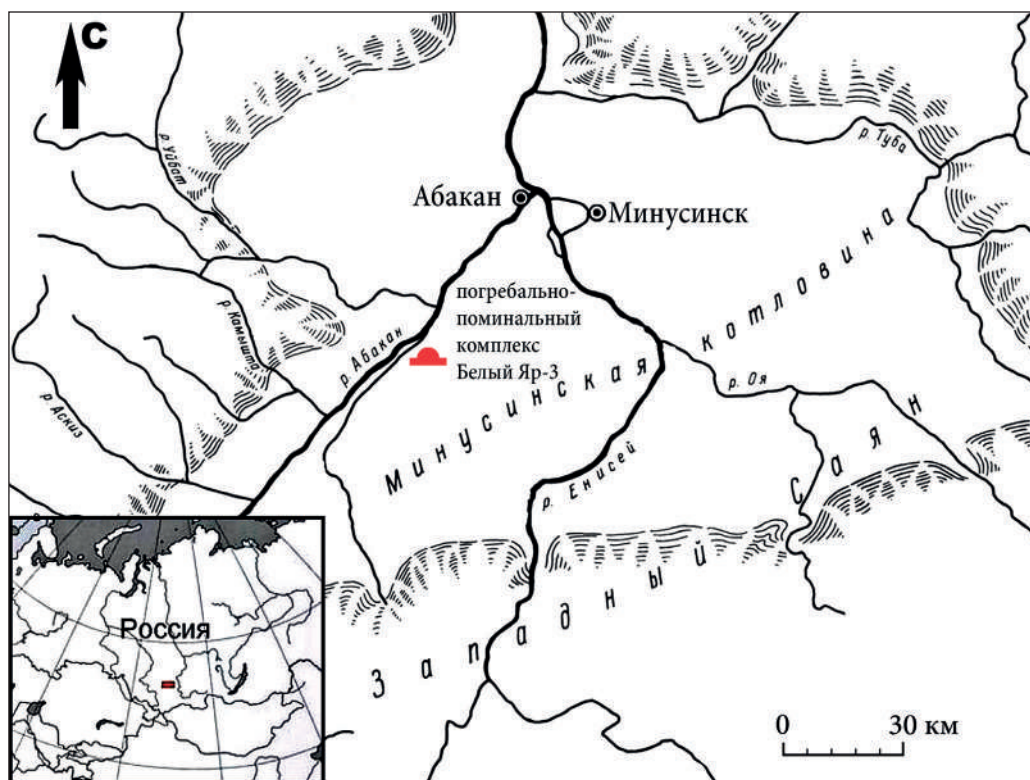

Рис. 1. Карта с месторасположением таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3
 Fig. 1. Map with the location of the 'Bely Yar-3' funerary site

Таштыкский комплекс состоял из трех частей: склеп, детское кладбище и площадка-поминальник. Склеп был расположен на месте кургана сарагашенского этапа тагарской культуры, он представлял собой коллективную усыпальницу со срубом, тыном, полатами и каменно-бревенчатым перекрытием. В погребальной камере на двух уровнях зафиксировано 73 кучки пепла. Обнаружены обломки около 50 гипсовых масок, остатки кукол-манекенов и сопроводительный инвентарь, включавший миниатюрные железные модели удил, бронзовые пряжки и амулеты с изображением парных голов лошадей. (Вадецкая, Поселянин, 2015, рис. 3, с. 4–8).

Детские грунтовые могилы были расположены вокруг склепа и относились как к тагарской (№1–8), так и таштыкской (№9–24) культурам, на площади поминальника выявлены еще две детские могилы (№25, 26). Таштыкские могилы были овальной и подпрямоугольной формы, перекрыты бревнами и жердями, а дно застлано плахами. Захоронены дети разного возраста: младенцы, дети 2–3 и 3–5 лет, подростки 6–7 и 8–9 лет. В могилы с младенцами клали по одному сосуду баночной формы, в могилы детей раннего воз-

раста — по два сосуда разного типа и куски баранины, в могилы подростков — 4–5 сосудов и части туши овцы. Для детей 5–6 лет сооружались срубчики из тонких бревен (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 8–11).

Поминальник располагался с восточной и южной стороны от склепа, состоял из 152 объектов (ямок) — поминов. Все поминки различаются размерами, составом жертвенной пищи и редко — сопроводительным инвентарем. Преобладали грунтовые ямы подпрямоугольной формы, преимущественно ориентированные по линии СВ–ЮЗ, в длину в среднем от 1,5 до 2,5 м. Перекрытие грунтовых ям состояло из тонких бревен или жердей, сверху покрытых кусками бересты или каменными плитками. В больших ямах покрытие опиралось на вертикально стоящие столбики, которые размещались в углах ямы.

В поминках были обнаружены керамические сосуды, бронзовое зеркало, косторезные предметы. Материалом для данного исследования послужили три ложечки и одна лопаточка из поминов 23, 86, 95, 113.

Ложечка с навершием в виде трезубца с двумя декоративно вырезанными проемами (помин №23). Данная ложечка была обнаружена в помине №23. Он представлял собой яму подпрямоугольной формы (0,75×1,4 м), ориентированную по линии З–ЮЗ — В–СВ, на дне (у южной стенки) которой находилось четыре разрушенных баночных широкогорлых сосуда, посередине была зафиксирована ложечка (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 116, рис. 56, 3.-5). Изделие состоит из плоской овальной лопасти с чуть приостренным окончанием, круглым в сечении черенком и подпрямоугольным навершием, которое выполнено в виде трезубца с двумя декоративно вырезанными в нем проемами. Общие размеры: 11,6×4,6 см; размеры лопасти 4×4,6 см; диаметр сечения ручки 0,5 см (рис. 2.-1) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-1).

Ложечка с навершием в виде ромба со сквозным отверстием (помин №95). Данная ложечка была обнаружена в помине №95, который представлял собой яму овальной формы (0,9×1 м), ориентированную по линии ЮЗ–СВ, на дне (у юго-восточной стенки) которой располагалось три баночных широкогорлых сосуда, а у северо-восточной стенки находилась ложечка (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 130, рис. 70.-5: 4). Изделие состоит из плоской овальной лопасти, которая выгнута вперед (возможно, из-за формы исходного сырья), круглого в сечении черенка и ромбовидного навершия с отверстием посередине. На навершии наблюдается небольшая вогнутость, которую можно объяснить как имитацию мастером выступов, имеющих сходство с выступами на ручках таштыкских котловидных сосудов (Кызласов, 1960, с. 80, рис. 28.-9–11). Общие размеры: 8,55×3,9 см; размеры лопасти 3×3,5 см; диаметр сечения ручки 0,5×0,4 см (рис. 2.-2) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-2).

Ложечка без навершия со сквозным отверстием на конце ручки (помин №113). Данная ложечка была обнаружена в помине №113. Объект представлял собой яму подпрямоугольной формы (1,2×1 м), ориентированную по линии ЮЗ–СВ, глубиной 0,75 м от дневной поверхности. На дне под юго-восточной стенкой располагалось два сосуда (горшковидный узкогорлый и баночный широкогорлый) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 137, рис. 77.-4). Изделие состоит из плоской овальной лопасти, круглого в сечении черенка без объемного навершия с прямым окончанием. Общие размеры: 7,2×3,7 см; размеры лопасти 3×3,7 см; диаметр сечения ручки 0,5×0,45 см (рис. 2.-3) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-3).

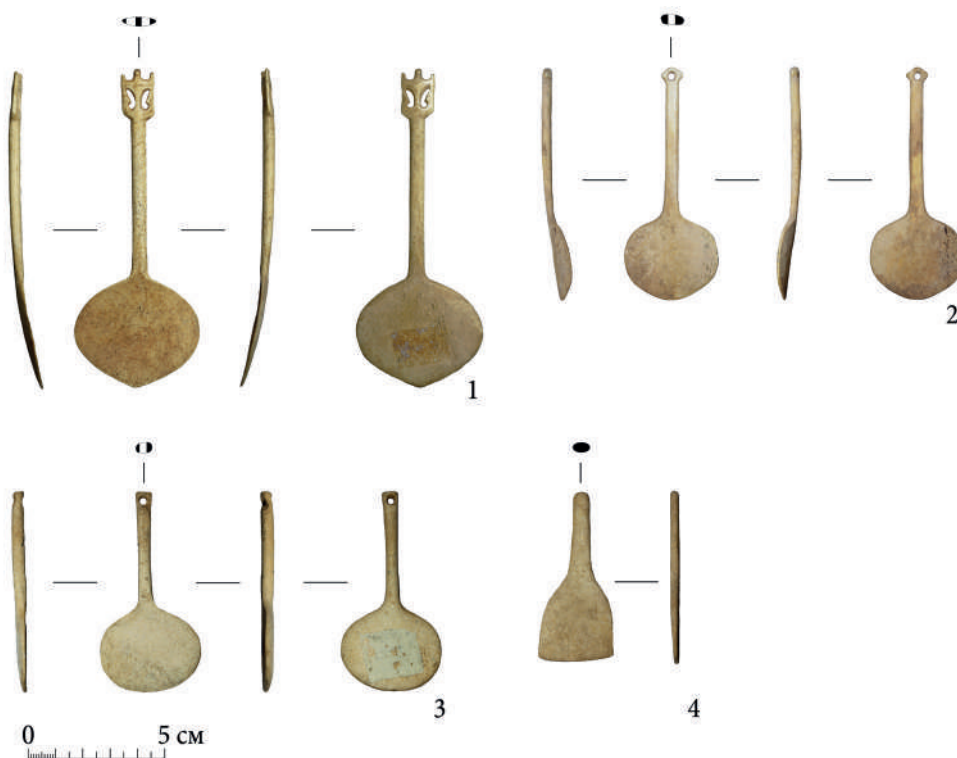

Рис. 2. Роговые ложечки и лопаточка из таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3
 Fig. 2. Horn spoons and a spatula from the 'Bely Yar-3' funerary site

Лопаточка (помин №86). Данная лопаточка была обнаружена в помине №86. Он представлял собой яму прямоугольной формы (1×1,3 м), ориентированную по линии ЮЗ–СВ, на дне (под юго-восточной стенкой) которой располагалось два баночных широкогорлых сосуда (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 128, рис. 68.-3). Лопасть изделия имеет трапециевидную форму, плавно переходящую в черенок. Общие размеры: 6,2×2,8 см, размеры лопасти 3×2,8 см; толщина ручки 0,7×0,3 см (рис. 2.-4) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-4). Сохранность всех перечисленных изделий различная: поверхность отдельных предметов густо покрыта мелкими кавернами.

В своем исследовании авторы опирались на методические положения по изучению косторезного дела Южной Сибири эпохи палеометалла, разработанные А.П. Бородовским (1997, 2012). При анализе материалов применялись бинокляр Altami и цифровая камера с макрообъективом Canon EF-S 60 mm f/2.8 Micro (в диапазоне 10–50 крат).

Результаты исследования

Для ложечки с навершием в виде трезубца с двумя декоративно вырезанными проемами из помина №23 заготовкой, по всей видимости, послужила одинарная пластина из участка лопасти лосиного рога (?). На готовом изделии прослеживается губчатое вещество на задней стороне черпательной части, которое ориентировано с изгибом в различные стороны

(рис. 3.-1), из этого следует, что одинарная пластина была вырезана из разветвления. Это совпадает с наблюдениями А.П. Бородавского, который на косторезном материале Усть-Полюя показал, что для заготовок лопаточек выступала часть разветвления кроны рогов (Бородавский, 2012, с. 32). В орнаментике навершия ручки в качестве резчика и провёртки использовался нож, который также был задействован и как скобел. Следы от его грубого скобления фиксируются на рукоятке ложечки (рис. 3.-2). По торцам изделия фиксируются следы работы ножом. Можно предположить следующую последовательность процесса: первоначально производилась обработка поверхности ножом, затем дорабатывалась скобелем. На лопасти ложечки видны следы работы мелким абразивом, которые распределились в линейной последовательности. Причем на внешней стороне изделия инструмент применялся менее интенсивно, по сравнению с внутренней стороной (рис. 3.-3). Наряду с применением абразива по периметру всего изделия наблюдаются следы полировки органическим материалом (кожа?). Полировка поверхности была важна, потому что заполнялись поры на поверхности, и это защищало от чрезмерного высыхания компакты. Сберегая влагу, плотное вещество также сохраняет прочность и эластичность рогового сырья. В противном случае изделия из сухой кости становятся ломкими и хрупкими.

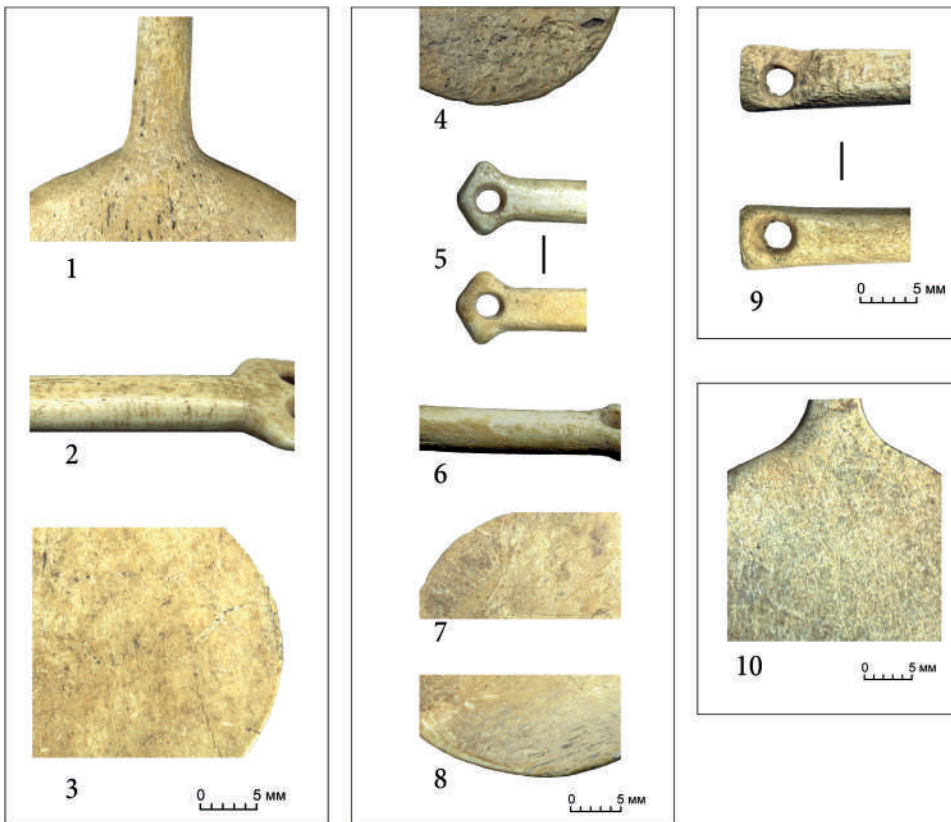

Рис. 3. Роговые ложечки из таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3

Fig. 3. Horn spoons from the 'Bely Yar-3' funerary site

Для ложечки с навершием в виде ромба со сквозным отверстием из помина №95 заготовкой, по всей видимости, также послужила одинарная пластина из плоского участка лопаты лосиного рога (?). На готовом изделии на задней стороне лопасти прослеживается губчатое вещество (рис. 3.-4). Сверление отверстия выполнено провёрткой, проводилось с двух сторон, но линейных следов внутри не наблюдается, развальцовки нет (рис. 3.-5). На рукояти, как и на ложечке с навершием в виде трезубца, отмечены следы скобления ножом (рис. 3.-6). На лопасти изделия видны следы работы мелким абразивом. Направление следов от абразива хаотичное (рис. 3.-7). По периметру использовался сначала скобель, потом абразив, затем изделие дорабатывалось органическим материалом (кожа?) (рис. 3.-8).

Для ложечки без навершия со сквозным отверстием на конце ручки из помина №113 заготовкой, по всей видимости, послужила одинарная пластина из рога (лось, олень). Какая именно часть рога была взята, сказать сложно, так как ни рудиментов, ни губчатого вещества на поверхности не прослеживается. Сверление отверстия осуществлялось с двух сторон, наблюдаются следы провёртки (видимо, ножом). При его изготовлении, видимо, было совершено откалывание части изделия (рис. 3.-9). На лопасти ложечки фиксируются следы работы мелкого абразива (на внешней стороне их интенсивность меньше, чем на внутренней). Их направление хаотичное (рис. 3.-10). По периметру использовался сначала скобель, потом абразив, затем изделие дорабатывалось органическим материалом (кожа?).

Для лопаточки из помина №86 заготовкой, по всей видимости, послужила одинарная пластина из рога. Какая именно часть рога была взята, сказать сложно. К сожалению, следы на изделии не прослеживаются, так как поверхность разрушена.

В обработке было задействовано несколько инструментов: нож, сверло, абразив, кожа (?). Анализ предметов позволил восстановить следующую последовательность технологических операций при изготовлении ложечек: придание общего контура заготовкам с помощью ножа и, вероятно, грубого абразива; сверление сквозных отверстий (расширение и соединение предварительно просверленных каналов с помощью строгального ножа); окончательная шлифовка и полировка на завершающем этапе работы.

Обсуждение результатов

В памятниках таштыкской культуры сохранилась различная посуда из органики (в основном из дерева): различные бочонки, сосуды, плоские блюда и черпаки. Обращает на себя внимание техника резьбы по дереву — острым металлическим инструментом с соблюдением пропорций.

Морфологически близкие к исследуемым ложечкам изделия косторезного производства известны из числа случайных находок Минусинской котловины, хранящихся в музеях Абакана, Минусинска, Железногорска и Санкт-Петербурга (номера по госкаталогу: 15199777; 31898084; 31898140; 31898186; из Минусинского музея им. Мартьянова (Инв. № МКМ А — 10027) и из Эрмитажа (Инв. №-1133/317)).

Близкой аналогией может выступать косторезный предмет из таштыкского склепа Уйбат-I (Киселев, 1951, табл. XXXVIII.-11). Он представляет собой круглый диск с ручкой, плоский в сечении. Однако есть одно явное отличие: ручки данного изделия бо-

лее короткие, что можно трактовать как имитацию бронзового зеркала. В пользу этого могут указывать выполненные из дерева в такой же манере миниатюрные зеркала из скифских погребений Горного Алтая (могильник Уландрык-1, курганы №7, 11 (Кубарев, 1987, с.160, табл. XVI.-11; табл. XXIV). В.Д. Кубарев отнес их к изделиям, имитирующим бронзовые зеркала.

В то же время следует обратить внимание на костяное (?) изделие из таштыкского склепа 3 могильника Тепсей-III, которое по своим морфологическим особенностям сделано в форме ложечки (у которой сильно вытянутая, овальной формы плоская лопасть, короткая ручка (отломана?) и недалеко от места излома проделано отверстие для подвешивания) (Грязнов, 1979, с. 119, рис. 70.-6). Другое костяное (?) изделие из этого же могильника из детской грунтовой могилы-42, которое авторы раскопок отнесли к булавкам, также может являться рукоятью роговой ложечки с плоским художественно оформленным навершием (Грязнов, 1979, с. 127, рис. 75).

По своим конструктивным особенностям вызывает интерес лопаточка из могильника Ближние Елбаны-7, могила-85 (Грязнов, 1956, табл. LII.-1; Ширин, 2003, с. 193, табл. XXIX.-10). Следует согласиться с Ю.В. Шириным, что изначально изделие, видимо, представляло собой щетку, сделанную из двойной роговой пластины. Однако в результате разрушения от изделия сохранилась только одна сторона компакты рога (плотного вещества), которую впоследствии доработали в лопаточку (Ширин, 2003, с. 89–90).

Заключение

По своим конструктивно-морфологическим признакам исследуемые ложечки индивидуальны, небольшие по размерам, место для зачерпывания (лопасть) оставлено без углублений, скорее напоминавшие лопатку, видимо, они предназначались для фасовки сыпучих веществ. При их изготовлении задействовано несколько инструментов: нож, сверло, абразив, кожа (?). Анализ предметов позволил восстановить следующую последовательность технологических операций: придание общего контура заготовкам с помощью ножа и, вероятно, грубого абразива; сверление сквозных отверстий (расширение и соединение предварительно просверленных каналов с помощью металлического ножа); окончательная шлифовка и полировка на завершающем этапе работы. Последовательность технологических операций и набор орудий, использовавшийся при изготовлении данных ложечек из цельного рога, позволяет говорить о высоком уровне мастера в рамках в домашнего производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Бородовский А.П. Косторезные заготовки Усть-Полуя (по материалам исследований 2006–2011 гг.) // Археология Арктики. Екатеринбург : Деловая пресса, 2012. С. 30–35.

Вадецкая Э.Б. Поминальные камни таштыкских могильников // КСИА. Вып. 128. М. : Наука, 1971. С. 33–36.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан : Хакасское книжное издательство, 2015. 210 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 228 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №48).

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 89–146.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. 644 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 304 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). М. : МГУ, 1960. 198 с.

Митько О.А. Таштыкские погребения по обряду трупосожжения под каменными выкладками (по материалам раскопок могильника Маркелов Мыс-II) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 166–168.

Митько О.А., Николаева Т.А. Особенности погребального обряда таштыкского населения (по данным антропологического анализа захоронений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс-II) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2016. №6 (44). С. 98–105.

Панкова С.В. О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб. : СПбГУ, 1996. С. 41–43.

Поселянин А.И. Поминальный обряд таштыкской культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 168–173.

Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая-2 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. №1. С. 3–47.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

REFERENCES

Borodovsky A.P. Ancient Bone Carving in the South of Western Siberia (2nd half II BC — 1st half of II AD). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 224 p. (In Russ.)

Borodovsky A.P. Bone-cutting Blanks from Ust'-Poluy (based on research 2006–2011 gg.). In: Arkheologiya Arktiki. Yekaterinburg : Delovaya pressa, 2012. Pp. 30–35. (In Russ.)

Vadetskaya E.B. Memorial Stones of Tashtyk Burial Grounds. In: Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 128. Moscow : Nauka, 1971. Pp. 33–36. (In Russ.)

Vadetskaya E.B. Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei. Leningrad : Nauka, 1986. 180 p. (In Russ.)

Vadetskaya E.B., Poselyanin A.I. Tashtyk Burial and Funerary Complex Bely Yar 3. Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015. 210 p. (In Russ.)

Gryaznov M.P. History of the Ancient tribes of the Upper Ob based on the Excavations near the Village of Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. 228 p. (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR. No. 48). (In Russ.)

Gryaznov M.P. Tashtyk Culture. Complex of Archaeological Sites near the City of Tepsei on the Yenisei. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 89–146. (In Russ.)

Kiselev S.V. Ancient History of Southern Siberia. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951. 644 p. (In Russ.)

Kubarev V.D. Mounds of Ulandryk. Novosibirsk : Nauka, 1987. 304 p. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. The Tashtyk Era in the History of the Khakass-Minusinsk basin (the 1st century BC — 5th century AD). Moscow : MGU, 1960. 198 p. (In Russ.)

Mitko O.A. Tashtyk Burials according to the Rite of Cremation under Stone Layings (based on the excavations of the Markelov Mys-II burial ground). In: The Modern Problems of Archaeology in Russia. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Vol. II. P. 166–168. (In Russ.)

Mitko O.A., Nikolaeva T.A. Peculiarities of the Burial Rite of the Tashtyk Population (According to the Anthropological Analysis of Burials Under Stonework at the Markelov Cape-II Burial Ground). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. Series: History*. 2016;6(44):98–105. (In Russ.)

Pankova S.V. On the Sites of the «Kameshkovsky» Stage of the Tashtyk Culture. In: Kurgan: Historical and Cultural Research and reconstruction. St. Petersburg : SPbGU, 1996. Pp. 41–43. (In Russ.)

Poselyanin A.I. Funeral Rite of the Tashtyk Culture. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology*. 2009;8(3: Archaeology and Ethnography):168–173. (In Russ.)

Poselyanin A.I. Tashtyk Funerary and Memorial Complex Bystraya-2. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific Review of Sayano-Altai*. 2016;1:3–47. (In Russ.)

Shirin Yu.V. The Upper Ob Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (funeral site of the Fominsk culture). Novokuznetsk : Izd-vo “Kuzneckaya krepost”, 2003. 288 p. (In Russ.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Половников И.С.: идея, обработка материала, научное редактирование.

I.S. Polovnikov: idea, material processing, scientific editing.

Поселянин А.И.: полевое изучение таштыкского погребально-поминального комплекса Белый-Яр-3, научное редактирование.

A.I. Poselyanin: field study of the ‘Bely-Yar-3’ archaeological site.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Половников Иван Сергеевич, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Ivan S. Polovnikov, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia.

Поселянин Александр Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Хакасского государственного университета, Абакан, Россия.

Alexander I. Poselyanin, Candidate of Historical Sciences, Researcher of Khakass State University, Abakan, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 18.02.2025.
The article was submitted 06.12.2024;
approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 18.02.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.27:004.932.2“637”

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-09)

EDN: ETNWLP

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРЫ КАМУШЕК В ДОЛИНЕ РЕКИ СЕЛЕНГА (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)

**Василий Иванович Ташак^{1*}, Юлия Евгеньевна Антонова²,
Владимир Николаевич Черных³**

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия;
tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

²Комитет государственной охраны объектов культурного наследия Администрации
Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, Улан-Удэ, Россия;
yulya_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6941-0305>

³Забайкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия;
geosibir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9365-7340>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье приводится описание нового местонахождения наскальных рисунков, обнаруженного в 2024 г. в северо-западной части хребта Цаган-Дабан (Западное Забайкалье). Новый археологический памятник назван Камушек, по названию скалистой горы, на скалах которой обнаружены изображения, нарисованные охрой — минеральным красителем природного происхождения. В ходе исследования было установлено, что более половины наскальных рисунков при визуальном осмотре на поверхности скал были не видны. В связи с этим в процессе изучения наскальных рисунков применялся метод цифровой фильтрации фотографий с наскальными изображениями для выявления контуров рисунков плохой сохранности. Установлено, что Камушек является одним из крупнейших по количеству изображений археологических объектов с наскальными рисунками на западе хребта Цаган-Дабан. Показано, что в составе наскальных рисунков Камушка присутствуют изображения, типичные для писаниц (скал с рисунками) селенгинского типа, а также изображения, характерные для писаниц лесного типа. На основании этого предположено, что наполнение поверхностей скал горы Камушек рисунками происходило в течение бронзового века. Рисунки, типичные для селенгинских писаниц, такие как оградка с точками внутри, антропоморфные фигуры, нарисованные в ряд (хоровод), а также ряд орноморфных изображений появились на скалах горы Камушек в бронзовом веке, вероятно, его финале.

Ключевые слова: наскальные рисунки, древнее искусство, бронзовый век, Западное Забайкалье, наскальные рисунки селенгинского типа, древние культовые объекты, цифровая обработка фотографий

Благодарности: работа выполнена в рамках НИР ИМБТ СО РАН (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» №121031000241-1).

Для цитирования: Ташак В.И., Антонова Ю.Е., Черных В.Н. Наскальные изображения горы Камушек в долине реки Селенга (Западное Забайкалье) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 166–187. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-09)

THE ROCK ARTS OF THE KAMUSHEK MOUNTAIN IN THE SELENGA RIVER VALLEY (WESTERN TRANSBAIKALIA)

Vasily I. Tashak^{1*}, Yuliya E. Antonova², Vladimir N. Chernykh³

¹Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia;

tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

²Committee for State Protection of Cultural Heritage Objects of the Administration of the Head and the Government of the Buryatia Republic, Ulan-Ude, Russia;

yulya_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6941-0305>

³Baikal Institute of Nature Management Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

geosibir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9365-7340>

*Corresponding Author

Abstract. The article describes a new location of rock paintings discovered in 2024 in the northwestern part of the Tsagan-Daban ridge (Western Transbaikalia). A new archaeological site is called Kamushek, after the rocky mountain on whose rocks the images painted with ochre, a mineral pigment of natural origin, were found. The study found that more than half of the rock paintings were not visible on the surface of the rocks during visual inspection. In this regard, in the process of studying rock paintings, a method of digital filtration of photographs with rock paintings was used to identify the contours of poorly preserved drawings. It was found that Kamushek is one of the largest in terms of the number of images of archaeological sites with rock paintings in the west of the Tsagan-Daban ridge. It is shown that the composition of the Kamushek rock paintings includes images typical of the Selenga-type petroglyphs (rocks with paintings), as well as images characteristic of forest-type petroglyphs. Based on this, it is assumed that the filling of the surfaces of the Kamushek mountain rocks with drawings took place during the Bronze Age. Drawings typical of the Selenga petroglyphs, such as a fence with dots inside, anthropomorphic figures drawn in a row (a round dance), as well as a number of ornithomorphic images, appeared on the rocks of Kamushek mountain in the Bronze Age, probably its finale.

Keywords: rock arts, ancient art, Bronze Age, Western Transbaikal, rock arts of Selenga type, ancient cult sites, foto digital processing

Acknowledgements: this article was carried out within the framework of the state task (project “Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States”, №121031000241-1).

For citation: Tashak V.I., Antonova Yu.E., Chernykh V.N. The Rock Arts of the Kamushek Mountain in the Selenga River Valley (Western Transbaikalia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):166–187. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-09)

Введение
Изучение наскальных рисунков горы Камушек является продолжением нового этапа целенаправленных исследований наскальных изображений Западного Забайкалья. В первую очередь этими исследованиями охватывается западная оконечность хребта Цаган-Дабан, упирающаяся в правый берег р. Селенга, крупнейшей водной артерии Западного Забайкалья, несущей свои воды из Северной Монголии в Байкал. Некоторые из исследовавшихся на новом этапе объектов наскального искусства уже введены в научный оборот, например Утес Решето (Ташак, 2019) и Каменная Баба (Ташак, Антонова, 2023). Но-

вые исследования памятников наскального искусства проводились и на левом берегу Селенги, напротив западной оконечности хребта Цаган-Дабан (Симухин и др., 2018). Изучение наскального искусства на современном этапе не ограничивается указанной территорией и вводом в научный оборот полученных здесь данных. Новые памятники с наскальными рисунками выявлены на юго-востоке Западного Забайкалья. В том числе впервые установлено на юго-востоке Кяхтинского района наличие петроглифов (писаниц) кяхтинского типа (Ташак, 2023), которые ранее были выделены на небольшой территории в районе села Усть-Кяхта и в ближайших окрестностях (Окладников, Запорожская, 1970, с. 133).

Новый археологический памятник с наскальными изображениями, предлагаемый к рассмотрению в данной статье, насчитывает десятки отдельных рисунков разной степени сохранности, сгруппированных в композиции или расположенных отдельно. Большое количество рисунков относит новое местонахождение к группе крупнейших забайкальских памятников наскального искусства. Рисунки этого памятника морфологически разнообразны даже в группах изображений одной категории, например, антропоморфных или орнитоморфных. В статье дано описание наскальных рисунков, выявленных визуально на поверхности скалы, а также рисунков, контуры которых удалось определить с применением современных методов исследований. В статье вводится в научный оборот большое количество новых рисунков, которые значительно дополняют базу данных по древнему наскальному искусству Западного Забайкалья.

Археологический объект и методы исследования

Камушек — археологический памятник — наскальные рисунки, получивший наименование по названию горы, на скалах которой находятся древние изображения. На скалистом склоне южной экспозиции горы расположен одиночный скалистый останец с наскальными рисунками на его поверхностях, обращенных на юг. Рисунки обнаружил В.Н. Черных в 2024 г. Первое обследование рисунков осуществили В.И. Ташак, Ю.Е. Антонова и В.Н. Черных сразу после их выявления.

Гора Камушек расположена в 2 км на восток–юго-восток от села Селенга в Тарбагатайском районе Республики Бурятия (РБ), в 18 км на юг от г. Улан-Удэ (рис. 1.-1). От правого берега р. Селенга до наскальных рисунков 3,5 км в восточном направлении. Коренные породы, представленные главным образом сиенитами и кварцевыми сиенитами (ГИС–пакеты... , 2024), экспонируются на поверхности в приводораздельных частях склонов и на их вершинах. Превышение местоположения наскальных рисунков горы Камушек над уровнем Селенги составляет около 350 м. До останца с наскальными рисунками около 80 м от начала крутого склона южной экспозиции, усыпанного многочисленными скальными обломками (рис. 1.-2). Останец имеет форму пирамиды с узкой вершиной в виде массивного столбовидного блока, общая высота останца около 15 м, а ширина у основания от 15 до 20 м. Останец растрескался на вертикальные и горизонтальные блоки. Вероятнее всего, это остатки некогда крупной дайки, огромные скальные обломки от которой усеивают верхнюю часть склона горы. Превышение местоположения наскальных рисунков над местом увеличения крутизны склона составляет 50 м. От останца до подножия основного массива крутых и отвесных скал около 50 м в северном направлении. Крутизна склона на подходе к скальному останцу с наскальными рисунками на некоторых участках превышает 45 градусов.

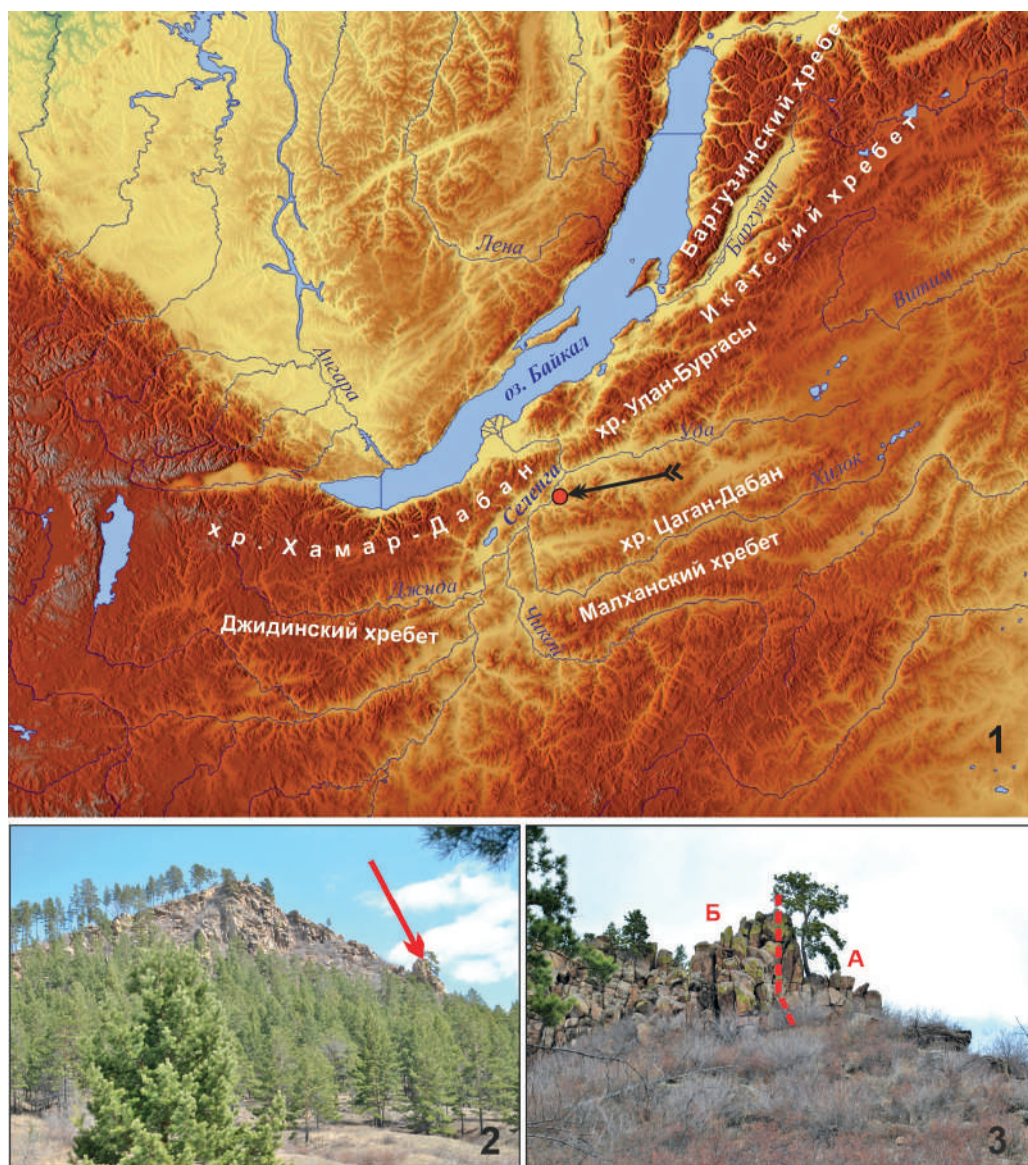

Рис. 1. 1 — орографическая схема Западного Забайкалья. Стрелкой указано местоположение археологического объекта с наскальными рисунками Камушек; 2 — вид с юго-запада на гору Камушек (местоположение указано стрелкой); 3 — вид с юга (снизу) на скалистый останец с наскальными рисунками и разделение на две группы рисунков: А — восточная часть; Б — западная часть

Fig. 1. 1 — orographical scheme of the Western Transbaikalia. The arrow indicates the position of the archeological rock art site Kamushek; 2 — The southwestern point view toward the Kamushek Mountain. The arrow indicates the rock cliff with paintings position; 3 — the general south (from the bottom) point view toward the rock cliff with the paintings: А — rock art eastern part; Б — rock art western part

Поверхности утеса с наскальными рисунками в основном обращены на юг, в сторону широкой пади, выходящей устьем в долину Селенги. На данном участке все пади, выходящие в долину Селенги, в днищах и по бортам перекрыты мощной толщей полигенетических разновозрастных рыхлых отложений, верхняя часть которых представлена преимущественно эоловыми песками и супесями кривоярской свиты (Базаров, 1968).

Рисунки нанесены на поверхности отдельных блоков, на которые растрескалась скала. Все изображения выполнены природным минеральным красителем — охрой, большинство из них находится на высоте 1–2 м от подножья вертикальной поверхности скалы, во многих местах заваленного скальными обломками. Единичные рисунки расположены выше.

В ходе детального изучения поверхностей отдельных блоков было установлено, что визуально видно около трети имеющихся наскальных рисунков. Еще около трети рисунков угадывается по смутно различимым пятнам красителя. Часть рисунков не видна при осмотре скал, их контуры становятся различимыми только после цветовой фильтрации фотографий, которая в настоящее время широко применяется как эффективный метод изучения наскальных рисунков с плохо различимыми очертаниями (Благун, Зоткина, 2018; Миклашевич, Бове, 2014; Миклашевич, Солодейников, 2013; Harman, 2015).

Для фотографирования рисунков горы Камушек нами применялась фотокамера Nikon D3000. В работе с полученными фотографиями наскальных рисунков были использованы методы работы на основе плагинов DStretch (Decorrelation Stretch), позволяющие осуществлять цветовую фильтрацию фотографий, в результате которой становятся видны контуры плохо различимых рисунков. В результате использования этих методов удалось обнаружить также рисунки, наличие которых можно было предположить по нескольким блеклым пятнам красителя. В ходе работы с крупными композициями, состоящими из нескольких рисунков, фотографирование производилось в несколько этапов. На первом этапе делался снимок всего скального панно — поверхности блока с рисунками, а затем отдельных элементов рисунков. Фотографирование каждого рисунка в отдельности позволило контролировать размеры каждого элемента композиции, что важно на этапе прорисовки рисунка. Помимо этого, фиксировалось расстояние между отдельными рисунками, которое учитывалось при воссоздании композиций в целом. Многие из методов работы, использовавшихся при изучении рисунков горы Камушек, были апробированы в ходе исследований на местонахождениях Утес Решето и Каменная Баба (Ташак, 2019; Ташак, Антонова, 2023).

Поверхности нескольких блоков с наскальными рисунками обильно покрыты лишайниками, под которыми изображения остались нераспознанными. В ряде случаев скальная корка на поверхности отслоилась и выкрошилась, что привело к утрате некоторых изображений частично или полностью.

Результаты исследований

Поверхность скалы южной экспозиции с наскальными рисунками делится выступом на две большие части — восточную и западную (рис. 1.-3). В восточной части находится несколько отдельных рисунков и композиций. Три из них занимают крайнюю восточную позицию среди выявленных изображений. Все отдельные рисунки и ком-

позиции получили порядковые номера, начиная с востока (рис. 2), где компактно расположены рисунок и две композиции (1–3).

Рис. 2. Археологический памятник Камушек. Вид с юга на восточную часть памятника. Цифрами обозначены композиции по номерам

Fig. 2. The Kamushek archaeological site. The south point view toward the eastern part of the site. The numbers indicate numerical order of the compositions

Рисунок №1 расположен на небольшом скальном блоке, на высоте 1,7 м от подножия вертикальной поверхности скалы. Рисунок представлен окружностью, внутри которой нарисованы точки и короткие полоски, расположенные в вертикальных рядах, расходящихся, как лучи, из небольшой зоны в нижней части окружности (рис. 3.-1).

Композиция №2 расположена на небольшом соседнем с востока блоке. Визуально на этом блоке наскальные рисунки не видны, кроме нескольких смутно просматриваемых красноватых пятен. После цифровой фильтрации цветов фотографий (рис. 3.-2a) выявляется композиция, состоящая из двух зооморфных изображений и одного орнитоморфного, расположенных в вертикальном ряду. Сохранность рисунков плохая, но после обработки фотографий контуры изображений становятся различимыми. Предположительно зооморфные рисунки изображают хищных животных, головы которых повернуты в западном направлении. Нижняя зооморфная фигура крупнее верхней. Вероятно, таким образом на рисунке передана перспектива: более мелкая фигура отображает удаленное животное, а крупная фигура — передний план всей композиции. Над животными изображена птица с распростертыми крыльями (рис. 3.-2б).

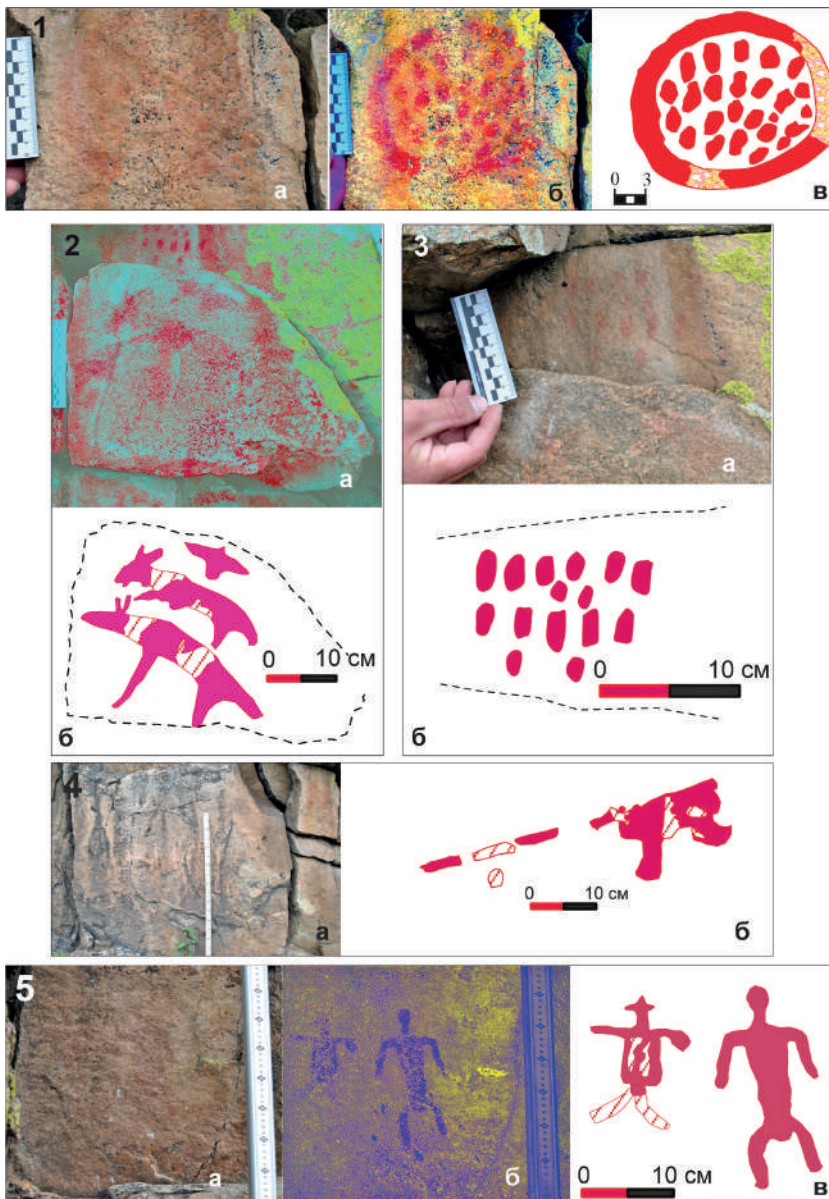

Рис. 3. Археологический памятник Камушек, восточная часть. Композиции №1–5: 1 — а — фотография, б — цифровая обработка, в — прорисовка; 2 — а — цифровая обработка, б — прорисовка; 3 — а — фотография, б — прорисовка; 4 — а — фотография, б — прорисовка; 5 — а — фотография, б — цифровая обработка, в — прорисовка

Fig. 3. The Kamushek archaeological site, eastern part. Compositions No 1–5: 1 — a — photo, б — photo after digital processing; в — trace drawing; 2 — a — photo, б — trace drawing; 3 — a — photo, б — trace drawing; 4 — a — photo, б — trace drawing; 5 — a — photo, б — photo after digital processing; в — trace drawing

Композиция №3 нарисована на небольшом узком блоке, расположенном сразу над блоком с композицией №2. Вся композиция представлена небольшими вертикальными полосками и точками. Полоски длиной от 21 до 30 мм размещены в двух горизонтальных рядах, расположенных друг над другом — шесть в верхнем ряду и пять в нижнем (рис. 3.-3). Две точки размещены между рядами полосок. Еще две точки нарисованы под нижним рядом полосок.

Ниже трех блоков с указанными рисунками находится крупный блок с ровной вертикальной поверхностью, но рисунков на этой поверхности не обнаружено.

Композиция №4. Слева от блока с рисунком №1 расположен крупный блок, на котором визуально рисунки не прослеживаются (рис. 3.-4а). После цифровой обработки фотографий проявляются контуры неясной фигуры и субгоризонтальных полосок (рис. 3.-4б), расположенных в одну линию и примыкающих с левой стороны к неясной фигуре. Данная композиция расположена на одном уровне с рисунком №1.

Композиция №5 расположена на 2,5 м западнее рисунка №1 и на 2,5 м выше подножия скалы. В настоящее время участок с рисунками композиции №5 труднодоступен. Композиция состоит из двух антропоморфных рисунков. Одна антропоморфная фигура визуально просматривается на поверхности скалы при ярком освещении и едва видна в пасмурную погоду (рис. 3.-5а). Вторая фигура, расположенная рядом, становится видна только после цифровой обработки фотографий (рис. 3.-5б, в). Рисунки выполнены по-разному. Высота первой фигуры 23 см, тело нарисовано широкой полосой, сужающейся в талии, — ширина 3,5–4 см. Голова, нарисованная в виде круглой точки, и шея четко прослеживаются. У второй фигуры голова сопровождается дополнительными элементами — по краям, в районе ушей и сверху расположены короткие треугольные выступы, которые можно охарактеризовать как рогатый головной убор. Тело, как и у первой фигуры, широкое, но четко прослеживается полоса, оконтуривающая его, а внутренняя часть выглядит значительно бледнее. Кроме этого, у второй фигуры четко видна только верхняя часть — голова, руки и верхняя половина туловища. При этом именно так эта фигура была нарисована. Предположительно ноги, которые видны смутно даже после цифровой обработки фотографий, к этой фигуре были пририсованы отдельно в виде двух слегка дугообразных полос, расходящихся из одной точки снизу фигуры. У первой фигуры руки расставлены, изгиб плеч угловато подчеркнут, руки опущены вниз, ноги также расставлены и согнуты в коленях. У второй фигуры руки нарисованы в похожей манере, но изгиб наблюдается только у левой руки.

Композиция №6 расположена на поверхности отдельного блока в составе угловатого выступа на вертикальной поверхности скалы. Этот выступ разделяет скалу с рисунками на западную и восточную части. В связи с этим композиция №6, наиболее крупная по количеству отдельных рисунков, относится уже к западной части концентрации рисунков (рис. 4). Поверхность блока с рисунками обращена на юг-юго-запад (рис. 5.-1). Нижняя граница блока выше подножия вертикальной скалы на 1 м, верхняя граница выше на 2 м, поверхность блока с неровными краями имеет размеры около 1×1 м.

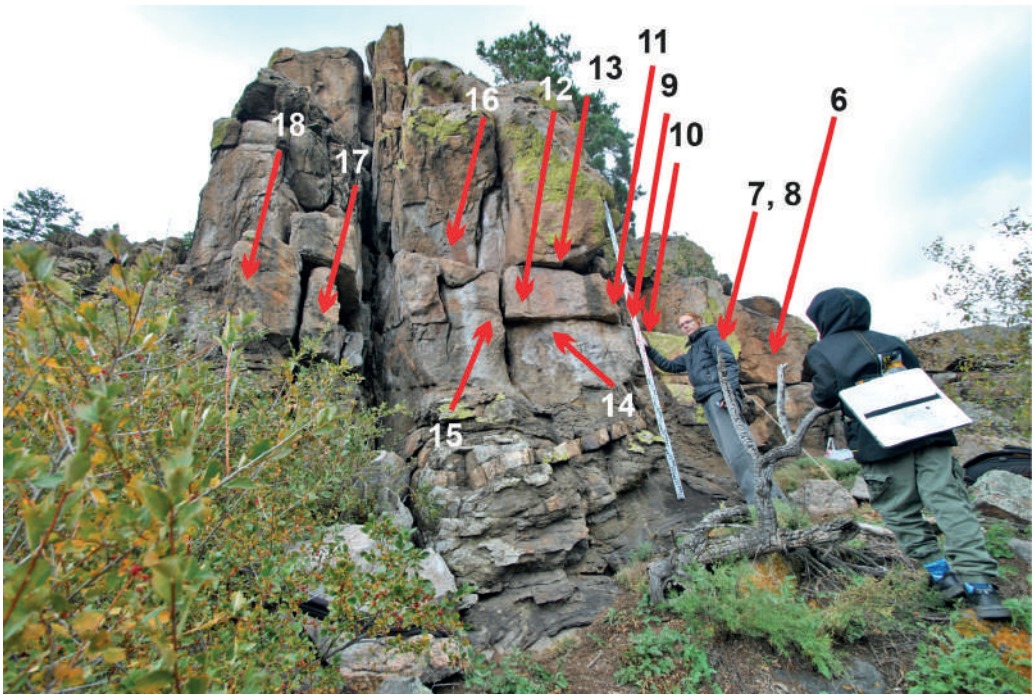

Рис. 4. Археологический памятник Камушек. Вид с юго-запада на западную часть памятника.
Цифрами обозначены композиции по номерам

Fig. 4. The Kamushek archaeological site. The southwestern point view toward the eastern part of the rock arts. The arrows indicate the separate paintings and compositions; the numbers specify their numerical order

В составе композиции №6 представлены орнитоморфные и антропоморфные изображения, а также многочисленные точки и полосы. Почти вся вертикальная поверхность блока заполнена изображениями (рис. 5.-2, 3). Антропоморфные и орнитоморфные изображения сосредоточены вдоль левого и нижнего краев вертикальной поверхности блока. Верхняя часть, центральная часть и весь правый край заполнены изображениями точек и полосок. Отдельные рисунки и группы этой композиции получили порядковые номера, что отмечено на (рис. 5.-3) цифрами в скобках. В правом верхнем углу есть орнитоморфное и антропоморфное изображения плохой сохранности (1). Центральная часть и правый край вертикального панно имеют волнистую поверхность (выбоины и выкрошившаяся поверхность) и покрыты солевыми натечками, отчего некоторые точки и полосы видны смутно или не просматриваются. Самую нижнюю позицию на панно композиции №6 занимает хоровод (горизонтальный ряд) из четырех антропоморфных фигур (2). Фигуры нарисованы небрежно: голова и тело созданы одной линией, ноги, согнутые в коленях, широко расставлены так, что бедра расположены параллельно поверхности земли, а голени нарисованы очень короткими полосками-точками. Руки, согнутые в локтях, также широко раскинуты — плечи параллельны поверхности земли, а предплечья, опущенные вертикально вниз, нарисованы ко-

роткими полосками-точками. Из четырех фигур хоровода две правые фигуры видны на поверхности скалы. Две левые фигуры смутно видны только после цифровой обработки фотографий.

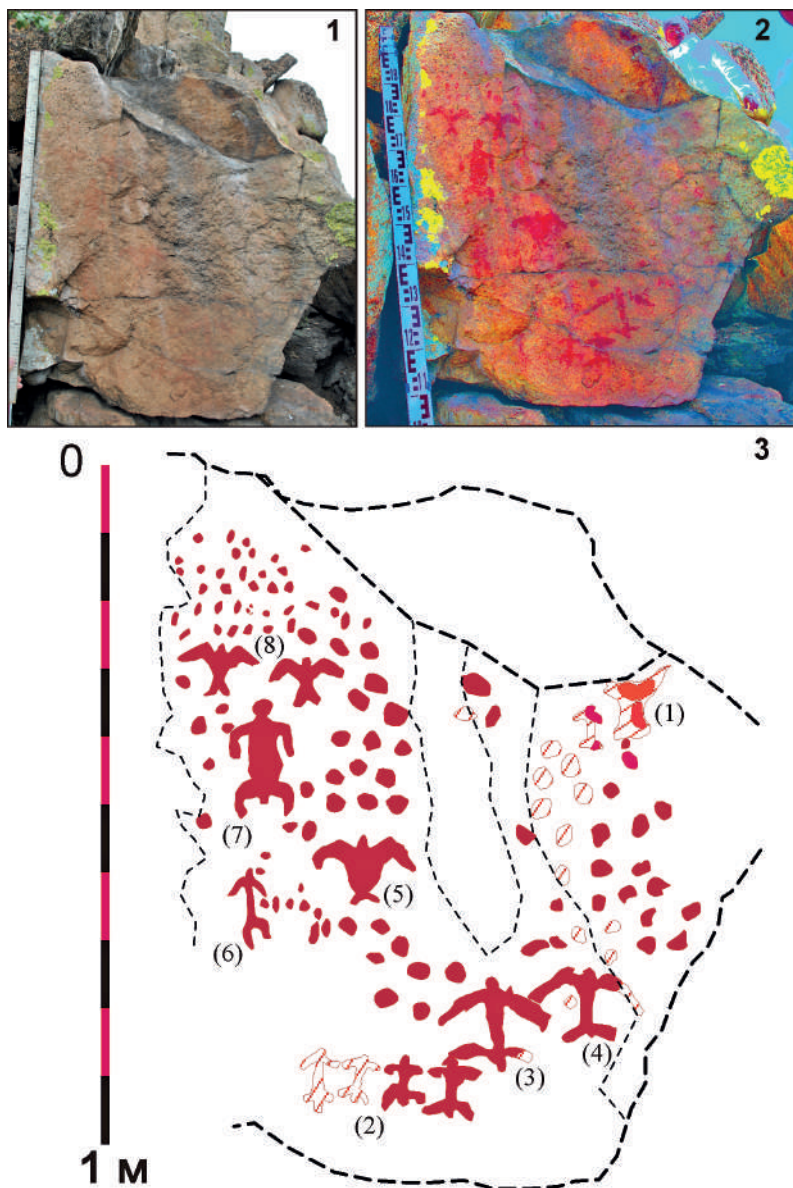

Рис. 5. Археологический памятник Камушек, композиция №6: 1 — вид с юга на скальный блок с композицией №6; 2 — то же после цифровой обработки; 3 — прорисовка изображений композиции Fig. 5. The Kamushek archaeological site, composition No 6: 1 — south point view toward the stone block with the composition No 6 paintings; 2 — the same after digital processing; 3 — trace drawing of the composition paintings

Правее и выше крайней правой фигуры хоровода, над ее левым плечом, если считать, что рисунки изображают людей анфас, расположена фигура, некоторыми деталями напоминающая изображения людей в хороводе (3). Вместе с тем эта фигура имеет и выраженные отличия. Высота изображения 12 см, что значительно крупнее самой крупной фигуры в хороводе, высота которой 8 см. Тело нарисовано одной линией, но в районе груди эта линия шире, а в талии сужается. Короткая полоска, изображающая голову, уже, чем тело. Руки очень длинные, широко расставлены и плавной дугой опущены вниз, чем придают рисунку сходство с орнитоморфными изображениями. Ноги нарисованы так же, как у изображений в хороводе: длинные бедра широко расставлены и параллельны земной поверхности. Голень правой ноги видна смутно в зоне соприкосновения с левым плечом правой фигуры хоровода и очень короткая. Голень левой ноги не видна, за исключением нескольких следов красителя, и устанавливается только предположительно.

Правее сверху и вплотную к этому изображению примыкает орнитоморфный рисунок, но имеющий общие черты с ним (4). Длинные крылья орнитоморфа широко раскинуты, плечи резко подняты вверх, а остальная часть крыла опущена вниз. Хвост широко раздвоен. Весь рисунок слабо различим даже после цифровой обработки фотографий.

В 23 см выше хоровода расположен рисунок птицы (5), у которой крылья нарисованы как у ранее описанного изображения, но тело этой птицы широкое в верхней части (толстое) и резко сужается возле хвоста. Хвост раздвоенный, непропорционально короткий и мелкий по отношению к массивному телу.

В 7 см левее этого рисунка расположено еще одно антропоморфное изображение (6), контуры которого становится возможным проследить после сопоставления различных вариантов цифровой обработки фотографий. В первую очередь это связано с тем, что рисунок расположен на участке с очень шероховатой и трещиноватой поверхностью, что привело к растеканию красителя. В целом данный рисунок напоминает изображения антропоморфов в хороводе.

Левее и выше «толстой» птицы находится антропоморфное изображение (7), которое по манере рисования напоминает первую фигуру в композиции №5, но есть некоторые отличия. У фигуры из композиции №5 область груди шире, талия узкая, ноги одинаковой ширины по всей длине. У рассматриваемой фигуры из композиции №6 область живота шире, чем область груди, ноги, широкие в бедрах, сужаются в голених.

Выше антропоморфного изображения с большим животом находятся два изображения птиц (8), которые расположены по обе стороны головы человека. Хвосты птиц на одном уровне с макушкой антропоморфного рисунка. Оба рисунка птиц выполнены в том же стиле, что и орнитоморфное изображение, расположенное ниже рисунка человека, с той разницей, что нижний рисунок изображает птицу с массивным телом, а два верхних рисунка представляют стройных птиц с раздвоенными хвостами.

Выше рисунков птиц наблюдается шесть рядов мелких, слегка вытянутых вертикально точек. Вся поверхность блока справа от трех орнитоморфных и одного антропоморфного изображений заполнена многочисленными точками, которые крупнее точек в шести верхних рядах и являются именно точками. В правом верхнем углу находится орнитоморфное изображение — птица с распростертыми и поднятыми вверх крыльями (1), с широким раздвоенным хвостом. Одно крыло изображения частично утрачено. Голова

прорисована небольшим возвышением между поднятыми крыльями. Рядом с рисунком птицы, левее, находится антропоморфное изображение, выполненное в стиле антропоморфов из хоровода. Оба изображения визуально не видны на поверхности скалы, за исключением нескольких ярких пятен. Контуры изображений удалось различить при сопоставлении серии вариантов цветовой фильтрации фотографий, сделанных с применением разных режимов съемки. Как указывалось, поверхность правого края блока с многочисленными точками в значительной степени повреждена выбоинами и отслаиванием поверхностной корки. Точки на этом участке рисовались на уже поврежденной поверхности, и после покрытия этого участка соевыми натекками рисунки здесь видны плохо. Следует добавить, что точки также нанесены на скальную поверхность между антропоморфными и орнитоморфными изображениями на всех участках композиции 6.

Композиция №7 находится на скальном блоке, формой напоминающем перевернутую букву «Г», расположенном слева от блока с композицией №6. Большая часть лицевой поверхности блока покрыта лишайниками (около $\frac{3}{4}$), в связи с чем здесь прослеживаются только отдельные детали всей композиции. В правой, вертикальной части блока наблюдается обилие отдельных элементов композиции, в значительной степени покрывающих пространство, свободное от лишайников. Внизу этой части почти полностью просматривается антропоморфное изображение, с правой стороны от которого находятся точки, сгруппированные в прямоугольник (рис. 6.-1). Кроме этих точек на поверхности блока, свободной от лишайников, наблюдаются отдельные полосы и точки. Выше частично видно антропоморфное изображение, более чем наполовину скрытое лишайниками. Над этим изображением находятся широкие вертикальные полосы, сгруппированные в прямоугольник, который частично скрыт лишайником.

В левой части блока на небольшом участке, свободном от лишайников, после цифровой обработки фотографий стали различимы фрагменты зооморфного изображения — голова и шея, предположительно оленя, пара точек и полоска (рис. 6.-2).

Композиция №8 находится на мелком скальном блоке (около 10×17 см), расположенном под правым нижним углом блока с композицией №7. На лицевой поверхности блока зафиксировано пять хаотично расположенных точек плохой сохранности (рис. 6.-6).

Композиция №9 расположена на поверхности блока в глубине своеобразной ниши, образовавшейся при откалывании крупного скального куска прямоугольной формы от основного массива блока, на котором расположена композиция 7. Здесь смутно прослеживаются охристые полосы. После цифровой обработки фотографий информации об изображениях добавляется немного. При анализе различных вариантов цветовой фильтрации фотографий первоначально было предположено наличие части окружности, от которой сохранилась только половина. Новая серия фотографирования скалы и обработки фотографий показала, что предполагаемый фрагмент окружности представляет собой фрагмент (крыло и тело) орнитоморфного изображения с высоко поднятыми и слегка изогнутыми крыльями (рис. 6.-4). Второе крыло птицы видно очень слабо, хвост ровный, не выделенный. В целом изображение напоминает английскую букву Y. Чуть правее и выше — V-образное изображение, как остаток орнитоморфного рисунка. Кроме этого, на поверхности каменного панно зафиксировано несколько точек и полосок. Своеобразным открытием при работе с композицией №9 стало выявление силуэта птицы, расположенного ниже первого

орнитоморфного изображения. Силуэт удалось распознать, проанализировав более десятка вариантов цветовой фильтрации фотографий. В целом композиция №9 демонстрирует только орнитоморфные изображения, сохранность которых очень плохая.

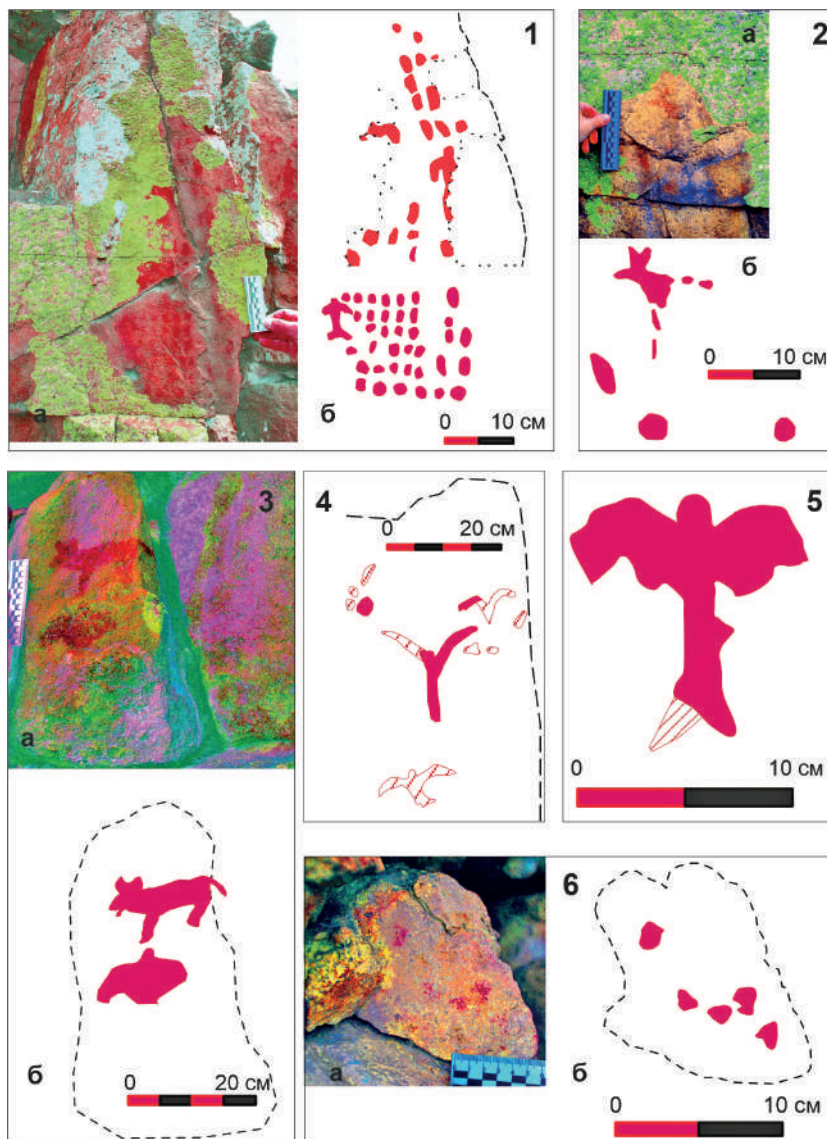

Рис. 6. Археологический памятник Камушек, западная часть. Композиции №7–11: 1 — композиция №7, восточная часть — а — фотография после цифровой обработки, б — прорисовка; 2 — композиция №7, западная часть — а — фотография после цифровой обработки, б — прорисовка; 3 — композиция №11 — а — фотография после цифровой обработки, б — прорисовка; 4 — композиция №9, прорисовка; 5 — рисунок №10, прорисовка; 6 — композиция №8 — а — фотография после цифровой обработки, б — прорисовка

Fig. 6. The Kamushek archaeological site, eastern part. Compositions No 7–11: 1 — composition No 7, eastern part — a — photo after digital processing; 6 — trace drawing; 2 — composition No 7, western part — a — photo after digital processing; 6 — trace drawing; 3 — composition No 11 — a — photo after digital processing; 6 — trace drawing; 4 — composition No 9, trace drawing; 5 — painting No 10, trace drawing; 6 — composition No 8 — a — photo after digital processing; 6 — trace drawing

Рисунок №10 находится рядом с композицией №9, на грани, расположенной под углом 90° по отношению к ней. Эта поверхность является гранью, обращенной на запад, того же блока, где находится композиция №7. Данная сторона блока покрыта обильными пятнами лишайников, за исключением узкой полосы, прилегающей к блоку с композицией №9. На участке этой полосы и был обнаружен рисунок по смутно различимому пятну красителя. После цифровой обработки фотографий проявились контуры продолговатого орнитоморфного изображения с узким длинным телом (рис. 6.-5).

Композиция №11. К западу от блоков с композициями 7 и 9, на высоте от 1,5 до 2 м расположен продолговатый блок, две грани которого несут рисунки. На грани блока, обращенной на юг, находится композиция №12, самая выразительная по четкости выполнения рисунков во всем комплексе рисунков горы Камушек. На угловой стороне блока, обращенной на восток, зафиксирована композиция №11, состоящая из двух рисунков — животного и птицы (рис. 6.-3). Рисунок животного, по форме напоминающего собаку, расположен выше рисунка птицы с широкими и короткими расправленными крыльями и коротким хвостом. На рисунке животное изображено с раскрытой пастью. Во всяком случае, четко фиксируется нарисованная полоса, изображающая нижнюю челюсть. Следует также отметить, что хвост животного нарисован на грани, которая расположена под углом по отношению к основной поверхности, где нарисовано само животное, т.е. заведен за угол.

Композиция №12, с наиболее выразительными рисунками, находится на продолговатой поверхности блока, обращенной на юг. Некоторые рисунки частично хорошо различимы на поверхности скалы. С левой и правой сторон панно рисунки просматриваются очень плохо, и даже после цветовой фильтрации в этих частях рисунки практически не видны (рис. 7.-1). В центре панно основу композиции составляют крупные рисунки оленя (оленихи) и птицы. Фигуры нарисованы плавно, с четкими границами линий, что отличает их от большинства других рисунков (рис. 7.-2). Помимо этих двух рисунков на поверхности видны точки под фигурой животного и орнитоморфная фигура под крылом крупной птицы. С левой стороны от фигуры оленя нарисован силуэт птицы, контуры которого удастся определить только после цифровой обработки фотографий.

Композиция №13 находится на крупном блоке сразу над блоком с композицией 12. Рисунки занимают небольшой участок вдоль нижнего края скальной поверхности, над которым нависает своеобразный козырек, образовавшийся в результате отслаивания куска скалы. В составе композиции — орнитоморфное изображение и серия точек, вытянутых в горизонтальную линию (рис. 8.-1). Возможно, точек было больше, но вдоль нижней кромки блока отслоилась скальная корка, на которой могли быть такие же точки.

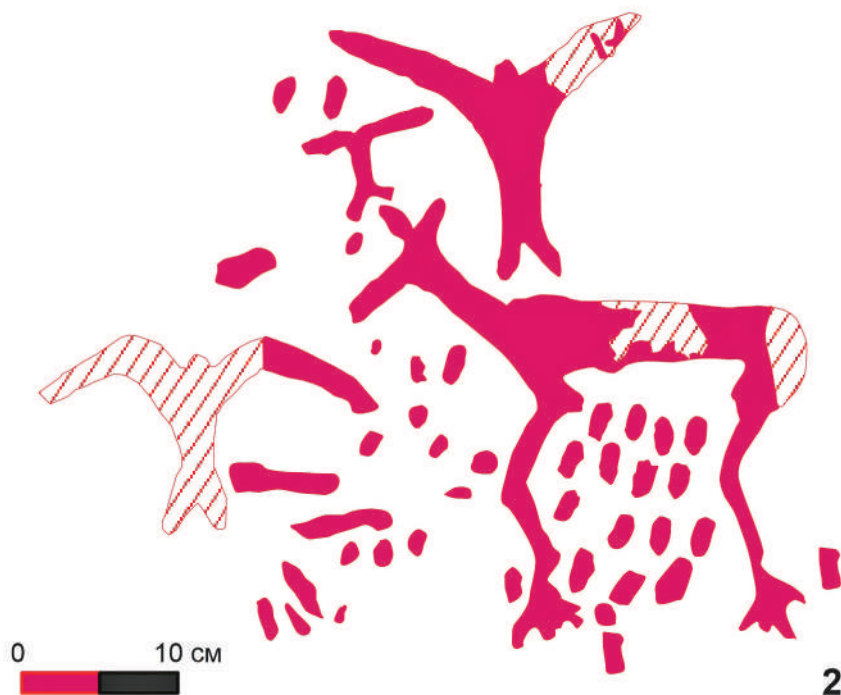

Рис. 7. Археологический памятник Камушек. Композиция №12:
1 — фотография после цифровой обработки; 2 — прорисовка
Fig. 7. Archaeological site Kamushek. The composition No 12:
1 — photo after digital processing; 2 — trace drawing

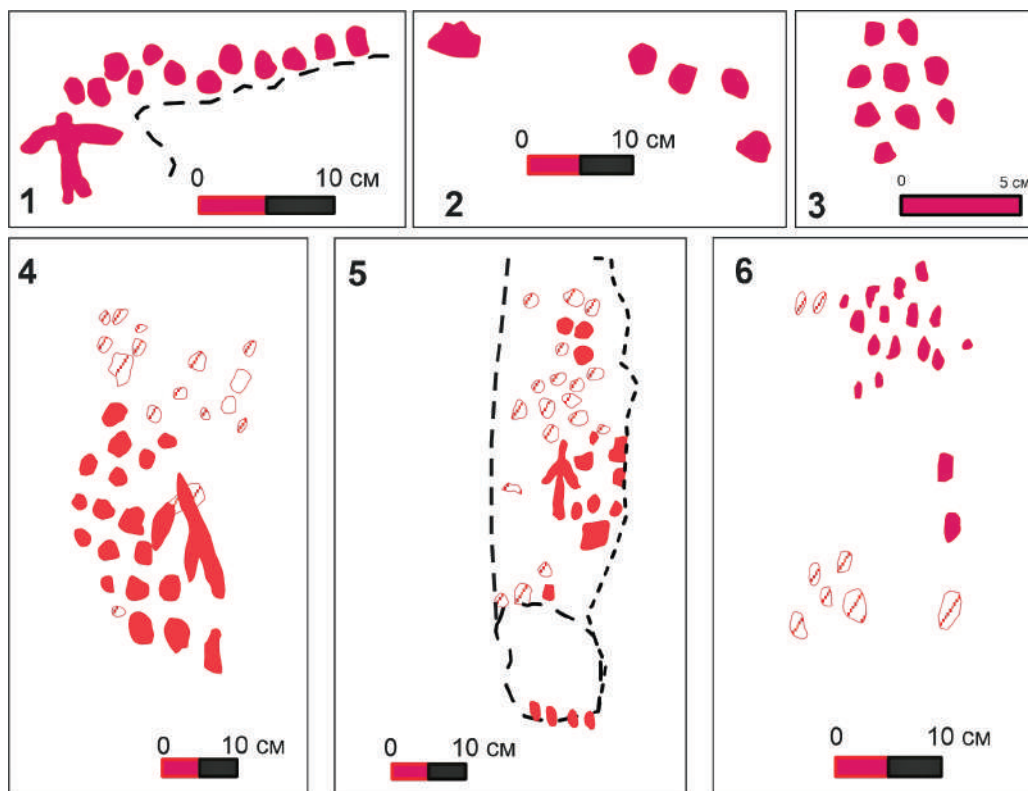

Рис. 8. Археологический памятник Камушек: 1 — композиция №13, прорисовка; 2 — композиция №14, прорисовка; 3 — композиция №15, прорисовка; 4 — композиция №16, прорисовка; 5 — композиция №17, прорисовка; 6 — композиция №18, прорисовка

Fig. 8. The Kamushek archaeological site: 1 — composition No 13, trace drawing; 2 — composition No 14, trace drawing; 3 — composition No 15, trace drawing; 4 — composition No 16, trace drawing; 5 — composition No 17, trace drawing; 6 — composition No 18, trace drawing

Композиция №14 находится на блоке, расположенном сразу под блоком с композицией 12. Вся поверхность блока сильно повреждена — повсеместно наблюдается отслоение скальной корки. В самой верхней части блока зафиксировано несколько рассеянных точек, нарисованных охрой (рис. 8.-2). Наличие точек устанавливается после цифровой обработки фотографий.

Композиция №15 выявлена на скальном блоке, расположенном слева от блока с композицией 12, только после цветовой фильтрации фотографий. Это продолговатый блок, вытянутый от подножья скалы до верхнего уровня блока 12. Почти вся поверхность блока несет следы отслаивания скальной корки. Только на участке рядом с нижним левым углом блока 12 наблюдаются остатки скальной корки. Именно на этом участке и зафиксирована композиция, состоящая из девяти сгруппированных точек (рис. 8.-3). По всей видимости, рисунков было значительно больше, но сохранилась лишь небольшая их часть.

Композиция №16 расположена на высоте 3 м от подножья скалистого утеса, сразу над блоком с рисунком 15. В составе композиции — точки, мелкие полоски и рисунок, напоминающий антропоморфное изображение, но различимый лишь частично (рис. 8.-4).

С западной стороны от блоков с композициями 15 и 16 в стенке скалистого утеса образовалась вертикальная расщелина шириной до 70 см, клином вдающаяся в тело останца. За этой расщелиной на высоте от 1,5 м расположено два вертикальных блока с поверхностями южной экспозиции. Ниже этих блоков поверхность скалы сильно повреждена — растрескалась и осыпается. На этих блоках зафиксированы композиции №17 и 18.

Композиция №17 находится на южной поверхности блока с западной стороны расщелины. В составе композиции — точки и одно изображение (рис. 8.-5), которое можно описать как стрелу, острием направленную вверх. Вероятно, это стилизованное антропоморфное изображение. В нижней части блока наблюдается крупная выбоина во всю его ширину, в результате образования которой некоторые рисунки были утрачены. Это видно по тому, что несколько красочных пятен обрезаны краем выбоины. А в нижней части блока несколько коротких полосок было нанесено уже после образования выбоины, поскольку они нанесены как на поврежденную поверхность, так и на поверхность со скальной коркой.

Композиция №18 находится на южной поверхности блока, слева от блока с композицией 17, на одной с ним высоте. Этот блок занимает крайнее с запада положение во всем массиве останца. Далее начинается скалистая поверхность останца, обращенная на запад. В составе композиции зафиксированы только точки (рис. 8.-6). Концентрация точек отмечена в центре блока. Вероятно, вся поверхность блока южной экспозиции была заполнена рисунками. В настоящее время фиксируются значительные повреждения скальной корки на этой поверхности — отслоение, выкрошенность. Некоторые точки распознаются только после цветовой фильтрации фотографий.

Обсуждение

Наскальные рисунки горы Камушек, выявленные в 2024 г., представляют собой новый археологический объект. По количеству композиций и отдельных рисунков, сконцентрированных на одном скальном массиве, гора Камушек относится к крупным памятникам древнего наскального искусства в Забайкалье. Рисунки наносились на поверхности южной экспозиции отдельных блоков, т.е. на момент создания останец с наскальными рисунками уже растрескался на блоки, все еще связанные в единый скальный массив. В некоторых местах наблюдаются значительные повреждения поверхности отдельных блоков, что привело к утрате ряда рисунков или невозможности проследить их контуры. По всей видимости, некоторые рисунки или их детали были повреждены в результате распространения лишайников на поверхности скал, которые и сейчас встречаются здесь. В частности, на поверхности блока с композицией №12, представляющей наиболее выразительные рисунки, которые частично видны хорошо, но частично не видны. Например, рисунок оленя (лося) в це-

лом виден хорошо, но круп животного не просматривается или виден смутно только после цветовой фильтрации фотографий.

В составе рисунков преобладают антропоморфные и орнитоморфные изображения, обычные для писаниц селенгинского типа. Наряду с этим здесь присутствуют и зооморфные изображения, которые значительно реже отмечаются среди селенгинских рисунков, но обычны для наскальных рисунков лесного типа. Среди зооморфных изображений три рисунка хищников: композиции 2 и 11, а также одно изображение оленя — композиция 12, и фрагмент изображения животного (оленя?) в композиции 7.

Разнообразие форм антропоморфных и орнитоморфных фигур указывает на разные подходы к их рисованию и, вероятно, разное время их появления. Разновременность появления рисунков на скальных поверхностях подтверждается и исследованием композиции №17, где четко видны остатки рисованных пятен после откалывания куса блока, а также короткие полоски, протянувшиеся с поверхности, покрытой скальной коркой, на поврежденную поверхность. Показательно, что среди орнитоморфных рисунков преобладают изображения, выполненные в виде буквы V или нарисованные в похожей манере: композиции 6, 9, 12. При этом у таких рисунков наихудшая сохранность, за исключением рисунка птицы над головой оленя в композиции 12.

Хорошая сохранность рисунков отмечена в композиции №12, что могло бы предполагать их позднее появление на скале. Но это не так, поскольку некоторые элементы этой композиции едва видны даже после цифровой обработки фотографий. При этом этот факт не может быть объяснен разновременностью нанесения отдельных рисунков композиции, поскольку сохранность одного рисунка оленя варьирует от хорошей до очень плохой. Анализ композиции 12 показывает, что три ее рисунка сделаны в единой манере, вероятно, одним художником. Рисунки отличает плавность линий и четкость контуров. Это рисунок оленя и две орнитоморфные фигуры, одна из которых нарисована над оленем, вторая — перед оленем. У верхней птицы раздвоенный хвост и крылья, поднятые почти вертикально вверх. У второй птицы раздвоенный хвост и крылья, поднятые вверх, но изогнутые в плечах. Как уже было указано, контуры птицы перед оленем и круп самого оленя очень плохой сохранности и едва видны.

Олень изображен длинноногим, ноги нарисованы четко, с подчеркиванием изгибов в суставах, что характерно для забайкальских писаниц (наскальных рисунков) лесного (таежного) типа, выделенных А.П. Окладниковым на основе изучения ряда таких изображений (Окладников, Запорожская, 1970, с. 129–132). В частности, похожие изображения оленей или лосей есть на Ангирской писанице (Ангир), в долине реки Курба, которая в комплексе трактуется как таежная (Окладников, Запорожская, 1970, с. 199, табл. 27; с. 200, табл. 28). На горе Камушек подобное изображение оленя единственное, если не считать фрагмент зооморфного изображения композиции №7. Следует обратить внимание на то, как нарисованы концы ног оленя горы Камушек: ноги нарисованы трехпальными, с длинными пальцами-копытами и различными выступами, больше напоминающими своеобразные корни, а не копыта. В этом плане рисунок напоминает изображения ангарского стиля, где концы ног лосей нарисованы двухпальными (Пономарева, 2016). При этом лоси ангарского стиля, как правило, нарисованы с четырьмя но-

гами, что передает движение, а у рисунка оленя горы Камушек видны только две ноги, что, вероятно, передает статичность.

На Ангирской писанице присутствуют и фигуры животных, которых можно рассматривать как хищников. На Камушке подобные изображения отмечены в композициях 2 и 11. Еще один общий момент Ангирской писаницы лесного типа и Камушка — это птицы с крупным телом и коротким раздвоенным хвостом. Таким образом, часть рисунков горы Камушек находит аналогии в Ангирской писанице лесного типа. Следует отметить важное отличие Ангирской писаницы от композиции 12 с оленем. На Ангирской писанице рядом с рисунками лосей присутствуют антропоморфные изображения, которых нет в композиции 12. В композиции 12 и среди других композиций горы Камушек распространены орнитоморфные изображения V-образной формы, которых нет в составе ангирских рисунков.

Наряду с этим на скальных поверхностях Камушка присутствуют и типичные элементы селенгинских писаниц, которые ассоциируются в первую очередь с открытыми пространствами степей (Пономарева, 2016, с. 129), например, это округлая оградка с точками в середине — рисунок №1 и хоровод в композиции №6. В связи с этим следует полагать, что рисунки Камушка, близкие по характеру исполнения и содержанию рисункам Ангирской писаницы, появились здесь первоначально. А композиция №12 с хорошо прорисованным оленем — наиболее ранняя и центральная, вокруг которой стали появляться другие рисунки. Хорошая сохранность центральной части композиции 12 обусловлена удачным стечением обстоятельств, а не более поздним ее появлением. Сравнение сохранности правой и левой частей композиции 12 с композициями 2 и 11, где есть изображения животных, показывает их близость в этом плане: визуально рисунки видны только как блеклые отдельные пятна красителя. Рисунок №1 и многие рисунки композиции №6 визуально видны на скальной поверхности. На основе этого можно полагать, что появление рисунков, типичных для писаниц селенгинского типа, на скальных поверхностях Камушка происходит после того, как здесь появились рисунки лесного типа. Вероятнее всего, изображения, характерные для писаниц селенгинского типа, были нарисованы на скалах вместе с появлением у подножия горы погребений с курганными надмогильными сооружениями, типичными для бронзового и раннего железного веков Забайкалья.

Заключение

Гора Камушек — новый объект древнего наскального искусства Западного Забайкалья, обнаруженный в северо-западных отрогах хребта Цаган-Дабан. Это крупнейший из известных памятник с наскальными рисунками на всем протяжении (75 км) вдоль западной оконечности Цаган-Дабана и на глубину до 20 км, где сейчас известно менее десятка таких объектов. Рисунки, представленные в большом количестве на этом археологическом памятнике, существенно дополнили данные по наскальной живописи Забайкалья. В составе наскальных рисунков горы Камушек присутствуют изображения как из группы писаниц лесного типа, так и из группы писаниц селенгинского типа, что указывает на использование этого природного объекта различным населением и в разное время, как минимум на протяжении бронзового века. В ходе исследований Камушка применялись новейшие методы цифровой обработки фотографий,

они показали хорошие результаты при распознавании контуров около половины наскальных изображений этого памятника, которые не распознаются визуально. Наряду с недавно открытыми местонахождениями наскальных рисунков на крайнем западе хребта Цаган-Дабан: Утес Решето (Ташак, 2019) и Каменная Баба (Ташак, Антонова, 2023), — Камушек входит в группу местонахождений с древней наскальной живописью, расположенных высоко над долинами рек и тальвегами распадков. Рисунки горы Камушек находятся на высоте около 350 м над уровнем Селенги и около 250 м выше дна широкой пади, над которой возвышается гора. Это показательно, потому что именно этот высотный пояс демонстрирует перспективность поиска наскальной живописи, на этом уровне найдены упоминавшиеся Утес Решето и Каменная Баба.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Базаров Д.Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1968. 166 с.

Благунов Ю.Ю., Зоткина Л.В. Методика выявления «спорных» крашенных наскальных изображений (по материалам памятников Минусинской котловины) // *Universum Humanitarium*. 2018. №1(6). С. 184–195.

ГИС-пакеты оперативной геологической информации // www.karpinskyinstitute.ru : сайт. URL: <http://atlaspacket.vsegei.ru/> (дата обращения: 18.09.2024).

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань : Отечество, 2014. С. 75–79.

Миклашевич Е.А., Солодейников А.К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере кавказской писаницы в Минусинской котловине) // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2013. №1 (5). С. 176–191.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л. : Наука, 1970. 263 с.

Пономарева И.А. К вопросу о выделении ангарского стиля // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. Т. 44, №2. С. 69–80. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.069-080

Симухин А.И., Марнуев П.Е., Намсараев Д.В., Лбова Л.В. Сыржа — новый объект наскального искусства Забайкалья (опыт бесконтактного документирования) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2018. Т. 25. С. 62–85. DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.62>

Ташак В.И. Наскальные рисунки на западе хребта Цаган-Дабан в Западном Забайкалье // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2019. Т. 15, №4. С. 35–52. DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-35-52>

Ташак В.И. Петроглифы Подзвонкой — новое местонахождение наскальных изображений Кяхтинского типа на юго-востоке Западного Забайкалья // *Вестник БНЦ СО РАН*. 2023. №4 (52). С. 9–20. DOI 10.31554/2222-9175-2023-52-9-20

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Новые исследования наскального искусства на западе хребта Цаган-Дабан (Западное Забайкалье) // *Теория и практика археологических исследований*. 2023. Т. 35, №2. С. 114–129. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(2\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(2).-07)

Harman J. Using dstretch for rock art recording // *International Newsletter on Rock Art*. 2015. No. 72. P. 24–30.

REFERENCES

- Bazarov D.B. Quaternary Deposits and Main Stages of the Selenga Middle Mountains Relief. Ulan-Ude : Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 1968. 166 p. (In Russ.)
- Blagun Yu.Yu., Zotkina L.V. Methods of Identifying «Controversial» Painted Rock Images (based on the materials of sites of the Minusinsk trough). *Universum Humanitarium*. 2018;1(6):184–195. (In Russ.)
- Gis-packet of the Immediate Geological Information]. [www.karpinskyinstitute.ru](http://atlaspacket.vsegei.ru/). URL: <http://atlaspacket.vsegei.ru/> (date of access: 18.09.2024). (In Russ.)
- Miklashevich E.A., Bove L.L. Engraving on the Rocks of Khakassia: New Technologies of Documentation. In: Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress. Kazan : Otechestvo, 2014. Pp. 75–79. (In Russ.)
- Miklashevich E.A., Solodeinikov A.K. New Opportunities for Documenting Rock Paintings Made by Paint (based on the Caucasian Pisanitsa in the Minusinsk trough). *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific Review of Sayan-Altai*. 2013;1(5):176–191. (In Russ.)
- Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglyphs of Transbaikalia. Part 2. Leningrad : Nauka, 1970. 263 p. (In Russ.)
- Ponomareva I.A. On the Angara Petroglyphic Style. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2016;44(2):69–80. (In Russ.) DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.069-080
- Simukhin A.I., Marnuev P.E., Namsaraev D.V., Lbova L.V. Syrzhа — New Object of Transbaikalia Rock Art (Experience of Contactless Documentation). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018;25:62–85. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.62>
- Tashak V.I. The Rock Art on the West of Tsagan-Daban Mountain Ridge in Western Transbaikalia. *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2019;15(4):35–52. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-35-52>
- Tashak V.I. The Petroglyphs of Podzvonkaya — a New Rock Art Site of the Kyahta Type in the South-East of Western Transbaikalia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN = The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS*. 2023;4(52):9–20. (In Russ.) DOI 10.31554/2222-9175-2023-52-9-20
- Tashak V.I., Antonova Yu.E. New Investigations of Rock Art on the West of the Tsagan-Daban Ridge (Western Transbaikalia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(2):114–129. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(2\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(2).-07)
- Harman J. Using Dstretch for Rock Art Recording. *International Newsletter on Rock Art*. 2015;72:24–30.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Ташак В.И.: полевые исследования, цифровая обработка фотографий, подготовка рисунков, общее руководство, написание статьи.

V.I. Tashak: Field investigations, digital processing of the photos, figures' preparing, general management, manuscript writing.

Антонова Ю.Е.: полевые исследования, анализ научной литературы, работа с англоязычным текстом.

Yu.E. Antonova: Field investigations, science literature analysis, the work with the abstract and references.

Черных В.Н.: полевые исследования, обзор естественно-научной литературы.

V.N. Chernykh: Field investigations, review of the nature-science literature.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ташак Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Vasily I. Tashak, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Антонова Юлия Евгеньевна, консультант Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, Улан-Удэ, Россия.

Yuliya E. Antonova, Consultant, Committee for State Protection of Cultural Heritage Objects of the Administration of the Head and the Government of the Buryatia Republic, Ulan-Ude, Russia.

Черных Владимир Николаевич, младший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Vladimir N. Chernykh, Junior Research Associate, Baikal Institute of Nature Management Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

*Статья поступила в редакцию 22.11.2024;
одобрена после рецензирования 27.01.2025;
принята к публикации 04.02.2025.
The article was submitted 22.11.2024;
approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 04.02.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.53(574)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-10)

EDN: LKVTSS

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА С «УСАМИ» ТЕКЕЙ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН

**Арман Зияденович Бейсенов^{1*}, Ислам Кизамединович Ахияров²,
Игорь Алексеевич Кукушкин³**

¹Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
azbeisenov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

²Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
islam.akhiyarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-5559>

³Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет
имени Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан;
sai@ksu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-4798-8496>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье впервые публикуются материалы изучения комплекса кургана с «усами», изученного в урочище Текей, в Сарыбельском районе Карагандинской области Республики Казахстан. Памятник состоит из двух курганов, расположенных по линии запад-восток, и двух каменных гряд, ориентированных на восток. В западном кургане на уровне древнего горизонта найдено захоронение ребенка, под восточной насыпью находились зубы и кости ног лошади. Немногочисленные фрагменты керамики найдены в насыпи западного сооружения. По костным образцам из шейного позвонка ребенка и трубчатой кости лошади в лабораториях Российской Федерации и Великобритании были получены две радиоуглеродные даты. На их основании кости лошади под восточным сооружением датируются гунно-сарматским периодом, тогда как детское погребение в западном кургане относится к поздне-сакскому времени. Фрагменты керамики могут быть отнесены к начальному этапу раннего железного века. Судя по особенностям насыпи и керамики, западный курган был сложен в начале раннего железного века. Детское погребение с северо-восточной ориентировкой относится к коргантасскому типу и впущено в раннюю насыпь. Полученные материалы, в том числе и новые радиоуглеродные даты, дополняют имеющиеся данные по курганам с «усами» Центрального Казахстана.

Ключевые слова: курган с «усами», Центральный Казахстан, тасмолинская культура, коргантасский тип, гуннский период, радиоуглеродная дата

Благодарности: статья подготовлена в рамках ФНИ «BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

Для цитирования: Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Кукушкин И.А. Исследование кургана с «усами» Текей, Центральный Казахстан // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 189–205. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-10)

THE STUDY OF THE KURGAN WITH “MUSTACHE” TEKEY, CENTRAL KAZAKHSTAN

Arman Z. Beisenov^{1*}, Islam K. Akhiyarov², Igor A. Kukushkin³

¹A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
azbeisenov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

²A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
islam.akhiyarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-5559>

³Saryarka Archaeological Institute, Karaganda University
named after E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan;
sai@ksu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-4798-8496>

*Corresponding Author

Abstract. The article publishes materials from the study of one mound complex with a “moustache,” studied in the Tekey Valley, in the Sarybel district of the Karaganda region. The site consists of two mounds located along the west-east line, and two stone ridges oriented to the east. A child’s burial was found in the western mound at the level of the ancient horizon; under the eastern mound there were teeth and leg bones of a horse. A few fragments of ceramics were found in the mound of the western structure. Two radiocarbon dates were obtained on bone samples from a child’s cervical vertebra and a horse’s tubular bone in laboratories in the Russian Federation and Great Britain. On their basis, the horse bones under the eastern mound were attributed to the Hunnic period, while the child burial in the western mound was attributed to the late Saka period. The ceramic fragments can be dated to the initial stage of the Early Iron Age. Based on the features of the mound and the ceramics, the western mound was built at the beginning of the Early Iron Age. The child’s burial with a north-eastern orientation belongs to the Korgantas type and was inserted into an earlier mound. The obtained materials, including new radiocarbon dates, supplement the existing data on kurgans with “moustache” in Central Kazakhstan.

Keywords: kurgan with “moustache”, Central Kazakhstan, Tasmola culture, Korgantas period, Hunnic period, radiocarbon date

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the FNI “BR20280993 “Kazakhstan in Antiquity and the Middle Ages: Systematization and Analysis of Archaeological Sources”.

For citation: Beisenov A.Z., Akhiyarov I.K., Kukushkin I.A. The Study of the Kurgan With “Mustache” Tekey, Central Kazakhstan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):189–205. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-10)

Введение

В предлагаемой статье вводятся в научный оборот данные кургана с «усами» Текей, исследованного в Центральном Казахстане. В раскопках памятника приняли участие научные сотрудники Карагандинского университета им. Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан), Института археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан), а также студенты, рабочие из числа местных жителей. Топографическую съемку, фото- и графиче-

ческую фиксацию памятника выполнил И.А. Кукушкин, осуществлявший руководство археологическими раскопками. Иллюстрации к статье подготовлены И.К. Ахияровым.

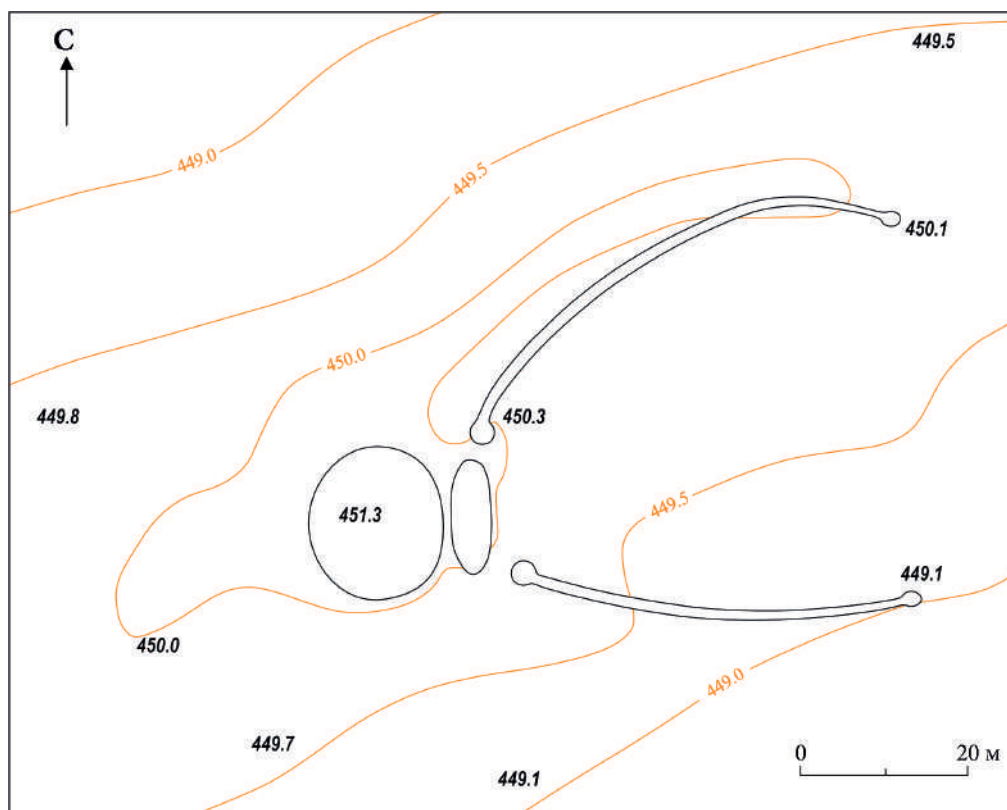

Рис. 1. Топографический план кургана с «усами» Текей
Fig. 1. The topographic plane of the kurgan with the "mustache" Tekei

Курган с «усами» Текей был открыт в 2009 г. И.А. Кукушкиным. Памятник находится в Сарыбельском районе Карагандинской области Республики Казахстан, в 2,6 км к северо-северо-западу от с. Кутумсык, 6,7 км к северо-западу от с. Караколь. Комплекс расположен на уплощенной вершине невысокой гряды, вытянутой с запада на восток. К востоку от комплекса находится небольшая группа из трех курганов. Эти курганы, расположенные компактно, недалеко друг от друга, имеют округлые земляные насыпи диаметром до 10–12 м и высотой от 0,5 до 1,2 м. Все три относятся к эпохе бронзы.

Материалы и методы

Топографическая съемка (рис. 1) кургана с «усами» Текей была проведена лазерным тахеометром Nikon-320, в ходе ее были осуществлены обмеры всего комплекса с привязкой к рельефу местности, что позволило внести определенные коррективы в оптимизацию планов раскопочных работ.

Рассматриваемый комплекс состоит из двух частей: западного, или основного, кургана (курган №1) и примыкающего к нему с востока малого кургана (курган №1а), от которого в восточном направлении отходят две дугообразные каменные выкладки («усы»). Начало и окончание «усов» обозначено каменными скоплениями округлой в плане формы диаметром 2–3 м. Длина северной выкладки составила 60 м, южной — 50 м.

Как показал осмотр всех участков комплекса, на обоих курганных насыпях и на каменных грядах, особенно на их начальных и концевых сооружениях, имеются довольно явные следы выборки камней. Предположительно камень на строительные нужды для окрестных кошар, для фундамента жилых сооружений брали еще в 1960–1970-е гг. Верхний слой насыпей начальных и концевых сооружений «усов» почти отсутствует, на всем протяжении самих гряд видны места выборки камней. Камень брали и с поверхности насыпи обоих курганов. Восточный курган (курган №1а) к началу раскопок имел овальную форму, вытянутую по линии С–Ю, не характерную для основной массы комплексов кургана с «усами» Центрального Казахстана. Согласно рассказам местных жителей, в 1970-е гг. группа людей пыталась раскопать курган, но сведений о каких-либо находках нет.

На комплексе был разбит раскоп с охватом двух основных сооружений комплекса — курганов №1 и 1а. Бровка проходит через центральную часть основного кургана и ориентирована по линии С–Ю (рис. 2; рис. 3). Ввиду плохой сохранности гряды-«усы» не раскапывались.

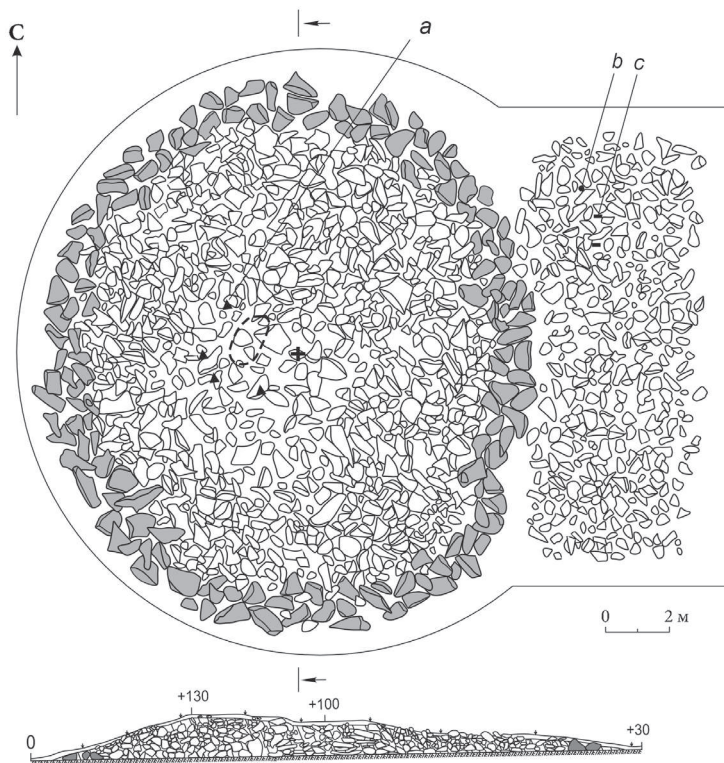

Рис. 2. План и профиль насыпей: а — фрагменты керамики; в, с — зубы, кости лошади
 Fig. 2. The plan and profile of the embankments: a — fragments of ceramics; b, c — teeth, bones of a horse

Рис. 3. Фото насыпей: 1 — вид кургана с северной стороны после снятия дернового слоя;
2 — восточный профиль бровки

Fig. 3. Photos of the mounds: 1 — view of the mound from the north side, after removing the turf layer;
2 — eastern profile of the edge

Курган №1. Округлая насыпь сложена из камня и мелкой щебенки на площадке, имеющей заметный наклон в южную сторону. Диаметр насыпи составляет с севера на юг 18 м, с запада на восток — 16 м, максимальная высота в момент раскопок — 1,3 м.

В центральном секторе насыпи, с заметным смещением к юго-западу, отмечена грабительская яма диаметром около 4 м, глубиной 0,25 м. Грабительская воронка, сужаясь, проходит через всю насыпь кургана, не задевая погребение, и слегка углубляется в материковый слой, на глубину не более 0,5–0,1 м. Плотность слоев заполнения граби-

тельского вкопа говорит не в пользу упомянутого ограбления кургана в недавнее время, если, конечно, не имело место преднамеренное и тщательное заполнение ямы со стороны местных жителей.

В основании кургана зафиксированы крупные камни, обрамляющие полы насыпи. Периферийная часть насыпи задернована, тогда как центральный участок, подвергшийся грабительскому перекопу, свободен от дерна и зарос березой, кустами. В целом параметры, материал и наличие крепиды насыпи сближают данный объект с курганами тасмолинской культуры.

При разборке насыпи установлено, что она сплошь сложена из крупных и средних обломков плитняка, мелкого щебня. За исключением незначительного объема черной супеси, повсюду перемешанного с мелким щебнем, как такового земляного слоя в составе насыпи нет. За условный материк принята твердая, каменистая супесь светло-коричневого, местами красноватого цвета.

Характерно, что если в северной части насыпи супесь была исключительно черного цвета, то в южном секторе под насыпью отмечено высокое содержание золы, придающей супеси светло-серый оттенок. В отдельных участках, к югу, юго-востоку от центра насыпи, скопления золы фиксировались более четко и в более чистом виде, мощностью до 0,05–0,07 м. Полные контуры золистого пятна зафиксировать оказалось сложно из-за грабительского перекопа, дошедшего до основания насыпи.

В центре выявлены довольно крупные плиты, уложенные друг на друга, размерами от 0,8 до 1,4 м длиной и от 0,4 м до 1 м шириной. Толщина плит достигала 10–15 см. Во время разборки плит центрального сектора встречены разрозненные кости, по-видимому, мелкого рогатого скота, в том числе один крупный фрагмент лопатки и три мелких трудноопределимых обломка, а также четыре фрагмента керамики от трех лепных сосудов (рис. 4). Кости найдены на глубине 0,45 м от верха насыпи, фрагменты керамики на 0,1–0,15 м ниже. Керамика некачественная, средняя толщина стенок сосудов варьирует от 7 до 10 мм.

После снятия плит в центральной части кургана, со смещением в северо-западный сектор, на древнем горизонте зафиксировано погребение ребенка. Костяк частично потревожен норными животными. Умерший был уложен на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. Череп расколот и сильно деформирован уложенной сверху плитой. С левой стороны в области тазовых костей обнаружен железный крюк. Других находок не зафиксировано.

Курган №1а (курган-спутник) сооружен из средних и мелких обломков плит. Насыпь имеет овальную в плане форму. Длина ее с севера на юг составляет 13,5 м, с запада на восток — 6 м. Высота — 0,3 м. После удаления насыпи в северной части на древней поверхности зафиксированы в анатомическом порядке кости передней и задней ног молодой лошади, а также зубы от несохранившегося черепа (рис. 5). Судя по расположению расчищенных костей, ориентировка лошади головой предполагала северное направление.

Немногочисленные находки представлены фрагментами от трех сосудов и железным крючком. Керамика найдена в центральной части насыпи, на глубине 0,55–0,6 м от ее верха.

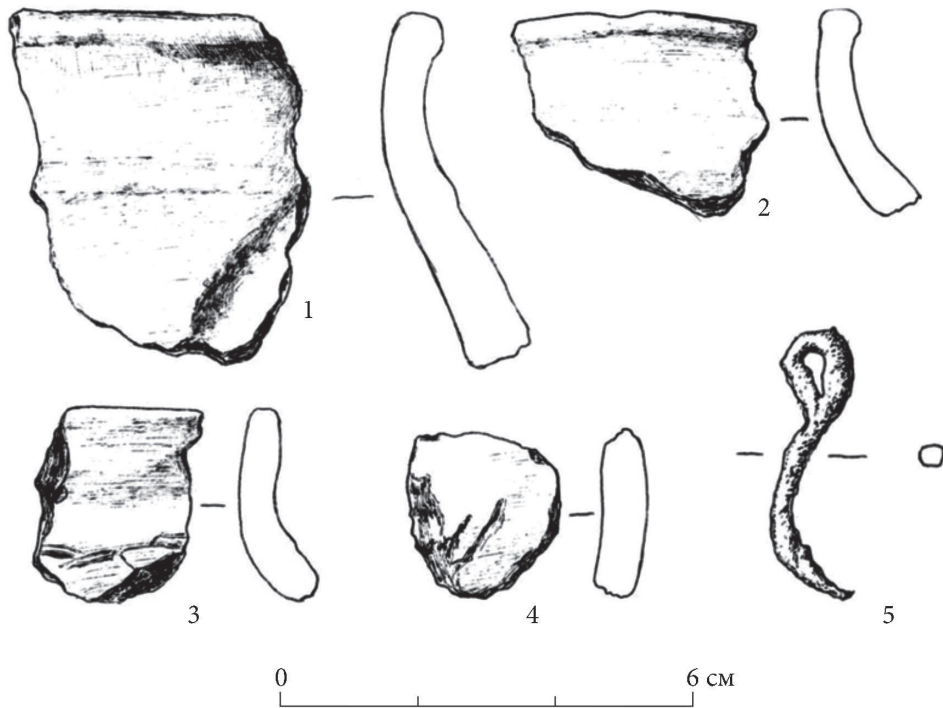

Рис. 4. Фрагменты керамики и железный крюк
Fig. 4. Ceramic fragments and an iron hook

Сосуд 1. Представлен одним фрагментом венчика. Сосуд изготовлен из плохо отмученной глины, цвет светло-серый. Диаметр устья 11 см. Толщина стенок 7 мм. Венчик уплощен, со скругленными краями, образует снаружи слабовыраженный карниз. По основанию шейки прослеживается валикообразное утолщение. Тулово округлое (рис. 4.-1).

Сосуд 2. Представлен одним фрагментом венчика. По своим особенностям фрагмент явно близок к вышеописанному, за исключением валика, отсутствующего в данном случае (рис. 4.-2).

Сосуд 3. Представлен одним фрагментом венчика и еще одним фрагментом стенки (рис. 4.-3, 4). Сосуд изготовлен из плохо отмученной глины темно-серого цвета. Диаметр устья 8 см. Толщина стенок 5–6 мм. Край венчика уплощен. Тулово округлое, основание короткой прямой шейки орнаментировано наклонными насечками. Фрагмент стенки с резным орнаментом предположительно отнесен к этому сосуду.

Железный крючок (рис. 4.-5) изготовлен из округлого в сечении прута диаметром 3 мм, общая длина составляет 4 см. Изделие в верхней части имеет петельку для крепления, конец загнут, образуя крюк с заостренным окончанием. Функция предмета неясна. Хотя пряжки или ее фрагментов не найдено, вероятно, данный предмет следует условно определить как язычок от нее.

В ходе раскопок были отобраны для радиоуглеродного анализа две кости, по одной из скелета человека и костяка лошади. Две пробы для анализа были подготовлены И.К. Ахияровым в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.

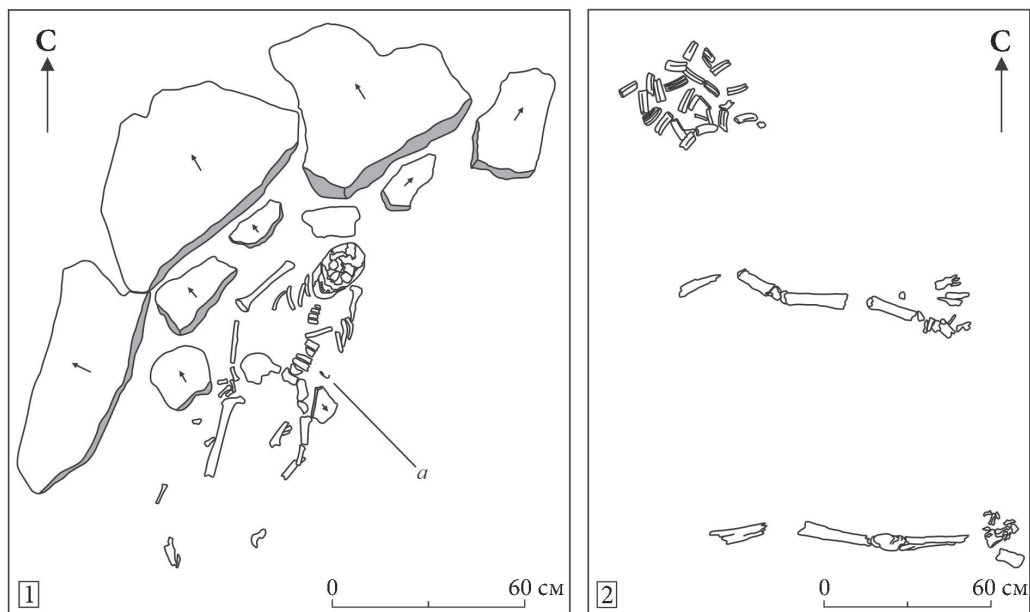

Рис. 5. План детского погребения (1) под западным курганом и костей лошади (2) под восточным курганом: а — железный крюк

Fig. 5. Plan of a child's burial (1) under the western mound and horse bones (2) under the eastern mound: a — iron hook

Образец 1 — курган №1 (основной курган), из шейного позвонка подростка, глубина залегания 1,21 м от верхней отметки центра насыпи, вес 3,9 г.

Образец 2 — курган №1а (курган-спутник), из трубчатой кости лошади, глубина залегания 0,26 м от верха насыпи, вес 85,1 г.

Радиоуглеродный анализ по двум образцам был выполнен в двух лабораториях. Образец 1 проанализирован в лаборатории ^{14}C Хронологии Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания (АМС датирование). Образец 2 проанализирован в лаборатории радиоуглеродного анализа Санкт-Петербургского педагогического университета им. Герцена (СПб., РФ). В таблице приведены результаты выполненных анализов.

Обсуждение

Две полученные даты показывают разную хронологию в отношении детского захоронения под основным курганом и лошадиных костей под курганом-спутником. Кроме того, третью хронологическую позицию занимают, можно сказать, характер самой насыпи основного кургана и фрагменты керамики, найденные в ней.

Дата, полученная по образцу 2, из метаподии лошади под малым курганом, указывает на период конца IV — 1-й трети VI в. н.э. (AD 382–539), что соотносится с гуннским и позднегуннским периодами в хронологии древностей степной Евразии.

AMS ¹⁴C даты проанализированных образцов из кургана с «усами» Текей. Лаборатория ¹⁴C Хронологии Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания; лаборатория радиоуглеродных анализов Санкт-Петербургского педагогического университета, Санкт-Петербург, Россия

AMS ¹⁴C Dates of the analyzed samples from a mound with a mustache of Texia. Laboratory of ¹⁴C CHRONOLOGY of the Royal University of Belfast, Northern Ireland, Great Britain; Laboratory of radiocarbon tests of St. Petersburg Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

Шифр	Объект	¹⁴ C BP	Калиброванная дата (1 σ, 68.3)	Калиброванная дата (2 σ, 95.4)
UBA-28363	Образец 1 Комплекс кургана с «усами» Текей. Основной курган. Скелет ребенка	2255±35	Cal BC 388–355 (0.408) 289–232 (0.592)	Cal BC 397–346 (0.352) 321–206 (0.648)
SPb-928	Образец 2 Комплекс кургана с «усами» Текей. Курган-спутник. Кости лошади	1620±30	Cal AD 394–431 (39,8%) 452–530 (28%)	Cal AD 382–539 (95,4%)

Дата, полученная по образцу 1, из кости ребенка под насыпью основного кургана, показывает период IV–III до н.э. (BC 397–206). Детское захоронение, таким образом, относится к позднеасакскому периоду. Северо-восточная ориентировка погребенного включает возможность отнесения его к тасмолинской культуре, в пользу этого мнения говорит также и поздняя дата. Как уже указывалось (Бейсенов, 2018), в настоящее время верхняя дата курганов тасмолинской культуры соотносится с периодом V в. до н.э.

В свою очередь, северо-восточная ориентировка детского скелета вкупе с полученной датой позволяет отнести захоронение к коргантасскому типу (сводку по этим памятникам см.: Бейсенов, 2017; Beisenov, 2024).

Немногочисленные фрагменты керамики не могут быть отнесены к особенностям памятников коргантасского типа, для которых оставление в насыпи глиняных сосудов или их частей не является характерным элементом погребального обряда. То же самое можно сказать и по характеристике самой насыпи, сложенной из крупных обломков камня с мелким щебнем, с крепидой из крупных камней, с подсыпкой золы в нижнем слое. Вообще, такие крупные насыпи диаметром 16–18 м, высотой 1,3 м ни разу не встречены при раскопках памятников коргантасского типа (Beisenov, 2024). Напротив, такие сооружения вполне могут быть сопоставлены с памятниками тасмолы, как показывает некоторая практика в исследовании памятников Центрального Казахстана. В ходе недавней систематизации памятников раннего железного века Центрального Казахстана было учтено 47 погребений коргантасского типа (Beisenov, 2024), сумма

их данных дает уверенность в изложенных выше соображениях по поводу особенностей рассматриваемого кургана (основной насыпи), наличия керамики. Впускные захоронения в ряде случаев зафиксированы при раскопках коргантасских памятников.

То же можно сказать и в отношении фрагментов керамики. Неорнаментированные горшки и банки составляют подавляющее большинство в наборе глиняной посуды тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017). Долгое время подразумевалось полное отсутствие керамики в курганах тасмолинской культуры. Между тем новые исследования этого вопроса показывают неправомерность такого взгляда. В курганах этой культуры сосуды, как и фрагменты их, оставались в наземной части памятника, в центре и периферии насыпи (Бейсенов, Ломан, Шашенов, 2022). Аналогичную традицию можно видеть и на Алтае, в памятниках раннесакского времени (Киришин, Тишкин, 1997, с. 86; Марсадолов, 1999, с. 105; 2004; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 120; Шульга, 1999, с. 246; 2015). В могилах алдыбельских курганов Тувы глиняная посуда отсутствует (Грач, 1980, с. 74), но в наземной части многих сооружений также находят ее фрагменты [Марсадолов, 2004, с. 39].

Насечки, разные прочерченные, резные линии и их отрезки, слабовыраженные валики являются архаичными и редкими видами орнамента для тасмолинских сосудов, что подчеркивает возможный ранний характер памятника.

Железный крючок, найденный в районе поясицы ребенка, условно определен в качестве язычка от пряжки. Как известно, в древности бытовали также разновидности поясных крючков, изделий более сложных, чем представленная находка, и распространившихся в среде степных культур ко 2-й половине I тыс. до н.э. (подробнее см.: Овсянников, 2023). Отметим, что нахождение таких изделий в районе пояса иногда обуславливает и ту ситуацию, когда их трактуют также в качестве колчанного крюка. Поясные крючки имели хождение вплоть до этнографической эпохи, например широко применялись у казахов. Рассмотрение всех вопросов, связанных с изучением казахских поясов (Сыдыгалиев, 2021; Жанатаев, 2023), не входит в задачи настоящего сообщения. Лишь заметим, что пояса у казахов имели оба типа застежек, то есть они застегивались и с помощью пряжки, и с использованием крючка (рис. 6). Форма как казахских, так и древних поясных крючков предполагает двуплановое расположение места их крепления в виде планки, щитка, Т-образного штифта и загнутой части, да и конец изделий бывает более изогнутым. Эти положения несколько увеличивают вероятность первого предположения относительно рассматриваемой находки.

Для археологов, интересующихся памятниками раннего железного века евразийской степной полосы, тема курганов с «усами» не является новой. К тому же в современную эпоху число публикаций об этой разновидности памятников значительно увеличилось. В последнее время открываются и изучаются новые памятники данной категории, среди многих актуальных вопросов авторы публикаций уделяют внимание типологии, предлагая свои классификации в отношении курганов с «усами», проблемам датировки и происхождения. Публикации исследователей приводились в предыдущих работах (сводку см.: Бейсенов, 2023), поэтому вряд ли есть необходимость в повторном изложении. Как показывают материалы публикаций, выходящих в наши дни, количество курганов с «усами» постоянно растет. Одним из важных аспектов, бесспорно, яв-

ляется открытие этих памятников в новых регионах, на территории которых они ранее были неизвестны. В частности, особо отметим Кулунду (Гришин, Марченко, 2020).

По казахстанским памятникам исследователями к настоящему времени получена серия новых радиоуглеродных дат из курганов с «усами» (см.: Джумабекова, Базарбаева, 2022). Материалы исследования кургана с «усами» Текей, включая впервые публикуемые две радиоуглеродные даты, пополняют такие данные. Центральный Казахстан является одним из основных районов распространения курганов с «усами», в том числе и такой их разновидности, когда комплекс состоит из двух насыпей: западной и восточной.

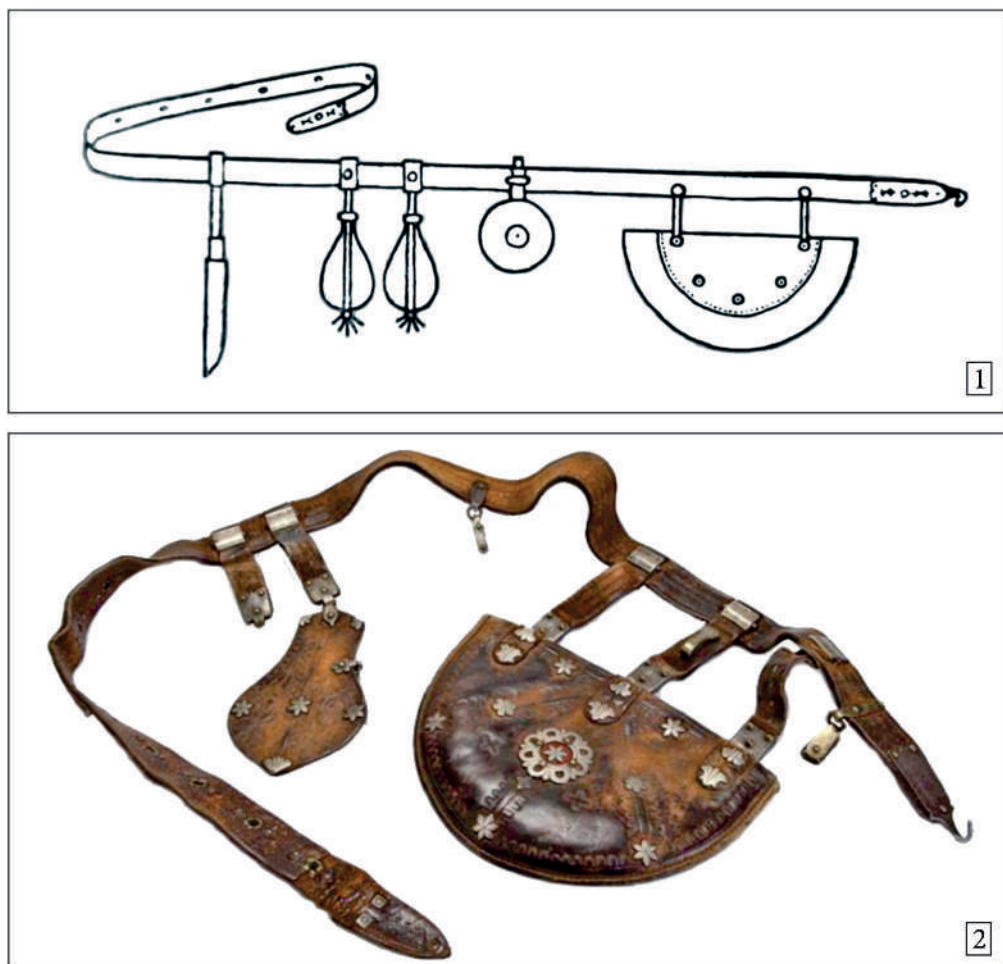

Рис. 6. Казахские мужские пояса: 1 — рисунок Ч.Ч. Валиханова, 1862 г., перо (по: Валиханов, 1985); 2 — фото пояса из коллекции МАЭ (по: Сыдыгалиев, 2021)

Fig. 6. Kazakh men's belts: 1 — drawing by Ch.Ch. Valikhanov, 1862, pen (according Valikhanov, 1985); 2 — photo of a belt from the MAE collection (according to Sydygaliev, 2021)

Опираясь на радиоуглеродные даты и археологические материалы, полученные из регионов распространения курганов с «усами», современные исследователи датируют их примерно в пределах III–VI вв. н.э. В настоящее время большинство исследователей склонны видеть в этих памятниках, открытых в ряде регионов Казахстана, в Южном Зауралье, присутствие некоего нового народа, прибывшего с востока (сводку см. выше). Исследование этих «загадочных» сооружений повсеместно продолжается.

В период с осени 2022 г. по осень 2024 г. под руководством А.З. Бейсенова проводились работы по новой локализации курганов с «усами» на территории ряда регионов Центрального Казахстана с охватом некоторых соседних территорий. В ходе этой работы были найдены новые сооружения, а также осмотрено большое количество ранее открытых объектов, данные которых содержатся в публикациях и отчетах. В отношении этой второй группы «новая локализация» представляла собой фактически вторичное открытие памятника: были проведены поиск и фиксация, корректировка всех координат, исправление имеющегося плана или создание нового и др. Здесь нет места для всестороннего описания нюансов, встреченных в ходе этой работы. Отметим пару важных моментов. Было осмотрено всего 414 объектов (Бейсенов и др., 2024). Работа имела форсированный характер, важным результатом явилась сама возможность новой фиксации памятников, вместе с тем ряд наблюдений требуют дальнейшего исследования. Из указанного числа памятников 41 курган найден в области Чингистауского хребта, что занимает восточную оконечность Казахского мелкосопочника, все остальные объекты имеют отношение к территории археологически очерченных регионов собственно Центрального Казахстана. В этом плане осмотренные курганы находятся на территории Карагандинской (296 объектов), Улытауской (53) областей, а также Баянаульского, Экибастузского районов (вместе 24 объекта) Павлодарской²¹. Ссылка на форсированность полевых исследований сделана неспроста: результаты не претендуют на полноту данных и множество объектов в регионах еще не найдены. По данным А.З. Бейсенова, только на территории Центрального Казахстана на ближайшие годы можно ожидать открытия около сотни новых курганов с «усами».

Постулаты о приходе во 2-й четверти I тысячелетия н.э. в степи Казахстана «нового населения», как и тезисы о надкультурном характере курганов с «усами», должны быть построены с учетом одного обстоятельства. Должны быть найдены и изучены погребальные памятники этого загадочного населения. Четырем сотням ритуальных курга-

²¹ Чингистау с окрестностями не входит в систему Алтайских гор и геоморфологически относится к обширной провинции Казахского мелкосопочника, территория которой охватывает также и весь Центральный Казахстан. При этом Чингистау занимает крайнюю восточную оконечность данной провинции (Нурманбетов, Акиянова, 2004, с. 29, 33). Этнографически у казахов в старину регион относился к обширной исторической области «Арка/Сарыарка». Вслед за М.К. Кадырбаевым в ряде работ А.З. Бейсенова применяется термин «Восточная Сарыарка», которая охватывает восточную часть территории Центрального Казахстана вкрупне с Чингистауским регионом. В работе Г.А. Базарбаевой и Г.С. Джумабековой дано понимание «Восточной Сарыарки» как территории всего Центрального Казахстана, что неверно и, как кажется, является следствием невнимательности при написании текста. Но удручает отсылка авторов к М.К. Кадырбаеву и А.З. Бейсенову (Базарбаева, Джумабекова, 2021, с. 20). Чингистау является родиной Абая, духовного отца мыслящих казахов и в прошлом, и в настоящем. Большой Чингистау чрезвычайно мало исследован и представляет собой весьма привлекательный (см., в частности: Beisenov, 2024) для археологической науки регион (Прим. А.З. Бейсенова).

нов с «усаами» должно в какой-то степени соответствовать значительное число погребений, на основе изучения которых мы бы получили такой же большой объем данных погребального обряда и материальной культуры нового народа, «гуннского» или какого-то еще. Таким же путем можно будет рассмотреть и вопрос о надкультурном характере этих памятников. А положение дел таково, что всем пространству, где находится указанное число осмотренных курганов с «усаами», археологически подтвержденных свидетельств о пребывании здесь новой этнической массы мы не имеем. Погребений, как и редких кладов гуннской эпохи на этой территории можно, что называется, по пальцам считать. Можем, конечно, акцентировать надежду на будущие открытия. Подобные вопросы должны быть в русле современных исследований вопросов о курганах с «усаами».

Выводы

Суммируя вышесказанное, следует предположить, что основной курган (курган №1) Текея сооружен на раннем этапе тасмолинской культуры. Полученные данные не позволяют точно определить функцию сооружения. Могильной ямы, человеческих костей или других признаков раннего захоронения не выявлено. Такого типа и таких параметров обособленные ритуальные объекты не характерны для Центрального Казахстана на всем протяжении раннего железного века. Если насыпь имела ритуальный характер, то это обстоятельство непременно должно быть связано с самим типом памятника, т.е. западное сооружение должно быть представлено в качестве составного элемента комплекса кургана с «усаами». В ином случае остается лишь предположить о таком возможном типе, как захоронение на уровне древнего горизонта, и допустить, что останки умершего были выброшены древними грабителями. Обилие золы под насыпью, не характерное для погребальных памятников тасмолы, усиливает первое предположение. Дальнейшее накопление данных по курганам с каменными грядами, возможно, прольет свет на эти вопросы.

Погребение IV–III до н.э. является впускным, что не составляет исключения ни для коргантаса, ни для позднесакского времени вообще. Отсутствие характерного для коргантаса головного жертвенника, вероятно, можно объяснить статусом погребенного. Могли играть роль также определенные жизненные ситуации, в ходе которых, например во время кочевки, детское погребение было впущено в насыпь ранней эпохи, для чего была использована хорошо видимая в то время воронка в центральной части наземного сооружения.

Кости лошади под курганом-спутником показали дату, укладывающуюся в рамки IV — 1-й трети VI в. н.э. Материалы нового памятника пополняют имеющиеся данные по курганам с «усаами». В современную эпоху остается высокой актуальность дальнейшего получения углеродных дат из восточной насыпи (спутник) в этих комплексах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Базарбаева Г.С., Джумабекова Г.С. К изучению аппликаций в искусстве ранних кочевников казахских степей // Уфимский археологический вестник. 2021. №1. С. 18–32. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.002>

Бейсенов А.З. Коргантасские погребения в Центральном Казахстане // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2017. С. 103–108.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. 2018. №2. С. 386–396.

Бейсенов А.З. Поездка в Милыбулак, Центральный Казахстан: обследование курганов с «усами» и руин зимовок, чтение старинных кулпытасов // Уфимский археологический вестник. 2023. №1. С. 109–127. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.009>

Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Шашенов Д.Т. Керамика из новых курганов тасмолинской культуры // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, №1. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1>

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Утубаев Ж.Р., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш., Ильдеряков Н.Н., Шашенов Д.Т. Отчет по грантовой теме AP14872148 «Ранний железный век Сарыарки: создание современной концепции, систематизация базы данных, разработка хронологической колонки». Рукопись. 2024 // Архив НИЦИА «Бегазы-Тасмола».

Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 35–39.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Первые объекты типа «курган с усам» в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2020. С. 479–486. DOI: [610.17746/2658-6193.2020.26.874-882](https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.874-882)

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. «Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиоуглеродного анализа) // Археология Казахстана. 2022. №3. С. 43–73.

Жанатаев Д.К. Наборные пояса казахов и якутов (саха) XIX–XX вв. в коллекциях МАЭ и РЭМ // Всероссийский форум молодых исследователей — 2023. Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2023. С. 387–401.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 104–108.

Марсадолов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. С. 37–51.

Нурманбетов Э.И., Акиянова Ф.Ж. Общая физико-географическая характеристика Сарыарки. Рельеф Восточной Сарыарки // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы : Эверо, 2004. С. 28–42.

Овсянников В.В. Металлические поясные крючки в лесостепном Предуралье скифского периода // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2023. №18. С. 42–56.

Сыдыгалиев С.М. Мужские кожаные пояса в контексте материальной культуры казахов // Лучшая научная работа 2021. Пенза : Наука и просвещение, 2021. С. 41–45.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 245–250.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

Beisenov A.Z. Corgantas, Caramola, Tasmola. To the Question of the Cultural Situation in Central Kazakhstan in the Late Saka Period // Theory and practice of archaeological research. 2024;36(3):122–143. doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-08

REFERENCES

Bazarbaeva G.S., Dzhumabekova G.S. On the study of Applications in the Art of Early Nomads of the Kazakh Steppes. *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2021;1:18–32. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.002>. (In Russ.)

Beisenov A.Z. Korgantas Burials in Central Kazakhstan. In: Current Issues in Archaeology and Ethnology of Central Asia. Ulan-Ude : Buryatskij gosuniversitet, 2017. Pp. 103–108. (In Russ.)

Beisenov A.Z. Tasmola Culture of Central Kazakhstan in the Studies of the Early 21st Century. *Arheologiya i davnyaya istoriya Ukrainy = Archeology and ancient history of Ukraine*. 2018;2:386–396. (In Russ.)

Beisenov A.Z. A trip to Milybulak, Central Kazakhstan: Examination of Mounds with “Mustache” and the Ruins of Winterings, Reading Ancient Kulpytas. *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2023;1:109–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.009>

Beisenov A.Z., Loman V.G., Shashenov D.T. Ceramics From New Burial Mounds of the Tasmola Culture. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik = Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2022;21(1):6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1>.

Beisenov A.Z., Shulga P.I., Loman V.G. Settlements of the Saka Era. Almaty : NICIA “Begazy-Tasmola”, 2017. 208 p. (In Russ.)

Beisenov A.Z., Umitkaliev U.U., Utubaev Zh.R., Akhiyarov I.K., Dzhumanazarov N.Sh., Ilderyakov N.N., Shashenov D.T. Report on Grant Topic AP14872148 «Early Iron Age of Saryarka: Creation of a Modern Concept, Systematization of the Database, Development of a Chronological Column». Manuscript. 2024. In: Archive of the NICAS “Begazy-Tasmola”. (In Russ.)

Valikhanov Ch.Ch. Armament of the Kyrgyz in Ancient Times and Their Military Armor. In: Valikhanov Ch.Ch. Collected Works in Five Volumes. Vol. 4. Alma-Ata : Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii, 1985. P. 35–39. (In Russ.)

- Grach A.D. Ancient Nomads in the Center of Asia. Moscow : Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.)
- Grishin A.E., Marchenko Zh.V. The First Objects of the «Mound with a Mustache» Type in the Kulunda Steppe. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2020. Pp. 479–486 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2022.28.0479-0486>
- Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. The «Solar» Kurgans of Ashutasty: Historical Memory in the Steppe (Based on the Results of Radiocarbon Analysis). *Arheologiya Kazakhstana = Archaeology of Kazakhstan*. 2022;3:43–73 (In Russ.)
- Zhanatayev D.K. Composite Belts of the Kazakhs and Yakuts (Sakha) of the 19th–20th Centuries in the Collections of the MAE and REM. In: All-Russian Forum of Young Researchers — 2023. Petrozavodsk : MCNP “Novaya nauka”, 2023. Pp. 387–401. (In Russ.)
- Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. Scythian Era of the Altai Mountains. Part 1. Culture of the Population in the Early Scythian Period. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Pazyryk Phenomenon and Attempts to Explain It. In: Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 104–108. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Clay Vessels of the Altai Mountains in the 8th–3rd Centuries BC. In: Archaeology and Ethnography of Altai. Vol. 2. Gorno-Altai : Institut altaistiki im. S.S. Surazakova, 2004. Pp. 37–51. (In Russ.)
- Nurmanbetov E.I., Akiyanova F.Zh. General Physical and Geographical Characteristics of the Saryarka. Relief of Eastern Saryarka. In: Eastern Saryarka. Karkaraly region in the past and present. Almaty : Evero, 2004. P. 28–42. (In Russ.)
- Ovsyannikov V.V. Metal Belt Hooks in the Forest-Steppe Cis-Urals of the Scythian Period. *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova = Historical Research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University*. 2023;18:42–56. (In Russ.)
- Sydygaliev S.M. Men's Leather Belts in the Context of the Material Culture of the Kazakhs. In: Best Scientific Work 2021. Penza : Nauka i prosveshchenie, 2021. Pp. 41–45. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V. The Complex of Archaeological Sites in the Biyka River Valley (Mountain Altai). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p. (In Russ.)
- Shulga P.I. Ethnocultural Situation in the Altai Mountains and Northwestern Foothills in the 7th–3rd Centuries BC. In: Results of the Study of the Scythian era of Altai and Adjacent Territories. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 245–250. (In Russ.)
- Shulga P.I. Pastoralists of the Altai Mountains in Scythian times (based on settlement materials). Novosibirsk : RIC NGU, 2015. 336 p. (In Russ.)
- Beisenov A.Z. Corgantas, Caramola, Tasmola. To the Question of the Cultural Situation in Central Kazakhstan in the Late Saka Period. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological research*. 2024;36(3):122–143. [doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(3\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-08)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHOR

Бейсенов А.З.: руководство проектом, идея публикации, сбор и обработка данных, написание текста.

A.Z. Beisenov: project management, publication idea, data collection and processing, writing the text.

Ахияров И.К.: подготовка образцов и получение радиоуглеродных данных, участие в полевых исследованиях, обработка и компоновка иллюстраций, участие в подготовке текста.

I.K. Akhiyarov: preparation of samples and obtaining radiocarbon data, participation in field research, processing and layout of illustrations, participation in preparation of text.

Кукушкин И.А.: руководство раскопками, описание памятника, фото- и графическая фиксация, участие в подготовке текста.

I.A. Kukushkin: supervision of excavations, description of the monument, photo and graphic recording, participation in preparation of the text.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Arman Z. Beisenov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

Ахияров Ислам Кизамединович, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Islam K. Akhiyarov, Researcher at the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

Кукушкин Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова. Караганды, Казахстан.

Igor A. Kukushkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Saryarka Archaeological Institute, Karaganda University named after E.A. Buketov. Karaganda, Kazakhstan.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 25.02.2025.
The article was submitted 17.01.2025;
approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 25.02.2025.*

Обзорная статья / Review Article

УДК 902(593)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-11)

EDN: DYSRRM

АРХЕОЛОГИЯ ТАИЛАНДА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ДИСКУССИОННЫЕ СЮЖЕТЫ

Анастасия Игоревна Мальцева

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
a.maltseva4@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5877-2148>*

Резюме. Юго-Восточная Азия, в нашем случае Таиланд, уже много лет привлекает внимание археологов. Археология Таиланда начала развиваться как самостоятельная научная дисциплина во 2-й половине XX в. Сначала большое внимание уделялось изучению памятников исторического периода, но с 1960-х гг. активизировалось и систематическое исследование более древних памятников, проводились первые экспедиции. В совместных работах с тайскими археологами участвуют специалисты из разных стран: Великобритании, США, Франции, Дании, Италии и др. Совместные проекты с зарубежными исследователями помогли улучшить понимание региона. Вопросы, связанные с появлением культурных различий и возникновением некоторых технологических практик, по-прежнему вызывают дебаты. В научной литературе накопился блок дискуссионных сюжетов, некоторые из них рассматриваются в настоящей статье: современное содержание «линии Мовиуса» применительно к Таиланду; особенности процесса неолитизации на территории Таиланда, распространение гончарства; время появления металлургии; идентификация мегалитических сооружений.

Ключевые слова: археология Таиланда, история исследований, неолит, металлургия, мегалиты

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №24-28-00003 «История тихоокеанской археологии».

Для цитирования: Мальцева А.И. Археология Таиланда: история изучения, дискуссионные сюжеты // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 206–222. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-11)

ARCHAEOLOGY OF THAILAND: HISTORY OF RESEARCH, TOPICS FOR DISCUSSIONS

Anastasia I. Maltseva

*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;
a.maltseva4@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5877-2148>*

Abstract. Southeast Asia, particularly Thailand, has been attracting the attention of archaeologists for many years. Archaeology in Thailand began to develop as a scientific discipline in the second half of the 20th century. Initially, attention was focused on the study of historical sites, but since the 1960-s, research into more ancient sites has intensified and the first archaeological expeditions were conducted. Specialists from various countries, including Great Britain, the United States, France, Denmark, and Italy, participate in joint projects with Thai archaeologists. Collaborative projects with foreign researchers have helped to broaden the understanding of the region. Questions related to the emergence of cultural

differences and the development of certain technological practices continue to provoke debate. Over the years, a number of controversial topics have emerged in the archaeological literature, including the current state of the Movius Line as it relates to Thailand, the process of Neolithization in Thailand, the distribution of pottery-making, the emergence of metallurgy, and the identification of megalithic structures.

Keywords: archaeology of Thailand, history of research, Neolithic, metallurgy, megalithic

Acknowledgements: the work is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-0003 “History of Pacific Archaeology”.

For citation: Maltseva A.I. Archaeology of Thailand: History of Research, Topics for Discussions. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):206–222. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-11)

Введение

Отечественные специалисты проявляли интерес к археологии Таиланда начиная с советского периода. Прежде всего следует отметить монографию Э.О. Берзина «История Таиланда (краткий очерк)», в первой главе которой представлено обзорное описание каменного и бронзового веков на основании материалов раскопок и исследований тайских и зарубежных специалистов (Берзин, 1973, с. 5–14). Авторству Э.О. Берзина принадлежит также книга «Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII века», содержащая главы, посвященные образу жизни первобытных обществ на территории Юго-Восточной Азии, первым государствам на территории Таиланда, царствам Дваравати и Харипунчайя (Берзин, 1995, с. 4–35). Для составления описания древней Юго-Восточной Азии автор обращался к индийским, китайским, античным и византийским свидетельствам.

Очерки археологии Таиланда встречаются в трудах Д.В. Деопика, изданных во 2-й половине XX в. В соавторстве с Г.М. Бонгард-Левиным, А.П. Деревянко, С.Р. Кучерой и В.М. Массоном им написано учебное пособие «Археология зарубежной Азии», в котором одна из глав посвящена Юго-Восточной Азии, описаны каменный и бронзовый века, общий характер развития обществ в эти периоды, в том числе упомянуты материалы, полученные в результате раскопок в Таиланде зарубежными специалистами (Бонгард-Левин и др., 1986, с. 192–217). Совместно с М.Ю. Ульяновым Д.В. Деопик описал страны Юго-Восточной Азии в древности в первом томе «Всемирной истории»; там же приведены материалы с отдельных памятников, находящихся на территории Таиланда: пещера Духов, Нонпавай, Ноннокхта и др. (Деопик и др., 2011, с. 169–183).

В то же время до сих пор в отечественной литературе отсутствуют монографии, полностью посвященные археологии Таиланда, имеются лишь отдельные статьи. В первую очередь это публикация Е.В. Ивановой «Бронзовый и железный век на территории Таиланда в свете последних археологических открытий», подготовленная по материалам европейских и тайских исследователей последней трети XX в. В своей статье Е.В. Иванова описывает ключевые памятники бронзового и железного века, погребальный инвентарь, а также предположительную социальную структуру обществ того времени (Иванова, 2008, с. 313–323).

Задачей данной статьи является обзор современной литературы по археологии Таиланда, экскурс в историю археологических исследований на территории Таиланда (Си-

ама), рассмотрение различных точек зрения по ряду дискуссионных вопросов, связанных с интерпретацией материалов по периодам палеолита, неолита и бронзового века, а также оценка перспектив российско-тайского сотрудничества.

Из истории археологического изучения Таиланда

В конце XIX — начале XX в. основной интерес исследователей был связан с древностями исторического периода Сиама: скульптурами, дворцами, храмами, ступами и другими объектами архитектуры и искусства. Созданное в 1904 г. Сиамское сообщество²² ставило задачей изучение людей, природы и древней истории Сиама; доисторической археологии уделялось меньше внимания (Shoosongdej, 2011, p. 710). Заметной фигурой в изучении археологии в начале XX в. был принц Дамронг Рагчанубаб, прозванный «отцом тайской истории», он писал книги, посвященные археологии и истории искусств.

В Таиланде периодически работали специалисты из зарубежных стран. Так, в 1911 г. Ж. Сёдес, французский археолог, основал Королевский департамент изящных искусств²³ в Бангкоке, с 1927 г. он был главным секретарем. Ж. Сёдес проводил раскопки памятников средневекового периода и предложил вариант периодизации. П.В. Каленфельс, голландский археолог, стал одним из первопроходцев в изучении доистории Таиланда. Он же стал в 1932 г. одним из организаторов первого Дальневосточного конгресса по доистории (Far-Eastern Prehistory Congress) в Ханое, в составе оргкомитета которого был и наш соотечественник В. Голубев, который сотрудничал с Каленфельсом задолго до этого. В 1953 г. конгресс стал ассоциацией (Far-Eastern Prehistory Association).

Таиланд никогда не был колонией, соответственно археология в противовес большинству других стран Юго-Восточной Азии не носила колониального характера — организации, занимающиеся изучением прошлого, были и остаются подчиненными королю и местным органам власти. Роль европейских специалистов в археологических исследованиях была, несомненно, велика, поскольку именно через сотрудничество и обучение за границей тайские археологи получали профессиональное образование и осваивали методологию проведения археологических работ. Национальная школа специалистов в области археологии начала формироваться лишь после Второй мировой войны.

Создание в 1955 г. Факультета археологии в университете Синлапакон²⁴ ознаменовало начало систематических археологических исследований. Профессорами на факультете были ранее получившие образование в Таиланде и сотрудничавшие с европейскими специалистами Чин Ю-Ди, Кхиан Йимсири и Джера Джонгкон.

Ключевым событием стало проведение в 1959–1960 и 1961–1962 гг. первых тайско-датских экспедиций. Среди участников были Чин Ю-ди, Апхонна Сонгкхла, Тхамнун Атакор (все из Таиланда) и Х.Р. Ван Гекерен (Университет Лейдена (Leiden University), Нидерланды), Пер Сёренсен (Северный институт азиатских исследований (Nordic Institute of Asian Studies), Дания), Айгиль Нилсен (Геологический музей Копенгагена (Copenhagen Geological Museum), Дания) (Nielsen, 1962, p. 7). Экспедиция финансировалась фондом

²² The Siam Society Under Royal Patronage. URL: <https://thesiamsociety.org/>

²³ Royal Thai Fine Arts Department, в 1927 г. — Royal Academy, с 1933 г. — Fine Arts Department. URL: www.finearts.go.th

²⁴ Silpakorn University. URL: <https://www.su.ac.th/th/index.php>

Отто Мёнстеда, Датским экспедиционным фондом (The Danish Expedition Foundation) и Сиамским обществом (The Siam Society Under Royal Patronage). Основными целями были исследование различных пещерных комплексов (Сай-Йок, Тампхра, Онгба, Лава и др.) в Канчанабуре, а также раскопки ранее обнаруженного в ходе разведки неолитического памятника Банкао. Именно в рамках тайско-датского проекта студенты Факультета археологии университета Синлапакон получили свой первый практический опыт.

В 1963–1968 гг. в Северо-Восточном Таиланде была проведена экспедиция Гавайского университета совместно с Департаментом изящных искусств, финансируемая Национальным научным фондом США (National Science Foundation). Ее целью были спасательные раскопки пяти земляных участков, на месте которых собирались построить водохранилища. В результате удалось произвести корреляцию между найденными памятниками и ранее обнаруженными в западных провинциях, что указало на распространение самобытной доисторической культуры на территории Таиланда (Peleggi, 2015, p. 101). Экспедицией руководил профессор У.Г. Сольхайм II, американский антрополог и археолог. К тому времени он уже зарекомендовал себя как специалист: в 1957 г. основал журнал «Asian Perspectives», активно сотрудничал с археологами из Западной и Юго-Восточной Азии, а также помог возродить в 1953 г. Дальневосточную ассоциацию доистории; в 1976 г. он стал инициатором ее преобразования в Индо-Тихоокеанскую ассоциацию доистории (Indo-Pacific Prehistory Association (IPPA)) и был ее первым президентом в 1976–1980 гг. Его работу позже продолжали ученики: Д. Баярд работал в 1969–1971 гг. на памятнике Ноннокхта, Ч. Горман в 1970-х гг. проводил работы в пещере Духов.

Заметный резонанс в научном сообществе имели раскопки памятника Банчианг в 1974–1975 гг. Работы проводились в рамках сотрудничества между тайским Департаментом изящных искусств и Пенсильванским музеем²⁵, финансировались американским фондом Форда (Ford Foundation). Руководителями были Ч. Горман и П. Чероенвонгса. Помимо совместных полевых работ, в рамках проекта тайским археологам была предоставлена возможность обучаться в Пенсильванском университете. В их числе были Сурапхон Натапинтху (доцент кафедры археологии в университете Синлапакон, будущий руководитель Тайско-итальянского проекта), Сурин Пукаджорн (профессор кафедры археологии в университете Синлапакон), Сахават Нанна (директор королевского Департамента изящных искусств) и др.

Позже, в 1984 г., сотрудничество между тайским Департаментом изящных искусств и Пенсильванским музеем переросло в тайско-американский археометаллургический проект (Thailand Archaeometallurgy Project (TAP)). Руководителями проекта являлись С. Натапинтху (кафедра археологии, Синлапакон) и В. Пиготт (Пенсильванский музей). Главной целью проекта было изучение технологических аспектов и социального влияния появления металлургии меди/бронзы в культурном контексте доисторического Таиланда.

В 1980-х гг. началась Тайско-новозеландская исследовательская программа под руководством Ч. Хайама (Университет Отаго²⁶, департамент археологии), ранее работав-

²⁵ The University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. URL: <https://www.penn.museum/>

²⁶ University of Otago. URL: <https://www.otago.ac.nz/>

шего на памятнике Банчианг, и А. Кийнгам (Департамент изящных искусств). Проводились раскопки на памятниках Баннади (1981–1982 гг.), Кхокпханомди (1984–1985 гг.), Нонгнор (1989–1992 гг.), Банлумкао (1995–1996 гг.), Ноен Ю-Лок (1999–2000 гг.), Баннонват (2002–2007 гг.) и Нонбанджак (2011–2017 гг.).

В 1987 г. начал реализовываться проект, дополняющий ТАР — Итальянско-тайский региональный археологический проект Лопбури (LoRAP)²⁷. Р. Чарла (Международная ассоциация средиземноморских и востоковедческих исследований²⁸) руководил LoRAP (1988–2020 гг.) совместно с С. Натапентху (представитель от Департамента изящных искусств Таиланда и Университета Синлапакон); Ф. Рисполи (Международная ассоциация средиземноморских и востоковедческих исследований) стала содиректором с итальянской стороны в феврале 2021 г.

Проводились также тайские проекты. Например, в 1982–1987 гг. Департамент изящных искусств организовал программу по археологии Таиланда, направленную на документирование и каталогизацию памятников по всей стране, в результате которой было опубликовано более 50 отчетов на тайском языке.

В последние два десятилетия значительно увеличилось количество хорошо подготовленных тайских специалистов, среди них Р. Чусонгдет (кафедра археологии, Университет Синлапакон), которая изучает особенности передвижения древних охотников-собирателей на территории Юго-Восточной Азии, а также вопросы о влиянии на археологию национализма и многонационального образования. В 1998–2008 гг. она организовала проект археологических исследований в провинции Мэхонгсон; Ч. Кхампуансай (университет Чиангмай²⁹, кафедра биологии) занимается изучением эволюционной и популяционной генетики, антропологии; Т. Лертчанрит (кафедра археологии, университет Синлапакон) работает в сфере управления культурным наследием страны; С. Кхунсонг (кафедра археологии, университет Синлапакон) занимается исторической археологией Таиланда. Возросло также количество работ, публикуемых на тайском языке. Роль национальных специалистов возросла, однако сотрудничество с зарубежными археологами не отошло на второй план. Продолжаются совместные проекты: LoRAP, Проект Банчианг (организованный Пенсильванским университетом и переданный в управление Институту археологии Юго-Восточной Азии³⁰), проект по сохранению Ват Крачи (совместный проект ЮНЕСКО и Департамента изящных искусств Таиланда в Бангкоке) и др.

На сегодняшний день археология в Таиланде достигла заметных успехов. Было проведено много полевых исследований памятников, представляющих все этапы культурного развития, от доисторического периода до новейшей истории Таиланда. Основной тенденцией для тайских археологов было исследование прошлого собственной страны, а не изучение происхождения и культурного развития человечества в более широком контексте. Этот интерес имел национальные корни и был дополнен в 1950–1960-х гг. знаниями и опытом зарубежных специалистов. На археологию Таиланда была пере-

²⁷ Lopburi regional archaeological project. URL: <https://www.lorap-ismeo.eu/>

²⁸ The International Association for Mediterranean and Oriental Studies. URL: <https://www.ismeo.eu/home-en/>

²⁹ Chiang Mai University. URL: <https://www.cmu.ac.th/en/home>

³⁰ Institute for Southeast Asian Archaeology (ISEAA).

несена европейская методология (трехвековая система, диффузионизм, культурно-исторический подход и др.); именно в это время начали появляться дискуссии, характерные в том числе для историографии европейской археологии: проблемы переходных периодов, попытки объяснения явлений (появление новых видов хозяйственной/духовной деятельности древних обществ) и т.д.

От рубил до мегалитов: факты и дискуссии

Первые следы деятельности *Homo erectus* зафиксированы на севере Таиланда, памятник Мэтха, и радиометрически датированы 800.000–600.000 л.н. (Pope et al., 1986, p. 277). Соответственно период палеолита принято выделять с 800.000–600.000 л.н. по 6.000 л.н. Некоторые исследователи определяют также «мезолит» в период с 10.000 л.н. по 6.000 л.н., характерной особенностью которого является распространение орудий хоабиньского типа, а также появление шлифованных топоров и перфорированных каменных орудий на территории Северного Таиланда (памятник Дойпхакан). К мезолитическим памятникам, в частности, относят также пещеру Пхи, провинция Краби; пещеру Саййок, пещеру Онгба, провинция Канчанабури; пещеру Кхаочомтонг, провинция Чиангмай и др. (Imdirakphol et al., 2017, p. 359; Thongkham, 2014).

Как уже было упомянуто, ввиду присутствия во 2-й половине XX в. зарубежных ученых в Таиланде на археологию региона были перенесены некоторые парадигмы европейских специалистов.

Например, «Линия Мовиуса» — гипотеза, сформулированная американским археологом Х. Мовиусом в 1948 г. Это условная граница, демонстрирующая различия между технологическими комплексами Востока (чопперы) и Запада (ашельские рубила) (Movius, 1948, p. 411). Он утверждал, что с раннего палеолита Южная и Юго-Восточная Азия были регионами, отстающими в культурном и когнитивном развитии. Данный вывод был скорректирован в 1953 г. (Movius, 1953, p. 189–190). Модель нашла поддержку у некоторых исследователей в 1940–1960-х гг. (Chardin, 1941, p. 60). Ашельские рубила являлись яркими и хорошо идентифицируемыми примерами деятельности древних людей, их внешний вид был эстетичен (Dennell, 2014, p. 15), потому они воспринимались исследователями как более продвинутые орудия.

Сегодня большинство исследователей либо отказались от концепции «Линии Мовиуса», либо применяют ее исключительно в широком смысле, чтобы продемонстрировать различия в технологиях (Lycett and Gowlett, 2008, p. 304). Даже термин «ашельский» ставится под вопрос. Так, Р. Деннелл отмечал, что ответ на вопрос о том, присутствуют ли ашельские индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии, зависит от критериев, которые выбраны для определения (Dennell, 2015, p. 18).

Применительно к территории Таиланда отсутствие индустрий, сходных с ашельскими, объясняется малой заселенностью региона, неподходящим сырьем и отсутствием необходимости передачи ашельской технологии по мере миграции древних обществ на восток (Kovach, Gill, 2023, p. 17–18).

Существуют и иные объяснения распространения чопперов на территории Таиланда и Юго-Восточной Азии в целом. Дж. Поуп отмечал, что адаптация к уникальной окружающей среде Восточной Азии требовала отказа от сложных технологий изготовле-

ния каменных орудий в пользу орудий из органических материалов (преимущественно бамбук), так как они были в прямой доступности в тропических лесах, являлись простыми в изготовлении и легкими в транспортировке (Pope, 1989, p. 49–51). Эта гипотеза является одной из самых популярных в объяснении технологических различий регионов (Chardin, 1941, p. 10; Brumm, 2010). Доказательствами служат данные экспериментальной археологии (бамбуковые ножи вполне справляются с утилитарными задачами) (Bar-Yosef et al., 2011, p. 20) и трасологии (характерные следы работы с бамбуком на каменных орудиях) (West and Louys, 2007, p. 515).

Неолит и неолитизация

Переход к производящему хозяйству на территории Таиланда датируется примерно началом III тыс. до н.э. Основным маркером является появление следов культивации риса и проса, а также одомашнивания животных (свиней, крупного рогатого скота, собак). В рамках перехода к новому типу экономики увеличивается оседлость и количество поселений, располагавшихся на равнинах и в поймах рек.

П. Серенсен предположил, что общества, выращивающие рис, передвигались с территории Южного Китая, где свидетельства культивации риса датируются IV тыс. до н.э., обнаруживаются сходства в погребальном обряде и инвентаре: орудия из полированного камня, браслеты из камня или ракушек, ожерелья из бус, захоронения в вытянутом положении (Sørensen, 1967, p. 140). В. Вирияромп подчеркивал, что такая схожесть образа жизни и материальной культуры свидетельствует о демическом распространении, т.е. о миграции людей на территорию, необитаемую для них, но обжитую другими народами, в данном случае речь идет о взаимодействии фермерских обществ и охотников-собирателей (Wiriyaromp, 2008, p. 3). П. Беллвуд находил этому подтверждение и в демографических данных: территория Юго-Восточной Азии являлась периферией для растущих в численности неолитических обществ с территории Китая (Bellwood and Oxenham, 2008, p. 27).

Ф. Рисполи предполагала, что неолитические общества, перемещаясь из районов средней/нижней части долины Янцзы, в конечном итоге достигли севера Юго-Восточной Азии к началу III тыс. до н.э. (Rispoli, 2007, p. 286). Главным подтверждением являлась керамика с резным и штампованным орнаментом, которая появилась в южной части Китая раньше, в IV тыс. до н.э. В то же время мотивы орнаментов на керамике, найденной на территории Китая, менее разнообразны, чем в Таиланде. Это свидетельствует о существовании самобытной гончарной традиции, развившейся в Таиланде на основе «принесенных» с территории Китая технологий.

Исследование неолитического гончарства является перспективным направлением. Так, Дж. Уайт в своей статье (White, 2017, p. 70) указывает на недостаточное количество материалов, чтобы сделать выводы по ряду вопросов: передвигались ли обществ гончаров — или декор заимствовался одной общностью у другой? Существовали ли локальные мастерские, откуда распространялась по территории глиняная посуда, а сами общности технологии изготовления не перенимали?

Наряду с этим существует и альтернативная гипотеза возникновения производящего хозяйства — автохтонная. Возможность самостоятельного перехода охотников-

собирателей к производящему хозяйству изучалась Дж. Пенни в экспедиции по этнографическим материалам (Pennу, 1982, р. 71). В результате появилась версия о том, что миграция неолитических обществ сработала как катализатор для распространения уже зародившегося производящего хозяйства у местных охотников-собирателей.

Дж. Уайт в 1995 г. опубликовала данные этноэкологических исследований о стратегиях пользования ресурсами окружающей среды: часто фермеры уничтожали сорняки для повышения плодородности желаемого растения в естественной среде вместо систематического выращивания. Подобная модель могла быть характерной и для древних людей (White, 1995, р. 61).

Особенного внимания заслуживают прибрежные районы Центрального Таиланда, где есть свидетельства контактов охотников-собирателей с соседними неолитическими общностями. Ч. Хайэм высказал предположение, что сообщества перемещались дальше от побережья в результате перенаселения и нехватки ресурсов; вследствие этого именно на центральных равнинах начал происходить переход к производящему хозяйству (Higham, 1989, р. 86–87). Соленость морских вод и богатые морские ресурсы отодвигали важность выращивания риса на второй план, оставляя на первом охоту и собирательство (Higham, 2017, р. 18). На примере памятника Кхокпханомди (2000–1500 гг. до н.э.) можно проследить, как освоение сельского хозяйства сопровождалось эксплуатацией местных морских ресурсов. Другой пример — памятник Нонгнор, расположенный недалеко от Кхокпханомди. Здесь была обнаружена керамика, но не было найдено никаких свидетельств производящего хозяйства. Предположительно это было место, куда люди приходили в сухие сезоны, а затем возвращались во внутренние сельскохозяйственные районы в сезон дождей.

В настоящее время среди исследователей превалирует точка зрения, согласно которой пришлые общества сыграли решающую роль в переходе к производящему хозяйству в Таиланде. Археологические свидетельства указывают на медленный и многоступенчатый переход к производящему хозяйству (Sarjeant, 2014, р. 31). Даже когда охотники-собиратели вступали в контакты с пришлыми неолитическими группами, существовало сопротивление принятию новых занятий (земледелие), но его не было по отношению к отдельным элементам неолитической материальной культуры (керамика).

Переход к бронзовому веку

Появление бронзолитейного производства на территории Таиланда происходит примерно в конце II тыс. до н.э. В Центральном Таиланде было найдено несколько мест добычи и переработки меди, которые датируются 1200–1000 гг. до н.э. (Higham, 2023, р. 6). Бронзовые предметы, изготовленные в Таиланде, типологически довольно ограничены; включают втульчатые инструменты и браслеты.

Спорными являются вопросы происхождения и датировки. На территории Таиланда не обнаружено признаков постепенно формирующейся традиции производства (Pigott and Ciarla, 2007, р. 79). Археологические находки свидетельствуют о том, что бронзолитейное производство появилось в регионе как полностью сложившаяся технология (Higham et al., 2011, р. 257). Тем не менее технология обработки металлов не была имитационной, со временем начали формироваться свои характерные куль-

турные особенности, адаптированные к местным ресурсам и запросам местных сообществ (White, 1986, p. 179).

В. Пиготт и Р. Чарла выделяли центральную часть Китая, долину Хуанхэ как первоначальное место появления бронзолитейной технологии (Pigott and Ciarla, 2007, p. 76). Ч. Хайам прослеживал несколько вероятных маршрутов: через Сычуань в Юньнань, через юго-восточную часть Китая в Юго-Восточную Азию (Higham, 2023, p. 25). Подтверждением гипотезы является интенсивное культурное взаимодействие между обществами Китая и Юго-Восточной Азии, они активно участвовали в технологическом обмене, свидетельства которого прослеживались в палеолите и неолите (Higham, 1989, p. 278). Такие культурные контакты продолжали сохраняться и в бронзовом веке.

Альтернативные гипотезы о возникновении бронзолитейного производства в Таиланде стали освещаться в историографии недавно. Ключевое значение придается культурным связям народов Таиланда с народами евразийских степей. В 2150–1600 гг. до н.э. в Евразии, в степной и лесостепной полосе, проживали общества, материальную культуру которых относят к сейминско-турбинскому транскультурному феномену (Черных, Корочкова, Орловская, 2017, с. 53). Отмечаются типологические и технологические параллели между материальной культурой бронзового века на территории Таиланда и культур сейминско-турбинского типа — использование двустворчатых форм для литья, изготовление втульчатых орудий, погребения металлургов с инструментами бронзолитейного ремесла, найденными на стоянках эпохи металла в Таиланде (Pigott, 1999, p. 13). Тем не менее существуют огромные пробелы в археологических данных о культурных связях между народами, населявшими евразийские степи и Юго-Восточную Азию, которые не дают возможности сделать точные выводы.

Существует также несколько точек зрения на хронологию бронзового века. В современной литературе представлены две хронологии. «Длинная хронология», в которой ранний бронзовый век датируется материалами стоянки Банчианг (начало 2-го тысячелетия до н.э.) (White and Hamilton, 2009, p. 360). «Краткая хронология», в которой самые ранние свидетельства металлургии датируются концом II тыс. до н.э. (Higham and Sawte, 2021, p. 2); ее придерживается большинство исследователей, так как она подтверждается датами с разных памятников, за исключением семи, полученных на памятнике Банчианг (рассматриваются как ненадежные, поскольку почва памятника подвержена нарушению ранних слоев в результате биотурбации).

Таким образом, ранее доминирующей «китаецентричной» гипотезе появления в Таиланде технологии металлургии в XXI в. стала противопоставляться гипотеза о культурных импульсах с востока Евразии. Дальнейшие исследования и сравнения материалов памятников с разных территорий позволят выявить наиболее важные и интенсивные пути обмена.

Мегалиты

Дискуссионными остаются и вопросы существования мегалитических культов на территории Таиланда. Возникают сомнения в интерпретации памятников, найденных в середине XX в. и обозначенных в отчетах как мегалиты. О нахождении мегалитов на территории Таиланда было опубликовано несколько отчетов. Ч. Ю-Ди (You-Di, 1960,

р. 27) обнаружил овальный кромлех в провинции Накорнрайсима, состоящий из двух групп камней. Е.В. Хатчинсон (Hutchinson, 1939, р. 46) нашел три группы мегалитов в регионе порогов р. Мепинг. Сольхайм В.Г. II и Ч. Горман (Solheim and Gorman, 1966, р. 170) обнаружили две группы мегалитов в районе Чиангмай и одну в провинции Накхонратчасима и др.

Существует несколько интерпретаций. В. Хатчинсон, Т. Обаяши (Obayashi, 1964, р. 210), Сольхайм В.Г. II, Кауффман Х.Е. (Kauffmann, 1971, р. 131) приписывают мегалиты народу лава. По большей части на основе этнографических данных, так как данный народ использует возведение деревянных столбов для жертвоприношений и применяет их в качестве надгробий. Были выдвинуты предположения, что раньше для тех же целей служили каменные столбы.

А. Стейнманн, С. Рангсит считали, что найденные памятники являются мегалитами, однако проводить параллели между ними и народом лава невозможно (Steinmann and Rangsit, 1939, р. 170).

С. Мерфи писал, что прямых доказательств существования мегалитического культа нет. Он утверждал, что большинство сообщений о мегалитах основаны на ошибочных интерпретациях камней сема. Эти камни относятся к периоду Дваравати (VI–XI вв. н.э.) и возводились для маркировки буддийских священных пространств. Поиск культов, предшествующих буддизму, происходит вследствие переноса диффузионистской парадигмы на регион, согласно которой новые «более сложные» религии (в данном случае буддизм и индуизм) сливаются с местными «примитивными» религиями. Многие зафиксированные в отчетах «мегалиты» были названы таковыми из-за недостаточной изученности камней сема на тот момент, их расположения и морфологии (Murphy, 2010, р. 365–372). По мнению Мерфи, термин «мегалит» не может быть применен к камням сема. В рамках Юго-Восточной Азии этот термин чаще всего ассоциируется с религиозными практиками, существовавшими до или вне буддийского влияния. Более точным будет называть камни сема монументальным буддийским искусством. Такой подход позволяет устранить неясности, возникающие из-за того, что в контексте данного региона понятие «мегалит» является довольно расплывчатым (Murphy, 2014, р. 357).

С. Валибхотама не исключал, что сема в прошлом являлись частью мегалитического культа. С появлением буддизма на территории Таиланда мегалиты стали менять свою морфологию и функцию, но сама идея создания объектов такого типа сохранила актуальность (Vallibhotama, 1985, р. 30), поскольку данная традиция почти не встречается за пределами Таиланда.

Таким образом, на сегодняшний день не было найдено достоверных археологических свидетельств существования мегалитических культов. Представляется, что мегалитическая традиция была ограничена высокогорными районами и не существовала в низменностях или на плато Корат.

Заключение

Археология как специализированное научное направление получила свое развитие в Таиланде во 2-й половине XX в. Первоначально интерес к древностям был вызван желанием самих тайцев узнать о прошлом страны, как ответ на колониальный раздел

мира европейскими державами и США. Однако это не позволило избежать «внутренней колонизации». С 1960-х гг. широкий круг специалистов из Дании, США, Франции, Италии и других стран участвовали в совместных исследованиях, а многие тайские специалисты, в свою очередь, отправлялись на учебу за границу, участвовали там в полевых работах и соответственно перенимали опыт и методологию, сформировавшись в европейской археологии. Археология не носила колониального характера, однако тайская школа археологии во многом возникла под влиянием европейской школы, и большинство работ публиковалось на английском языке. Однако уже с конца XX в. количество работ на тайском языке стало расти, увеличилось количество университетов, готовящих специалистов в области археологии.

Как было показано выше, в археологии Таиланда ведется дискуссия по ряду ключевых вопросов интерпретации материалов и дат. Постепенно ушедшая в историографию «линия Мовиуса» освобождает пространство для объяснения преобладания чопперов в индустриях с помощью других версий, например «бамбуковой гипотезой» и гипотезой об отсутствии подходящих для создания ашельских рубил условий и сырья. Существует полемика по вопросу о появлении технологий земледелия и бронзолитейного производства на территории Таиланда: были ли они привнесены извне в результате культурного обмена или появились в результате развития местных обществ. Отсутствие четких свидетельств присутствия мегалитического культа на территории Таиланда вызвало дискуссии в интерпретации памятников, представляющих собой одиночные или групповые каменные столбы.

Возникают также вопросы о применении подходов и систематизации европейских исследователей к археологии как Таиланда, так и Юго-Восточной Азии в целом, которые значительно упрощают и не позволяют отразить все разнообразие региона.

Археология Таиланда развивается, Таиланд уже не раз становился площадкой для самых представительных международных археологических конференций. В 2022 г. одним из таких мероприятий стал конгресс Индо-Тихоокеанской ассоциации преистории (IPPA³¹). Несколько раз в год также проходит Международная конференция по археологии (ICA³²). Организация министров образования Юго-Восточной Азии (SEAMEO³³) — международная организация, занимающаяся продвижением сотрудничества в области образования, науки и культуры в Юго-Восточной Азии, также проводит различные конференции и обменные программы по обучению в Таиланде. Региональный центр археологии и изящных искусств SEAMEO (SPAFA³⁴) со штаб-квартирой в Бангкоке — постоянно действующий центр сотрудничества по исследованию и сохранению культурного наследия. Центр регулярно проводит научные конференции (SPAFACON³⁵), публикует их материалы и издает журнал (SPAFA Journal³⁶), где публикуются исследования в областях археологии, искусства и культурного наследия Юго-

³¹ Indo-Pacific Prehistory Association. URL: <https://www.ippasecretariat.org/home>

³² International Conference on Archaeology. URL: <https://waset.org>

³³ Southeast Asian Ministers of Education Organization. URL: <https://www.seameo.org/>

³⁴ SEAMEO Regional Centre for Archaeology and Fine Arts. URL: <https://www.seameo-spafa.org/>

³⁵ The SEAMEO SPAFA Conference. URL: <https://www.seameo-spafa.org/spafacon2024/index.html>

³⁶ Journal of the SEAMEO Regional Centre for Archaeology and Fine Arts. URL: <https://www.spafajournal.org/>

Восточной Азии. Помимо этого, центр занимается повышением квалификации специалистов, организуя семинары, школы и воркшопы.

В связи с активной научной деятельностью актуальным остается и вопрос сотрудничества. Тайские специалисты уже неоднократно участвовали в совместных проектах с зарубежными учеными, однако совместных российско-тайских археологических проектов пока реализовано не было. Тем не менее присутствует интерес к изучению археологического наследия Таиланда: публикуются статьи, очерки, проводятся конференции (Сергеевские чтения (МГУ), Кнорозовские чтения (РГГУ), Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития (ИВ РАН), Проблемы филологии и этнографии Юго-Восточной Азии (СПбГУ, ИЛИ РАН, МАЭ РАН), Чтения памяти Б.Н. Мельниченко и С.Е. Трифонова (СПбГУ), Тихоокеанская археология (ДВФУ) и др.), по тематике, связанной с историей, археологией, этнографией и культурой стран Юго-Восточной Азии. Однако недостаток пособий, спецкурсов, археологических словарей и возможностей специализироваться в университетах в области археологии создает препятствия для развития заинтересованности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Берзин Э.О. История Таиланда : краткий очерк. М. : Наука, 1973. 313 с.
- Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII века. М. : Восточная литература, 1995. 350 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Деопик Д.В., Деревянко А.П., Кучера С.Р., Массон В.М. Археология зарубежной Азии. М. : Высшая школа, 1986. 360 с.
- Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Страны Юго-Восточной Азии в ранней древности (IV — первая половина I тысячелетия до н.э.) // Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М. : Наука, 2011. С. 169–183.
- Иванова Е.В. Бронзовый и железный век на территории Таиланда в свете последних археологических открытий // Индонезийцы и их соседи : Festschrift E.V. Ревуненковой и А.К. Оглоблину : Маклаевский сборник. Вып. 1. СПб. : МАЭ РАН, 2008. С. 313–323.
- Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №2. С. 45–55.
- Bar-Yosef O., Eren M.I., Yuan J., Cohen D.J., Li Y. Were Bamboo Tools Made in Prehistoric Southeast Asia? An Experimental View from South China. *Quaternary International*. 2011;269:9–21.
- Bellwood P., Oxenham M. The Expansions of Farming Societies and the Role of the Neolithic Demographic Transition. In: *The Neolithic Demographic Transition and Its Consequences*. Dordrecht : Springer, 2008. P. 13–34.
- Brumm A. The Movius Line and the Bamboo Hypothesis: Early Hominin Stone Technology in Southeast Asia. *Lithic Technology*. 2010;35(1):7–24.
- Chardin P.T. Early Man in China. Issue 7. Pekin : Institut de Géo-Biologie, 1941. 99 p.
- Dennell R.W. East Asia and Human Evolution: From Cradle of Mankind to Cul-De-Sac. In: *Southern Asia, Australia and the Search for Human Origins*. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 8–20.

Dennell R.W. Life without the Movius Line: The Structure of the East and Southeast Asian Early Palaeolithic. *Quaternary International*. 2015;400:14–22.

Higham C. *The Archaeology of Mainland Southeast Asia*. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 404 p.

Higham C. First Farmers in Mainland Southeast Asia. *Journal of Indo-Pacific Archaeology*. 2017;41:13–21.

Higham C. The Bronze Age and Southeast Asia. *Old World: Journal of Ancient Africa and Eurasia*. 2023;3(1):1–33.

Higham C., Cawte H. Bronze Metallurgy in Southeast Asia with Particular Reference to Northeast Thailand. *Journal of World Prehistory*. 2021;34:1–46.

Higham C., Higham T., Ciarla R., Douka K., Kijngam A., Rispoli F. The Origins of the Bronze Age of Southeast Asia. *Journal of World Prehistory*. 2011;21:227–274.

Hutchinson E.W. Megaliths in Bayab. *Journal of the Siam Society*. 1939;XXXI:45–47.

Imdirakphol S., Zazzo A., Auetrakulvit P., Tiamtinkrit C., Pierret A., Forestier H., Zeitoun V. The Perforated Stones of the Doi Pha Kan Burials (Northern Thailand): a Mesolithic Singularity? *Journal of Indo-Pacific Archaeology*. 2017;16:351–361.

Kauffmann H.E. Stone Memorials of the Lawa (Northwest Thailand). *Journal of Siam Society*. 1971;59:129–152.

Kovach T.Z., Gill J.P. School of Rocks: a Transmission Time Investment Model for Pleistocene Lithic Technology. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2023;1–36.

Lycett S.J., Gowlett J.A. On Questions Surrounding the Acheulean ‘Tradition’. *World Archaeology*. 2008;40:295–315.

Movius H.L. The Lower Paleolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. *Transactions of the American Philosophical Society*. 1948;38(4):329–420.

Movius H.L. *Old World Prehistory: Paleolithic*. In: *Anthropology Today*. Chicago : University of Chicago Press, 1953. P. 163–192.

Murphy S.A. *The Buddhist Boundary Markers of Northeast Thailand and Central Laos, 7th–12th Centuries CE: Towards an Understanding of the Archaeological, Religious and Artistic Landscapes of the Khorat Plateau*. London : University of London, 2010. 479 p.

Murphy S.A. Sema Stones in Lower Myanmar and Northeast Thailand: A comparison. In: *Before Siam: Essays in Art and Archaeology*. Bangkok : River Books, 2014. P. 352–71.

Nielsen E. The Thai Danish Prehistoric Expedition 1960–1962. *Journal of the Siam Society*. 1962;50:7–14.

Obayashi T. The Lawa and Sgau Karen in Northwestern Thailand. *Journal of the Siam Society*. 1964;LII:199–216.

Peleggi M. Excavating Southeast Asia’s Prehistory in the Cold War: American Archaeology in Neocolonial Thailand. *Journal of Social Archaeology*. 2015;16(1):94–111.

Penny J.S. *Petchabun Piedmont Survey: an Initial Archaeological Investigation of the Western Margin of the Khorat Plateau*. Expedition. 1982;24(4):65–72.

Pigott V.C. *Reconstructing the Copper Production Process as Practiced among Prehistoric Mining/Metallurgical Communities in the Khao Wong Prachan Valley of Central Thailand*. In: *Metals in Antiquity*. Oxford : Archaeopress, 1999. P. 10–21.

Pigott V.C, Ciarla R. On the Origins of Metallurgy in Prehistoric Southeast Asia: the View from Thailand. In: *Metals and Mines: Studies in Archaeometallurgy*. London : Archetype Publications, 2007. P. 76–88.

Pope G.G. Bamboo and Human Evolution. *Natural History*. 1989;10:49–56.

Pope G.G., Barr S., Macdonald A., Nakabanlang S. Earliest Radiometrically Dated Artifacts from Southeast Asia. *Current Anthropology*. 1986;27:275–279.

Rispoli F. The Incised and Impressed Pottery Style of Mainland Southeast Asia: Following the Paths of Neolithization. *East and West*. 2007;57:235–304.

Sarjeant C. Contextualising the Neolithic Occupation of Southern Vietnam. *Terra Australis* 42. Canberra : ANU Press; 2014. 456 p.

Shoocongdej R. Contemporary Archaeology as a Global Dialogue: Reflections from Southeast Asia. In: *Comparative Archaeologies: A Sociological View of the Science of the Past*. New York : Springer, 2011. P. 707–729.

Solheim W.G. II, Gorman C.F. Archaeological Salvage Program; Northeastern Thailand — First Season. *Journal of the Siam Society*. 1966;LIV:111–181.

Sørensen P. Ban-Kao: Neolithic Settlements with Cemeteries in the Kanchanaburi Province: Part 1: the Archaeological Material from the Burials. Copenhagen : Munksgaard, 1967. 140 p.

Steinmann A., Rangsit S. Denkmalformen und Opferstätten der Lawa. *Zeitschrift für Ethnologie*. 1939;LXXI:163–174.

Thongkham C. Prehistoric Period in Thailand. 2014. Available at: <https://www.gotoknow.org/posts/245320> (Accessed: 1 July 2024). (In Thai).

Vallibhotama S. Sema Stone Boundary Markers from the Northeast: Survey and the Study on the Continuation of Megalithic Culture in the Region. *Muang Boran*. 1985;11(4):6–33.

West J.A., Louys J. Differentiating Bamboo from Stone Tool Cut Marks in the Zooarchaeological Record with a Discussion on the Use of Bamboo Knives. *Journal of Archaeological Science*. 2007;34:512–518.

White J.C. Early East Asian Metallurgy: the Southern Tradition. In: *Second International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys*. Cambridge : The MIT Press, 1986. P. 175–81.

White J.C. Modeling the Development of Early Rice Agriculture: Ethnoecological Perspectives from Northeast Thailand. *Asian Perspectives*. 1995;34:37–68.

White J.C. Changing Paradigms in Southeast Asian Archaeology. *Journal of Indo-Pacific Archaeology*. 2017;41:66–77.

White J.C., Hamilton E.G. The Transmission of Early Bronze Technology to Thailand: New Perspectives. *Journal of World Prehistory*. 2009;22:357–397.

Wiriyaromp W. The Neolithic Period in Thailand: Thesis ... Doctor of Philosophy. University of Otago, 2008. 268 p.

You-Di C. Thailand (Regional Report). *Asian Perspectives*. 1960;III:27–29.

REFERENCES

- Berzin E.O. *History of Thailand: (A Brief Overview)*. Moscow : Nauka, 1973. 313 p. (In Russ.)
Berzin E.O. *Southeast Asia from Ancient Times to the 13th Century*. Moscow : Vostochnaya literatura, 1995. 350 p. (In Russ.)

Bongard-Levin G.M., Deopik D.V., Derevyanko A.P., Kuchera S.R., Masson V.M. Archaeology of Foreign Asia. Moscow : Vysshaya shkola, 1986. 360 p. (In Russ.)

Deopik D.V., Ulyanov M.Yu. Countries of Southeast Asia in Early Antiquity (IV — First Half of I Millennium BC). In: World History. Vol. 1: Ancient World. Moscow : Nauka, 2011. Pp. 169–183. (In Russ.)

Ivanova E.V. The Bronze and Iron Ages in Thailand in the Light of Recent Archaeological Discoveries. In: Indonesians and Their Neighbors : Festschrift for E.V. Revunenkovna and A.K. Ogloblin. Maklaevsky Collection. Vol. 1. St. Petersburg : MAE RAN, 2008. Pp. 313–323. (In Russ.)

Chernykh E.N., Korochkova O.N., Orlovskaya L.B. Problems of Calendar Chronology of the Seimin-Turbino Transcultural Phenomenon. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia*. 2017;45(2):45–55. (In Russ.)

Bar-Yosef O., Eren M.I., Yuan J., Cohen D.J., Li Y. Were Bamboo Tools Made in Prehistoric Southeast Asia? An Experimental View from South China. *Quaternary International*. 2011;269:9–21.

Bellwood P., Oxenham M. The Expansions of Farming Societies and the Role of the Neolithic Demographic Transition. In: The Neolithic Demographic Transition and Its Consequences. Dordrecht : Springer, 2008. P. 13–34.

Brumm A. The Movius Line and the Bamboo Hypothesis: Early Hominin Stone Technology in Southeast Asia. *Lithic Technology*. 2010;35(1):7–24.

Chardin P.T. Early Man in China. Issue 7. Pekin : Institut de Géo-Biologie, 1941. 99 p.

Dennell R.W. East Asia and Human Evolution: From Cradle of Mankind to Cul-De-Sac. In: Southern Asia, Australia and the Search for Human Origins. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 8–20.

Dennell R.W. Life without the Movius Line: The Structure of the East and Southeast Asian Early Palaeolithic. *Quaternary International*. 2015;400:14–22.

Higham C. The Archaeology of Mainland Southeast Asia. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 404 p.

Higham C. First Farmers in Mainland Southeast Asia. *Journal of Indo-Pacific Archaeology*. 2017;41:13–21.

Higham C. The Bronze Age and Southeast Asia. *Old World: Journal of Ancient Africa and Eurasia*. 2023;3(1):1–33.

Higham C., Cawte H. Bronze Metallurgy in Southeast Asia with Particular Reference to Northeast Thailand. *Journal of World Prehistory*. 2021;34:1–46.

Higham C., Higham T., Ciarla R., Douka K., Kijngam A., Rispoli F. The Origins of the Bronze Age of Southeast Asia. *Journal of World Prehistory*. 2011;21:227–274.

Hutchinson E.W. Megaliths in Bayab. *Journal of the Siam Society*. 1939;XXXI:45–47.

Imdirakphol S., Zazzo A., Auetrakulvit P., Tiamtinkrit C., Pierret A., Forestier H., Zeitoun V. The Perforated Stones of the Doi Pha Kan Burials (Northern Thailand): a Mesolithic Singularity? *Journal of Indo-Pacific Archaeology*. 2017;16:351–361.

Kauffmann H.E. Stone Memorials of the Lawa (Northwest Thailand). *Journal of Siam Society*. 1971;59:129–152.

Kovach T.Z., Gill J.P. School of Rocks: a Transmission Time Investment Model for Pleistocene Lithic Technology. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2023;1–36.

Lycett S.J., Gowlett J.A. On Questions Surrounding the Acheulean ‘Tradition’. *World Archaeology*. 2008;40:295–315.

Movius H.L. The Lower Paleolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. *Transactions of the American Philosophical Society*. 1948;38(4):329–420.

Movius H.L. Old World Prehistory: Paleolithic. In: *Anthropology Today*. Chicago : University of Chicago Press, 1953. P. 163–192.

Murphy S.A. The Buddhist Boundary Markers of Northeast Thailand and Central Laos, 7th–12th Centuries CE: Towards an Understanding of the Archaeological, Religious and Artistic Landscapes of the Khorat Plateau. London : University of London, 2010. 479 p.

Murphy S.A. Sema Stones in Lower Myanmar and Northeast Thailand: A comparison. In: *Before Siam: Essays in Art and Archaeology*. Bangkok : River Books, 2014. P. 352–71.

Nielsen E. The Thai Danish Prehistoric Expedition 1960–1962. *Journal of the Siam Society*. 1962;50:7–14.

Obayashi T. The Lawa and Sgau Karen in Northwestern Thailand. *Journal of the Siam Society*. 1964;LII:199–216.

Peleggi M. Excavating Southeast Asia’s Prehistory in the Cold War: American Archaeology in Neocolonial Thailand. *Journal of Social Archaeology*. 2015;16(1):94–111.

Penny J.S. Petchabun Piedmont Survey: an Initial Archaeological Investigation of the Western Margin of the Khorat Plateau. *Expedition*. 1982;24(4):65–72.

Pigott V.C. Reconstructing the Copper Production Process as Practiced among Prehistoric Mining/Metallurgical Communities in the Khao Wong Prachan Valley of Central Thailand. In: *Metals in Antiquity*. Oxford : Archaeopress, 1999. P. 10–21.

Pigott V.C., Ciarla R. On the Origins of Metallurgy in Prehistoric Southeast Asia: the View from Thailand. In: *Metals and Mines: Studies in Archaeometallurgy*. London : Archetype Publications, 2007. P. 76–88.

Pope G.G. Bamboo and Human Evolution. *Natural History*. 1989;10:49–56.

Pope G.G., Barr S., Macdonald A., Nakabanlang S. Earliest Radiometrically Dated Artifacts from Southeast Asia. *Current Anthropology*. 1986;27:275–279.

Rispoli F. The Incised and Impressed Pottery Style of Mainland Southeast Asia: Following the Paths of Neolithization. *East and West*. 2007;57:235–304.

Sarjeant C. Contextualising the Neolithic Occupation of Southern Vietnam. *Terra Australis* 42. Canberra : ANU Press; 2014. 456 p.

Shoocongdej R. Contemporary Archaeology as a Global Dialogue: Reflections from Southeast Asia. In: *Comparative Archaeologies: A Sociological View of the Science of the Past*. New York : Springer, 2011. P. 707–729.

Solheim W.G. II, Gorman C.F. Archaeological Salvage Program; Northeastern Thailand — First Season. *Journal of the Siam Society*. 1966;LIV:111–181.

Sørensen P. Ban-Kao: Neolithic Settlements with Cemeteries in the Kanchanaburi Province: Part 1: the Archaeological Material from the Burials. Copenhagen : Munksgaard, 1967. 140 p.

Steinmann A., Rangsit S. Denkmalformen und Opferstätten der Lawa. *Zeitschrift für Ethnologie*. 1939;LXXI:163–174.

Thongkham C. Prehistoric Period in Thailand. 2014. Available at: <https://www.gotoknow.org/posts/245320> (Accessed: 1 July 2024). (In Thai).

Vallibhotama S. Sema Stone Boundary Markers from the Northeast: Survey and the Study on the Continuation of Megalithic Culture in the Region. *Muang Boran*. 1985;11(4):6–33.

West J.A., Louys J. Differentiating Bamboo from Stone Tool Cut Marks in the Zooarchaeological Record with a Discussion on the Use of Bamboo Knives. *Journal of Archaeological Science*. 2007;34:512–518.

White J.C. Early East Asian Metallurgy: the Southern Tradition. In: Second International Conference on the Beginning of the Use of Metals and Alloys. Cambridge : The MIT Press, 1986. P. 175–81.

White J.C. Modeling the Development of Early Rice Agriculture: Ethnoecological Perspectives from Northeast Thailand. *Asian Perspectives*. 1995;34:37–68.

White J.C. Changing Paradigms in Southeast Asian Archaeology. *Journal of Indo-Pacific Archaeology*. 2017;41:66–77.

White J.C., Hamilton E.G. The Transmission of Early Bronze Technology to Thailand: New Perspectives. *Journal of World Prehistory*. 2009;22:357–397.

Wiriyaromp W. The Neolithic Period in Thailand: Thesis ... Doctor of Philosophy. University of Otago, 2008. 268 p.

You-Di C. Thailand (Regional Report). *Asian Perspectives*. 1960;III:27–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мальцева Анастасия Игоревна, лаборант Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Anastasia I. Maltseva, laboratory Assistant of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2024;
одобрена после рецензирования 27.01.2025;
принята к публикации 04.02.2025.
The article was submitted 06.12.2024;
approved after reviewing 27.01.2025;
accepted for publication 04.02.2025.*

Научная статья / Research Article

УДК 902.2(511)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-12)

EDN: IEHZDY

ВЛИЯНИЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СИНЬЦЗЯН И СЕВЕР КИТАЯ В СКИФО-САКСКОЕ ВРЕМЯ

Ши Ханьда

Северо-Западный университет, Сиань, Китай;
shihanda@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3066-349X>

Резюме. В статье собраны и проанализированы данные об археологических комплексах с традициями пазырыкской культуры в Синьцзяне (Китай). Автор рассматривает распространение таких памятников в пяти районах региона, основываясь на географических особенностях территорий, на типах изделий и на погребальных ритуалах. Отмечены два пути культурного импульса «пазырыкцев», проникших в Синьцзян. Указан период упадка культуры. Памятники в горах Восточного Тянь-Шаня свидетельствуют о границе фиксируемой миграции. Влияние пазырыкской культуры дошло через Синьцзян и до северных районов Китая. В ходе деятельности «пазырыкцев» Синьцзян выступал в качестве среды культурного обмена, о чем свидетельствуют встречающиеся на территории Китая декоративные изделия с мотивами грифонов и животных на задних конечностях. Отмечено появление на Алтае зеркал в китайском стиле, покрывал с фениксами и конных экипажей.

Ключевые слова: пазырыкская культура, скифо-сакский период, Синьцзян, север Китая, археология евразийских степей

Для цитирования: Ши Ханьда. Влияние пазырыкской культуры на Синьцзян и север Китая в скифо-сакское время // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 223–248. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-12)

THE INFLUENCE OF THE PAZYRYK CULTURE ON XINJIANG AND NORTHERN CHINA IN THE SCYTHIAN-SAKA TIME

Shi Handa

Northwest University, Xi An, China;
shihanda@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3066-349X>

Abstract. The article collects and analyses archaeological complexes with traditions of the Pazyryk culture in Xinjiang (China). The author considers the distribution of such sites in five districts of the region, based on the geographical features of the territories, on the types of products and on funerary rituals. Two ways of the cultural impulse of the Pazyryk people who penetrated into Xinjiang are noted. The period of cultural decline is indicated. Sites in the mountains of the Eastern Tien Shan testify to the boundary of the fixed migration. The influence of the Pazyryk culture reached the northern parts of China through Xinjiang. In the course of the Pazyryk people's activity Xinjiang acted as a medium of cultural exchange, as evidenced by the decorative items with griffin and animal motifs on the hind limbs found on the territory of China. It is worth noting the appearance in Altai of Chinese-style mirrors, coverlets with phoenixes and horse-drawn carriages.

Keywords: Pazyryk culture, Scytho-Saka Time, Xinjiang, Northern China, Eurasian Steppe Archeology

For citation: Shi Handa. The Influence of the Pazyryk Culture on Xinjiang and Northern China in the Scythian-Saka Time. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):223–248. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-12)

Введение
Пазырыкская культура была распространена в горах Алтая в скифо-сакский период. Благодаря природной среде региона, а также климатическим изменениям в евразийской степи в I тыс. до н.э. (van Geel et al., 2004, pp. 1735–1742) ее носители активно развивались и оказывали влияние на соседние народы. Памятники пазырыкской культуры обнаружены также на современной территории Западной Монголии, Восточного Казахстана и Синьцзяна (Китай).

На основе имеющегося археологического материала необходимо сделать некоторые пояснения относительно общих характеристик пазырыкской культуры, чтобы сформировать основу для нашего анализа аналогичных памятников в Синьцзянском регионе Китая (рис. 1). Пазырыкские памятники — это преимущественно курганные могильники, которые можно разделить на три основные категории по их размерам: «царские», средние и малые. Курганная насыпь первой категории сооружена из больших груд камней. Максимальный диаметр насыпи достигает 100 м, а высота — 4–5 м. Умерших хоронили в могилах с деревянными конструкциями. Другие две категории курганов (средние и малые) имеют насыпь, размеры которой обычно не превышают 10 м в диаметре и 1 м в высоту. Кроме деревянных внутримогильных сооружений встречаются каменные конструкции. Независимо от размера курганной насыпи и числа погребенных большинство умерших людей ориентировано головами на восток. Захоронение лошадей — одна из отличительных черт пазырыкского погребального обряда. Убитые кони зафиксированы в 40% погребений, а в некоторых могилах было несколько (до 22) таких животных (Тишкин, 2019, с. 249).

Пазырыкские курганы отличаются разнообразием найденного в них инвентаря. В мужских погребениях обнаружены предметы вооружения: чеканы, кинжалы с ножами, наконечники стрел из бронзы или кости, железные или бронзовые ножи, щиты. В женских погребениях обычно находят предметы туалета (металлические зеркала), различные украшения и другие вещи. С захороненными лошадьми клали полный комплект конского снаряжения. Наиболее характерной особенностью являются псалии в форме буквы «S». На отдельных псалиях из рога вырезали изображения животных. У некоторых лошадей обнаружены на голове маски, изображавшие оленей (Шульга, 2015). Для пазырыкской культуры известно более 800 керамических сосудов. Большинство таких изделий не орнаментированы. В Китае они обозначаются термином «ху»³⁷. Только 54 сосуда имеют орнамент в виде линий, завитков, зооморфных мотивов, знаков в виде запятых и т.д. (Му, Чжан, 2024).

³⁷ См.: Шульга, 2010, с. 31, прим. 2: «В китайской археологической литературе этим иероглифом обычно обозначаются достаточно высокие и крупные сосуды горшковидной, кринковидной и кувшиновидной форм. Однако данный термин обычно не применяется к хорошо выраженным кринковидным и кувшиновидным сосудам, которые называются „чайниками“ ху».

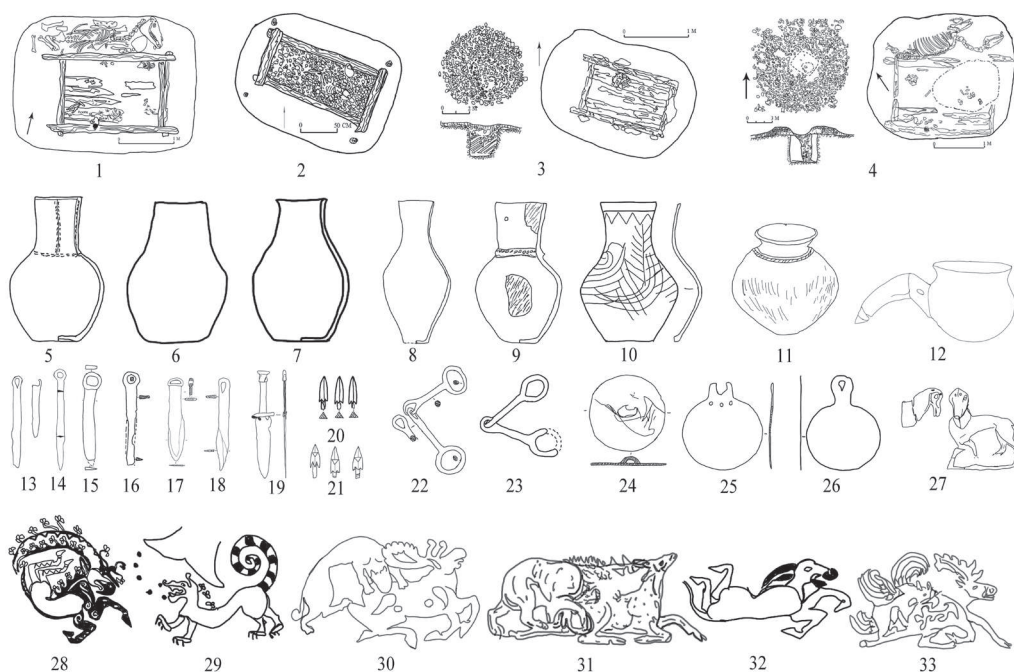

Рис. 1. Пазырыкская культура. Погребальные сооружения и вещевой комплекс: 1, 8, 16 — Калбак-Таш-1; 2, 10 — Ала-Гаил-3, курган №4; 3–5, 23, 26 — Балык-Соок-II курган №1; 6, 7, 20 — Семисарт-II, курган №1; 9, 17, 18 — Ала-Гаил-III, курган №2; 11 — Балык-Соок, курган №21; 12, 28–33 — Второй Пазырыкский курган; 13 — Барбургазы-III, курган №5; 14 — Уландрык-3; 15 — Кор-Кечу; 19 — Белый Бом, курган №28; 21, 22 — Тербедок, курган №1; 24 — Ала-Гаил, курган №3; 25 — Калбак-Таш-1; 27 — Бураты, курган №4

Fig. 1. Pazyryk culture. Burial structures and artifact complex: 1, 8, 16 — Kalbak-Tash-1; 2, 10 — Ala-Gail-3, barrow No. 4; 3–5, 23, 26 — Balyk-Sook-II, barrow No. 1; 6, 7, 20 — Semisart-II, barrow No. 1; 9, 17, 18 — Ala-Gail-III, barrow No. 2; 11 — Balyk-Sook, barrow No. 21; 12, 28–33 — Second Pazyryk barrow; 13 — Barburgazy-III, barrow No. 5; 14 — Ulandryk-3; 15 — Kor-Kechu; 19 — White Bom, barrow No. 28; 21, 22 — Terbedok, barrow No. 1; 24 — Ala-Gail, barrow No. 3; 25 — Kalbak-Tash-1; 27 — Buryaty, barrow No. 4.

В скифо-сакское время, несмотря на то что звериный стиль преобладал почти по всей евразийской степи, в пазырыкской культуре он оказался наиболее характерным. Помимо большого количества изделий и обилия изображений, это выразилось еще в том, что был популярен ряд мотивов, не встречавшихся в других культурах (Черемсин, 2008). Изображения животных можно разделить на три категории.

1. Изображения грифонов. Грифоны изображались отдельно, группой или вместе с другими животными. Эти изображения встречаются на известных татуировках, конском снаряжении, изделиях из войлока и др.

2. Изображения животных, вставших на задние лапы. Большинство таких украшений представляют собой реально существовавших животных, таких как бараны, олени, кошачьи хищники и т.д., с задними конечностями, повернутыми на 180°. Есть так-

же небольшое число фантастических животных с сочетанием птичьих голов и копытных или кошачьих конечностей. Этот тип часто встречается на татуировках.

3. Изображения реальных животных, сцен охоты одних животных на других. Данные изображения имеются на конском снаряжении, золотых украшениях, изделиях из органических материалов и керамике.

В Синьцзяне, как одном из важных районов распространения пазырыкской культуры, уже накопились некоторые результаты исследований (Шульга, 2010; Му, 2020а–б; и др.). В 2017 г. Хань Цзянье проанализировал керамическую посуду «ху» из Синьцзяна и сделал вывод о тесной связи с Алтаем и Северным Китаем во 2-й половине I тыс. до н.э. Он также полагает, что керамические сосуды типа «ху» характерны для этого периода. Бронзовые бляхи с изображением лошадей, кошачьих хищников и другие изделия с изображениями животных с вывернутыми на 180° задними конечностями происходят с Алтая (Хань, 2017). П.И. Шульга и Д.П. Шульга изучали археологические материалы из могильника Тувасиньцунь в Синьцзяне. Они пришли к выводу, что этот памятник следует относить к пазырыкской культуре, носители которой проникли в Синьцзян в IV–III вв. до н.э. По мнению исследователей, это произошло с Алтая через перевалы со стороны Укока и Бухтармы (Шульга Д.П., Шульга П.И., 2017, с. 24–29). В 2018 г. Шао Хуэйцю в своей работе проанализировал пазырыкские культурные феномены в материальной культуре раннего железного века в Синьцзяне и разделил пазырыкское влияние на три категории (Шао, 2018, с. 426–429). Молодой китайский исследователь Му Цзиньшань за последние годы проделал большую работу по изучению пазырыкской культуры, особенно на основе материалов Синьцзяна. Он защитил две диссертации (магистерскую и кандидатскую) о результатах изучения керамики пазырыкской культуры и опубликовал ряд других работ (Му, 2019, 2020а–б, 2022а–б; 2023; и др.). Кроме этого, в некоторых отчетах о раскопках китайских археологов описаны погребальные сооружения и инвентарь, которые могли быть подвержены влиянию пазырыкской культуры. В данной работе мы планируем использовать модель анализа, классификации и сравнения культурных особенностей памятников для выделения тех археологических объектов в Синьцзяне, которые принадлежали пазырыкской культуре или могли находиться под ее влиянием. На этом основании мы проанализируем проникновение групп носителей пазырыкской культуры в Синьцзян и их влияние на население северной части Китая.

Пазырыкские комплексы в Синьцзяне

Синьцзян расположен к юго-западу от Алтайских гор, которые находятся в центре азиатского региона. Они были важным направлением для маршрутов в ходе культурных обменов в древние времена, а также важной частью Шелкового пути. После V в. до н.э. «пазырыкцы» оказались в Синьцзяне. Часть из них пошла на юго-запад в Центральный Синьцзян, а часть — на юго-восток вдоль горного хребта Тянь-Шаня в Баркунскую степь. Влияние пазырыкской культуры достигло южной части Синьцзяна и Северного Китая. Мы разделили пазырыкские памятники или памятники со следами пазырыкского влияния в Синьцзяне на пять зон: I. Китайский алтайский район. II. Бассейн реки Э Минь. III. Центральный Тянь-Шань. IV. Восточный Тянь-Шань. V. Вокруг бассейна Тарима (рис. 2).

Китайский алтайский район, находящийся в предгорной зоне Алтайских гор и одновременно в верховьях р. Иртыш, является районом с наибольшей концентрацией памятников пазырыкской культуры в Синьцзяне. Среди изученных комплексов укажем следующие могильники и раскопанные объекты: Талэдэсаи, М5 (Фу юнь сянь Талэдэсаи..., 2006, с. 29–34); Саэрбулакэ, М8 (Фу юнь сянь Саэрбулакэ..., 2015, с. 45–51); Саудегээр, М21 (Фу юнь сянь Саудегээр..., 2015, с. 58–69); Кэцзыцзяэр (Алэтай ши Кэцзыцзяэр..., 2010, с. 35–47); Уласытэ, М6, М8 (Алэтай ши Уласытэ..., 2015, с. 58–64); Сукэ-

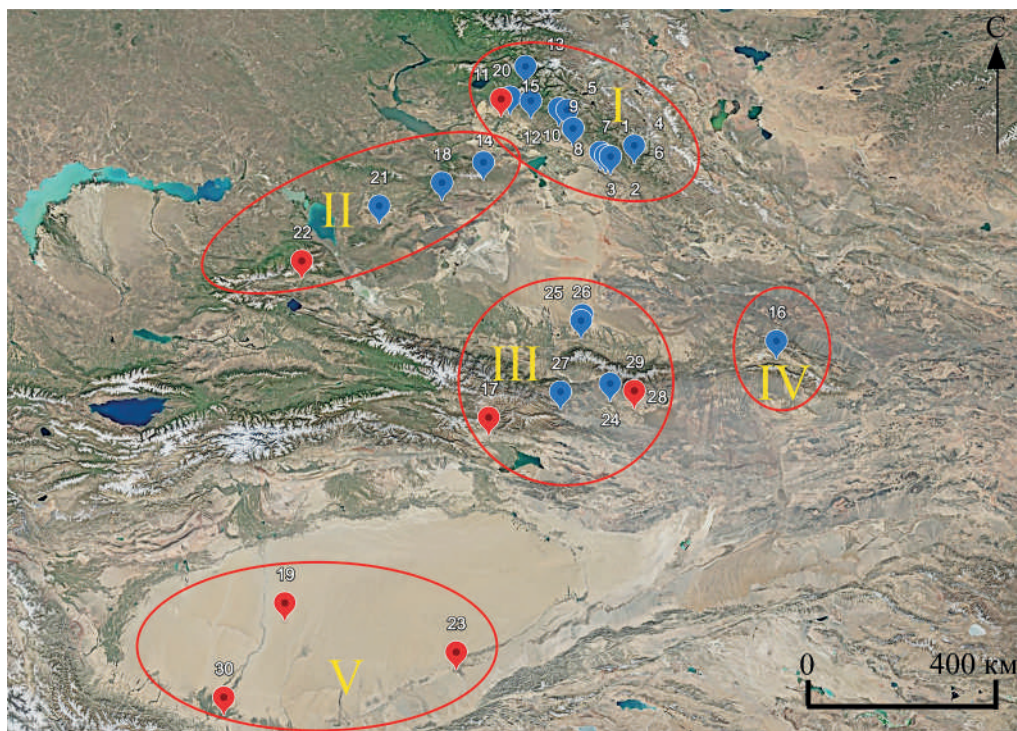

Рис. 2. Расположение пазырыкской комплексов культуры в регионе Синьцзян на карте: 1 — Талэдэсаи; 2 — Саэрбулакэ; 3 — Сукээртэ; 4 — Чжэлэбагашэнь; 5 — Уласытэ; 6 — Хайцзыкоу; 7 — Саудегээр; 8–10 — Кэцзыцзяэр; 11 — Каласу; 12 — Шанькоу Дяньчжань; 13 — Тувасиньцунь; 14 — Суншугоукоу; 15 — Балэйхана; 16 — Сигоу; 17 — могильник комплекса тяжелого индустриального парка; 18 — Байянхэ в Тачэне; 19 — Юаньша; 20 — Дунталэдэ; 21 — Алэтэнъемулэй; 22 — Сыкэшу; 23 — Чжагуньлукэ; 24 — Цзяохэ Губэй; 25 — Фукан Байянхэ; 26 — Чоумэйгоу; 27 — Алагоу; 28 — Янхай-I; 29 — Янхай-II; 30 — Шаньпула

Fig. 2. The location of the Pazyryk culture complex in the Xinjiang region on the map: 1 — Taledesayi; 2 — Saerbulake; 3 — Sukeerte; 4 — Zhelegabashi; 5 — Wulasite; 6 — Haizikou; 7 — Sawudiegeer; 8, 9, 10 — Kezijaer; 11 — Kalasu; 12 — Shankoudianzhan; 13 — Tuwaxincun; 14 — Songshugou; 15 — Bailehana; 16 — Xigou; 17 — Zhonggongyeyuanqumudi; 18 — Baiyanghe in Tacheng; 19 — Yuansha; 20 — Dongtalede; 21 — Aletengyemule; 22 — Sikeshe; 23 — Zhagunluke; 24 — Jiaohegucheng; 25 — Fukang Baiyanghe; 26 — Choumeigou; 27 — Alagou; 28 — Yanghai-I; 29 — Yanghai-II; 30 — Shanpula

эртэ, М1, М4, М5, М6, М7, М9 (Фуюнь сянь Сукээртэ..., 2015, с. 4–37); Шанькоу Дяньчжань (Буэрцзинь сянь Шанькоу..., 2013, с. 21–33); Чжэлэбагашэнь, М5, М7, М8 (Фуюнь сянь Чжэлэбагашэнь..., 2015, с. 166–176); Тувасиньцунь (Буэрцзинь сянь Канасы..., 2014, с. 60–75); Хайцзыкоу, М11 (Фуюнь сянь Хайцзыкоу..., 2018, с. 19–31); могильник Каласу (Юй, Ху, 2015, с. 131–132); могильник Балэйхана (Алэтай ши Балэйхана шуйку..., 2013, с. 31–42). Большинство из этих комплексов уже рассматривались П.И. Шульгой (2017, с. 24–29) и Ц. Му (2020б, с. 138–147; 2022а, с. 226–228), поэтому здесь мы ограничимся несколькими менее обсуждаемыми комплексами в их работах.

Талэдэсаи, М5 находится на речной террасе. Курган в центре данного могильника имел грабительскую яму диаметром около 3 м и глубиной 2 м. Курганная насыпь была диаметром 10,25 м и высотой 0,8 м. Она состояла из камней и грунта. Погребальная яма округло-прямоугольной формы оказалась длиной 3,15 м, шириной 1,85 м и глубиной 1,5 м. В южной части ямы стоял каменный ящик длиной 2,28 м, шириной 0,88 м и высотой 0,6 м. Он был сооружен из плит неправильной формы, сверху закрывался четырьмя плитами, края которых частично перекрывали друг друга. На дне лежали также четыре плиты. Человеческие кости не обнаружены, а кости от двух лошадей и двух коз были беспорядочно разбросаны внутри и снаружи каменного ящика. Внутри каменной погребальной конструкции находился керамический сосуд (ху), а также сильно корродированное железное изделие. Рядом с конскими костями отмечены следы истлевшей древесины.

Могильник Шанькоу Дяньчжань расположен на северо-восточном берегу р. Бурзин. В июле 2010 г., одновременно со строительством электростанции, Синьцзянский институт культурного наследия и археологии исследовал на территории некрополя 30 погребений. Судя по опубликованной информации, 13 подкурганых погребений, пять погребений с каменными ящиками и погребение с деревянным гробом могут относиться к пазырыкской культуре. Подкурганые погребения уступают другим по размерам. В большинстве из них похоронен один человек, лежащий на спине в вытянутой позе. Погребения в каменных или деревянных сооружениях сделаны на большей глубине. В них обычно хоронили двух и более человек. В состав погребального инвентаря входили керамические сосуды (ху), железные ножи, предметы конского снаряжения, наконечники стрел и др. Девять зафиксированных керамических сосудов (ху) имеют такую же форму, что и у аналогичных изделий, часто встречающихся в памятниках пазырыкской культуры (с неорнаментированной поверхностью). Некоторые имеют следы копоти. В отдельных погребениях кости овец или лошадей помещались у ног покойного. В могилах, где были обнаружены целые скелеты лошадей, находились предметы конского снаряжения. В погребениях женщин часто встречались кусочки золотой фольги или бусы. Планиграфия могильника показывает, что подкурганые захоронения располагались рядом с погребениями в деревянных или каменных саркофагах (очевидно, в подчиненном положении).

В 2011 г. Синьцзянский институт культурного наследия и археологии исследовал 17 погребений на памятнике Балэйхана, которые были разделены на четыре группы. По наличию железных мечей и наконечников стрел выявлены могилы усуней. Однако объект I М6, отнесенный к этой группе, кажется более соответствующим погребению

ниям пазырыкской культуры. Поверхность кургана разрушена. Погребальная камера длинными сторонами была ориентирована по линии З–В. Прямоугольная в плане ограда составлена из 14 плит, расположенных вдоль стены могилы. Верхняя часть камеры не закрыта, а нижняя представляет собой грунтовую поверхность. Камера имела 2,1 м в длину, около 1 м в ширину и 1,1 м в глубину. Заполнение камеры было рыхлым и содержало большое количество гальки. Погребены три человека, кости которых сильно разложились. Пол и возраст погребенных определить не удалось. Умершие люди, обозначенные А, В и С, захоронены в порядке с севера на юг, причем голова человека А оказалась обращена на восток, а остальной скелет был помещен в северной части камеры. Люди В и С размещались в южной части камеры. У восточной стенки камеры находились три керамических сосуда (ху) (только один из них удалось извлечь), три позвонка и один крестец барана.

Для погребения М24 могильника Суншугуокуо характерно наличие прямоугольной деревянной конструкции из сосновой древесины в погребальной камере. В северной стороне ямы была уложена лошадь, а в восточной части ямы обнаружены керамический сосуд (ху), железные ножи, железные крюки, кусочки золотой фольги и бараний крестец. Погребение было ограблено в древности, человеческие кости отсутствовали. Также керамическая посуда пазырыкского типа (ху) найдена в М2 и М11 (Хэбу-сайэр сянь 219 годао Суншугуокуо..., 2018, с. 55–81).

На основании опубликованных к настоящему времени материалов из могильника Кэцзыцзяэр мы полагаем, что к пазырыкской культуре относятся не менее 13 погребений, включая М1 и М8, опубликованные Ц. Му, из которых шесть — это погребения с каменными ящиками без лошадей и семь — погребения с каменными или деревянными внутримогильными сооружениями с лошадьми (Алэтай ши Кэцзыцзяэр..., 2010, с. 35–47). Над погребениями сооружена насыпь из грунта и камней, обычно около 10 м в диаметре и 1,1–1,5 м в высоту, или всего 4,1 м в диаметре (М6). Форма могильных ям — прямоугольная или округло-прямоугольная. Все погребенные люди лежали на боку, головой на север, запад или восток. Всего в погребениях найдены четыре керамических сосуда (ху) в стиле пазырыкской культуры, несколько бронзовых или железных ножей с кольцевыми навершиями рукоятей, деревянные сосуды, железные удила, а также золотые и каменные украшения. За исключением гробницы М43 с керамическим сосудом (ху), обнаруженным на могильнике Дунталэдэ, другие гробницы трудно идентифицировать как относящиеся к пазырыкской культуре. Кусочки золотой фольги находились и в других погребениях могильника, наряду с изделиями с изображениями кабана, оленя, кошачьих хищников, двух- или трехлопастными наконечниками стрел и характерными серьгами (Тишкин, 2017, с. 123–144). Это позволяет предположить, что могильник был более тесно связан с племенами аржано-май-эмирского времени (Савинов, 2017, с. 28–49), что подтверждают шесть опубликованных радиоуглеродных датировок, указывающих на такой хронологический период IX–VII вв. до н.э. (Юй, Ма, 2015, с. 375–383).

Комплекс пазырыкской культуры в бассейне р. Э Минь зафиксирован также на могильниках Байянхэ (Синьцзян Тачэн дицьюй Байянхэ..., 2012, с. 17–29) и Алэтэнъемулэй

(Юйминь сянь Алэтэнъемулэй шуйку..., 2012, с. 41–75), помимо Суншугоукоуского могильника, указанного в работе Ц. Му (Хэбусайэр сянь 219 годао Суншугоукоу..., 2018, с. 55–81; Му, 2020б, с. 138–147). На могильнике Байяньхэ в объектах М47 и М49 обнаружены погребения с деревянными конструкциями, а также с западинами в центре насыпи, диаметром 8 м и высотой 0,53 м. Длина погребальной камеры 2,5 м, ширина 1,72 м, глубина 1,25 м. На дне могильной ямы был установлен деревянный сруб прямоугольной формы, ориентированный по линии 3–В, длиной 1,93 м, шириной 0,95 м и высотой 0,2 м. Внутри него похоронена женщина средних лет. Она лежала на боку, в скорченной позе, головой на запад и лицом на север. В северо-западном углу на деревянном блюде находилась часть крестца барана. Фрагмент бронзового зеркала лежал на животе женщины, керамический сосуд (ху) располагался в средней части погребальной камеры, а кости задней ноги барана — в северо-восточном углу. Объект М49 был примерно такого же размера, как М47. Человеческий скелет находился в юго-западной части погребальной камеры, но от него остались только бедренная, малоберцовая и тазовая кости. В заполнении найдены семь кусочков золотой фольги. В северной части располагался керамический сосуд (ху) и деревянное блюдо, которое истлело, на нем лежали кости барана. Данные радиоуглеродного датирования М49 составляют 2210 ± 30 лет, а с учетом калибровки — 380–190 гг. до н.э.

Объект Алэтэнъемулэй, М81 представлял собой погребение с каменным ящиком, в котором находился мужчина средних лет. Умерший человек лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на восток. Один орнаментированный керамический сосуд (ху) был помещен справа от головы. Железное орудие (вероятно, нож) и крестец барана лежали рядом с правой плечевой костью. Данные радиоуглеродного датирования человеческой кости указывают на период от 2060 ± 35 до 1700 ± 40 лет назад. С учетом калибровки — от 160 г. до н.э. до 400 г. н.э.

В общей сложности четыре керамических сосуда (ху) (ПМ1:1, ПМ2:1, ПМ2:9, ПМ3:7), а также зеркало с ручкой (ПМ3:2) были найдены в шести погребениях, исследованных на могильнике Сызкэшу в 2015 г. Аналоги данным изделиям найдены в археологических материалах из погребений пазырыкской культуры Алтая. Однако, судя по особенностям погребального ритуала и другим керамическим сосудам, также найденным в этих шести погребениях, они не могут полностью относиться к пазырыкской культуре. Исследователи полагают, что это усуньские погребения, датируемые V–III вв. до н.э. (2015 нянь Усу ши Сызкэшу..., 2016, с. 61–71).

Погребения пазырыкской культуры в регионе Среднего Тянь-Шаня расположены в основном на северной и южной сторонах пика Богды. В долине р. Алагоу были исследованы четыре погребения с деревянными внутримогильными сооружениями, расположенные цепочкой по линии ЮЗ–СВ на расстоянии около 10 м друг от друга. Курганы имели следы разграбления и демонстрировали не очень хорошую сохранность. М30 — самое крупное и самое хорошо сохранившееся погребение. Среди находок отметим восемь золотых блях с изображениями кошачьих хищников, четыре фрагмента золотой фольги (также с изображениями кошачьих хищников) и несколько блях с изображениями лепестков. Однако, судя по девяти найденным фрагментам от керамических сосудов и одному бронзовому сосуду в среднекитайском сти-

ле, данные четыре погребения находились под влиянием китайской культуры (Синьцзян Алагоу шусюе..., 1981, с. 18–22).

В группе погребений, исследованных в 2016 г. в верховьях р. Байяньхэ в городе Фукан, согласно опубликованным материалам, найдены три керамических сосуда (ху) (ШМ20:3, ШМ22:1, ШМ36:6) с чертами пазырыкской культуры. Они были датированы археологами временем правления династии Хань (II в. до н.э. — III в. н.э.) (Синьцзян фукан Байяньхэ..., 2020, с. 4–20). Одна медная бляха в форме аргали (М15:4-1) и керамический сосуд (ху) (М1:1), найденные в могильнике Фукан у города Чоумэйгоу, также могли быть результатом влияния пазырыкской культуры (Фукан ши Чоумэйгоу..., 2012, с. 25–45). Керамический сосуд (ху) высотой 18,8 см и диаметром 6,8 см обнаружен в погребении могильника на территории парка в уезде Хэцзин. Он имеет орнамент в виде рельефных четырех кругов на тулове, плоское деление всей шейки на четыре части и узор в виде рассеченного валика на стыке шейки и тулова. Подобный сосуд обнаружен также на памятнике Чаухугол-IV, в объекте М35 (Линь, Мариаму, 2023, с. 91–103). Такого же типа сосуда есть в пазырыкской культуре — керамические и деревянные (Руденко, 1962, табл. XXI.-21; Кубарев, Шульга, 2007, с. 210, рис. 15.-4).

Примечательно, что некоторые черты пазырыкской культуры были обнаружены и в кургане памятника Цзяохэ Гоубэй (Цзяохэ гучэн..., 1998, с. 30–70). Над погребением М16 находилась земляная курганная насыпь диаметром 26 м, обвалившаяся в центре над ямой. С внешней стороны находилось каменное кольцо, сложенное из булыжников. Под каменным кругом располагалась саманная стена диаметром 10,2–10,9 м и шириной около 0,26 м, примерно круглой формы, под которой находились девять погребальных ям и 23 ямы для лошадей (верблюдов?). Ямы для захоронения животных располагались в северной части, что, как мы уже упоминали в начале статьи, является наиболее типичной чертой погребального ритуала пазырыкской культуры. Что касается погребального инвентаря, то золотая бляха с изображением грифона, найденная в М01 (М01mb:1), золотая бляха с изображением оленя, найденная в М16 (М16 О2:35), и керамический сосуд (ху) имеют аналоги в материалах пазырыкской культуры. К сожалению, как отмечает П.И. Шульга, сложность исследования могильника и ограниченность опубликованных материалов не позволяют полностью идентифицировать данный могильник как относящийся к пазырыкской культуре. В таком случае он стал бы крупнейшим элитарным могильником пазырыкской культуры в Синьцзяне (Шульга, 2010, с. 82–93).

Могильник Шижэньцзыгоу в Восточном Тянь-Шане в настоящее время является самой восточной границей распространения пазырыкской культуры в Синьцзяне. Наиболее наглядным можно считать объект М12 (Синьцзян Баликунь сянь Дунхэйгоу..., 2009, с. 3–27). Над поверхностью погребения была сооружена круглая насыпь, а на западной стороне насыпи находились три ямы, в которых были похоронены верблюд и две лошади. Ямы овальной формы, размерами 4,85 м с востока на запад и 4,55 м с севера на юг, имели глубину 4,45–4,55 м. Могила окружена камнями, а внутри — деревянный сруб. В гробнице множество изделий с изображениями в зверином стиле, с геометрическим орнаментом на бляхах и золо-

той фольге. Найдена посуда: керамические чаши и сосуды (ху) (рис. 4). Подкурганые погребения в Сигоу №1 также имеют сильное сходство с захоронениями пазырыкской культуры (Му, 2022б, с. 125–135; Баликунь Сигоу ичжи..., 2016, с. 79–91). Над погребениями сооружена насыпь, могильная яма расположена в центре нижней части кургана. На дне саркофага-сруба выложен круг из камней, а с северной стороны погребальной камеры находится ступенька с погребенным на ней конем. Погребение было разграблено, поэтому инвентарь сохранился плохо. Найдены золотые бляхи с изображениями кошачьих хищников и столики с изображением баранов. Это были одни из излюбленных декоративных мотивов «пазырыкцев», их можно найти на бляхах и гарнитуре одежды. Погребальная практика захоронения лошадей, а также баранов вместе с лошадьми присутствовала в шести курганах, исследованных в Шижэньцзыгоу в 2011 г. В 2012 г. радиоуглеродная лаборатория Пекинского университета проанализировала два набора образцов дерева и четыре набора образцов человеческих костей из погребений. Проанализированные данные с учетом калибровки указывают на период 410–40 гг. до н.э. (Баликунь Сигоу ичжи..., 2016, с. 79–91).

В районе Таримской котловины пока не найдено ни одного памятника, который можно было бы однозначно отнести к пазырыкской культуре, хотя в некоторых комплексах были найдены вещи с признаками пазырыкского влияния. На могильнике древнего города Юаньша были найдены два керамических сосуда типа ху (Синьцзян Кэля..., 1998, с. 28–37), причем орнаментированные: с круговыми узорами на тулове и двумя линиями, идущими от венчика, одна доходит до тулова, а другая — до доньшка сосуда. Как уже упоминалось выше, этот тип керамических сосудов (ху) также относительно распространен в пазырыкской культуре и был найден на могильниках Ак-Алаха-3 и Пазырык-2. Согласно Хань Цзянье, керамические сосуды ху в Синьцзяне в I тыс. до н.э. являлись импортом. Именно «пазырыкцы» принесли их в Синьцзян (Хань, 2017).

Найдены арфа, керамический сосуд (ху), гребень с изображением животного с развернутыми задними конечностями (М61:1), еще гребень с таким же изображением (М61:1) (Синьцзян Цемо Чжагуньлукэ эрхао..., 2003, с. 1–19). Следует отметить, что арфа (IM90:12, ПМ63:1) также встречается в могильнике Янхай (Синьцзян Янхай муди, 2019, с. 305). Хотя нет никаких доказательств того, что этот инструмент являлся импортом со стороны пазырыкской культуры. Схожие инструменты, которые находят на памятниках пазырыкской культуры, позволяют нам рассмотреть возможную связь между ними.

Влияние пазырыкской культуры обнаруживается и в некоторых текстильных изделиях 2-й половины I тыс. до н.э. Найденные покрывала из могильника Шаньпула (в том числе из раскопок в Шаньпуле и из коллекции швейцарского Бергштифтунга), помимо изображений в зверином стиле, имеют инкрустации с изображением грифона. Аналогичный орнамент встречается на ковре из Первого Пазырыкского кургана (Чжунго Синьцзян Шаньпула..., 2001). Подобный стиль декора часто встречается в пазырыкской культуре не только на коврах, но и на предметах конского снаряжения. В исследованиях Эммы К. Банкер также отмечается, что некоторые зооморфные изображения из погребений могильника Шаньпула похожи

на звериный стиль пазырыкской культуры. Это довольно типичные изображения грифонов (Bunker, 2001, p. 15–45). По данным радиоуглеродного датирования хронология этого могильника определяется I в. до н.э. — III в. н.э. (Wagner et al., 2009, p. 1065–1075). Одна одежда из могильника Чжагуньлукэ по форме и подготовке близка к одежде из кургана №1 могильника Ак-Алаха-3, а аналоги той же одежды можно найти в могильнике Шаньпула (Юй, 2010, с. 35–39).

Влияние пазырыкской культуры на древнее население Синьцзяна

Влияние культуры можно разделить как минимум на два уровня. Первый уровень — экспансия, или миграция, населения. Это наиболее глубокое влияние культуры на население региона, которое обычно проявляется в наличии памятников с теми же культурными традициями на новых территориях, а также в виде сосуществования памятников с пришлыми и местными традициями в основной зоне распространения той или иной культуры. Второй уровень демонстрирует не такое глубокое влияние, чем первый. Обычно он характеризуется присутствием в культуре одного или нескольких типов культурных традиций из одной или нескольких культур того же или чуть более позднего периода. При этом инородные традиции не являются преобладающими. Следует отметить, что культурное влияние первого уровня является прямым, в то время как влияние второго уровня может быть как прямым, так и косвенным и характерно для более длительного временного промежутка. Исходя из этого, мы можем разделить памятники, исследуемые в данной работе, на две категории: погребения пазырыкской культуры и погребения с отдельными традициями пазырыкской культуры (рис. 2).

Погребения пазырыкской культуры, обнаруженные в Синьцзяне, по-видимому, в основном являются рядовыми. В них захоронены люди, принадлежавшие к слоям простого населения пазырыкского общества. Данные погребения совершенно не сопоставимы с элитарными погребениями курганов Алтая — ни по размерам погребений и насыпей, ни по богатству и разнообразию инвентаря. Кроме того, погребения разрознены, обнаружены лишь немногие группы и скопления. Они составляли цепочки, подобные тем, что встречаются на Алтае. Тем не менее у «пазырыкцев» Синьцзяна сохранились собственные погребальные обычаи, такие как сооружение могильных ям с каменным или деревянным саркофагом и сооружение насыпей над погребениями. Погребенные в основном были ориентированы головами на восток. Среди погребального инвентаря преобладали ножи, сосуды, конское снаряжение, а в женских захоронениях встречались украшения из бисера или золота. Звериный стиль декора и предметы конского снаряжения не столь многочисленны, как в памятниках ранних этапов пазырыкской культуры Алтая. Шао Хуэйцю сравнил такие памятники с могильником Сукээртэ, в который входят аналогичные разрозненные курганы на соседней территории, и датировал их IX–V вв. до н.э. (рис. 3). При этом он не отрицает связь памятников типа Сукээртэ с пазырыкской культурой (Шао, 2018, с. 39–43). Памятники с традицией пазырыкской культуры в Среднем Тянь-Шане, напротив, были отнесены к экзотическим элементам культуры субэйси / субаши (Шао, 2018, с. 91–192).

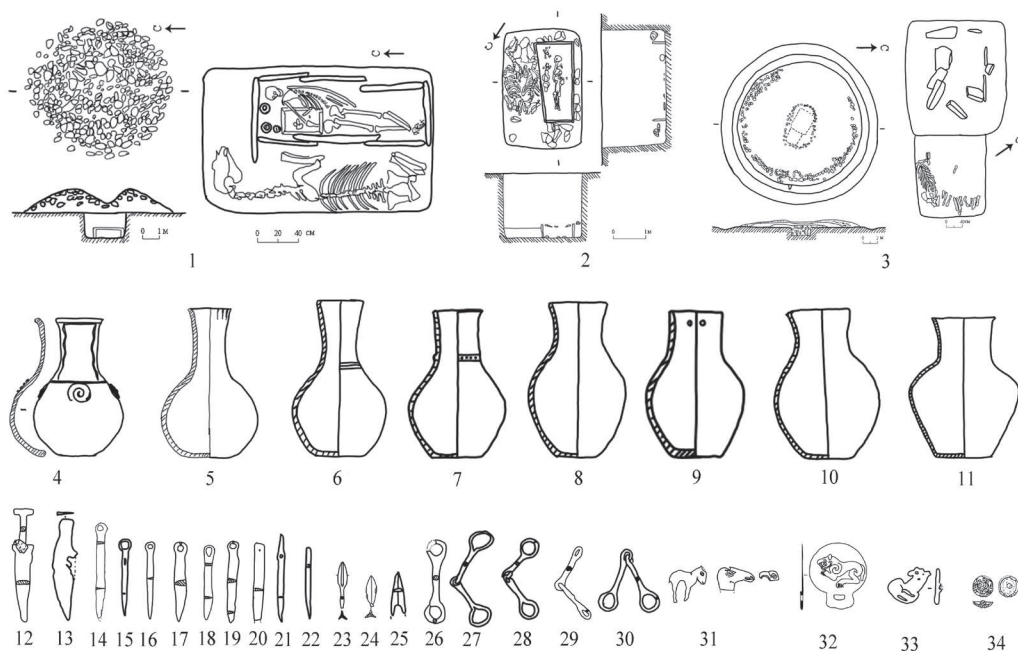

Рис. 3. Тип Сукээртэ. Погребальные сооружения и вещевой комплекс: 1, 7, 12, 16, 17, 22, 26 — Кэцзыцзяэр; 2, 4, 5, 13, 15, 21, 25, 27, 28, 32 — Хайцзыкол; 3, 14, 18, 24, 30, 34 — Туvasиньцунь; 6 — Талэдэсаи; 8–10, 19, 20, 23, 29, 31, 33 — Сукээртэ; 11 — Хабайхань

Fig. 3. Sukeerte type. Burial structures and stuff complexes: 1, 7, 12, 16, 17, 22, 26 — Kezijaer; 2, 4, 5, 13, 15, 21, 25, 27, 28, 32 — Haizikou; 3, 14, 18, 24, 30, 34 — Tuwaxincun; 6 — Taledesai; 8–10, 19, 20, 23, 29, 31, 33 — Sukeerte; 11 — Habaihan

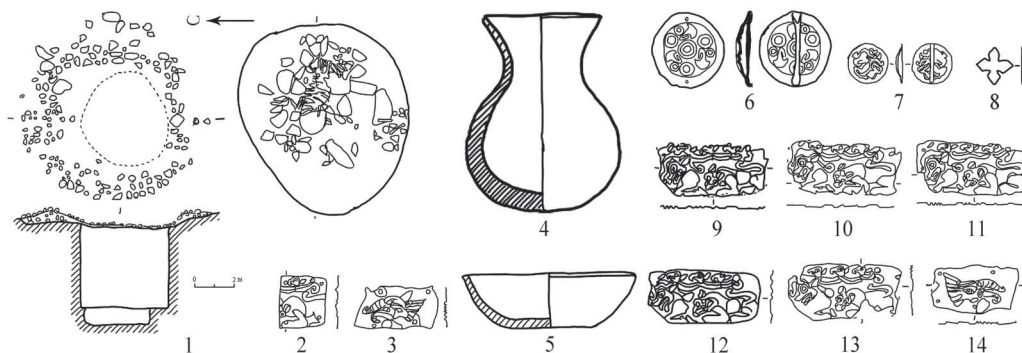

Рис. 4. Сыгол-1. Погребальные обряды и артефакты: 1 — планы и разрезы; 2, 12, 13 — серебряные бляхи; 3, 9–11 — золотые бляхи; 4, 5 — керамический сосуд; 6, 7 — серебряные пряжки; 8 — золотая пряжка

Fig. 4. Cemetery Xigou-I. Burial structures and stuff complexes: 1 — plan and sections; 2, 12, 13 — silver plaques; 3, 9–11 — gold plaques; 4, 5 — ceramic vessel; 6, 7 — silver buckles; 8 — gold buckle

Радиоуглеродная датировка таких гробниц указывает на период с III в. до н.э. до начала н.э., за исключением кладбища Каласу, которое относится к V в. до н.э. К сожалению, данные по кладбищу Каласу опубликованы не полностью. Поэтому на данный момент мы не можем судить о принадлежности опубликованных датировок к пазырыкской культуре. Радиоуглеродная датировка деревянных гробов могильника Талэдэсаи относится к II–I в. до н.э. (Фуюнь сянь Саэрбулакэ муди..., 2015, с. 45–51). Раскопки могильника Сукээртэ в своем отчете относят датировку курганных и деревянных гробниц к III в. до н.э. — к концу I в. до н.э. (Фуюнь сянь Сукээртэ..., 2015, с. 4–37). Объект Чжэлэбагашэнь, М8 датируется 2250 ± 30 лет назад. Калибровка этой даты указывает на 320 г. до н.э. Захоронения керамических сосудов (ху), обнаруженные на могильнике Каласу, датируются радиоуглеродным методом V в. до н.э. (Фуюнь сянь Чжэлэбагашэнь..., 2015, с. 166–176). Объект Хайцзыкоу, М11 в уезде Фуюнь датировался радиоуглеродным методом. Калиброванные данные указывают на 204–37 гг. до н.э. (при вероятности 94,2%) (Фуюнь сянь Хайцзыкоу..., 2018, с. 19–31). Объекты памятника Кэцзыцзяэр имеют следующие радиоуглеродные показатели: М3 — 2210 ± 35 BP, М7 — 2100 ± 35 BP, М20 — 2170 ± 35 BP, М18 — 1295 ± 35 BP. Сравнивая хронологические рамки пазырыкской культуры в Алтайском регионе, мы обнаруживаем, что «пазырыкцы», проникшие в Синьцзян, находились уже на поздней стадии своей культуры. Таким образом, причина небольшого числа и разбросанности памятников пазырыкской культуры в Синьцзяне, а также уменьшение их влияния дальше на юге и востоке связана с упадком пазырыкской культуры, к тому же эти памятники расположены в периферийной зоне распространения пазырыкской культуры.

Согласно имеющимся материалам мы можем наметить два маршрута культурных импульсов «пазырыкцев» в Синьцзяне: на восток и на юг. «Пазырыкцы» двигались на юг через территорию китайской части Алтая, сначала достигая бассейна реки Э Минь, а затем на юго-восток в регион Срединного Тянь-Шаня и наконец на юг до района вокруг бассейна Тарима. Другой маршрут пролегал через южные предгорья Алтая на восток, сначала достигая Баркунской степи в Восточном Тянь-Шане, а затем затрагивая районы дальше на север Китая. Этот маршрут соответствует направлению «пазырыкцев» через Алтайские горы Гоби в Ордос, обозначенный А.А. Ковалевым, с той разницей, что последние мигрировали вдоль северных предгорий Алтая (Ковалев, 2024, с. 242–262).

Центральный регион Тянь-Шаня был основным районом распространения культуры субейси/субаши с конца бронзового века до н.э., и эта культура была хорошо развита в животноводстве и земледелии. Возможно, «пазырыкцев» блокировали жители культуры субейси/субаши в ходе их миграции на юг, хотя некоторые артефакты, похожие на изделия пазырыкской культуры, имеются в памятниках третьего периода. Хотя пазырыкская культура и практика захоронения лошадей появляются в указанном периоде, превращения в кочевое общество так и не произошло.

Комплекс Шижэньцзыгоу в Восточном Тянь-Шане можно рассматривать как самую восточную точку экспансии «пазырыкцев». В этом районе обнаружены крупные гробницы с деревянными внутримогильными конструкциями, находки керамических сосудов (ху), а также традиционные для «пазырыкцев» изображения зверей с вывернутыми задними конечностями. Однако результаты физико-антропологических исследо-

ваний показывают наличие нескольких этногенетических рас с большими различиями в генетическом составе между особями (Ван, Ма, 2020, с. 106–114). Таким образом, немногочисленные «пазырыкцы», прибывшие туда, могли быть не исконными «пазырыкцами», проживавшими в Алтайском крае, а потомками «пазырыкцев», интегрировавшихся в другие этнические группы.

Влияние пазырыкской культуры на севере Китая

Долгое время китайские исследователи связывали артефакты скифского облика или изделия художественного стиля, найденные в Северном Китае, с культурой ранних хунну или хунну вообще (Ма, 2005, 2011). Причина этого отчасти кроется в медленном распространении археологических материалов, а отчасти — в существовании в то время нескольких различных концепций для «культуры сюнну». В качестве импульса прослеживается происхождение звериного стиля бляхи — животного с задними конечностями, развернутыми на 180°, и грифонных мотивов, встречающихся в Северном Китае, особенно в регионе Ордос, до пазырыкской культуры (Ковалев, 1999, с. 75–82; 2008, с. 181–202), которые в основном интерпретировались исследователями в Китае, как это предлагает А.А. Ковалев (1999, с. 75–82; 2008, с. 181–202). Китайские исследователи в основном связывают эти памятники с народами, зафиксированными в древнекитайских исторических документах, — лоуфань и байян, которые, по мнению А.А. Ковалева, и есть те самые переселенцы-«пазырыкцы» (Ковалев, 2009, с. 395–414; 2024, с. 242–262). Взаимоотношения «пазырыкцев» с древними общинами лоуфань, байян и сюнну выходят за рамки данной статьи. Поэтому мы обсудим влияние этой культуры на Северный Китай только через артефакты с пазырыкскими характеристиками, найденные в этом регионе. А.А. Ковалев (2015, с. 229–241) и П.И. Шульга (2010, с. 134–136) в своих работах проанализировали происхождение форм грифона с территории Китая. Н.В. Полосьмак считает, что плато Укок, как пограничный регион «пазырыкцев» с Алтайским краем Китая, стало основой для распространения пазырыкских традиций в Ордосский регион через Синьцзян (Полосьмак, 1994, с. 9–24).

А.А. Ковалев описывает другой маршрут культурного импульса из Горного Алтая в Ордосский регион Внутренней Монголии — не через коридор Ганьсу, а напрямую через Трансалтайскую Гоби и Алашань в Ордос (Ковалев, 2024, с. 242–262). Однако мы считаем, что пересечение коридора Ганьсу вдоль южного подножия Алтайских гор для достижения северного Китая все еще остается маршрутом, который нельзя игнорировать. Это доказывает и художественный стиль, характерный для пазырыкских изделий, найденных в районе коридора Ганьсу. Несколько квадратных блях с центральным рельефом, бляхи с изображениями двух фигур животных с вывернутыми задними конечностями были зафиксированы в 1985 г. на могильнике Даодуньцзы в Нинся, который, по мнению китайских исследователей, является могильником хунну (Нинся Тунсинь..., 2002, с. 333–355). Мотив грифона также встречается в могильнике Пэнбаоюй цячжуан из Нинся (Чжун, Чэнь, Янь, 1995, с. 79–107) и в Чэньянчуань из округа Сицзи (Сюй, 1996, с. 61–70; Чжу, Се, 2023, с. 4–12). В могильнике Чжанцячжуань Мацяюань в объектах М5 и М14 были найдены 18 золотых украшений с изображением льва, поедающего овцу, выкованных из тонких золотых листов, с головой овцы, загну-

той назад, гривой и хвостом льва, с телом льва с крыльями, очевидно, с характеристиками грифона (Чжанцзячуань Мацзяюань Чжаньго..., 2009, с. 4–26).

Распространение грифонных декоративных мотивов в Китае не ограничилось регионом Ордос, оно было зафиксировано и в других регионах ханьской культуры. Две фигурки грифонов изображены на паре позолоченных блях, найденных при раскопках западноханьской гробницы Саньдяньцунь в Сиане (Чжу, Ли, 1983, рис. 1.-1). Пара золотых и серебряных блях была найдена в ханьской гробнице Шицзышань князя Чу в Сюйчжоу, провинция Цзянсу (Да хань чу ван, 2005, рис. 7.-18), а аналогичная медная бляха была найдена в гробнице М94 конца династии Западная Хань, раскопанной Иньшаньлином в Гуанси в 1974 г. (Пинлэ Иньшаньлин..., 1978, рис. 5). Возможно, эти грифонные бляхи были изготовлены китайскими мастерами в подражание населению с пазырыкскими традициями и могут рассматриваться как косвенное влияние пазырыкской культуры.

Заключение

Культурный обмен и распространение культуры — это динамичный процесс, в котором влияние предметов культуры взаимно. Например, в памятнике пазырыкской культуры на Алтае найдены китайские бронзовые зеркала, повозки в китайском стиле, шелк и др. Влияние пазырыкской культуры не ограничилось Восточным Тянь-Шанем, где стиль грифона, зверей с вывернутыми задними конечностями также имитировался мастерами из северных регионов древнего Китая.

Следует отметить, что после V в. до н.э. «пазырыкцы» проникли в Синьцзянский регион Китая через современный китайский Алтай и Восточный Казахстан и в той или иной степени повлияли на культуру древних жителей Синьцзянского региона, причем степень этого влияния постепенно уменьшалась к западу, востоку и югу. После III в. до н.э. сюнну быстро усилились и продолжили экспансию на запад, а в это же время династия Ахеменидов уже пришла в упадок. В западной части евразийской степи больше не было общин, способных бороться с сюнну, и в контексте такой ситуации «пазырыкцы» также мигрировали в пока не известном нам направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ковалев А.А. О связях населения Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 75–82.

Ковалев А.А. Локализация народов VI–III веков до н. э. на северных границах китайских государств // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2008. №3. С. 181–202.

Ковалев А.А. Синьчжуантоу М30 — погребение знатного представителя пазырыкцев-«лоуфаней» на службе вана китайского царства Янь (середина III в. до н.э.) // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 229–241.

Ковалев А.А. Лоуфаньская элита Ордоса и ее связи с царствами Чжао и Цинь // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, №2. С. 242–262.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Му Ц. Керамические сосуды из памятника пазырыкской культуры Туvasи́ньцунь на территории Синьцзяна (Китай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020а. С. 108–112.

Му Ц. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. 2020б. №2. С. 138–147.

Му Ц. Курганы пазырыкской культуры с керамическими сосудами, исследованные на могильнике Суншугоу (Синьцзян, Китай) // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб. : ИИМК РАН, 2022а. С. 226–228.

Му Ц. Пазырыкская культура в Восточном Синьцзяне: Сигоу курган 1 // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2022б. С. 125–135.

Му Ц. Керамическая посуда из погребальных памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени: комплексные исследования и реконструкции: в 2-х т.: дис. .... канд. ист. наук. Барнаул, 2023. 734 с.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 52 с., табл. 21 (САИ. Вып. ДЗ-9).

Савинов Д.Г. Нуклеарное искусство звериного стиля // КСИА. 2017. №7. С. 28–49.

Тишкин А.А. Металлические изделия аржано-майэмирского времени с Алтая: рентгенофлуоресцентный анализ и культурно-хронологическая атрибуция // Теория и практика археологических исследований. 2017. №7. С. 123–144.

Тишкин А.А. Пазырыкская культура // История Алтая. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та ; Белгород : Константа, 2019. С. 243–255.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребально-обрядового обряда. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 136 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье: в 2 ч. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск : НГУ, 2015. 322 с.

Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, №4. С. 24–29.

2015 нянь Усу ши Сыкэшу муцюнь каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках могильного комплекса Сыкэшу в г. Усу за 2015 г. = 2015年乌苏市四棵树墓群考古发掘报告] // Синьцзянь вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2016. №1. С. 61–71.

Алэтай ши Балэйхана шуйку муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках захоронений у водоема Балэхань г. Алтай = 阿勒泰市巴勒哈纳水库墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2013. №2. С. 31–42.

Алэтай ши Кэцзыцзяэр муди фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках могильника Кэцзыцзяэр в г. Алтай = 阿勒泰市克孜加尔墓地发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2010. №1. С. 35–47.

Алэтай ши Уласытэ муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках на могильнике Усытэласы в г. Алтай = 阿勒泰市乌拉斯特墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №2. С. 58–64.

Баликунь Сигоу ичжи 1 хао му каогу фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет об археологических раскопках одного захоронения на городище Сигоу у г. Баликунь (Баркуль) = 巴里坤西沟遗址1号墓考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2016. №1. С. 79–91.

Буэрцинь сянь Канасы Сяхукоу Тувасиньцунь гумуди фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках древних могильников Тувасиньцунь, Сяхукоу, Канас, в уезде Бурчун = 布尔津县喀纳斯下湖口图瓦新村古墓地发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2014. №2. С. 60–75.

Буэрцинь сянь Шанькоу дянъчжань фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках Шанькоу дянъчжань в уезде Буэрцинь (Бурчун) = 布尔津县山口电站发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2013. №1. С. 21–33.

Ван Иньчэнь [王尹辰], Ма Пэнчэн [马鹏程]. Цзаоци теци шидай Синьцзян дунтяньшань дицзюй юй Оуя цаюань дэ цзинь цзяолю [Генетический обмен между Восточным Тянь-Шанем в Синьцзяне и евразийской степью в эпоху раннего железа = 早期铁器时代新疆东天山地区与欧亚草原的基因交流] // Сиюй яньцзю [Западные исследования = 西域研究]. 2020. №3. С. 106–114.

Да хань чу ван [Правители царства Чу в период правления династии Хань = 大汉楚王]. Пекин : Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ [Китайское издательство социальных наук = 中国社会科学出版社], 2005. 374 с.

Линь Линмэй [林铃梅], Мариаму Ибулаиньму [玛尔亚木·依不拉音木]. Оуя шиэ ся дэ цзяоху юй фанчжи цзяо ху таоци. [Роговые и керамические копии роговых сосудов в евразийской перспективе = 欧亚视野下的角壶与仿角壶陶器] // Наньфан вэньу [Культурное наследие Юга = 南方文物]. 2023. №4. С. 91–103.

Ма Лицин [马利清]. Юань сюнну, сюнну: лиши юй вэньхуа дэ каогусюэ таньсо [Ранние хунну, хунну: археологическое исследование истории и культуры = 原匈奴、匈奴: 历史与文化的考古学探索]. Хух-Хото : Нэймэнгу дасюэ хубаньшэ [Внутренний Монгольский университетский издательский дом], 2005. 420 с.

Ма Лицин [马利清]. Сюнну шэхуэй синтай цзайси [Повторный анализ общественной формации сюнну = 匈奴社会形态再析] // Чжунчжоу сюэкань [Журнал Чжунчжоу = 中洲学刊]. 2011. №6. С. 175–182.

Му Цзиньшань [牧金山]. Цин тун ши дай чжи цзао ци те ци ши дай арэтай шань каогу цзяо ху цзо юн цюань [Бронзовый век — ранний железный век Горного Алтая, архе-

ологическая культура, круг взаимодействия = 青铜时代至早期铁器时代阿尔泰山考古交互作用圈]: магистр. дис. Нанкин : Нанкинский университет, 2019. 141 с.

Му Цзиньшань, Чжан Цзяян [牧金山, 张佳杨]. Бацзэлэйкэ вэньхуа цайтао лайюань яньцзю цзи сянгунь вэньти таньтао [Исследование происхождения керамики с декором пазырыкской культуры и связанные с этим вопросы = 巴泽雷克文化彩陶来源研究及相关问题探讨] // Каогу юй вэньу [Археология и культурное наследие = 考古与文物]. 2024. №7. С. 82–90.

Нинся Тунсинь Даодуньцзы Сюнну муди [Захоронение хунну в Даодуньцзы округа Тунсинь автономного района Нинся = 宁夏同心倒墩子匈奴墓地] // Каогу сюэбао [Вестник археологии = 考古学报]. 2002. №1–2. С. 333–355.

Пинлэ Иньшаньлин Хань му [Гробница Пингле Иньшаньлин эпохи Хань = 平乐银山岭汉墓] // Каогу сюэбао [Вестник Археология = 考古学报]. 1978. №4. С. 467–495.

Синьцзян Алагоу шусюе мугому фацзюе цзяньбао. [Отчет о раскопках срубного погребения Алагол в Синьцзяне = 新疆阿拉沟竖穴木椁墓发掘简报] // Вэньу [Культурное наследие = 文物]. 1981. №1. С. 18–22.

Синьцзян Баликунь сянь Дунхэйгоу ичжи 2006–2007 нянь фацзюэ цзяньбао. [Краткий отчет об археологических раскопках памятника Дунхэйгоу = 新疆巴里坤县东黑沟遗址2006~2007年发掘简报] // Каогу [Археология = 考古]. 2009. №1. С. 3–27.

Синьцзян Кэлия хэ лююй каогу дяоча гайшу. [Обзор археологического исследования бассейна реки Крия в Синьцзяне = 新疆克里雅河流域考古调查概述] // Каогу. [Археология = 考古]. 1998. №12. С. 28–37.

Синьцзян Тачэн дицзюй Байянхэ муди фацзюе цзяньбао [Отчет об археологических раскопках могильника Байянхэ в округе Чугучак = 新疆塔城地区白杨河墓地发掘简报] // Каогу [Археология = 考古]. 2012. №9. С. 17–29.

Синьцзян фукан Байянхэ шанью фацзюе цзяньбао. [Отчет о раскопках в верховьях реки Байян в уезде Фукан = 新疆阜康白杨河上游墓群发掘简报] // Вэньу [Культурное наследие = 文物]. 2020. №12. С. 4–20.

Синьцзян Цемо Чжагуньлукэ эрхао муди фацзюе цзяньбао [Отчет о раскопках могильника Чжагуньлукэ-II в округе Черчена автономного района Синьцзяна = 新疆且末扎滚鲁克二号墓地发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2003. №1. С. 1–19.

Синьцзян Янхай муди [Могильник Янхай в Синьцзяне = 新疆洋海墓地]. Пекин : Вэньу чубаньшэ [Издательство Наследие = 文物出版社], 2019. 305 с.

Сюй Чэн [徐成]. Сицзи сянь Чэньянчуань муди фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках могильника Чэньянчуань в уезде Сицзи = 西吉县陈阳川墓地发掘简报] // Нинся каогу вэньцзи [Сборник статей по археологии Нинся = 宁夏考古文集]. Нинся жэньминь чубаньшэ. Иньчуань : Нинся жэньминь чубаньшэ [宁夏人民出版社], 1996. С. 61–70.

Фукан ши Чоумэйгоу муди каогу фацзюэ цзяньбао. [Краткий отчет об археологических раскопках могильника Чоумэйгоу в городе Фукан = 阜康市臭煤沟墓地考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2012. №1. С. 25–45.

Фуюнь сянь Саудегээр муди каогу фацзюэ баогао [Отчет об археологических раскопках захоронений Саудегээр в уезде Фуюнь = 富蕴县萨乌迭戈尔墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №1. С. 58–69.

Фуюнь сянь Саэрбулакэ муди каогу фацзюэ баогао. [Отчет об археологических раскопках могильника Саэрбулакэ в уезде Кёктокай = 富蕴县萨尔布拉克墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №1. С. 45–51.

Фуюнь сянь Сукээртэ муди каогу фацзюэ баогао. [Отчет об археологических раскопках могильника Сукээртэ уезда Фуюнь = 富蕴县塑柯尔特墓地考古发掘报告] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2015. №1. С. 4–37.

Фуюнь сянь Талэдэсаи муди фацзюэ цзяньбао [Отчет об археологических раскопках могильника Талэдэсаи в уезде Фуюнь = 富蕴县塔勒德萨依墓地发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2006. №3–4. С. 29–34.

Фуюнь сянь Хайцзыкоу муди каогу фацзюэ цзяньбао. [Отчет об археологических раскопках могильника Хайцзыкоу в уезде Фуюнь = 富蕴县海子口墓地考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2018. №3–4. С. 19–31.

Фуюнь сянь Чжэлэбагашэнь муцзюнь фацзюэ цзяньбао. [Отчет об археологических раскопках могильника Чжэлэбагашэнь в уезде Кёктокай = 富蕴县哲勒巴尕什墓群发掘简报] // Синьцзян Алэтай дицзюй каогу юй лиши вэньцзи. [Собрание исторических текстов и археологии округа Алтай в Синьцзяне = 新疆阿勒泰地区考古与历史文集]. Пекин : Вэньу чубаньшэ [文物出版社], 2015. С. 166–176.

Хань Цзянье [韩建业]. Сяньцинъ шици Аэртай цзи и си дицзюй таоху дэ лайюань — цзянь лунь гунюаньцзянь ицянъ цзи хоубань Аэртай цзи и си дицзюй хэ Иньшань Тяньшань дицзюй дэ вэньхуа цзяолю [Происхождение глиняных кувшинов Западного Алтая в доцинский период: к дискуссии о культурных связях между Западным Алтаем и Иньшань-Тяньшанским регионом во второй половине первого тысячелетия до н.э. = 先秦时期阿尔泰及以西地区陶壶的来源 — 兼论公元前一千纪后半叶阿尔泰及以西地区和阴山-天山地区的文化交流] // Сиюй яньцзю [Западные исследования = 西域研究]. 2017. №2. С. 37–47.

Хэбусайэр сянь 219 годао Суншугоукоу муди каогу фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет об археологических раскопках могильника Суншугоукоу у государственной автостроды 219 в Хобоксар-Монгольский автономном уезде = 和布赛尔县219国道松树沟墓地考古发掘简报] // Синьцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2018. №1–2. С. 55–81.

Цзяохэ гучэн: 1993, 1994 няньду каогу фацзюэ баогао. [Городище Цзяохэ — отчет об археологических раскопках за 1993–1994 годы = 交河故城: 1993, 1994 年度考古发掘报告]. Пекин : Дунфан чубаньшэ [Издательство Восток = 东方出版社], 1998. 206 с.

Чжанцзячуань Мацзяюань Чжаньго муди 2008–2009 нянь фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках могильника Чжанцзячуань Мацзяюань эпохи Чжанго = 张家川马家塬战国墓地2008–2009年发掘简报]. Вэньу [Культурное наследие = 文物]. 2009. №10. С. 4–26.

Чжу Ху [朱浒], Се Юнфан [谢永芳]. Лунь сижун гэлэфэнь вэньши дай цзюй дэ Ху-ася цзиньчэн [О процессе изготовления в древнем Китае поясов с узорами в виде гри-

фонов из Западного Жуна = 论西戎格里芬纹饰带具的华夏化进程] // Мэйшу сюэбао [Журнал изобразительного искусства = 美术学报]. 2023. №4. С. 4–12.

Чжу Цзеюань [朱捷元], Ли Юйчжэн [李域铮]. Сиань дунцзяо Саньдянь цунь си-хань му [Гробница Западной Хань в селе Саньдянь восточного пригород Сианя = 西安东郊三店村西汉墓] // Као гу юй вэнь у [Археология и древности = 考古与文物]. 1983. №4. С. 22–25.

Чжун Кань [钟侃], Чэнь Сяохуа [陈晓桦], Янь Шичжун [延世忠]. Нинся Пэнбаоюй-цзячжуан муди [Могильник Пэнбаоюйцзячжуан в Нинся = 宁夏彭堡于家庄墓地] // Каогу сюэбао [Вестник Археология = 考古学报]. 1995. №1. С. 79–107.

Чжунго Синьцзян Шаньпула — гудай юйтянь вэньмин дэ цэши ю йяньцзю [Шаньпула Синьцзяна: открытие и изучение культуры древнего Хотана = 中国新疆山普拉——古代于阗文明的揭示与研究]. Урумчи : Синьцзян жэньминь чубаньшэ [Синьцзянское народное издательство = 新疆人民出版社], 2001. 239 с.

Шао Хуэйцю [邵会秋]. Синьцзян шицянъ шици вэньхуа гэцзюй дэ яньцзинь цзици юй чжоу линь вэньхуа дэ гуаньси. [Эволюция культурных моделей в Синьцзяне в доисторический период и их связь с культурами соседних регионов = 新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻文化的关系]. Пекин : Кэсюэ чубаньшэ [科学出版社出版], 2018. 432 с.

Юй Ин [于颖]. Шаньпула муди чуту маочжи фуши хэ чжиу яньцзю [Исследование шерстяной одежды и тканей могильника Шаньпула = 山普拉墓地出土毛织服饰和织物研究]: дис. ... д-ра искусствоведения. Шаньхай : Университет Дунхуа, 2010. 213 с.

Юй Цзяньцзюнь [于建军], Ма Цзянь [马健]. Гунъюань цянъ 8 шици цянъхоу Алэтай юй чжоулинь дицюй каогусюэ вэньхуа чжи каоача [Изучение археологической культуры Алтая и окрестностей в VIII в. до н.э. = 公元前8世纪前后阿勒泰与周邻地区考古学文化之考察] // Синьцзян Алэтай дицюй каогу юй лиши вэньцзи. [Собрание исторических текстов и археологии округа Алтай в Синьцзяне = 新疆阿勒泰地区考古与历史文集]. Пекин : Вэньу чубаньшэ [文物出版社], 2015. С. 375–383.

Юй Цзяньцзюнь [于建军], Ху Ванлинь [胡望林]. 2014 нянь Синьцзян Хабахэ сянь Каласу муди каогу фацзюэ синь шоухо [Новые результаты археологических раскопок могильника Каласу в уезде Хабахэ Синьцзяна в 2014 г. = 2014年新疆哈巴河县喀拉苏墓地考古发掘新收获] // Сиюй яньцзю [Исследования западных регионов = 西域研究]. 2015. №1. С. 131–132.

Юйминь сянь Алэтэнъемулэй шуйку муди каогу фацзюэ баогао [Отчет о археологических раскопках могильника Алэтэнъемулэй в уезде Чаганьтокай = 裕民县阿勒腾也木勒水库墓地考古发掘报告] // Синьцянъ вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. 2012. №3–4. С. 41–75.

Bunker E.C. The cemetery at Shanpula, Xinjiang. Simple burials, complex textiles. Fabulous creatures from the desert sands. Central Asian Woolen Textiles from the Second Century BC to the Second Century AD // Riggisberger Berichte. 2001. Pp. 15–45.

Kovalev A.A. The Location of Loufan Tribe in 4–2 Century B.C. and Influence of Its Culture to the Culture of Central Plain and the South // The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. Beijing : Csiencep, 2009. Pp. 395–414.

van Geel B., Bokovenko N.A., Burova N.D., Chugunov K.V., Dergachev V.A., Dirksen V.G., ... Zaitseva G.I. Climate change and the expansion of the Scythian culture after 850 BC: a hypothesis // *Journal of Archaeological Science*. 2004. Vol. 31 (12). Pp. 1735–1742.

Wagner M., Bo W., Tarasov P., Westh-Hansen S.M., Völling E., & Heller J. The ornamental trousers from Sampula (Xinjiang, China): their origins and biography // *Antiquity*. 2009. Vol. 83(322). Pp. 1065–1075.

REFERENCES

Kovalev A.A. About the Links between the Population of Altai and Ordos in the 5th–3rd Centuries BC. In: *Results of the Study of the Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 75–82. (In Russ.)

Kovalev A.A. Localization of the Peoples of the 6th –3rd Centuries BC on the Northern Borders of the Chinese States. *Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN = Notes of the Institute of History of Material Culture RAS*. 2008;3:181–202. (In Russ.)

Kovalev A.A. Xinzhuangetou M30 — a Burial of a Noble Representative of the Pazyryk “Loufan” People in the Service of the Wang of the Chinese Kingdom of Yan (middle of the III century BC). *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii = Short Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*. 2015;238:229–241. (In Russ.)

Kovalev A.A. Loufan Elite of Ordos and Its Relations with the Kingdoms of Zhao and Qin. *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2024;24(2):242–262. (In Russ.)

Kubarev V.D., Shulga P.I. Pazyryk Culture (Chui and Ursula kurgans). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 282 p. (In Russ.)

Mu Jinshan. Ceramic Vessels from the Sites of the Pazyryk Culture Tuvasintsun on the Territory of Xinjiang (China). In: *Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Krai*. Issue XXVI. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2020a. Pp. 108–112. (In Russ.)

Mu Jinshan. The Sites of the Pazyryk Culture in Xinjiang. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2020b;2:138–147. (In Russ.)

Mu Jinshan. Pazyryk Culture Barrows with Ceramic Vessels Studied at the Sunshugou Burial Ground (Xinjiang, China). In: *Eurasia in the Eneolithic — Early Middle Ages (innovations, contacts, transfer of ideas and technologies)*. St. Petersburg : IIMK RAN, 2022a. Pp. 226–228. (In Russ.)

Mu Jinshan. Pazyryk Culture in Eastern Xinjiang: Sigou Barrow 1. In: *Archaeological Cultures of Siberia in the Context of Cross-Cultural Contacts in Eurasia: to the 300th Anniversary of the First Scientific Archaeological Excavations in Siberia (1722)*. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2022b. Pp. 125–135. (In Russ.)

Mu Jinshan. Ceramic ware from the Funerary Sites of the Pazyryk Culture of the Scytho-Saxon Time: Complex Researches and Reconstructions: in 2 vol.: diss. ... Candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2023. 734 p. (In Russ.)

Polosmak N.V. “Stereguing Gold Vultures” (Ak-Alakhinskiye kurgans). Novosibirsk : Nauka, 1994. 125 p. (In Russ.)

Rudenko S.I. Siberian Collection of Peter I. Moscow ; Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. 52 p., tabl. XXI (Synthesis of archaeological sources. Issue Д3-9). (In Russ.)

Savinov D.G. Nucleated Art of the Animal Style. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii = Short communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*. 2017;7:28–49. (In Russ.)

Tishkin A.A. Metal Products of the Arzhan-Mayemir Period from the Altai: X-ray Fluorescence Analysis and Cultural and Chronological Attribution. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2017;7:123–144. (In Russ.)

Tishkin A.A. Pazyryk Culture. In: History of Altai. Vol. I: The Most Ancient Epoch, Antiquity and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta ; Belgorod : Konstanta, 2019. Pp. 243–255. (In Russ.)

Cheremisin D.V. Art of Animal Style in Funerary Complexes of Ordinary Population of the Pazyryk Culture: Semantics of Animal Images in the Context of Funerary Rites. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2008. 136 p. (In Russ.)

Shulga P.I. Xinjiang in the 8th–3rd Centuries BC (Burial Complexes. Chronology and Periodization). Barnaul : Izd-vo AltGTU, 2010. 238 p. (In Russ.)

Shulga P.I. Equipping a Riding Horse in the Gorny Altai and Upper Priobye: in 2 parts. Part II (the 6th–3rd Centuries BC). Novosibirsk : NGU, 2015. 322 p. (In Russ.)

Shulga D.P., Shulga P.I. Penetration of the Pazyryk Culture in Xinjiang. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2017;16(4):24–29. (In Russ.)

2015 Nyan' U Su SHi Sikeshe Mu Cyun' Kao Gu Fa Czyue Bao Gao [Report on the 2015 Archaeological Excavation of the Sikeshe Grave Complex in Wusu City = 2015年乌苏市四棵树墓群考古发掘报告]. *Sin' czyan ven' u*. [Cultural relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2016;1:61–71. (In Chin.)

Aletaj shi Balekhan' shujku mudi kaogu faczyue baogao [Report on Archaeological Excavations of Burials near Belehan Reservoir, Altai = 阿勒泰市巴勒哈纳水库墓地考古发掘报告]. *Sin' czyan ven' u* [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2013;2:31–42. (In Chin.)

Aletaj shi Keczyzyaer mudi faczyue czyan'bao [A Brief Report on the Excavation of Kejijiaer Graves in Altai = 阿勒泰市克孜加尔墓地发掘简报]. *Sin' czyan ven' u* [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2010;1:35–47. (In Chin.)

Altai shi Ulasete mudi kaogu fajue baogao [Report on Archaeological Excavations at the Ulasyte Cemetery in Altai = 阿勒泰市乌拉斯特墓地考古发掘报告]. *Xinjiang wenu* [Monuments of Xinjiang Culture = 新疆文物]. 2015;2:58–64. (In Chin.)

Balikun Sigou Izhi 1 hao mu kaogu fajue jiangbao [Brief Report on Archaeological Excavations of 1 Burial Site of the Sigou Settlement near Balikun (Barkul) = 巴里坤西沟遗址1号墓考古发掘简报]. *Xinjiang wenu* [The Sites of Xinjiang Culture = 新疆文物]. 2016;1:79–91. (In Chin.)

Buerjin xian Kanyasa Shyahukou Tuvasinjun humudi Fajue Jianbao [Brief Report on the Excavation of Ancient Burial Sites of Tuwasinjun, Xiahukou, Kanas, in Burchun County = 布尔津县喀纳斯下湖口图瓦新村古墓地报简]. *Xinjiang wenu* [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2014;2:60–75. (In Chin.)

Buerjin xian Shankou dianzhan fajue jiangbao [Summary Report of Excavations at the Shankou Power Station in the Bujin County (Burchun) = 布尔津县山口电站发掘简报]. *Xinjiang wenu* [Xinjiang Cultural Sites = 新疆文物]. 2013;1:21–33. (In Chin.)

Wang Yinchen [王尹辰], Ma Pengcheng [马鹏程]. Czaoci teci shidaj Sinčzyan duntyan'shan' dicyuj yuj Ouya caoyuan' de cziin' czaolyu [The Genetic Exchange between East Tianshan of Xingjiang and Eurasian Steppes during the Early Iron Age = 早期铁器时代新疆东天山地区与欧亚草原的基因交流]. *Si yuj yan' czyu* [The Western Regions Studies = 西域研究]. 2020;3:106–114. (In Chin.)

Da han' chu van [King of Chu in the Great Han Dynasty = 大汉楚王]. Beijing: CHzhun Go SHe Huej CHu Ban' SHe [China Social Sciences Press = 中国社会科学出版社], 2005. 374 p.

Lin Lingmei [林铃梅], Maryamu-Ibrahim [玛尔亚木·依不拉音木]. Ou ya shi e sya de czaoyu hu yuj fan chzhi czaoyu hu tao ci [Pots Made from Horns and Ceramic Pots Imitated from Horn Ones from Eurasian Perspective = 欧亚视野下的角壶与仿角壶陶器]. *Nan' fan ven' u*. [Cultural Relics in Southern China = 南方文物]. 2023;4:91–103. (In Chin.)

Ma Liqing [马利清]. Yuan' syun nu syun nu li shi yuj ven' hua de kao gu syue tan' so [Early Xiongnu, Xiongnu: an Archaeological Exploration of History and Culture = 原匈奴、匈奴: 历史与文化的考古学探索]. Hohhot: Inner Mongolia University Press, 2005. 420 p. (In Chin.)

Ma Liqing [马利清]. Syunnu she huej sin taj czaj si [Re-analysis of Xiongnu Social Formation = 匈奴社会形态再析]. *Zhongzhou Journal*. 2011;6:175–182. (In Chin.)

Mu Jinshan [牧金山]. Cin tun shi daj chzhi czaoyu hu tao ci shi daj aretaj shan' kao gu czaoyu hu czo yun cyuan' [The Altai Mountain Interactive Zone from Bronze Age to Early Iron Age = 青铜时代至早期铁器时代阿尔泰山考古交互作用圈]: master's thesis. Nanjing: Nankinskij universitet, 2019. 141 p. (In Chin.)

Mu Jinshan, Zhang Jiayang [牧金山, 张佳杨] ba cze lej ke ven' hua caj tao laj yuan' yan' czyu czi syan guan' ven' ti tan' tao [Study on the Source of Colored Pottery of the Bazerek Culture and Related Problems = 巴泽雷克文化彩陶来源研究及相关问题探讨]. *Kaogu yuj ven' u* [Archaeology and Antiquities = 考古与文物]. 2024;7:82–90. (In Chin.)

Nin Sya Tun Sin' Dao Dun' Czy Syun Nu Mu Di [Report on the Excavation of the Xiongnu Cemetery in Tongxin, Ningxia, China = 宁夏同心倒墩子匈奴墓地]. *Kao gu syue bao* [Acta Archaeologica Sinica = 考古学报]. 2002;1–2:333–355. (In Chin.)

Pin le in' shan' lin han' mu [Pingle Yinshanling Han Tomb = 平乐银山岭汉墓]. *Kao gu syue bao* [Acta Archaeologica Sinica = 考古学报]. 1978;4:467–495. (In Chin.)

Sin' czyan a la gou shu syue mu go mu fa czaoyu czaoyu' bao. [Excavation Brief of Alagou Wooden Outer Vertical Coffin Tomb in Xinjiang. = 新疆阿拉沟竖穴木椁墓发掘简报]. *Ven' u*. [Cultural Relics = 文物]. 1981;1:18–22. (In Chin.)

Sinčzyan Balikun' syan' Dunhejgou ichzhi 2006–2007 nyan' faczyue czaoyu' bao. [2006–2007 Excavation on the Dongheigou Site in Barkol County, Xinjiang = 新疆巴里坤县东黑沟遗址 2006~2007年发掘简报]. *Kaogu* [Archaeology = 考古]. 2009;1:3–27. (In Chin.)

Sin' czaoyu ke li ya he lyu yuj kao gu dyao cha gaj shu [Overview of Archaeological Investigations in the Kriya River Basin, Xinjiang = 新疆克里雅河流域考古调查概述]. *Kaogu* [Archaeology = 考古]. 1998;12:28–37. (In Chin.)

Sin' cзыan ta chen di cyuj baj yan he mu di fa cзыue cзыan' bao. [The Excavation of the Baiyanghe Cemetery in Tacheng Prefecture, Xinjiang = 新疆塔城地区白杨河墓地发掘简报]. *Kaogu* [Archaeology = 考古]. 2012;9:17-29. (In Chin.)

Sin' cзыan fu kan baj yan he shan yu fa cзыue cзыan' bao. [The Excavation of the Tombs at the Upper Reaches of the Baiyanghe River in Fukang, Xinjiang. = 新疆阜康白杨河上游墓群发掘简报]. *Ven' u* [Cultural Relics. = 文物]. 2020;12:4-20. (In Chin.)

Sin' cзыan ce mo cza gun' lu ke i hao mu di fa cзыue bao gao [Excavation of No.1 at Zagunluk in Charchan, Xinjiang = 新疆且末扎滚鲁克一号墓地发掘报告]. *Kao gu syue bao* [Acta Archaeologica Sinica = 考古学报]. 2003;1:1-19. (In Chin.)

Sin' cзыan»yan haj mu di [Yanghai Cemetery in Xinjiang = 新疆洋海墓地]. *Ven' U CHu Ban' She* [Cultural Relics Press = 文物出版社]. 2019. 305 p. (In Chin.)

Xu Cheng [徐成]. Siczi syan' CHen'yanchuan' mudi facзыue cзыan'bao. [Excavation of Chenyangchuan Cemetery in Xiji County = 西吉县陈阳川墓地发掘简报]. In: Ninsya kaogu ven'czi [Anthology of Ningxia Archaeology = 宁夏考古文集]. Ninsya zhen'min' chuban'she. Yinchuan : [Ningxia People's Publishing House = 宁夏人民出版社], 1996. Pp. 61-70. (In Chin.)

Fukan shi CHoumeigou mudi kaogu facзыue cзыan'bao. [Archaeological Excavation Bulletin of Choumeigou Cemetery, Fukang City = 阜康市臭煤沟墓地考古发掘简报]. *Sin' cзыan ven' u*. [Cultural Relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2012;1:25-45. (In Chin.)

Fuyunxian Saudegeer Moody Kaogu Fajue Baogao [Report on Archaeological Excavations of Saudegeer Burial Sites in the Fuyun County = 富蕴县萨乌迭戈尔墓地考古发掘报告]. *Xinjiang Wenu* [The Sites of Xinjiang Culture = 新疆 文物]. 2015;1:58-69. (In Chin.)

Fu yun' syan' sa er bu la ke mu di kao gu fa cзыue bao gao. [Report on the Archaeological Excavation of Sarbulak Cemetery in Fuyun County = 富蕴县萨尔布拉克墓地考古发掘报告]. *Sin'cзыan' Ven' u*. [Cultural relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2015;1:45-51. (In Chin.)

Fu yun' syan' su ke er tz mu di kao gu fa cзыue bao gao. [The Excavation of Sukerte Cemeteries, Fuyun County = 富蕴县塑柯尔特墓地考古发掘报告]. *Sin'cзыan' Ven' u*. [Cultural relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2015;1:4-37. (In Chin.)

Fuyun' syan' Taledesai mudi facзыue cзыan'bao Sin'cзыan' Ven' u. [Excavation of the Taledesai Cemetery in Fuyun County = 富蕴县塔勒德萨依墓地发掘简报]. *Sin'cзыan' Ven' u*. [Cultural Relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2006;3-4:29-34. (In Chin.)

Fu yun' syan' haj cзы kou mu di kao gu fa cзыue cзыan' bao [The Excavation of Haizikou Cemeteries, Fuyun County = 富蕴县海子口墓地考古发掘简报]. *Sin'cзыan' Ven' u*. [Cultural relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2018;3-4:19-31. (In Chin.)

Fu yun' syan' chzhe le ba ga shen' mu cyun' fa cзыue cзыan' bao. [Briefing on the Excavation of Zhele Bagashen Tomb Group in Fuyun County = 富蕴县哲勒巴尕什墓群发掘简报]. In: Sin' cзыan ale taj di cyuj kao gu yuj li shi ven' czi. [Xinjiang Altay Region Archaeological and Historical Anthology = 新疆阿勒泰地区考古与历史文集]. Beijing : Izdatel'stvo Ven'u [Cultural Relics Publishing House = 文物出版社], 2015. Pp. 166-176. (In Chin.)

Han Jianye [韩建业]. Proiskhozhdenie glinyanyh kuvshinov Zapadnogo Altaya v docinskij period: k diskussii o kul'turnyh svyazyah mezhdu Zapadnym Altaem i In'shan'-Tyan'shanskim regionom vo vtoroj polovine pervogo tysyacheletiya do n.e. [The Origin of Ceramic Pots in Altai and Western Regions in the Pre-Qin Period--An Overview of the

Cultural Exchanges between Altai and Western Regions and Yinshan-Tianshan Regions in the Second Half of the First Millennium B.C.E. = 先秦时期阿尔泰及以西地区陶壶的来源——兼论公元前一千纪后半叶阿尔泰及以西地区和阴山—天山地区的文化交流]. *Si yuj yan' czyu* [The Western Regions Studies = 西域研究]. 2017;2:37–47. (In Chin.)

Hebusajer syan' 219 godao Sunshugoukou mudi kaogu faczyue cзыan'bao [Summary Report on the Archaeological Excavation of the Sunshugoukou burial Ground near State Highway 219 in Hoboksar-Mongol Autonomous County = 和布赛尔县219国道松树沟墓地考古发掘简报] *Sin'cyan' Ven' u*. [Cultural Relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2018;1–2:55–81. (In Chin.)

Czyaohe guchen: 1993, 1994 nyan'du kaogu faczyue baogao. [Jiaoha Forbidden City: Report on Archaeological Excavations in 1993 and 1994 = 交河故城: 1993, 1994 年度考古发掘报告]. Beijing : Dunfan chuban'she [Oriental Publishing House = 东方出版社], 1998. 206 p. (In Chin.)

Chzhan cзыa chuan' ma cзыa yuan' chzhan' go mu di 2008-2009 nyan' fa cзыue cзыan' bao [Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2008-2009 Excavation Bulletin = 张家川马家塬战国墓地2008-2009年发掘简报]. *Ven' U* [Culture = 文物]. 2009;10:4–26. (In Chin.)

Zhu Hu [朱浒], Xie Yongfang [谢永芳]. lun' si zhun grifon ven' shi daj cзыuj de hua sya czin' chen [On the Huaxia Process of the Xirong Griffin Tattooed Beltware = 论西戎格里芬纹饰带具的华夏化进程]. I *SHu Syue Bao* [Art Journal = 艺术学报]. 2023;4:4–12. (In Chin.)

Zhu Jieyuan [朱捷元], Li Yuzheng [李域铮]. Si an' dun cзыao san' dyan' cun' si han' mu [Western Han Tomb in Sandian Village, Eastern Suburb of Xi'an = 西安东郊三店村西汉墓]. *Kaogu yuj ven' u* [Archaeology and Antiquities = 考古与文物]. 1983;4:22–25. (In Chin.)

Zhong Kan [钟侃], Chen Xiaohua [陈晓桦], Yan Shizhong [延世忠]. Nin sya pen bao yuj cзыa chzhan mu di [Yu Jia Zhuang Cemetery, Pengbao, Ningxia = 宁夏彭堡于家庄墓地]. *Kao gu syue bao* [Acta Archaeologica Sinica = 考古学报]. 1995;1:79–103. (In Chin.)

CHzhun Go Sin' Cзыan Sampula –Gu Daj YUj Tyan' Ven' Min De Cze SHi YUj YAn' Cзыu [Sampula in Xinjiang of China: Revelation and Study of Anicent Khotan civilization = 中国新疆山普拉——古代于阗文明的揭示与研究]. Urumqi : Sin' Cзыan ZHEN' Min' CHu Ban' She [Xinjiang People's Publishing House = 新疆人民出版社], 2001. 239 p. (In Chin.)

Shao Huiqiu [邵会秋]. Sin' cзыan shi cyan' shi ci ven' hua ge cзыuj de yan' czin' czi ci yuj chzhou lin' ven' hua de guan' si. [The Development of the Prehistoric Cultures in Xinjiang and the Interaction with Neighboring cultures. = 新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻文化的关系]. Beijing : Izdatel'stvo nauka [China Science Publishing & Media = 科学出版社]. 2018. 432 p. (In Chin.)

Yu Ying [于颖]. SHan'pula mu di chu tu mao chzhi fu shi he chzhi u yan' cзыu [A Study of Woolen Costumes and from Shanpula = 山普拉墓地出土毛织服饰和织物研究]: dissertation ... candidate of art history. SHan'haj : Universitet Dunhua, 2010. 213 p. (In Chin.)

Yu Jianjun [于建军], Ma Jian [马健]. Gun»yuan' cyan' shi czi cyan' hou Aletaj yuj chzhou lin' di cyuj kao gu syue ven' hua chzhi kao cha [An Examination of the Archaeological Culture of Altai and Its Surrounding Areas around the 8th Century B.C. = 公元前8世纪前后阿勒泰与周邻地区考古学文化之考察]. In: Sin' cзыan ale taj di cyuj kao gu yuj li shi ven' czi. [Xinjiang Altay Region Archaeological and Historical Anthology = 新疆阿勒泰地区考古

与历史文集]. Beijing : Izdatel'stvo Ven'u [Cultural Relics Publishing House = 文物出版社]. 2015. Pp. 375–383. (In Chin.)

Yu Jianjun [于建军], Hu Wanglin [胡望林]. 2014 Xinjiang nyan Habahe xian Kalasu mudi kaogu fajue xin shouho [New Results of Archaeological Excavations of Kalasu Burials in Habae Xinjiang County in 2014 = 2014 年新疆哈巴河县喀拉苏墓地考古发掘新收获]. *Xiyu Western Studies* = 西域研究]. 2015;1:131–132. (In Chin.)

Yuj min' syan' a le ten-e mu le shuj ku mu di kao gu fa czyue bao gao. [The Excavation of Aletengyemu Reservoir Cemetery Yumin County. = 裕民县阿勒腾也木勒水库墓地考古发掘报告]. *Sin' czyan ven' u*. [Cultural relics of Xinjiang = 新疆文物]. 2012;3–4:41–75. (In Chin.)

Bunker E.C. The Cemetery at Shanpula, Xinjiang. Simple Burials, Complex Textiles. Fabulous Creatures from the Desert Sands. Central Asian Woolen Textiles from the Second Century BC to the Second Century AD. *Riggisberger Berichte*. 2001:15–45.

Kovalev A.A. The Location of Loufan Tribe in 4th–2nd Century BC and Influence of Its Culture to the Culture of Central Plain and the South. In: The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. Beijing : Csiencep, 2009. Pp. 395–414.

van Geel B., Bokovenko N.A., Burova N.D., Chugunov K.V., Dergachev V.A., Dirksen V.G., ... Zaitseva G.I. Climate Change and the Expansion of the Scythian Culture after 850 BC: a Hypothesis. *Journal of Archaeological Science*. 2004;31(12):1735–1742.

Wagner M., Bo W., Tarasov P., Westh-Hansen S.M., Völling E., & Heller J. The Ornamental Trousers from Sampula (Xinjiang, China): Their Origins and biography. *Antiquity*. 2009;83(322):1065–1075.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ши Ханьда, докторант, Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути Северо-Западного университета, Сиань, Китай.

Shi Handa, graduate student, Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University, Xi' An, China.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2024;
одобрена после рецензирования 25.02.2025;
принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 16.11.2024;
approved after reviewing 25.02.2025;
accepted for publication 04.03.2025.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 902:569:591(571)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-13)

EDN: IRKCML

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ПЕЩЕР СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ ПО ДЛИННЫМ КОСТЯМ ПЕРЕДНЕЙ КОНЕЧНОСТИ

Наталья Викторовна Сердюк

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия;
natalyserdyu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8206-9030>

Резюме. В статье приведены результаты исследований скелета передней конечности наиболее распространенных в ископаемом виде мелких млекопитающих из отложений пещер Северо-западного Алтая: северной пищухи *Ochotona hyperborea*, алтайского крота *Talpa (Asioscalops) altaica*, обыкновенной белки *Sciurus vulgaris*, обыкновенной летяги *Pteromys volans*, длиннохвостого суслика *Spermophilus undulatus*, обыкновенного хомяка *Cricetus cricetus*, алтайского цокора *Myospalax myospalax* и водяной полевки *Arvicola amphibius*. Показана зависимость анатомии конечности от способов локомоции животного. Выявлены основные отличия на уровне родов в строении длинных костей конечностей и их поясов. Предложены определительные таблицы и ключи для определения костей конечностей на основании измерений современных животных. Апробация разработанной методики определения длинных костей конечностей на ископаемых мелких млекопитающих из пещер Чагырская и Козья подтвердила, что использование посткраниальных фрагментов расширяет видовой состав фауны памятника.

Ключевые слова: мелкие млекопитающие, аппендикулярный скелет, Северо-Западный Алтай, поздний плейстоцен, палеолитические памятники

Благодарности: автор выражает признательность участникам Чарышского отряда Института археологии и этнографии СО РАН за помощь в сборе материала и лично Колобовой Ксении Анатольевне. А также ревьюерам за труд ознакомиться с работой и полезные замечания, которые помогли сделать текст лучше.

Для цитирования: Сердюк Н.В. Определение некоторых видов мелких млекопитающих из пещер Северо-Западного Алтая по длинным костям передней конечности // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 249–275. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-13)

IDENTIFICATION OF SOME SPECIES OF SMALL MAMMALS FROM THE CAVES OF NORTHWESTERN ALTAI BY LONG BONES OF THE FORELIMBS

Natalia V. Serdyuk

Borissiak Paleontological Institute of RAS, Moscow, Russia;
natalyserdyuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8206-9030>

Abstract. The article presents the results of studies of the forelimb skeleton of the most common small mammals in fossil form from cave deposits of the Northwestern Altai: the northern pika *Ochotona hyperborea*, the Altai mole *Talpa (Asioscalops) altaica*, the red squirrel *Sciurus vulgaris*, the flying squirrel *Pteromys volans*, the long-tailed ground squirrel *Spermophilus undulatus*, the common hamster *Cricetus cricetus*, the Altai zokor *Myospalax myospalax* and the water vole *Arvicola amphibius*. The dependence of the limb anatomy on the animal's locomotion modes is shown. The main differences at the genus in the structure of the long bones of the limbs and their girdles are revealed. Keys and identification tables for limb bones based on measurements of contemporary animals are proposed. Testing of the developed method for determining long limb bones on fossil small mammals from the Chagyrskaya and Kozya caves confirmed that the use of postcranial fragments expands the species composition of the fauna of the site.

Keywords: small mammals, appendicular skeleton, Northwestern Altai, Late Pleistocene, Paleolithic sites

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the members of the Charysh field team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences for their assistance in collecting material and personally to Ksenia Anatolyevna Kolobova. As well as to the reviewers for their efforts to familiarize themselves with the work and for their useful comments, which helped to improve the text.

For citation: Serdyuk N.V. Identification of Some Species of Small Mammals from the Caves of Northwestern Altai by Long Bones of the Forelimbs. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):249–275. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-13)

Введение
Ископаемые млекопитающие давно и плодотворно используются для создания биостратиграфических схем континентальных четвертичных отложений и их корреляции. С начала XX в. важную роль в биостратиграфии также стали играть и мелкие млекопитающие: рукокрылые (Chiroptera), насекомоядные (Eulipotyphla), зайцеобразные (Lagomorpha), грызуны (Rodentia). Благодаря особенностям своей биологии мелкие млекопитающие успешно используются

в палеореконструкциях. Воссоздание природной обстановки недалекого прошлого в полном объеме востребовано археологами. Институтом археологии и этнографии СО РАН за последние десятилетия получена впечатляющая коллекция костных остатков мелких млекопитающих из палеолитических памятников Западной Сибири: пещер Окладникова, Денисова, Чагырская, Страшная и т.д. Большая часть остатков мелких млекопитающих из палеолитических памятников Северо-Западного Алтая принадлежит грызунам (80–90%), доля рукокрылых, насекомоядных и зайцеобразных гораздо меньше. Среди грызунов больше всего остатков мышевидных грызунов, и их определение производится в лабораторных условиях с использованием оптики. Но уже на этапе предварительной обработки возможно определение мелких млекопитающих среднеразмерного класса. К таким относятся северная пищуха *Ochotona hyperborea* (Pallas, 1811), алтайский крот *Talpa (Asioscalops) altaica* (Nikolsky, 1883), длиннохвостый суслик *Spermophilus undulatus* (Pallas, 1778), обыкновенная белка *Sciurus vulgaris* (Linnaeus, 1758), обыкновенная летяга *Pteromys volans* (Linnaeus, 1758), обыкновенный хомяк *Cricetus cricetus* (Linnaeus, 1758), алтайский цокор *Myospalax myospalax* (Laxmann, 1773), водяная полевка *Arvicola amphibius* (Linnaeus, 1758). Все перечисленные виды регулярно встречаются в отложениях алтайских памятников. В пещерных отложениях скелет передней конечности (лопатка, плечевая, локтевая, лучевая) встречается чаще, чем скелет задней конечности (Сердюк, Колобова, 2019).

Систематика млекопитающих, в том числе мелких, разработана по зубным системам. Фрагменты скелета (посткраниальные элементы) при этом играют второстепенную роль. Однако встречаются местонахождения, в отложениях которых преобладают фрагменты скелета, а не черепа или зубы. В таком случае необходима развернутая информация по длинным костям конечностей, фалангам, позвонкам, ребрам. Для крупных млекопитающих имеются разнообразные атласы — определители по костям скелета отечественных (Громова, 1950, 1960) и зарубежных коллег (Gilbert, 1990; France, 2008; Pales, Garcia, 1981). Известны статьи, посвященные морфологическим отличиям скелета разных родов: козлов и баранов (Громова, 1953; Журавлев, 1982; Haruda, 2017; Prummel, Frisch, 1986; Zeder, Lapham, 2010; и проч.), быков и бизонов (Gee, 1993; Olsen, 1960; и проч.) и т.д.

Но для наиболее многочисленного отряда млекопитающих — Грызунов исследований по скелету в настоящий момент не так много. Так же незначительно число работ по строению скелета насекомоядных и зайцеобразных. Как правило, сравнительно-анатомические работы посвящены либо какому-то виду (Гамбарян, Дукельская, 1955; Полякова, Соколов, 1965; Özkan, 2002), либо конкретной систематической группе. Например, зайцеобразным (Rose et al., 2008), насекомоядным (Долгов, 1961; Ильяшенко, 1998; Freeman, 1979), кротовым (Bickelmann et al., 2014; Campbell, 1939; Costes et al., 2023; Castiella et al., 1992), беличьим (Emry, Thorington, 1982; Thorington, Darrow, 2000), тушканчикам (Виноградов, 1937; Лобачев, Фомин, 1988а, б, 2000; Moore et al., 2015), летучим мышам (Dodelin, 2002).

При работе с костным материалом из археологических комплексов необходимо сравнение нескольких видов разных систематических групп. Попытка подобного ана-

лиза была сделана на музейных образцах мелких млекопитающих Великобритании (Johnson, 2016). Но при анализе разрозненных скелетных остатков мелких млекопитающих из археологических комплексов помимо иллюстративного материала требуются еще ключи для определения костей скелета по линейным параметрам и замеры описываемых костей.

Таким образом, необходимость настоящей работы обусловлена наличием значительного количества скелетных элементов мелких млекопитающих в археологических материалах памятников Северо-Западного Алтая и ограниченным числом разрозненных литературных данных по видовой диагностике в этом регионе. В настоящей работе мы рассмотрели отличия в строении скелета передней конечности у вышеперечисленных видов. Мелкие кости запястья и пясти мелких млекопитающих в коллекциях собранного ископаемого материала встречаются не часто, потому в данной работе им не уделяется внимания.

Материалы и методы

При работе использовались сравнительно-анатомические коллекции современных и ископаемых животных из Палеонтологического института РАН и Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова. Номенклатура, описания костей, направлений и плоскостей тела животных взяты из морфологических атласов (Гамбарян, Дукельская, 1955; Громова, 1950, 1960). Разбор материала производился под биноклярной лупой МБС-10. Измерения костей проводились при помощи цифрового штангенциркуля и окуляр-микрометра. Для фотофиксации был использован фотоаппарат Canon PowerShot 640, иллюстрации выполнены в графическом редакторе Corel Draw.

Результаты. Строение передней конечности млекопитающих

Скелет передней конечности состоит из пояса конечности (лопатка, ключица, грудина) и свободной конечности (плечевая, локтевая, лучевая, запястные, пястные кости, фаланги) (Акаевский, 1984).

Лопатка (scapula) — плоская треугольная кость пояса конечностей, расширенным основанием направленная дорсально (рис. 1).

Край лопатки, обращенный к голове, носит название краниального, обращенный к хвосту — каудальный. Медиальная сторона лопатки несет зубовидную бугристость, к которой крепится одноименная мышца, на латеральной стороне — гребневидная ость (spina scapulae), разделяющая поверхность на предостную (располагающуюся краниально) и заостную (расположенную каудально) ямки. Краниальный край лопатки, приближаясь к ости, формирует вырезку лопатки, дистальнее которой располагается надсуставной бугорок для прикрепления двуглавой мышцы плеча (Акаевский, 1984). Каудальный край лопатки ровный, в нижней части вместе с вырезкой лопатки образует шейку лопатки. С медиальной стороны располагается коракондальный отросток (processus coracoideus), к нему крепится клювовидно-плечевая мышца и короткая головка двуглавой мышцы. Угол лопатки, направленный в сторону конечности, утолщается, здесь располагается

округлая суставная впадина (гленоидная ямка) для прикрепления плечевой кости. Лопаточная ость, опускаясь вентрально, переходит в акромион (acromion) (Акаевский, 1984).

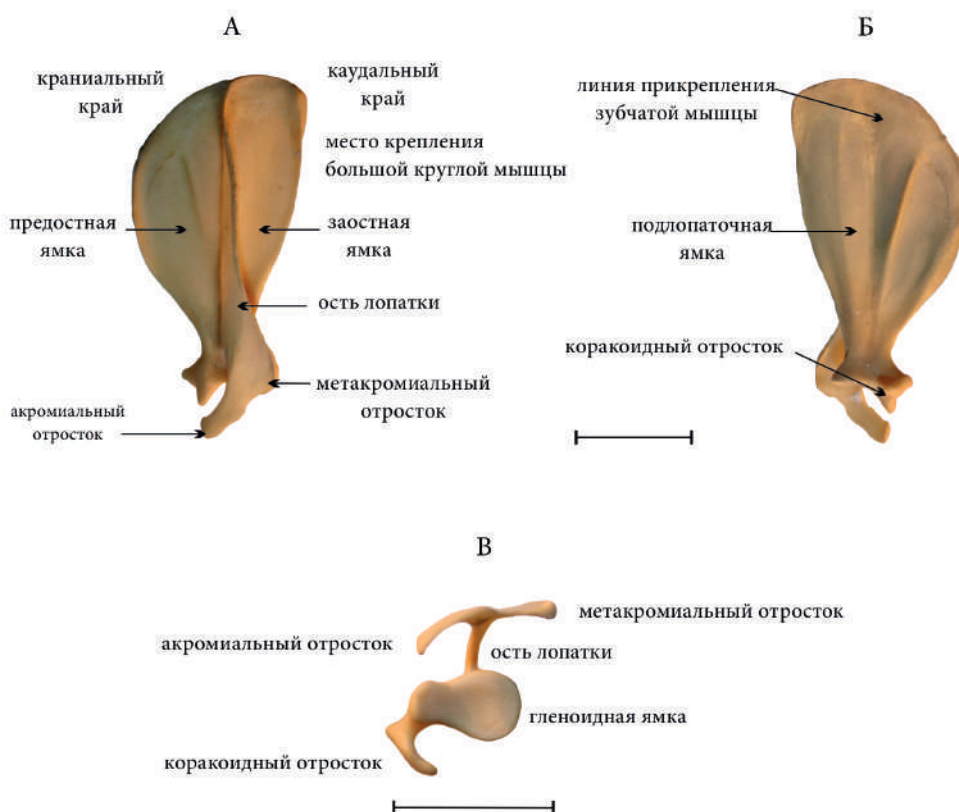

Рис. 1. Левая лопатка (*scapula, sin*) длиннохвостого суслика *Spermophilus undulatus* (Pallas, 1778): А — вид с латеральной стороны (снаружи); Б — вид с медиальной стороны (изнутри); В — вид со стороны гленоидной ямки. Масштаб — 1 см

Fig. 1. Left scapula (*scapula, sin*) of the ground squirrel *S. undulates* (Pallas, 1778): А — is a lateral view (outside); Б — is a medial view (inside); В — is a view from the glenoid fossa. Scale bar is 1 cm

Ключица (*clavicula*) — небольшая парная кость плечевого пояса. Она соединяет лопатку и грудину и, как правило, хорошо развита у животных, активно использующих переднюю конечность. У животных, чей плечевой пояс испытывает однообразную нагрузку, ключица редуцируется и сохраняется в виде небольшого костного образования в толще мышц. В ключице различают тело кости и два конца: лопаточный и грудинный, которые соединяются с лопаткой и грудиной соответственно, тело разнообразной формы. Почти у всех грызунов ключица хорошо развита. Как правило, в ископаемом виде ключицы находят крайне редко.

Плечевая кость (*humerus*) имеет характерную спиральную скрученность вдоль продольной оси (рис. 2).

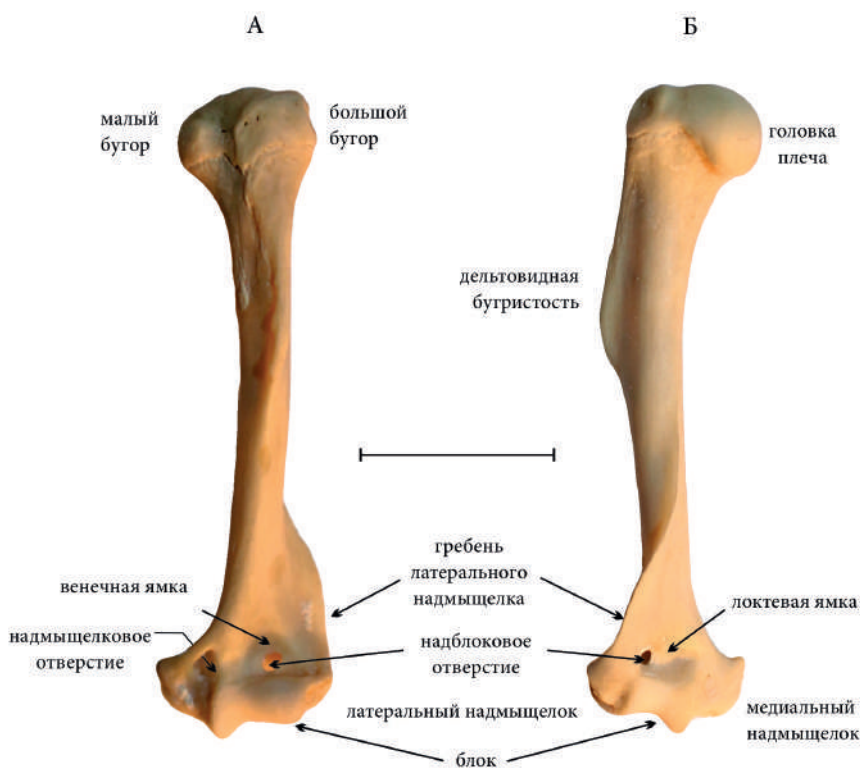

Рис. 2. Левая плечевая кость (humerus, sin) длиннохвостого суслика *S. undulatus*:

А — вид спереди; Б — вид сзади. Масштаб — 1 см

Fig. 2. Left humerus of the ground squirrel *S. undulatus*:

A — is a frontal view; B — is a caudal view. Scale bar is 1 cm

В скелете животного располагается под неким углом к вертикальной оси. Вслед за В.И. Громовой (1950) полагаем логичным для удобства работы проводить описание плечевой кости так, как если бы она располагалась в скелете строго перпендикулярно земной поверхности. В длинной кости различают тело, или диафиз (corpus), и эпифизы проксимальный и дистальный (epiphysis proximalis et distalis). Верхний эпифиз — головка (caput humeri), служит для сочленения с лопаткой. Головка плечевой кости не имеет ярко выраженной шейки, хотя степень обособленности головки плеча можно считать одним из важных признаков в определении. По бокам от головки располагаются мускульные бугорки, большой (tuberculum major) и малый (tuberculum minor), разделенные межбугорковой бороздой (sulcus intertubercularis), к которой крепится длинная головка двуглавой мышцы плеча. Большой бугорок располагается латерально от головки плеча, малый — медиальнее caput humeri. От бугорков идут гребни: гребень большого бугорка (crista tuberculi majoris) по наружной стороне кости и гребень малого бугорка (crista tuberculi minoris) — по внутренней (Громова, 1950). Гребень большого бугорка несет дельтовидную бугристость (tuberositas deltoidea), гребень малого — круглую

бугристость (*tuberositas teres*). Дистальный эпифиз представляет собой блок (*trochlea*) для соединения с локтевой костью и примыкающих к нему латерального и медиального надмыщелков (*epicondylus lateralis* и *epicondylus medialis*), от которых тянутся гребни латеральный и медиальный (*crista epicondylus lateralis* et *crista epicondylus medialis*). Над блоком на каудальной поверхности располагается локтевая ямка (*fossa olecrani*), в краиниальной части — венечная (*fossa coranoidea*). Ямки могут соединяться через надблоковое отверстие (*foramen supratrochleare*). А в медиальном гребне надмыщелка возможно образование надмыщелкового отверстия (*foramen epicondyloideum*) (Громова, 1950).

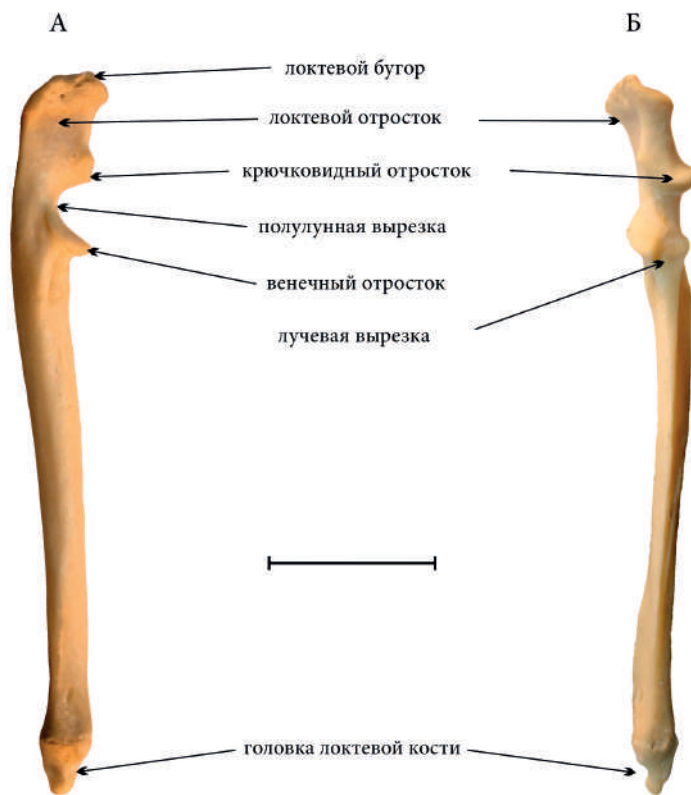

Рис. 3. Левая локтевая кость (*ulna, sin*) длиннохвостого суслика *S. undulates*:
А — с вид с медиальной стороны (изнутри); Б — вид спереди. Масштаб — 1 см

Fig. 3. Left ulna of the ground squirrel *S. undulates*:

A — is a medial view (inside); Б — is a frontal view. Scale bar is 1 cm

Локтевая кость (*ulna*) — одна из двух костей предплечья, проксимально крепящаяся к плечевой кости, дистально — к костям запястья (рис. 3).

Локтевая кость имеет характерную узнаваемую форму благодаря локтевому отростку (*processus olecrani*) с локтевым бугром (*tuber olecrani*) и полулунной вырезке (*incisura semilunaris*), которая является местом крепления нижнего блока плечевой кости. Под полулунной вырезкой располагается лучевая вырезка (*incisura radii*) с точкой крепле-

ния лучевой кости (radius). Медиальная часть лучевой вырезки образует венечный отросток (processus coronoideus). Тело кости сужается дистально, дистальный эпифиз образует фасетки для крепления костей запястья (Громова, 1950).

Лучевая кость (radius) — вторая кость предплечья. Не имеет ярко выраженных бугров и гребней, прямая или слегка s-образно изогнута, в поперечном сечении, как правило, округлая или овальная (рис. 4).

Проксимальный эпифиз состоит из головки (capitulum radii) и шейки (collum carituli), под которой располагается лучевая бугристость (tuberositas radii). Суставная поверхность головки вогнутая. На задней части имеется суставная округлость (circumferentia articularis). Дистальный эпифиз представляет собой ряд гребней, примыкающий к костям запястья, образуя лучевой шиловидный отросток (processus styloideus radii). Условная ориентировка фрагментов кости затруднена из-за значительного угла поворота осей сечения дистального и проксимального эпифизов (Громова, 1950).

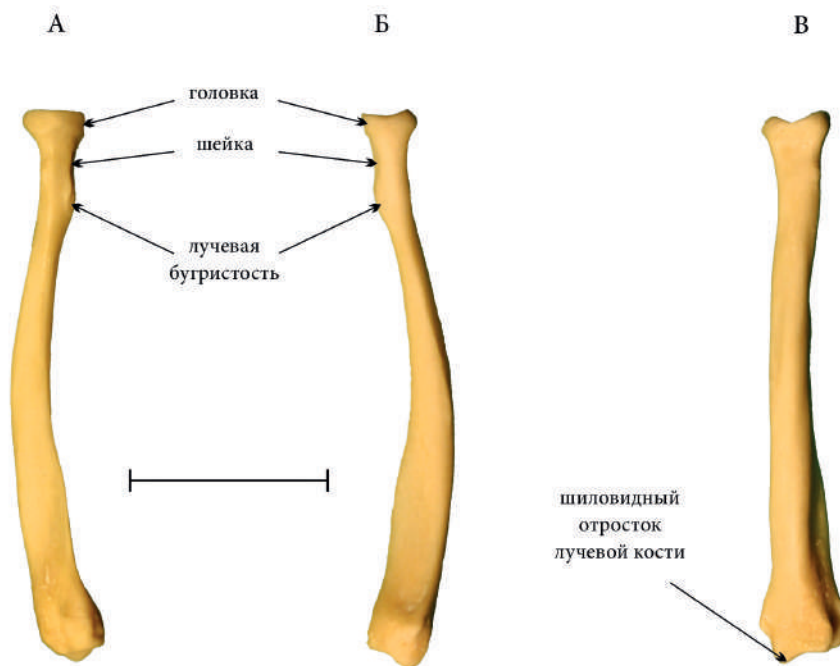

Рис. 4. Левая лучевая кость (radius, sin) длиннохвостого суслика *S. undulatus*: А — вид с латеральной стороны (снаружи); Б — вид с медиальной стороны (изнутри); В — вид спереди. Масштаб — 1 см
Fig. 4. Left radius of the ground squirrel *S. undulatus*: А — is a lateral view (outside); Б — is a medial view (inside); В — is a frontal view. Scale bar is 1 cm

Повидовое описание костей

Среднеразмерные мелкие млекопитающие, рассмотренные в настоящей работе (табл. 1), относятся к разным отрядам: крот — к отряду Насекомоядных (Eulipotyphla), пищуха — к отряду Зайцеобразных (Lagomorpha), все остальные — к отряду Грызунов (Rodentia).

Образ жизни и способ локомоции животного определяют строение костей конечностей и развитие основных и дополнительных костных элементов. В силу этого последовательность описания видов изученных млекопитающих будет отличаться от общепринятой систематической. Некоторые из наземных грызунов роют норы. Наиболее специализированные землерои, которые при рытье используют в основном передние конечности, а не зубы, имеют очень характерное строение костей конечностей. Из нашего списка к таким животным относятся алтайские крот и цокор.

Алтайский крот. Крот является высоко специализированным землероем. Для всех кротовых характерно особое движение передней конечности при рытье — «латеральный гребок»: кисть идет от головы в сторону (Reed, 1951; Castiella et al., 1992). Такой способ локомоции сильно преобразовал пояс и кости передней конечности. Ключица укорачивается и утолщается, на грудине вентральный гребень превращается в киль (Campbell, 1939). На лопатке позвоночный край укорачивается, длина кости заметно больше ширины, кораконидный отросток отсутствует, акромиальный — в виде треугольного гребня (рис. 5).

Заостренная ямка узкая, неглубокая, предостная — глубокая (Перепелова, 2012; Campbell, 1939). Плечевая кость видоизменяется, расширяясь, ширина кости в дистальной и проксимальной частях составляет 2/3 длины, надмыщелки, гребни гипертрофированы, также преобразуются большой и малый бугры (рис. 6).

Надмыщелковое отверстие имеется, надблоковое — отсутствует. Локтевая кость имеет массивный локтевой отросток, он расширен на свободном конце и килевидный по всей длине, каудальная сторона кости дуговидная (рис. 7).

Полулунная вырезка глубокая и узкая, по форме напоминает полый цилиндр. Дистальный эпифиз имеет характерную латерально выемчатую суставную поверхность. Лучевая кость также видоизменена (рис. 8).

Проксимальный эпифиз не округлый, а сигмовидный, а дополнительный отросток (*processus capitularis*) обеспечивает прочное соединение с локтевой костью (Edwards, 1937). Дистальный конец расширен от медиальной стороны к латеральной и имеет фасетки для сочленения с костями запястья. Из-за специализации к рытью меняется топография плечевой кости, и латеральной стороной становится медиальная (Гамбарян и др., 2010), крот не способен поставить на землю ладонную поверхность. В итоге по земле он может передвигаться ползком.

Алтайский цокор. При рытье у цокора движение конечности происходит спереди назад, в отличие от крота. Кости также несут на себе черты специализации к копанью. Лопатка сужается, позвоночный край короткий и закругленный, ость выраженная (рис. 5). Предостная ямка меньше, чем заостренная. Акромиальный и кораконидный отростки выражены. Плечевая кость массивная и короткая, большой и малый бугры значительные, дельтовидная бугристость треугольной формы и сильно выступает латерально от продольной оси (рис. 6). Дистальный эпифиз широкий, меньше длины всего в 2 раза. Надблоковое отверстие отсутствует. Гребень латеральной надмыщелки хорошо развит. Локтевая кость робустная, укороченная, каудальный край прямой (рис. 7). Локтевой отросток хорошо развит и массивен, отклонен от тела кости каудально. Спереди на кости отчетливо видны две равновеликие фасетки: полулунная вырезка и лучевая, стык фасеток делит крючковидный отросток. Лучевая кость массивная, проксимальный конец имеет округлую фасетку для сочленения, дистальный конец расширен (рис. 8).

Таблица 1

Измерения костей передней конечности среднеразмерных млекопитающих, мм (min-x̄-max)

Tab. 1

Measurements of the forelimb bones of medium-sized mammals, in mm (min-x̄-max)

	Лопатка		Плечевая		Локтевая		Лучевая	
	длина	ширина	длина	ширина дист.эп.	длина	длина	длина	ширина прок.эп.
Пищуха	18,07-18,99-20,31 N=9	8,62-9,21-9,78 N=9	22,84-23,62- 24,54 N=6	4-4,31-5,45 N=8	21,94-23,14-24,21 N=4	17,45-18,51- 19,55 N=4	1,93-2,39-2,68 N=8	
Алтайский крог	24,08-26,72-29,09 N=10	4,16-5,03-5,53 N=10	12,29-16,79- 18,78 N=10	9,59-11,21-12,58 N=10	20,19-20,53-21,57 N=4	10,4-10,99-11,86 N=4	2,37-2,71-3,06 N=4	
Длиннохвостый суслик	18,85-25,5-29,39 N=8	12,59-14,87-18,78 N=8	26,69-32,53- 36,81 N=8	6,96-8,57-9,66 N=8	27,09-34,74-38,75 N=7	25,56-27,74- 30,84 N=8	3,62-3,79-4,3 N=8	
Обыкновенная белка	20,17-24,43-26,36 N=6	10,15-12,61-13,95 N=6	33,54-37,23- 39,66 N=6	8,2-8,79-9,36 N=6	36,45-42-43,9 N=6	29,27-34,71- 36,76 N=6	3,73-3,85-4,01 N=6	
Белка-лентяя	17,4-19,06-20,34 N=9	8,23-9,81-12,85 N=9	28,16-32,4-35,97 N=8	5,09-5,25-5,58 N=8	35,97-39-42,54 N=8	32,35-34,85- 37,93 N=8	2,51-3,04-3,31 N=8	
Обыкновенный хомяк	16,36-24,69-31,83 N=13	8,9-13,47-18,33 N=13	22,43-30,31- 40,16 N=13	5,4-8,44-11,69 N=13	26,96-33,67-43,16 N=13	18,36-26,29- 33,78 N=13	2,84-3,67-4,28 N=13	
Водяная полевка	15,48-16,72-17,41 N=8	9,37-11,05-11,79 N=8	18,4-19,93-24,03 N=8	4,63-5,31-5,99 N=8	21,16-23,93-24,51 N=8	15,83-18,78- 21,39 N=8	1,88-2,3-2,74 N=8	
Алтайский цокор	20,57-31,08-44,56 N=3	7,53-11,55-17,59 N=3	23,8-28,32-32,85 N=3	10,02-14,03- 18,04 N=3	32,55-33,81-35,08 N=3	16,26-17,32- 18,39 N=3	4-4,01-4,02/ 3,3-3,33-3,36 N=3	

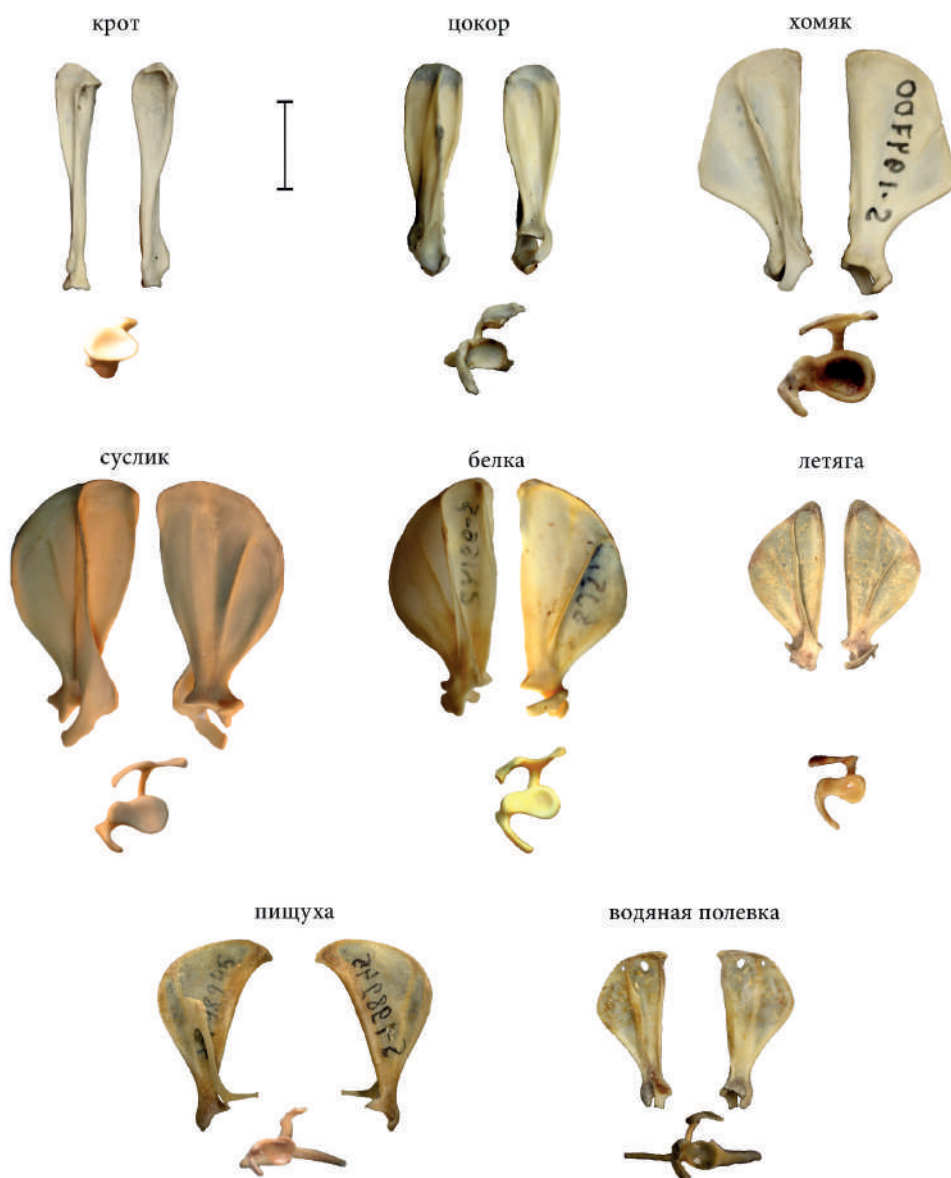

Рис. 5. Левая лопатка среднеразмерных мелких млекопитающих. Для каждого вида: левое изображение — вид с латеральной стороны (снаружи), правое изображение — вид с медиальной стороны (изнутри), нижнее изображение — вид со стороны гленоидной ямки. Масштаб — 1 см.

Изображение со стороны гленоидной ямки увеличено в 1,5 раза в масштабе к линейке
 Fig. 5. Left scapula of some small mammals. For each species: left image — is a lateral view (outside), right image — is a medial view (inside), the low image — is a view from the glenoid fossa. Scale bar is 1 cm. The image from the glenoid fossa is given enlarged 1.5 times in scale bar

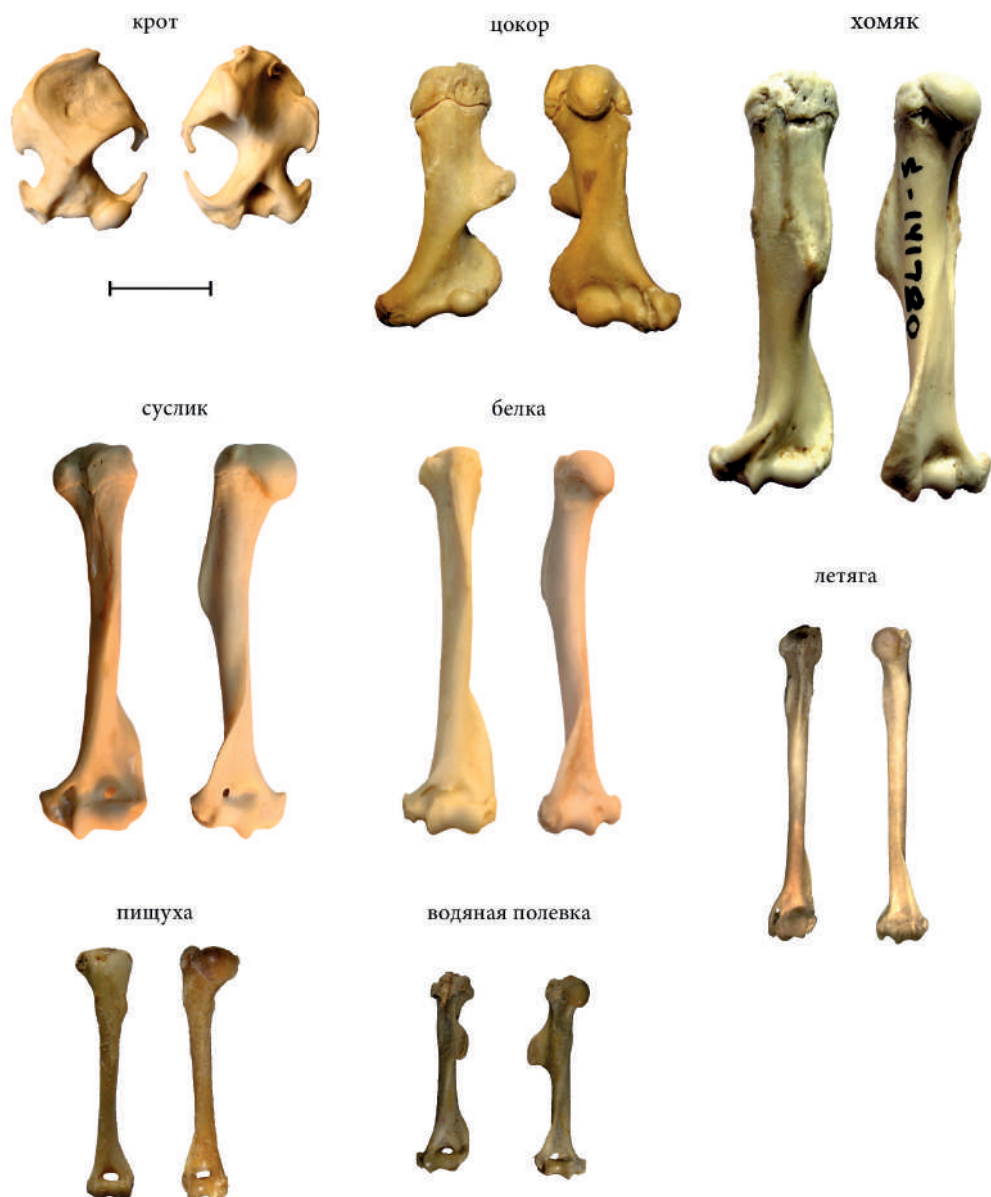

Рис. 6. Левая плечевая кость среднеразмерных мелких млекопитающих.
 Для каждого вида: левое изображение — вид спереди, правое изображение — вид сзади.
 Масштаб — 1 см

Fig. 6. Left humerus of some small mammals.
 For each species: left image — is a frontal view, right image — is a caudal view.
 Scale bar is 1 cm

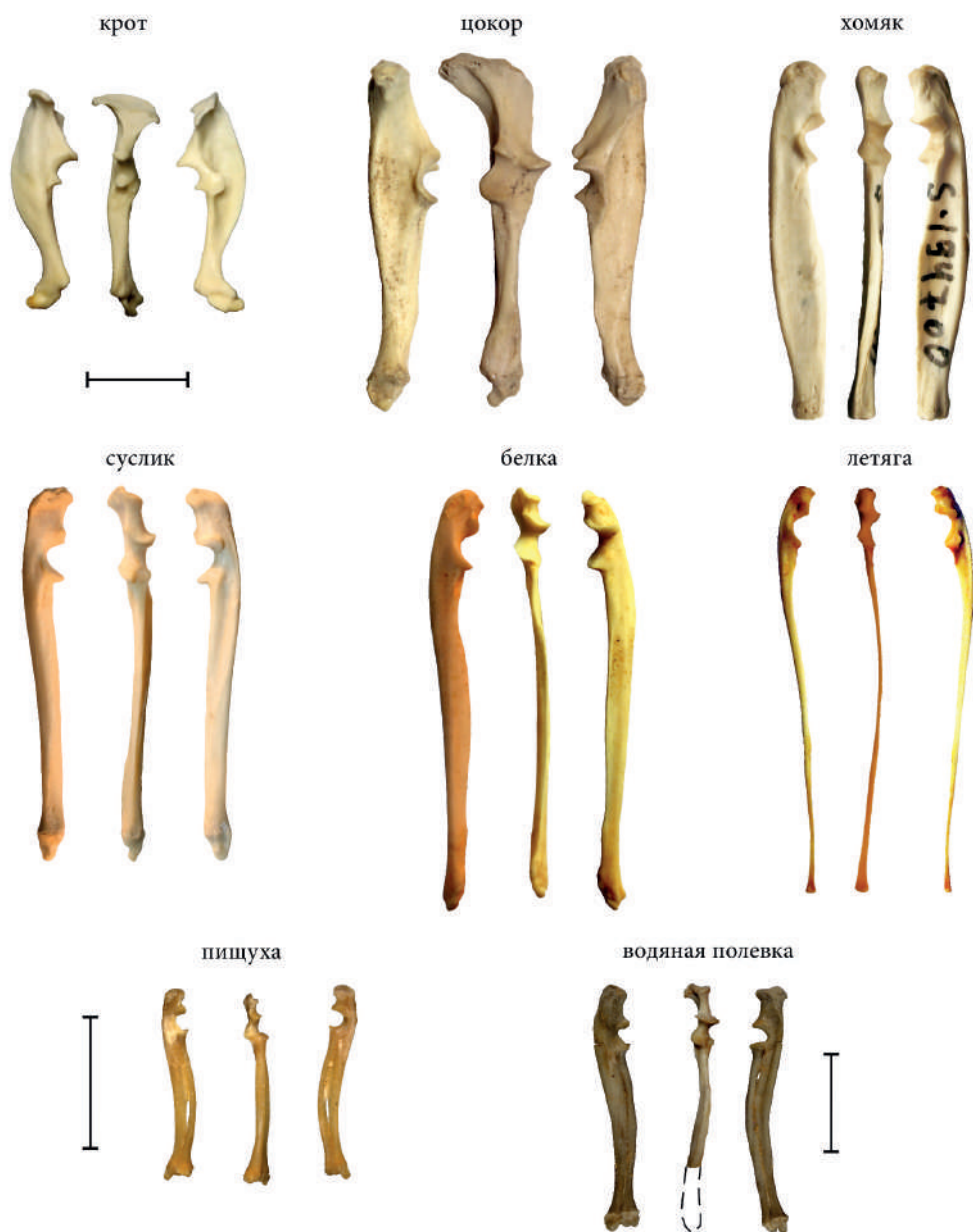

Рис. 7. Левая локтевая кость среднеразмерных мелких млекопитающих. Для каждого вида: левое изображение — вид с медиальной стороны (изнутри), правое изображение — вид с латеральной стороны (снаружи), изображение в центре — вид спереди. Масштаб — 1 см

Fig. 7. Left ulna of some small mammals. For each species: the left image is a medial view (inside), the right image is lateral view (outside), and the center image — is a frontal view. Scale bar is 1 cm

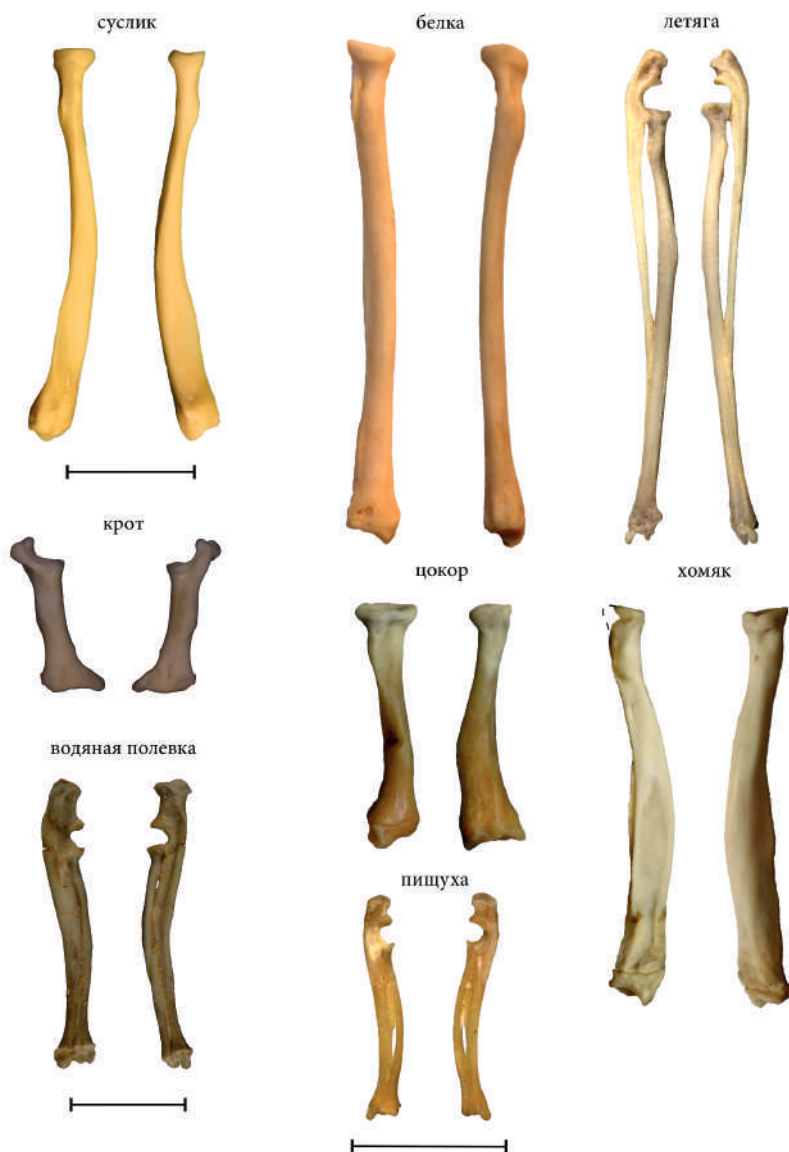

Рис. 8. Левая лучевая кость среднеразмерных мелких млекопитающих. Для каждого вида: левое изображение — вид с медиальной стороны (изнутри), правое изображение — вид с латеральной стороны (снаружи). Масштаб — 1 см

Fig. 8. Left radius of some small mammals. For each view: the left image — is a medial view (inside), the right image — is a lateral view (outside). Scale bar is 1 cm

Обыкновенный хомяк. Лопатка треугольной формы, на позвоночном крае от каудального угла к краниальному есть излом (рис. 5). Коракоидный отросток короткий и массивный, со стороны гленоидной ямки проекция ширины между акромиальным и ме-

такромиальным отростками не выходит за пределы ширины самой гленоидной ямки. Плечевая кость массивная, длина ее превышает ширину не более чем в 10 раз (рис. 6). Большой и малый бугры почти равновелики, дельтовидная бугристость ярко выражена. Надмыщелковое отверстие присутствует, это достаточно консервативный признак, присущий таксонам не ниже уровня подсемейства (Фомин, Лобачев, 2000). Надблокового отверстия нет. Гребень латерального надмыщелка развит, поднимается почти до середины кости. Локтевая кость в виде сильно вытянутого прямоугольника, достаточно плоская и относительно тонкая в латерально-медиальном направлении (рис. 7). Локтевой отросток не имеет наклона в краниальную или каудальную сторону. Лучевая кость в меру робустная, с 1/3 длины начинает незначительно расширяться от проксимального эпифиза к дистальному (рис. 8).

Три из изученных нами видов относятся к семейству беличьи. Длиннохвостый суслик ведет наземный образ жизни, а обыкновенная белка и обыкновенная летяга — древесный. По размерам эти животные примерно равновелики, но их кости будут заметно отличаться друг от друга, поскольку отличаются способы локомоции. Кости поясов конечностей и конечности у наземных беличьих более робустные, чем у древесных.

Длиннохвостый суслик. Лопатка суслика имеет более толстый округлый позвоночный край, чем у древесных беличьих (рис. 5). Ость лопатки образует с плоскостью предостной ямки тупой угол, акромиальный отросток длинный, метаacroмиальный хорошо выражен, коракоидный отросток короче и массивнее, чем у древесных. Плечевая кость. Длина превышает ширину более чем в 10 раз (рис. 6). Дельтовидная бугристость заметно возвышается над телом кости. Медиальный надмыщелок вздернут дорсально. Гребень латерального надмыщелка развит, заканчивается почти на середине диафиза. Надмыщелковое отверстие имеется. Локтевая кость характерной формы, ее ширина равна ширине локтевого отростка (рис. 7). Локтевой отросток наклонен краниально относительно тела кости, высота отростка больше глубины локтевой вырезки. Лучевая кость сдавлена в боковом направлении, дистальный конец кости расширен по сравнению с проксимальным (рис. 8).

Обыкновенная белка. Лопатка. Позвоночный край округлый (рис. 5). Ость лопатки образует с плоскостью предостной ямки прямой угол. Акромиальный и метаacroмиальный отростки выраженные, коракоидный отросток длинный. На каудальном крае имеется гребень, за которым крепится *m. teres major*. Плечевая кость. Длина кости превышает ширину более чем в 10 раз (рис. 6). Медиальный надмыщелок в виде короткого цилиндра. Гребень латерального надмыщелка заканчивается дистально на 1/3 длины диафиза. Надмыщелковое отверстие есть. Локтевая кость. Ширина ее почти равна ширине локтевого отростка (рис. 7). Локтевой отросток короткий, его высота равна глубине локтевой вырезки, отросток наклонен краниально. Лучевая кость сдавлена в переднезаднем направлении, имеет одинаковую толщину тела кости на всем протяжении (рис. 8).

Обыкновенная летяга. Лопатка. Позвоночный край сглаженный (рис. 5). Ость лопатки образует с плоскостью предостной ямки прямой угол. Метаacroмиальный отросток выражен слабо, коракоидный отросток длинный. На каудальном крае имеется гребень, за которым крепится *m. teres major*. Плечевая кость. Длина превышает ширину более чем в 10 раз (рис. 6). Дельтовидная бугристость в виде небольшого узкого гребня. Гребень

медиального надмыщелка узкий, надмыщелковое отверстие присутствует. Гребень латерального надмыщелка узкий, заканчивается дистально на 1/3 длины диафиза. С каудальной стороны блок локтевой кости кроткий и узкий, вполовину короче ширины дистального эпифиза. Локтевая и лучевая часто сливаются дистально. Локтевая кость. Локтевой отросток короткий и наклонен краниально (рис. 7). Тело локтевой кости очень тонкое, ее ширина значительно меньше ширины локтевого отростка. Лучевая кость сдавлена в передне-заднем направлении, толщина больше толщины локтевой кости (рис. 8).

Водяная полевка. Лопатка. Заостренная и предостная ямки почти равны (рис. 5). Ость образует тупой угол с предостной ямкой. Акромиальный отросток крупнее метаакромиального. Коракоидный отросток длинный и достаточно толстый. Плечевая кость. Большой бугор ниже уровня головки кости, дельтовидная бугристость крупная, очень характерной крючковатой формы, медиальный надмыщелок цилиндрической формы, надмыщелкового отверстия нет (рис. 6). Надблоковое отверстие присутствует. Локтевая и лучевая кости могут срастаться с образованием межкостных мостиков (рис. 7, 8). Локтевой отросток краниально наклонен, высокий, его высота больше глубины локтевой врезки. Также локтевой отросток сильно изогнут медиально и имеет проксимально площадку.

Северная пищуха. Лопатка резко сужается от позвоночного края к шейке (рис. 5). Каудальный угол на позвоночном крае изогнут вентрально. Коракоидный отросток длинный, относительно тонкий. Акромиальный отросток короткий. Метаакромиальный отросток длинный и тонкий, каудально выступающий от ости лопатки примерно в верхней трети ее длины. Плечевая кость без ярко выраженной дельтовидной бугристости, большой бугор на одном уровне с головкой кости или чуть выше (рис. 6). Ширина верхнего эпифиза больше ширины дистального. Дистальный эпифиз без сильно развитых гребней, надмыщелкового отверстия нет, надблоковое отверстие имеется. Локтевая и лучевая кости могут сливаться между собой, образуя межкостный мостик (рис. 7, 8). Локтевой отросток имеет краниальный наклон от общей оси кости, высота его не превышает глубину локтевой врезки. Лучевая кость равномерной ширины на всем протяжении.

Дискуссия

Локомоция млекопитающих накладывает отпечаток на строение опорно-двигательного аппарата. В этой работе рассмотрены мелкие млекопитающие с роющей (крот, цокор, суслик, хомяк, водяная полевка), бегающей (пищуха) и лазающей активностью (обыкновенная белка, обыкновенная летяга). Специализированные землерои используют при рытье передние конечности или зубы. В первом случае видоизменяются кости конечностей, во втором — еще и анатомия шейных позвонков. У всех роющих животных сужается позвоночный край лопатки, развиваются дельтовидная бугристость и гребень латерального надмыщелка на плечевой кости, увеличивается локтевой отросток на локтевой. Кости конечности в той или иной степени массивные. Эти особенности прослеживаются и у других животных, ведущих роющий образ жизни, например, у ондатры или дикобраза. Бегающие мелкие млекопитающие, такие как землеройки, некоторые кавиоморфные грызуны и особенно зайцеобразные, имеют схожую локомоцию в виде прыжков. Анатомическое строение костей конечности у этих животных тоже имеет схожие черты. Так, лопатки зайцеобразных, прыгунчиковых, некоторых южноамериканских гры-

зунов и ископаемых *Notoungulata* крупные, с длинным тонким метакромиальным отростком. Вероятно, удлинённый и вынесённый каудально метакромиальный отросток за счёт акромиальной порции трапецевидной мышцы стабилизирует плечевой сустав в момент приземления на конечность во время быстрой локомоции (Seckel, Janis, 2008). Плечевая кость зайцеобразных имеет хорошо развитый проксимальный отдел, предплечье длинное, у быстро бегающих зайцеобразных лучевая кость толще локтевой. Лазанье по деревьям также отражается на анатомии, оно требует уменьшения угла между латеральным краем лопатки и плечевой костью, а также сильного сгибания локтевого сустава и супинации предплечья. Ось лопатки у лазающих животных перпендикулярна её поверхности. Предостная ямка глубокая, протяжённость соприкосновения лучевой и локтевой костей в дистальном отделе у лазающих животных значительная. Относительно короткий локтевой отросток позволяет выполнять движения с меньшей силой, но с большей скоростью, что важно при прыжках и лазании (Громов и др., 1965).

Для апробации методики определения длинных костей конечностей были проанализированы ископаемые фауны мелких млекопитающих Чагырской и Козьей пещер, расположенных рядом в Краснощековском р-не Алтайского края (Междисциплинарные исследования..., 2018; Харевич и др., 2021). Был рассмотрен материал из слоев, наиболее богатых остатками мелких млекопитающих: для Чагырской — слой 6А (сбор 2019 г.), для Козьей — слои 2 и 3.1 (сборы 2021 г.). В настоящей работе не рассматривался посткраний по мышевидным грызунам. Отложения обеих пещер имеют плейстоценовый и голоценовый возраст. Все современные виды мелких млекопитающих сформировались уже к позднему плейстоцену, в голоцене наблюдаются изменения их ареалов под воздействием климатических факторов. Таким образом, изучив скелет современных животных, мы можем быть уверенными, что методика будет работать на ископаемых плейстоценовых-голоценовых мелких млекопитающих. Результаты исследования показали, что почти пятая часть от определимых костных остатков приходится на посткраниальные фрагменты (табл. 2).

Таблица 2

**Количество определимых остатков мелких млекопитающих
в Козьей и Чагырской пещерах**

Tab. 2

The number of identifiable remains of small mammals in the Kozya and Chagyrskaya caves

Памятник \ Остатки	Козья пещера, сл. 2		Козья пещера, сл. 3.1		Чагырская пещера, сл. 6А	
	экз.	процент	экз.	процент	экз.	процент
Скелетные	17	19,77	20	26,7	108	17,7
Черепные	69	80,23	55	73,3	502	82,3
Итого	86		75		610	

Количество посткраниальных остатков в ископаемых сборах, как правило, может варьировать. На это влияют очень многие факторы: географическое положение и стратиграфия местонахождения, тафономия, методика сбора костных остатков и многое другое. Определение мелких млекопитающих только по черепу или зубам общеприня-

то и широко распространено среди зоологов. Мышевидные грызуны достоверно определяются до вида по зубам. Но при использовании скелетных остатков изменяется количество видов и количество экземпляров для каждого вида (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение определимых до вида и рода костных остатков мелких млекопитающих из Козьей и Чагырской пещеры

Tab. 3

The ratio of bone remains of small mammals from Kozya and Chagyrskaya caves that can be identified to the species and genus

Таксон	Слои, костные остатки, экз.	Козья пещера				Чагырская пещера	
		сл. 3.1		сл. 2		сл. 6а	
		Только черепные остатки	С учетом скелетных остатков	Только черепные остатки	С учетом скелетных остатков	Только черепные остатки	С учетом скелетных остатков
<i>Chiroptera</i>				1	4	6	7
<i>Eptesicus nilssonii</i>					1		
<i>Murina leucogaster</i>					1		
<i>Nyctalus cf. noctula</i>					1		
<i>Myotis cf. mystacinus</i>			1				
<i>Asioscalops altaica</i>		1	6		2	4	35
<i>Spermophilus sp.</i>		2	4	6	11	89	98
<i>Marmota sp.</i>							12
<i>Cricetus cricetus</i>		1	3		2	1	4
<i>Nothocricetulus migratorius</i>				1	1	18	18
<i>Allocricetulus evermanni</i>						1	1
<i>Ellobius talpinus</i>				1	1	1	1
<i>Clethrionomys rufocanus</i>				2	2		
<i>Clethrionomys rutilus-glareolus</i>		3	3			4	4
<i>Clethrionomys sp.</i>		1	1	3	3		
<i>Alticola strelzowi</i>				1	1	64	64
<i>Alticola sp.</i>				6	6		
<i>Lagurus lagurus</i>		1	1			26	26
<i>Eolagurus luteus</i>						4	4
<i>Eolagurus sp.</i>		1	1			10	10
<i>Microtus (Stenocranius) gregalis</i>		9	9	14	14	160	160
<i>Alexandromys oeconomus</i>		4	4	8	8	10	10
<i>Microtus arvalis</i>		1	1			2	2
<i>Microtus sp.</i>		10	10	10	10		
<i>Arvicola amphibius</i>						21	21

Продолжение табл. №3

Таксон	Слои, костные остатки, экз.	Козья пещера				Чагырская пещера	
		сл. 3.1		сл. 2		сл. 6а	
		Только черепные остатки	С учетом скелетных остатков	Только черепные остатки	С учетом скелетных остатков	Только череп- ные остатки	С учетом скелетных остатков
<i>Myospalax myospalax</i>		12	23	12	18	57	109
<i>Allactaga sp.</i>						2	2
<i>Sicista sp.</i>		1	1				
<i>Ochotona sp.</i>		2	2			16	16
<i>Lepus sp.</i>		7	7	5	5	4	5
<i>Mustella sp.</i>						2	2

Таким образом, более точная идентификация костных остатков, введение в научный оборот ранее не использующихся элементов скелета позволяет уточнить видовой состав, послыное и временное распределение видов мелких млекопитающих для каждого археологического объекта.

Заключение

В результате проделанной работы получены изображения длинных костей передней конечности наиболее распространенных в ископаемом виде видов среднеразмерных грызунов и зайцеобразных. Произведены необходимые замеры (табл. 1) и разработаны ключи для определения этих костей (Приложение). Определительные ключи подходят для идентификации посткраниальных остатков в полевых и в лабораторных условиях, рассчитаны как на профессиональных исследователей (археологов, археозологов), так и на студентов, школьников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Акаевский А.И. Анатомия домашних животных. М. : Колос, 1984. 543 с.
- Виноградов Б.С. Тушканчики. Фауна СССР. Млекопитающие. Т. 3. Вып. 4. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 197 с.
- Гамбарян П.П., Дукельская Н.М. Крыса. М. : Советская наука, 1955. 254 с.
- Гамбарян П.П., Жеребцова О.В., Платонов В.В. Конвергентное развитие подкожных мышц у кротов и златокротов // Журнал общей биологии. 2010. Т. 71, №3. С. 244–255.
- Громов И.М., Бибиков Д.И., Калабухов Н.И., Мейер М.Н. Фауна СССР. Млекопитающие. Наземные белычьи (Marmotinae). Т. 3. Вып. 2. М. ; Л. : Наука, 1965. 468 с.
- Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 1: Определитель по крупным трубчатым костям. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 279 с. (Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Т. IX).
- Громова В.И. Остеологические отличия родов *Capra* (Козлы) и *Ovis* (Бараны): руководство для определения ископаемых остатков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 124 с. (Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. X).

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 2: Определитель по крупным костям заплюсны. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 121 с. (Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. XVI).

Долгов В.А. Об изменчивости некоторых костей посткраниального скелета землероек (Mammalia, Soricidae) // *Acta theriologica*. 1961. Вып. 15, №5. С. 203–227.

Журавлев О.П. О методике полевых определений костей скелета домашних овец и коз из археологических памятников // Новые методы археологических исследований. Киев : Наукова думка, 1982. С. 205–216.

Ильяшенко В.Б. Изменчивость элементов посткраниального скелета землероек Сибири и его диагностическая значимость: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1998. 22 с.

Лобачев В.С., Фомин С.В. Определение тушканчиков подсемейств Allactaginae и Dipodinae по костям посткраниального скелета // Тушканчики фауны СССР. Вып. 2. Ташкент : Фан, 1988а. С. 7–9.

Лобачев В.С., Фомин С.В. О половом диморфизме размеров костей посткраниального скелета некоторых видов тушканчиков // Тушканчики фауны СССР. Вып. 2. Ташкент : Фан, 1988б. С. 54–55.

Лобачев В.С., Фомин С.В. Особенности строения костей трехпалых тушканчиков из Монголии и Средней Азии // Систематика и филогения грызунов и зайцеобразных. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2000. С. 91–93.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры — стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. 468 с.

Перепелова А.А. Особенности локомоторного аппарата кротовых (Talpidae) // Актуальные проблемы современной териологии. Новосибирск : Сибрегион Инфо, 2012. С. 73.

Полякова Р.С., Соколов А.С. Строение органов движения у летяги (*Pteromys volans* L.) в связи с ее планирующим полетом // Зоологический журнал. 1965. Т. 46, вып. 6. С. 902–915.

Сердюк Н.В., Колобова К.А. Методические аспекты изучения мелких млекопитающих Чагырской пещеры (Северо-западный Алтай) на примере материалов полевого сезона // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2019. С. 245–252. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.245-252>

Фомин С.В., Лобачев В.С. Надмышцелковое отверстие плечевой кости и его использование в систематике мелких млекопитающих // Систематика и филогения грызунов и зайцеобразных. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2000. С. 168–170.

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Гашенко А.В., Колясникова А.В., Пархомчук Е.В., Сердюк Н.В., Алексейцева В.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Исследования нового среднепалеолитического памятника на Алтае — пещеры Козья в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. С. 300–307. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0300-0307>

Bickelmann C., Jimenez R., Richardson M.K., Sanchez-Villagra M.R. Humerus Development in Moles (Talpidae, Mammalia). *Acta Zoologica (Stockholm)*. 2014;95(3): 283–289. <https://doi.org/10.1111/azo.12024>

Campbell B. The Shoulder Anatomy of the Moles. A Study in Phylogeny and Adaptation. *American Journal of Anatomy*. 1939;64(1):1–39.

Castiella M.J., Laville E., Renous S., Gasc J.-P. Caractéristiques morphologiques du membre antérieur de la taupe commune, *Talpa europaea* (Mammalia, Talpidae). *Mammalia*. 1992;56(2):265–285. <https://doi.org/10.1515/mamm-1992-0211>

Costes P., Klein E., Delapré A., Houssin C., Nicolas V., Cornette R. Comparative Morpho-Functional Analysis of the Humerus and Ulna in Three Western European Moles Species of the Genus *Talpa*, Including the Newly Described *T. aquitania*. *Journal of Anatomy*. 2023;242(2):257–276. <https://doi.org/10.1111/joa.13772>.

Dodelin B. Identification des Chiroptères de France à partir de restes osseux. La Ravoire: Gap édition, 2002. 48 p. (In French)

Edwards L.F. Morphology of the Forelimb of the Mole (*Scalops aquaticus*, L.) in Relation to Its Habits. *Ohio Journal of Science*. 1937;37(1):20–41.

Emry R.J., Thorington R.W. Jr. Descriptive and Comparative Osteology of the Oldest Fossil Squirrel, *Protosciurus* (Rodentia: Sciuridae). Washington : Smithsonian Institution Press, 1982. 35 p. <https://doi.org/10.5479/si.00810266.47.1>

France D.L. Human and Nonhuman Bone Identification: A Color Atlas. Boca Raton : CRC Press, 2008. 753 p. <https://doi.org/10.1201/9781420062878>

Freeman P.W. Redescription and Comparison of a Highly Fossorial Mole, *Domninoidea mimicus* (Insectivora, Talpidae), from the Clarendonian. *American Museum Novitates*. 1979;2667:1–16.

Gee H. The Distinction between Postcranial Bones of *Bos primigenius* B. Bojanus, 1827 and *Bison priscus* Bojanus, 1827 from the British Pleistocene and the Taxonomic Status of *Bos* and *Bison*. *Journal of Quaternary Science*. 1993;8(1):79–92.

Gilbert B.M. Mammalian Osteology. Springfield : Missouri Archaeological Society Publ., 1990. 428 p.

Haruda A. Separating Sheep (*Ovis aries* L.) and Goats (*Capra hircus* L.) Using Geometric Morphometric Methods: an Investigation of Astragalus Morphology from Late and Final Bronze Age Central Asian Contexts. *International Journal of Osteoarchaeology*. 2017;27(4):551–562.

Johnson E.V. A Skeletal Comparison of Selected Small Mammals [Online source]. University of Exeter. 2016. P. 1–10.

Moore T.Y., Organ C.L., Edwards S.V., Biewener A.A., Tabin C.J., Jenkins F.A. Jr, Cooper K.L. Multiple Phylogenetically Distinct Events Shaped the Evolution of Limb Skeletal Morphologies Associated with Bipedalism in the Jerboas. *Current Biology*. 2015;25(21):2785–2794. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2015.09.037>

Olsen S.J. Post-Cranial Skeletal Characters of *Bison* and *Bos* // Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Vol. 35. Cambridge : Peabody Museum Press, 1960. Pp. 1–76.

Özkan Z.E. Macro-Anatomical Investigations on the Forelimb Skeleton of Mole-Rat (*Spalax leucodon* Nordmann). *Veterinarski Arhiv*. 2002;72(2):91–99.

Pales L., Garcia M. Atlas ostéologique des mammifères. Vol. II. Paris : CNRS, 1981. 753 p.

Prummel W., Frisch H. A Guide for the Distinction of Species, Sex and Body Side in Bones of Sheep and Goat. *Journal of Archaeological Science*. 1986;13:567–577.

Reed C.A. Locomotion and Appendicular Anatomy in Three Soricoid insectivores. *The American Midland Naturalist*. 1951;45(3):513–671.

Rose K.D., DeLeon V.B., Missiaen P., Rana R., Sahni A., Singh L., Smith T. Early Eocene Lagomorph (Mammalia) from Western India and the Early Diversification of Lagomorpha. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2008;275(1639):1203–1208. <https://doi.org/10.1098/rspb.2007.1661>

Seckel L., Janis C. Convergences in Scapula Morphology among Small Cursorial Mammals: an Osteological Correlate for Locomotory Specialization. *Journal of Mammalian Evolution*. 2008;15:261–279. <https://doi.org/10.1007/s10914-008-9085-7>

Thorington R.W. Jr., Darrow K. Anatomy of the Squirrel Wrist: Bones, Ligaments, and Muscles. *Journal of Morphology*. 2000;246(2):85–102. [https://doi.org/10.1002/1097-4687\(200011\)246:2<85::AID-JMOR4>3.0.CO;2-5](https://doi.org/10.1002/1097-4687(200011)246:2<85::AID-JMOR4>3.0.CO;2-5).

Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the Reliability of Criteria Used to Identify Postcranial Bones in Sheep, *Ovis*, and Goats, *Capra*. *Journal of Archaeological Science*. 2010;37:2887–2905. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.06.032>

REFERENCES

- Akaevskij A.I. Anatomy of Domestic Animals. Moscow : Kolos, 1984. 543 p. (In Russ.)
- Vinogradov B.S. Jerboas. Fauna of the USSR. Mammals. Vol. 3. Issue 4. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1937. 197 p. (In Russ.)
- Gambaryan P.P., Dukelskaya N.M. The Rat. Moscow : Sovetskaya nauka, 1955. 254 p. (In Russ.)
- Gambaryan P.P., Zherebtsova O.V., Platonov V.V. Convergent Development of the Subcutaneous Muscles in Moles and Golden Moles. *Zhurnal obshchej biologii = Biology Bulletin Reviews*. 2010;71(3):244-255. (In Russ with English abstract)
- Gromov I.M., Bibikov D.I., Kalabuhov N.I., Mejer M.N. Fauna of the USSR. Mammals. Ground Squirrels (Marmotinae). T. 3, Vol. 2. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965. 468 p. (In Russ.)
- Gromova V.I. Identification of Mammals of the USSR by Skeletal Bones. Issue I: Identification by Large Tubular Bones. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950. 279 p. (Proceedings of the Quaternary Commission. Vol. IX). (In Russ.)
- Gromova V.I. Osteological Differences of the Genera *Capra* (Goats) and *Ovis* (Sheep): Guide to Identifying Fossil Remains. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. 124 p. (Proceedings of the Quaternary Commission. Vol. X). (In Russ.)
- Gromova V.I. Identification of Mammals of the USSR by Skeletal Bones. Issue II: Identification by Large Tarsal Bones. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. 121 p. (Proceedings of the Quaternary Commission. Vol. XVI) (In Russ.)
- Dolgov V.A. On the Variability of Some Bones of the Postcranial Skeleton of Shrews (Mammalia, Soricidae). *Acta theriologica*. 1961;5(5):203–227. (In Russ.)
- Zhuravlev O.P. On the Method of Field Determination of Skeletal Bones of Domestic Sheep and Goats from Archaeological Sites. In: *New Methods of Archaeological Research*. Kiev : Naukova dumka, 1982. Pp. 205–216. (In Russ.)
- Ilyashenko V.B. Variability of Elements of the Postcranial Skeleton of Siberian Shrews and Its Diagnostic Significance: Abstract dis. ... Cand. Biol. Sciences. Novosibirsk, 1998. 22 p. (In Russ.)

Lobachev V.S., Fomin S.V. Identification of Jerboas of the Subfamilies Allactaginae and Dipodinae by the Bones of the Postcranial Skeleton. In: Jerboas of the Fauna of the USSR. Iss. 2. Tashkent : Fan, 1988a. Pp. 7–9. (In Russ.)

Lobachev V.S., Fomin S.V. On Sexual Dimorphism of the Sizes of the Bones of the Postcranial Skeleton of Some Species of Jerboas. In: Jerboas of the Fauna of the USSR. Iss. 2. Tashkent : Fan, 1988b. Pp. 54–55. (In Russ.)

Lobachev V.S., Fomin S.V. Features of the Bone Structure of Three-Toed Jerboas from Mongolia and Central Asia. In: Systematics and Phylogeny of Rodents and Lagomorphs. Moscow : Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK, 2000. Pp. 91–93. (In Russ.)

Interdisciplinary studies of the Chagyrskaya Cave — a Middle Paleolithic site in Altai. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2018. 468 p. (In Russ with English abstract)

Perepelova A.A. Features of the Locomotor Apparatus of Moles (Talpidae). In: Actual Problems of Modern Theriology. Novosibirsk : Sibregion Info, 2012. P. 73. (In Russ.)

Polyakova R.S., Sokolov A.S. The Structure of the Organs of Movement in the Flying Squirrel (*Pteromys volans* L.) in Connection with Its Gliding Flight. *Zoologicheskij zhurnal = Zoological Journal*. 1965;46(6):902–915. (In Russ.)

Serdyuk N.V., Kolobova K.A. Methodological Aspects of the Study of Small Mammals of the Chagyrskaya Cave (Northwestern Altai) Using the Example of Field Season Materials. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXV. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2019. Pp. 245–252. (In Russ with English abstract). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.245-252>

Fomin S.V., Lobachev V.S. Supracondylar Foramen of the Humerus and Its Use in the Taxonomy of Small Mammals. In: Systematics and Phylogeny of Rodents and Lagomorphs. Moscow : Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK, 2000. Pp. 168–170. (In Russ.)

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Gashenko A.V., Koliashnikova A.S., Parkhomchuk E.V., Vasilyev S.K., Alekseytseva V.V., Kharevich A.V., Kolobova K.A. Studies of the New Altai Middle Palaeolithic Site Kozya Cave in the 2021 Field Season. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. Pp. 300–307. (In Russ with English abstract) <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0300-0307>

Bickelmann C., Jimenez R., Richardson M.K., Sanchez-Villagra M.R. Humerus Development in Moles (Talpidae, Mammalia). *Acta Zoologica (Stockholm)*. 2014;95(3): 283–289. <https://doi.org/10.1111/azo.12024>

Campbell B. The Shoulder Anatomy of the Moles. A Study in Phylogeny and Adaptation. *American Journal of Anatomy*. 1939;64(1):1–39.

Castiella M.J., Laville E., Renous S., Gasc J.-P. Caractéristiques morphologiques du membre antérieur de la taupe commune, *Talpa europaea* (Mammalia, Talpidae). *Mammalia*. 1992;56(2):265–285. <https://doi.org/10.1515/mamm-1992-0211> (In French)

Costes P., Klein E., Delapré A., Houssin C., Nicolas V., Cornette R. Comparative Morpho-Functional Analysis of the Humerus and Ulna in Three Western European Moles Species of the Genus *Talpa*, Including the Newly Described *T. aquitania*. *Journal of Anatomy*. 2023;242(2):257–276. <https://doi.org/10.1111/joa.13772>.

Dodelin B. Identification des Chiroptères de France à partir de restes osseux. La Ravoire: Gap édition, 2002. 48 p. (In French)

Edwards L.F. Morphology of the Forelimb of the Mole (*Scalops aquaticus*, L.) in Relation to Its Habits. *Ohio Journal of Science*. 1937;37(1):20–41.

Emry R.J., Thorington R.W. Jr. Descriptive and Comparative Osteology of the Oldest Fossil Squirrel, *Protosciurus* (Rodentia: Sciuridae). Washington : Smithsonian Institution Press, 1982. 35 p. <https://doi.org/10.5479/si.00810266.47.1>

France D.L. Human and Nonhuman Bone Identification: A Color Atlas. Boca Raton : CRC Press, 2008. 753 p. <https://doi.org/10.1201/9781420062878>

Freeman P.W. Redescription and Comparison of a Highly Fossorial Mole, *Domninooides mimicus* (Insectivora, Talpidae), from the Clarendonian. *American Museum Novitates*. 1979;2667:1–16.

Gee H. The Distinction between Postcranial Bones of *Bos primigenius* B Bojanus, 1827 and *Bison priscus* Bojanus, 1827 from the British Pleistocene and the Taxonomic Status of *Bos* and *Bison*. *Journal of Quaternary Science*. 1993;8(1):79–92.

Gilbert B.M. Mammalian Osteology. Springfield : Missouri Archaeological Society Publ., 1990. 428 p.

Haruda A. Separating Sheep (*Ovis aries* L.) and Goats (*Capra hircus* L.) Using Geometric Morphometric Methods: an Investigation of Astragalus Morphology from Late and Final Bronze Age Central Asian Contexts. *International Journal of Osteoarchaeology*. 2017;27(4):551–562.

Johnson E.V. A Skeletal Comparison of Selected Small Mammals [Online source]. University of Exeter. 2016. P. 1–10.

Moore T.Y., Organ C.L., Edwards S.V., Biewener A.A., Tabin C.J., Jenkins F.A. Jr, Cooper K.L. Multiple Phylogenetically Distinct Events Shaped the Evolution of Limb Skeletal Morphologies Associated with Bipedalism in the Jerboas. *Current Biology*. 2015;25(21):2785–2794. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2015.09.037>

Olsen S.J. Post-Cranial Skeletal Characters of *Bison* and *Bos*. Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Vol. 35. Cambridge : Peabody Museum Press, 1960. Pp. 1–76.

Özkan Z.E. Macro-Anatomical Investigations on the Forelimb Skeleton of Mole-Rat (*Spalax leucodon* Nordmann). *Veterinarski Arhiv*. 2002;72(2):91–99.

Pales L., Garcia M. Atlas ostéologique des mammifères. Vol. II. Paris : CNRS, 1981. 753 p. (In French)

Prummel W., Frisch H. A Guide for the Distinction of Species, Sex and Body Side in Bones of Sheep and Goat. *Journal of Archaeological Science*. 1986;13:567–577.

Reed C.A. Locomotion and Appendicular Anatomy in Three Soricoid insectivores. *The American Midland Naturalist*. 1951;45(3):513–671.

Rose K.D., DeLeon V.B., Missiaen P., Rana R., Sahni A., Singh L., Smith T. Early Eocene Lagomorph (Mammalia) from Western India and the Early Diversification of Lagomorpha. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2008;275(1639):1203–1208. <https://doi.org/10.1098/rspb.2007.1661>

Seckel L., Janis C. Convergences in Scapula Morphology among Small Cursorial Mammals: an Osteological Correlate for Locomotory Specialization. *Journal of Mammalian Evolution*. 2008;15:261–279. <https://doi.org/10.1007/s10914-008-9085-7>

Thorington R.W. Jr., Darrow K. Anatomy of the Squirrel Wrist: Bones, Ligaments, and Muscles. *Journal of Morphology*. 2000;246(2):85–102. [https://doi.org/10.1002/1097-4687\(200011\)246:2<85::AID-JMOR4>3.0.CO;2-5](https://doi.org/10.1002/1097-4687(200011)246:2<85::AID-JMOR4>3.0.CO;2-5).

Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the Reliability of Criteria Used to Identify Postcranial Bones in Sheep, *Ovis*, and Goats, *Capra*. *Journal of Archaeological Science*. 2010;37:2887–2905. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.06.032>

Сведения о продолжении/окончании статьи

Подготовлен материал и иллюстрации по этим же видам по поясу, костям задней конечности и заплюсны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ключи для определения мелких млекопитающих по скелету передней конечности

Как пользоваться определительным ключом:

- если утверждение после цифры верное — теза (цифра без скобок), то перейти к следующему пункту со следующей цифрой,
- если утверждение противоположное, то перейти к пункту, номер которого указан в скобках после основной цифры, — антитеза.

Лопатка

- 1(6) Длина лопатки от позвоночного края до гленоидной ямки меньше 20 мм.
- 2(4) Ость лопатки переходит в отросток в верхней части кости.
- 3 Метакромиальный отросток длинный и тонкий. Акромиальный отросток короткий — *Ochotona hyperborea*
- 4(2) Ость лопатки располагается по всей длине кости.
- 5 Коракоидный отросток толстый. Метакромиальный отросток меньше акромиального — *Arvicola amphibius*
- 6(1) Длина от позвоночного края до гленоидной ямки больше 20 мм.
- 7(10) Позвоночный край лопатки зауженный, форма кости вытянутая.
- 8 Ширина в 3 раза меньше длины. Акромиальный и коракоидный отростки имеются, ость выраженная — *Myospalax myospalax*
- 9(8) Ширина в 5 раз меньше длины. Коракоидный отросток отсутствует, акромиальный отросток в виде треугольного гребня — *Talpa (Asioscalops) altaica*
- 10(7) Позвоночный край лопатки не зауженный, форма кости треугольная. Длина от позвоночного края до гленоидной ямки 25–30 мм.
- 11 На позвоночном крае есть излом. Коракоидный отросток короткий и массивный — *Cricetus cricetus*
- 12(11) Позвоночный край округлый.
- 13(14) Ость лопатки образует с плоскостью предостной ямки тупой угол. Позвоночный край лопатки утолщенный — *Spermophilus undulatus*
- 14(13) Ость лопатки образует с плоскостью предостной ямки прямой угол. Позвоночный край лопатки тонкий.
- 15 Метакромиальный отросток выражен слабо — *Pteromys volans*

16(15) Метакромиальный отросток выражен хорошо — *Sciurus vulgaris*

Плечевая кость

1(6) Длина кости не более 25 мм.

2(3) Ширина кости в дистальной и проксимальной частях составляет 2/3 длины, гребни гипертрофированы — *Talpa (Asioscalops) altaica*

3(2) Ширина кости значительно меньше 2/3 длины.

4(5) Дельтовидная бугристость слабо выражена — *Ochotona hyperborea*

5(4) Дельтовидная бугристость крупная, очень характерной крючковатой формы, гребень латерального надмыщелка развит — *Arvicola amphibius*

6(1) Длина кости более 25 мм.

7(10) Длина кости превышает ширину не более чем в 10 раз.

8(9) Кость массивная. Дельтовидная бугристость треугольной формы и сильно выступает вершиной латерально от продольной оси. Надмыщелковое отверстие отсутствует — *Myospalax myospalax*

9(8) Дельтовидная бугристость в виде гребня, надмыщелковое отверстие имеется, кость робустная — *Cricetus cricetus*

10(7) Длина кости превышает ширину более чем в 10 раз.

11(14) Ширина дистального эпифиза меньше длины примерно в 4 раза.

12(13) Медиальный надмыщелок узкий, вздернут дорсально, гребень латерального надмыщелка заканчивается почти на середине диафиза — *Spermophilus undulatus*

13(12) Медиальный надмыщелок в виде короткого цилиндра, гребень латерального надмыщелка заканчивается дистально на 1/3 длины диафиза — *Sciurus vulgaris*

14(11) Ширина дистального эпифиза меньше длины примерно в 6 раз.

15 Блок локтевой кости короткий и узкий, в половину короче ширины дистального эпифиза — *Pteromys volans*

Локтевая кость

1(6) Длина кости не более 23 мм.

2(3) Кость массивная, каудальная сторона дуговидная. Ширина диафиза значительно больше ширины дистального эпифиза — *Talpa (Asioscalops) altaica*

3(2) Ширина диафиза не больше ширины проксимального эпифиза, краниальная и каудальные стороны параллельны.

4(5) Локтевой отросток не высокий, не имеет гребней — *Ochotona hyperborea*

5(4) Локтевой отросток высокий, имеется проксимальный гребень — *Arvicola amphibius*

6(1) Длина кости больше 23 мм.

7(8) Кость массивная, локтевой отросток достигает 1/3 длины всей кости — *Myospalax myospalax*

8(7) Строение кости иное.

9 Ширина диафиза равна ширине локтевого отростка.

10(11) Локтевой отросток не имеет ни краниального ни каудального наклона относительно тела кости, сама кость в форме сильно вытянутого прямоугольника — *Cricetus cricetus*

11(10) Локтевой отросток наклонен краниально относительно тела кости.

12(15) Тело кости хорошо развито.

13(14) Высота локтевого отростка больше глубины локтевой вырезки — *Spermophilus undulatus*

14(13) Локтевой отросток короткий, его высота равна глубине локтевой вырезки — *Sciurus vulgaris*

15(12) Тело локтевой кости очень тонкое, ее ширина значительно меньше ширины локтевого отростка — *Pteromys volans*

Лучевая кость

1(3) Длина кости не более 12 мм

2 Проксимальный эпифиз сигмовидный и несет дополнительный отросток, дистальный эпифиз расширенный — *Talpa (Asioscalops) altaica*

3(1) Длина кости более 12 мм.

4 Кость робустная, ширина проксимального эпифиза больше 4 мм.

5 Дистальный эпифиз заметно шире проксимального — *Myospalax myospalax*

6(4) Строение кости иное, ширина проксимального эпифиза меньше 4 мм.

7(10) Кость расширяется по направлению к дистальному эпифизу.

8(9) Шиловидный отросток в виде бугорка — *Spermophilus undulatus*

9(8) Шиловидный отросток заметный — *Cricetus cricetus*

10(7) Кость равномерной ширины на всем протяжении.

11(12) Не срастается с локтевой костью. Шиловидный отросток заметный, ширина проксимального эпифиза примерно в 7 раз меньше длины — *Sciurus vulgaris*

12(11) Часто срастается с локтевой костью с образованием костных мостиков. Ширина проксимального эпифиза более чем в 10 раз меньше длины кости. Длина кости более 30 мм — *Pteromys volans*

13(14) Длина кости от 15 до 20 мм. При взгляде спереди кость примерно одинакова по всей ширине диафиза — *Arvicola amphibius*

14(13) При взгляде спереди дистальная часть диафиза шире проксимальной — *Ochotona hyperborea*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сердюк Наталья Викторовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории млекопитающих Палеонтологического института им. А.А. Боросяка РАН, Москва, Россия.

Natalia V. Serdyuk, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Mammals of Borissiak Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024;
одобрена после рецензирования 04.02.2025;
принята к публикации 12.02.2025.
The article was submitted 28.12.2024;
approved after reviewing 04.02.2025;
accepted for publication 12.02.2025.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 902.62

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-14)

EDN: UCLCAV

ИЗУЧЕНИЕ Т.Н. ТРОИЦКОЙ ПАМЯТНИКОВ ЕЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ

**Сергей Алексеевич Ковалевский^{1*},
Александра Леонидовна Автушкова²**

¹Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия; Российский государственный институт сценических искусств,
Кемерово, Россия;

koval71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>

²Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск, Россия;
alinet913@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9070-1764>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Культурно-исторические процессы, протекавшие на территории юга Западной Сибири в послепалеолитическое время, — ключевые для понимания событий, происходивших в позднем бронзовом веке. Механизмы формирования, эволюции и последующей трансформации андроновидных культур являются дискуссионными. Ключевую роль в происходивших процессах играла территория Новосибирского Приобья. Вместе с тем андроновидные памятники здесь изучены пока недостаточно. Статья посвящена вкладу Татьяны Николаевны Троицкой, долгие годы руководившей Новосибирской археологической экспедицией, в процесс изучения материалов еловской культуры. Приводится описание полевых исследований археологических памятников, а также анализ идей Т.Н. Троицкой, высказанных в разное время по еловской проблематике. Показана эволюция представлений исследователя, связанная с накоплением источникового фонда, а также происходившими научными дискуссиями. Результатом стало выделение четырех этапов изучения Т.Н. Троицкой андроновидных памятников Новосибирского Приобья.

Ключевые слова: Новосибирское Приобье, Новосибирская археологическая экспедиция, еловская культура, поселения, керамика

Для цитирования: Ковалевский С.А., Автушкова А.Л. Изучение Т.Н. Троицкой памятников еловской культуры на территории Новосибирского Приобья // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 277–291. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-14)

THE RESEARCH CONDUCTED BY T.N. TROITSKAYA OF THE ELOVSKAYA CULTURE SITES IN THE TERRITORY OF THE NOVOSIBIRSK PRIOBIE

Sergey A. Kovalevsky^{1*}, Alexandra L. Avtushkova²

¹T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia;

Russian State Institute of Performing Arts, Kemerovo, Russia;

koval71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>

²The Museum of Local History, Novosibirsk, Russia; alinanet913@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9070-1764>

[org/0000-0001-9070-1764](https://orcid.org/0000-0001-9070-1764)

*Corresponding Author

Abstract. The cultural and historical processes that took place in the south of Western Siberia in the post-Andronovo period are key to understanding the events that took place in the Late Bronze Age. The mechanisms of formation, evolution and subsequent transformation of the Andronoid cultures are debatable. The key role in the processes was played by the territory of the Novosibirsk Ob region. At the same time, Andronoid sites here have not been sufficiently studied. The article is devoted to the contribution of Tatyana Nikolaevna Troitskaya, who led the Novosibirsk archaeological expedition for many years, to the process of studying the materials of the Yelovskaya culture. A description of field studies of archaeological sites is provided, along with the analysis of the ideas of T.N. Troitskaya, expressed at different times on the Yelovskaya problem. The evolution of the researcher's ideas associated with the accumulation of the source fund, as well as the scientific discussions that took place, is shown. The result was the identification of four stages in the study of T.N. Troitskaya Andronoid sites of the Novosibirsk Ob region.

Keywords: Novosibirsk Priobie, Novosibirsk archeological expedition, Elovskaya culture, settlements, pottery

---

For citation: Kovalevsky S.A., Avtushkova A.L. The Research Conducted by T.N. Troitskaya of the Yelovskaya Culture Sites in the Territory of Novosibirsk Priobie. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):277–291. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-14)

Введение

В 2025 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора Татьяны Николаевны Троицкой.

С ее именем связана история Новосибирской археологической экспедиции (НАЭ), проводившей раскопки разновременных археологических памятников на территориях Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи в течение 38 лет (Новосибирская археологическая..., 2010). Целенаправленно Т.Н. Троицкой велось изучение раннего железного века. Однако в фокус ее научных интересов попадали и материалы различных исторических периодов, включая поздний бронзовый век (Троицкая, 1974а, с. 32–46). Среди них более 30 ирменских (Ковалевский, 2015, с. 183–190) и несколько еловских поселений и могильников (рис. 1).

Рис. 1. Еловские памятники Новосибирского Приобья, исследованные Т.Н. Троицкой
 Fig. 1. Elovskie sites of the Novosibirsk Priobye, explored by T.N. Troitskaya

Целью нашей работы является обзор проведенных Т.Н. Троицкой полевых исследований памятников периода поздней бронзы, содержащих еловские материалы, а также анализ ее взглядов по всем ключевым вопросам, касающимся еловских древностей.

Результаты исследования

Важно отметить, что в процессе длительного многолетнего изучения археологического наследия Новосибирского Приобья и Барабы взгляды Т.Н. Троицкой претерпели определенную эволюцию. Это касается и материалов поздней бронзы.

Так, в конце 1950-х — 1960-е гг. в соответствии с концепцией М.П. Грязнова все археологические древности поздней бронзы Новосибирского Приобья атрибутировались Т.Н. Троицкой как карасукские. Разграничения карасукских (т.е. собственно ирменских) и еловских материалов до 2-й половины 1960-х гг. исследователем также не проводилось. Это объясняется тем, что в данный период Т.Н. Троицкая только начинала изучение памятников археологии на территории Западной Сибири. Не хватало информации и полевого опыта исследования сибирских памятников. Кроме того, еловская культура была выделена М.Ф. Косаревым только в 1964 г. по материалам Десятковского и Еловского поселений Томско-Нарымского Приобья (Косарев, 1964а, с. 9).

Вместе с тем к моменту написания в 1967 г. Т.Н. Троицкой обобщающей статьи, посвященной карасукской эпохе Новосибирского Приобья (статья вышла лишь в 1974 г.), НАЭ уже было исследовано несколько поселений, содержавших среди прочего керамику андроновидного облика, интерпретируемую сегодня как еловскую. Это прежде всего Каменское поселение и комплекс археологических памятников близ с. Красный Яр. Отдельные еловские элементы и мотивы прослеживаются также на керамике и других поселениях, исследованных Т.Н. Троицкой. Остановимся на некоторых материалах более подробно.

Каменское поселение, которое также фигурирует в специальной литературе как Камень-II (Троицкая, 1974а, с. 32–34) и Камень-III (Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 19), было открыто Т.Н. Троицкой в 1957 г. в ходе раскопок курганного могильника Камень-I. Поселение обследовалось в течение двух полевых сезонов 1957 и 1958 гг. Так в 1957 г. при раскопках кургана №8 могильника Камень-I наряду с карасукской (ирменской) была обнаружена андроновидная керамика, относящаяся к подстилающему могильнику Каменскому поселению. Данная посуда впоследствии опубликована А.В. Новиковым и Д.В. Степаненко (2010, с. 53, рис. 9). Точно такая же андроновидная керамика была встречена и при случайных находках, а также в других каменных курганах и в шурфах 1 и 3, заложенных на межкурганном пространстве (рис. 2.-1, 2). Т.Н. Троицкая указала, что вся найденная посуда относится к поселению карасукского времени и «хорошо датируется карасукским временем». В качестве аналогий тогда была приведена керамика «карасукской эпохи новосибирского и томского районов (вариантов) из поселений Ирмень-I, Молчановской, Остяцкой горы и др.» (Троицкая, 1957, с. 6–8; рис. 12–19).

В 1958 г. на Каменском поселении было заложено девять шурфов. В ходе шурфовки зафиксированы следы очага, 1190 фрагментов сосудов, более половины из которых принадлежало 14 сосудам, каменные изделия (обломок поврежденной каменной формы, обломки зернотерок) и кости животных. Был впервые проведен и технико-технологический анализ полученной керамики. По составу теста сосуды разделены на две группы: 1) глина с обильной примесью песка, сосуды толстостенные, грубые, поверхность их неровная (14,2%); 2) глина без примеси песка, стенки тоньше, поверхность хорошо заглажена (85,8%). Вся керамика была признана типичной для карасукского времени (Троицкая, 1958, с. 1–6). Т.Н. Троицкая писала, что с целью идентификации полученных материалов показала керамику из раскопанного кургана могильника Камень-I (фактически принадлежавшую Каменскому поселению) томским археологам А.П. Дульзону и В.И. Матющенко. Они определили керамику как принадлежавшую карасукской культуре (Новосибирская археологическая..., 2010, с. 14–15).

В 1959–1962 гг. Новосибирская археологическая экспедиция под руководством Т.Н. Троицкой проводила работы на поселении Красный Яр-I. Эти работы стали началом многолетнего изучения целого комплекса археологических памятников различных эпох близ с. Красный Яр (см.: Ковалевский, Автушкова, 2019, с. 73–82). Полученные тогда материалы периода поздней бронзы, как и в случае с Каменским поселением, интерпретировались как принадлежащие карасукскому времени.

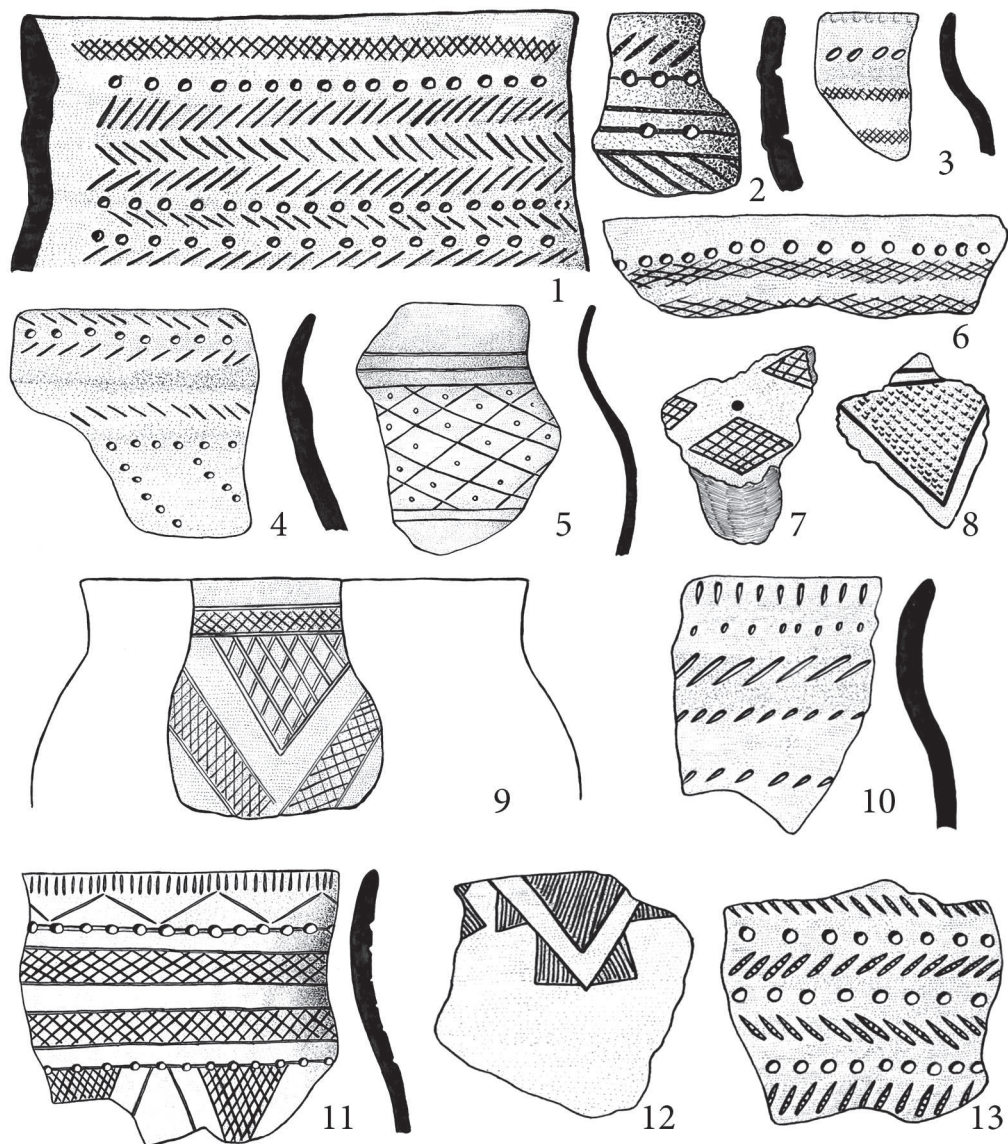

Рис. 2. Еловская керамика из раскопок Т.Н. Троицкой:

1, 2 — пос. Камень-III; 3, 4 — пос. Красный Яр-I; 5 — пос. Быстровка-IV; 6–8 — мог. Дубровинский Борок-VII; 9 — пос. Красный Яр-II; 10–13 — пос. Ельцовское-II. Масштаб разный (1–4 — по: Троицкая, 1974a; 5–8 — по: Троицкая, 1974b; 9 — по: Троицкая, 1961; 10–13 — по: Троицкая, 1988)

Fig. 2. Elovskaya ceramics from the excavations of T.N. Troitskaya:

1, 2 — Kamen'-III; 3, 4 — Krasny Yar-I; 5 — Bystrovka-IV; 6–8 — Dubrovinsky Borok-VII; 9 — Krasny Yar-II; 10–13 — Yeltsovskoe-II. The magnification is different (1, 2 — by: Troitskaya, 1974a; 5–8 — by: Troitskaya, 1974b; 9 — by: Troitskaya, 1961; 10–13 — by: Troitskaya, 1988)

При исследовании в 1959 г. поселения Красный Яр-I Т.Н. Троицкая сравнила полученную керамику карасукского времени (рис. 2.-3, 4) с аналогичной посудой Каменского поселения. В полевом отчете 1959 г. она оставила следующее наблюдение: «по предварительным впечатлениям, эта керамика отличается от керамики карасукского поселения близ с. Камень. Керамика каменского поселения стоит ближе к томским поселениям карасукского времени, а керамика у с. Красный Яр может быть отнесена к новосибирскому варианту карасукской культуры, памятники которого были раскопаны М.П. Грязновым в Ордынском районе» (Троицкая, 1959, с. 20–23).

Еловская посуда встречена и на расположенном неподалеку от Красного Яра-I поселении Красный Яр-II (рис. 2.-9). В 1960 г. на самом берегу р. Уень в пределах с. Красный Яр над сельским пляжем Т.Н. Троицкой были обнаружены обломки сосудов карасукского времени и кремневый наконечник стрелы. В 1961 г. это место исследовалось уже более детально. Был заложен раскоп 18 м², давший 65 фрагментов сосудов, подавляющее число которых отнесено к карасукскому времени. Пять фрагментов было определено как средневековые и два — как андроновские. Тем не менее один из приводимых в полевом отчете Т.Н. Троицкой сосудов явно еловский (Троицкая, 1961, с. 8–9, табл. 22).

После выделения М.Ф. Косаревым еловской культуры и включения им в состав еловских (десятьовских) памятников двух исследованных Т.Н. Троицкой поселений (Камень-III и Красный Яр-I) она признала наличие в них еловской керамики. Вместе с тем исследователь не согласилась с выводами М.Ф. Косарева (1964б, с. 85) о послонном залегании еловской посуды, выделенной им I группы и ирменской (карасукской по Т.Н. Троицкой) посуды.

Соответственно не поддержала Т.Н. Троицкая и идею М.Ф. Косарева о происхождении ирменской культуры от еловской. Напротив, специалист синхронизировала материалы новосибирского (ирменского) варианта карасукской культуры и еловские древности Томско-Нарымского Приобья, для которых отмечалось более значимое влияние т.н. лесных культур.

В качестве доводов синхронности существования карасукского и еловского населения на сопредельных территориях Т.Н. Троицкая приводила аргументы о том, что обломки посуды этих двух культур на поселениях Новосибирского Приобья «найжены вместе, размеры их одинаковы, и те и другие подбираются в целые сосуды». Сама же еловская посуда, по ее словам, «встречается в небольшом количестве в каждом памятнике поздней бронзы». Показательно и то, что сам термин «еловская» применительно к керамике новосибирских поселений был взят Т.Н. Троицкой в кавычки.

Выделив новосибирский вариант карасукской культуры, Т.Н. Троицкая обозначила его близость с материалами Еловского поселения. Наибольшее сходство с еловской, по мнению исследователя, обнаруживает керамическая посуда каменского поселения. По мнению специалиста, «еловский тип культуры сложился в результате продвижения на север новосибирского населения и слияния его с лесными культурами» (Троицкая, 1974а, с. 42–44). Обозначив таким образом свою точку зрения о происхождении собственно еловской культуры, Т.Н. Троицкая тем не менее разграничила эти два культурных образования устьем р. Уень. Пытаясь проследить эволюцию новосибирского (ирменского) варианта карасукской культуры, Т.Н. Троицкая пишет о нарастающем вли-

янии северных культур на карасукское население Новосибирского Приобья (Троицкая, 1969, с. 92–94). При этом памятники, содержавшие еловскую посуду, были отнесены Т.Н. Троицкой к разным периодам существования новосибирского (ирменского) варианта карасукской культуры. Так, Красный Яр-I соотносился с ранним этапом развития карасукских древностей Новосибирского Приобья, датируемым XII–X вв. до н.э. и восходящим к андроновской культуре. Каменское поселение, напротив, причислялось к наиболее поздней группе карасукских памятников, датированных VIII–VII вв. до н.э. и фактически смыкавшихся с завьяловскими. В качестве обоснования такой поздней хронологической позиции этих материалов исследователем назывались «еловские» элементы, встречающиеся на посуде данных памятников (Троицкая, 1974а, с. 42–43).

С начала 1970-х гг. Т.Н. Троицкая после проведенных научных дискуссий и появления новых материалов провела ревизию представлений по вопросам культурогенеза и хронологии материалов поздней бронзы. В соответствии с концепцией Н.Л. Членовой она отнесла новосибирские материалы периода поздней бронзы к ирменской археологической культуре, датируемой началом I тыс. до н.э. Была принята и схема М.Ф. Косарева о хронологическом соотношении еловской и ирменской культур.

К поселению Красный Яр-I Т.Н. Троицкая еще раз обращалась в статье 1978 г., посвященной публикации материалов позднего железного века. В частности, она привела справочную информацию о находившемся в северной части памятника небольшом андроновском поселении, перекрытом в период поздней бронзы ирменским поселением. Вместе с андроновской керамикой исследователем выделена и немногочисленная еловская посуда (17% от всего андроновско-еловского комплекса). На этом основании было высказано предположение о периоде сосуществования андроновского и еловского населения. Само же поселение периода поздней бронзы Красный Яр-I было, как и ранее в статье 1974 г., отнесено к начальному этапу развития ирменской культуры. В качестве аргумента столь ранней датировки приводится наблюдение о сочетании в декоре посуды Красного Яра-I ирменских и еловских орнаментальных мотивов (Троицкая, 1978, с. 99, 101).

В 1970-е гг. НАЭ под руководством Т.Н. Троицкой проводила полевые исследования на еще двух археологических памятниках Новосибирского Приобья, содержавших еловские материалы. Это поселение Быстровка-IV и один из курганов могильника Дубровинский Борок-VII. Охранные раскопки поселения Быстровка-IV были начаты в 1972 г. Э.А. Севастьяновой. Она же зафиксировала, что слой, содержащий еловскую посуду, лежал ниже ирменского слоя. Так, согласно описанию Э.А. Севастьяновой, «культурный слой в раскопе 1 снимался по слоям в 10–15 см, находки фиксировались послойно по секторам. Материалы с 1 по 5 слой идентичны и относятся к карасукскому времени. Это керамика ирменского типа, изделия из кости, фрагменты костей животных. В 6–10 слоях обнаружена керамика еловского этапа. В раскопе 2 керамический материал 1–7 слоев относится к ирменской культуре, а материал 7–14 слоев — к еловскому типу» (Севастьянова, 1972, с. 6–7; Альбом, рис. 7, 8, 9, 20).

В 1973 г. Быстровский отряд НАЭ под руководством Т.Н. Троицкой продолжил исследования данного поселения. Предварительно в осыпях и на дне залива собран значительный подъемный материал: керамика еловского и ирменского типов (рис. 2.-5). На

самом поселении заложено два раскопа, две траншеи и зачищен небольшой участок берега над заливом. Всего вскрыто 346,5 м². Раскоп 1 заложен вдоль берега над Обью, на том участке, где прослеживался трехслойный культурный слой. Основной целью исследователей стало выявление распределения по слоям керамики ирменского и еловского типов. Т.Н. Троицкая по результатам анализа распределения находок из раскопа 1 писала, что керамика и еловского, и ирменского типов встречается и в слое черной супеси, и в слоях зольника. В раскопе 2, заложенном в обрыве над р. Атаманиха, зачищена землянка ирменского времени. Было отмечено почти полное отсутствие здесь керамики еловского типа (Троицкая, 1974б, с. 1–8; рис. 26-б; 27-г). В последующие годы исследования данного памятника продолжил уже А.В. Матвеев, выделивший быстровский этап ирменской культуры. Основанием для выделения быстровского этапа стал проведенный им анализ андроновидной керамики этого поселения, рассматривавшейся ранее в качестве еловской.

В 1974 г. Кольванским отрядом НАЭ под руководством Т.Н. Троицкой был раскопан «длинный» курган в могильнике Дубровинский Борок-VII. Согласно описанию, курган был вытянут с северо-запада на юго-восток. Диаметры кургана — 9 и 5 м, средняя высота — 50–40 см. В центре кургана прослеживается западина. Курган резко понижается к юго-западу, по направлению к краю террасы. При раскопках найдены куски дерева и большое количество камней длиной до 60 см. Они более всего сосредоточены в центральной яме и у склона террасы. В Дубровинском Борке выхода камня нет, значит, они были специально сюда доставлены. Под насыпью обнаружено одно погребение и пять ям различных форм. Погребение находится в западной части кургана прямо на материке. Скелет лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. С ним найдены бронзовые изделия: около ушей два несомкнутых кольца и одна проволочная серьга, около руки бронзовое кольцо, под локтем — пронизка. В изголовье разбитый сосуд еловского типа. Под насыпью зачищено пять ям. В одной из ям найдены фрагменты двух сосудов еловского типа (рис. 2.-6–8), а во второй — остатки кострища и камни (Троицкая, 1974б, с. 10–11; рис. 24–33; Троицкая, Романцова, Соболев, 1975, с. 238–239).

В 1980 г. Т.Н. Троицкой, В.И. Молодиным и В.И. Соболевым была опубликована «Археологическая карта Новосибирской области», ставшая важным результатом исследований памятников археологии. В числе памятников еловской культуры в данном издании называются поселения Милованово-III, Быстровка-IV, Крохалевка-VII. Допускается период сосуществования еловского населения как с андроновскими племенами, так и со сменившими «андроновцев» племенами ирменской культуры. В качестве основного ареала еловской культуры называется Томско-Нарымское Приобье. На территорию же Верхнего Приобья, по мнению авторов, «еловцы» проникали по зоне ленточных обских боров (Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 143).

В 1980-е гг. Т.Н. Троицкой были исследованы два андроновидных памятника в составе курганного могильника Крохалевка-XIII и поселения Ельцовское-II. Причем если первый был атрибутирован как еловский, то второй уже как относящийся к двум этапам ирменской культуры (быстровскому и собственно ирменскому). Мы считаем, что полученные тогда материалы, включая керамику т.н. быстровского этапа, все-таки целесообразно рассматривать в рамках еловской культуры.

Курганный могильник Крохалевка-ХІІІ раскапывался Приобским отрядом НАЭ под руководством Т.Н. Троицкой в 1985 и 1988 гг. Среди разновременных материалов памятника в 1985 г. были изучены погребения заключительного этапа бронзового века (материалы из двух погребений кургана №1 и несколько местонахождений). Курган №1, по словам Т.Н. Троицкой, представлял собой две слившиеся насыпи. При раскопках выявлены материалы эпохи неолита, крохалевского и кротовского типа, а также местонахождение еловских сосудов, иногда с бронзовыми изделиями, отдельные обломки сосудов еловской культуры, два еловских погребения и ирменский сосуд из ямы.

Наиболее интересными находками, по мнению исследователя, оказались сосуды еловской культуры, расположенные в слое черной супеси. По наблюдениям Т.Н. Троицкой их ставили на древнюю поверхность и прикрывали сооружениями из дерна, который и оставил черную супесь. Могила рядом с ними не была. Т.Н. Троицкая назвала такие находки местонахождениями. Всего было найдено девять подобных местонахождений. Также Т.Н. Троицкой был раскопан и курган №2, относящийся к эпохе средневековья. Здесь в слое черной супеси на 20 см выше материка обнаружен стоящий на дне еловский сосуд. Исследователь предположила, что здесь вначале имелось сооружение из дерна над еловским сосудом, перекрытое позднее, в эпоху средневековья, курганной насыпью.

За пределами курганов Т.Н. Троицкой был заложен раскоп 1, в котором среди разновременных материалов исследованы четыре могилы с сосудами андронидного типа и местонахождение еловского сосуда. Исследователь отмечала, что местонахождения сосудов, располагавшихся на уровне погребенной почвы, тянутся полосой с севера на юг, причем в северной части встречены и погребения с такими же сосудами. Т.Н. Троицкая отнесла все эти сосуды к еловской культуре, на основании сходства крохалевской посуды с посудой Еловского-ІІ могильника. Приводятся также близкие аналогии крохалевским сосудам в могильниках Преображенка-ІІІ и Старый Сад (Троицкая, 1985, с. 6–7, 11, 13–15, 17–18). В последующие годы раскопки на данном памятнике проводили А.А. Адамов (1989 г.) и В.С. Елагин (1990 г.).

Одним из последних памятников периода поздней бронзы, на котором Т.Н. Троицкая проводила полевые исследования, стало поселение Ельцовское-ІІ. Охранные работы на поселении велись в 1988 г. Данные работы представляли собой, согласно полевому отчету, в основном зачистку обрыва. В западной части поселения, в месте, наиболее интенсивно размываемом водами Обского водохранилища, был заложен раскоп площадью 130 м². Под дерново-гумусным слоем лежал слой темной супеси толщиной от 25 до 70 см, густо насыщенный находками, включавшими в себя несколько сосудов развитого этапа ирменской культуры. Под слоем черной супеси залегал более ранний слой. В южной части раскопа он представлен серой супесью с большой примесью золы (остатками зольника). Толщина слоя колеблется от 20 до 80 см. Местами в нем встречаются небольшие линзы желтого цвета — следы обожжения — и коричневого (остатки дерева?). В кв. 15 слой зольника переходит в слой серой суглинистой супеси толщиной от 30 до 50 см. Зольник и этот слой содержат однородные находки в виде обломков сосудов (рис. 2.-10–13), атрибутированных Т.Н. Троицкой в соответствии с концепцией А.В. Матвеева как быстровские (раннеирменские). Насыщенность находками зольни-

ка выше, чем серой супеси. В зольнике найдены два бронзовых ножа. В слое серой супеси обнаружена крупная лапчатая подвеска с чеканным орнаментом. Т.Н. Троицкая в заключении указывает, что поселение просуществовало на протяжении двух первых этапов ирменской культуры (Троицкая, 1988, с. 5–6; рис. 18–20).

В 1990 г. материалы развитой и поздней бронзы могильника Крохалевка-ХIII были опубликованы Т.Н. Троицкой и О.В. Софеевым. В статье были приведены наблюдения, сделанные ранее Т.Н. Троицкой в поле, о том, что: 1) сосуды (местонахождения) и могилы в кургане №1 вытянуты полосой с севера на юг; 2) сосуды (местонахождения) перекрывались сооружениями из дерна, которые позже слились в один длинный курган, сложенный из темной супеси. Авторы публикации считают данный памятник неоднородным и многокомпонентным на основании проведенного анализа элементов погребального обряда, инвентаря и особенно керамической посуды. Ими выделены ирменский, еловский, бегазы-дандыбаевский и корчажжинский компоненты, принявшие, по мнению авторов, участие в формировании культурного облика данного памятника, который назван позднееловским (Троицкая, Софеев, 1990, с. 63–72).

В 2012 г. по инициативе Управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области был издан сборник «Древности Кудряшовского бора: Крохалевка-ХIII — комплекс археологических памятников», обобщающий материалы исследований на территории могильника. Авторами сборника стали Т.Н. Троицкая, В.А. Сумин и А.А. Адамов.

Погребения периода поздней бронзы из могильника Крохалевка-ХIII были отнесены к еловской и ирменской культурам, переходящим, по мнению авторов, одна в другую. Материал обеих культур был признан близкородственным и порой неотличимым друг от друга. Еловские сосуды, найденные на уровне древней поверхности и иногда сопровождаемые бронзовыми вещами из курганов №1, 2 и раскопа 1, рассматриваемые ранее как местонахождения, были теперь названы кенотафами. Говоря о процессе формирования кенотафов и могил с погребенными, авторы фактически повторили тезис, высказанный ранее одним из авторов (Т.Н. Троицкой) о том, что отдельные сосуды и могилы перекрывались сооружениями из пластов дерна и поэтому полностью слились с насыпью курганов, также сооруженных из дерна.

Исследователями была дана характеристика погребального обряда, инвентаря, включая керамическую посуду, ближайшими аналогиями которой были названы сосуды из Еловского-I и Еловского-II могильников. Наряду с еловскими сосудами в Крохалевке-ХIII авторы зафиксировали также ирменские сосуды и сосуд «еловско-андроновского типа» (по терминологии В.И. Матющенко). Фактически специалисты поддержали идею В.И. Матющенко (2004, с. 174–180) о существовании некоего переходного андроновско-еловского периода. Авторами была поддержана и другая идея В.И. Матющенко — о том, что еловские могилы «хронологически очень близки ирменским, возможно, они смыкались во времени, даже некоторое время сосуществовали» (Матющенко, 2004, с. 351). Была подтверждена и высказанная ранее идея о связи еловской керамики с геометрической орнаментацией с носителями бегазы-дандыбаевской культуры. Аналогии для Крохалевки-ХIII в погребальном обряде и инвентаре были прослежены и в материалах могильников Барабы (Абрамово-IV, Преображенка-III, Гандичевский

Совхоз, Старый Сад). Вместе с тем высказанная ранее Т.Н. Троицкой и О.В. Софеевым идея о корчажкинском компоненте как одном из элементов формирования еловской керамики Крохалевского могильника была признана ошибочной (Троицкая, Сумин, Адамов, 2012, с. 12–14).

Определенным итогом изучения еловских древностей Новосибирского Приобья является статья М.В. Титовой и Т.Н. Троицкой. Специалисты относят «еловскую культуру к группе андронидных предирменских культур, соответственно более ранних по отношению к ирменской». Под материалами еловской культуры исследователи понимают «находки из Еловских могильников и Еловского поселения (на еловском этапе), а также материалы ордынского и, возможно, быстровского этапов, выделенных А.В. Матвеевым» (Титова, Троицкая, 2008, с. 92). Вместе с тем М.В. Титова и Т.Н. Троицкая по материалам памятника Крохалевка-VIIA делают попытку обосновать взаимосвязь еловской и ирменской культур, их сосуществование на определенном этапе. Об этом, по их мнению, свидетельствует: 1) нахождение как еловской, так и ирменской керамики в пределах одних и тех же жилищ; 2) наличие смешанной или переходной еловско-ирменской керамики. Тем не менее М.В. Титова и Т.Н. Троицкая не являются сторонниками идеи притока ирменского населения в еловскую среду. Исследователи полагают, что «материалы поселения Крохалевка-VIIA свидетельствуют о постепенном развитии на предирменской базе самой ирменской культуры» (Титова, Троицкая, 2008, с. 92–99).

Заключение

Изучение Т.Н. Троицкой памятников еловской культуры, по нашему мнению, не носило систематического и целенаправленного характера, во многом определяясь общей идеей реконструкции древней и средневековой истории Новосибирского Приобья и Барабы. Часть открытых и частично исследованных в разные годы Т.Н. Троицкой памятников поздней бронзы (Красный Яр-I, Быстровка-IV, Милованово-I, Милованово-III, Ордынское-XII, Крохалевка-XIII и др.) становилась в последующем объектами изучения ее учеников и соратников, сформировавших собственные концепции культурогенеза. И в этом, как мы считаем, заключался педагогический талант и научное предвидение Татьяны Николаевны. Она могла разглядеть перспективу как в исследовании того или иного археологического памятника, так и в своих учениках.

Взгляды же самой Татьяны Николаевны Троицкой по отношению к т.н. андронидной проблематике претерпели определенную эволюцию, что соответствует господствовавшим в тот или иной период концепциям ведущих исследователей, а также накопленному фонду археологических источников. Условно можно выделить следующие этапы изучения Т.Н. Троицкой андронидных материалов Новосибирского Приобья.

1-й этап (1957 г. — середина 1960-х гг.). В это время начиналось накопление источникового фонда по поздней бронзе. Все полученные материалы воспринимались Т.Н. Троицкой в соответствии с концепцией М.П. Грязнова как карасукские.

2-й этап (2-я половина 1960-х гг.). На этом этапе продолжают исследования памятников периода поздней бронзы и появляются обобщающие публикации Т.Н. Троицкой, в которых она выделяет и обосновывает новосибирский вариант карасукской культуры (в соответствии с концепцией М.П. Грязнова) и признает наличие еловского

компонента (в соответствии с концепцией М.Ф. Косарева) в материалах исследованных ей поселений Новосибирского Приобья. Вместе с тем карасукские (ирменские) и еловские памятники воспринимаются тогда Т.Н. Троицкой как синхронные, сосуществующие на соседних территориях Новосибирского и Томско-Нарымского Приобья.

3-й этап (1970-е гг. — середина 1980-х гг.). В данный период Т.Н. Троицкая отказалась от интерпретации памятников позднего бронзового века Новосибирского Приобья как карасукских и поддержала идею Н.Л. Членовой об их ирменской атрибуции и хронологии, а также концепцию М.Ф. Косарева о соотношении еловской и ирменской культур. Вместе с тем исследователь отходит от теоретического исследования памятников периода поздней бронзы, что, вероятно, было связано с необходимостью сосредоточиться на изучении памятников раннего железного века. Тем не менее полевое изучение памятников бронзового века различными отрядами Новосибирской археологической экспедиции активно продолжается. Учениками Т.Н. Троицкой проводятся самостоятельные работы на памятниках археологии периода поздней бронзы и формируются собственные концепции.

4-й этап (2-я половина 1980-х гг. — начало XXI в.). В этот период Т.Н. Троицкой проводятся раскопки на могильнике Крохалевка-ХIII и поселении Ельцовское-II. Андронидные материалы из этих памятников интерпретируются и как еловские (Крохалевка-ХIII), и как раннеирменские (Ельцовское-II). В целом же в совместных публикациях Т.Н. Троицкой с учениками и коллегами превалирует идея о принадлежности изученных памятников именно еловской культуре. Полностью поддерживается идея, высказанная В.И. Матющенко, о трансформации еловского населения в ирменское с наличием двух переходных периодов (от андроновской культуры к еловской и от еловской к ирменской).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ковалевский С.А. К вопросу о роли Т.Н. Троицкой в изучении ирменской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №1–3 (61). С. 183–190.

Ковалевский С.А., Автушкова А.Л. История изучения комплекса археологических памятников Красный Яр-1 // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2. С. 73–82.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964а. 15 с.

Косарев М.Ф. Десятковское поселение // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. №97. Памятники первобытного общества на территории СССР. М. : Наука. 1964б. С. 82–87.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Новиков А.В., Степаненко Д.В. Камень-1 — могильник ирменской культуры в южнотаежном Приобье // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010. С. 39–60.

Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. 152 с.

Севастьянова Э.А. Отчет о работе Обского охранного отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1972 году // Архив ИА РАН. Р-1. №5745, 5745а. Новосибирск, 1972.

Титова М.В., Троицкая Т.Н. К вопросу о связи между еловской и ирменской культурами // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 92–101.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе археологической экспедиции в Новосибирской области в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1512. Новосибирск, 1957.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской экспедиции в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1711. Новосибирск, 1958.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1920. Новосибирск, 1959.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1961 году // Архив ИА РАН. Р-1. №2340. Новосибирск, 1961.

Троицкая Т.Н. Памятники эпохи поздней бронзы (по материалам Новосибирской экспедиции) // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск : Б.и., 1969. С. 92–94.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск : Наука, 1974а. С. 32–46.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. №5514. Новосибирск, 1974б.

Троицкая Т.Н. Красный Яр-1 — памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 99–117.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе Приобского отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. №11332. Новосибирск, 1985.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе охранного отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. №13237. Новосибирск, 1988.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. М. : Наука, 1980. 183 с.

Троицкая Т.Н., Романцова В.Д., Соболев В.И. Раскопки в Новосибирской области // Археологические открытия 1974 года. М. : ИА РАН, 1975. С. 238–239.

Троицкая Т.Н., Софеев О.В. Памятник Крохалевка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 63–72.

Троицкая Т.Н., Сумин В.А., Адамов А.А. Древности Кудряшовского бора: Крохалевка-13 — комплекс археологических памятников. Новосибирск : Тираж-Сибирь, 2012. 76 с.

REFERENCES

Kovalevsky S.A. On the Question of the Role of T.N. Troitskaya in the Study of the Irmen Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2015;1–3(61):183–190. (In Russ.)

Kovalevsky S.A., Avtushkova A.L. History of the Study of the Complex of Archaeological Sites 'Krasny Yar-1'. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019;2:73–82. (In Russ.)

Kosarev M.F. The Bronze Age of the Middle Ob-Irtysh Region: abstract dis. ... candidate of Historical Sciences. Moscow, 1964a. 15 p. (In Russ.)

Kosarev M.F. The Desyatovskoye Settlement. In: Brief Notes on Reports and Field Research of the Institute of Archaeology. №97. The Sites of Primitive Society on the Territory of the USSR. Moscow : Nauka, 1964b. Pp. 82–87. (In Russ.)

Matyushchenko V.I. Yelovsky Archaeological Complex. Part 2. Yelovsky II Burial Ground. Prior Irmen Complexes. Omsk : Izd-vo OmGU, 2004. 468 p. (In Russ.)

Novikov A.V., Stepanenko D.V. Kamen-1 — Burial Ground of the Irmen Culture in the Southern Taiga Region. In: Archaeological Research in Western Siberia: Past, Present, Future (dedicated to the anniversary of Professor T.N. Troitskaya). Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2010. Pp. 39–60. (In Russ.)

Novosibirsk Archaeological Expedition (1957–1995). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2010. 152 p. (In Russ.)

Sevastianova E.A. Report on the Work of the Ob Security Detachment of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1972. In: Archive of IA RAS. R-1. No. 5745, 5745a. Novosibirsk, 1972. (In Russ.)

Titova M.V., Troitskaya T.N. On the Connection between the Yelovskaya and Irmen cultures. In: Ethnocultural Processes in the Upper Ob Region and Adjacent Regions at the end of the Bronze Age. Barnaul : Koncept, 2008. Pp. 92–101. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Report on the Work of an Archaeological Expedition in the Novosibirsk Region in 1957. In: Archive of IA RAS. R-1, №1512 Novosibirsk, 1957. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Report on the Work of the Novosibirsk Expedition in 1958. In: Archive of IA RAS. P-1. №1711. Novosibirsk, 1958. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Report on the Work of the Novosibirsk Expedition in 1959. In: Archive of IA RAS. R-1. №1920. Novosibirsk, 1959. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Report on the Work of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1961. In: Archive of IA RAS. R-1. №2340. Novosibirsk, 1961. (In Russ.)

Troitskaya T.N. The Sites of the Late Bronze Age (based on the materials of the Novosibirsk expedition). In: Ethnogenesis of the Peoples of Northern Asia. Novosibirsk : B.i., 1969. Pp. 92–94. (In Russ.)

Troitskaya T.N. The Karasuk Epoch in the Novosibirsk Ob Region. In: The Bronze and Iron Age of Siberia. Ancient Siberia. Issue 4. Novosibirsk : Nauka, 1974a. Pp. 32–46. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Report on the Work of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1974. In: Archive of IA RAS. R-1. №5514. Novosibirsk, 1974b. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Krasny Yar-1 — a Site of the Late Iron Age. In: Ancient Cultures of Altai and Western Siberia. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 99–117. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Report on the Work of the Priobsky Detachment of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1985. In: Archive of IA RAS. R-1. №11332. Novosibirsk, 1985. (In Russ.)

Troitskaya T.N. Report on the Work of the Security Detachment of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1988. In: Archive of IA RAS. R-1. №13237. Novosibirsk, 1988. (In Russ.)

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Archaeological Map of the Novosibirsk Region. Moscow : Nauka, 1980. 183 p. (In Russ.)

Troitskaya T.N., Romantsova V.D., Sobolev V.I. Excavations in the Novosibirsk Region. In: Archaeological Discoveries of 1974. Moscow : IA RAN, 1975. Pp. 238–239. (In Russ.)

Troitskaya T.N., Sofeikov O.V. The Krokhalevka-13 Site as a Historical Source of the Advanced and Late Bronze Age. In: Problems of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 63–72. (In Russ.)

Troitskaya T.N., Sumin V.A., Adamov A.A. Antiquities of Kudryashovsky Forest: Krokhalevka-13 — a Complex of Archaeological Sites. Novosibirsk : Tirazh-Sibir', 2012. 76 p. (In Russ.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Ковалевский С.А.: идея публикации, написание разделов статьи, подготовка иллюстраций, обсуждение и редактирование текста.

S.A. Kovalevsky: the idea of publication, writing sections of the article, discussion and text editing.

Автушкова А.Л.: работа с источниками, обсуждение и редактирование текста, подготовка иллюстраций, перевод текста статьи.

A.L. Avtushkova: working with sources, discussion and text editing, preparing illustrations, translation of the text of the article.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ковалевский Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор Российского государственного института сценических искусств, Кемерово, Россия.

Sergey A. Kovalevsky, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History, Philosophy and Social Sciences, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University Kemerovo, Russia; Professor of Russian State Institute of Performing Arts, Kemerovo, Russia.

Автушкова Александра Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Службы Главного хранителя фондов Новосибирского государственного краеведческого музея, Новосибирск, Россия.

Alexandra L. Avtushkova, Candidate of Historical Sciences, Research Associate, The Service of Main Curator of the Funds, Museum of Local History, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 29.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 25.02.2025.
The article was submitted 29.01.2025;
approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 25.02.2025.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABBREVIATIONS

- АлтГТУ — Алтайский государственный технический университет.
АН — Академия наук.
АНО — Автономная некоммерческая организация.
АО — акционерное общество.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
Б.и. — Без издательства.
БНЦ — Бурятский научный центр.
ВОАН — выявленный объект археологического наследия.
ГЭС — гидроэлектростанция.
ДВФУ — Дальневосточный федеральный университет.
ЗабГУ — Забайкальский государственный университет.
ИА — Институт археологии.
ИАЭТ (ИАЭ) — Институт археологии и этнографии.
ИВ РАН — Институт востоковедения РАН.
ИГИиПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
ИГУ — Иркутский государственный университет.
ИЗК — Институт земной коры.
ИИМК (ГАИМК) — Институт истории материальной культуры.
ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований РАН.
ИМБТ — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии.
ИЯФ — Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера.
КГОМА — Курский государственный областной музей археологии.
КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАЭ — Музей археологии и этнографии.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук.
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского.
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
МЦНП — Международный центр научного партнерства.

- НГПУ — Новосибирский государственный педагогический университет.
НГУ — Новосибирский государственный университет.
ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет.
ОмГУ — Омский государственный университет.
ОНТИ ПНЦ РАН — Отдел научно-технической информации Пущинского научно-го центра Российской академии наук.
ООО — открытое акционерное общество.
РА — Российская археология (журнал).
РАН — Российская академия наук.
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РНФ — Российский научный фонд.
РСМ — Раннеславянский мир.
РЭМ — Российский этнографический музей.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
СВФУ — Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.
СО — Сибирское отделение.
СОАЭ — Северо-Осетинская археологическая экспедиция.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
ТГУ — Томский государственный университет.
УМС — ускорительная масс-спектрометрия.
УНУ — уникальная научная установка.
УрГУ — Уральский государственный университет.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦКП — Центр коллективного пользования.
ЯГУ — Якутский государственный университет.
ЯНЦ СО РАН — Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук.
AMS — accelerator mass spectrometry.
BP — before present.
LLC — limited liability company.

Научное издание

**Журнал
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Том 37 №1 2025

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Перевод и редактирование текстов на английском языке,
References: Е.А. Россинская
Подготовка оригинал-макета: Д.А. Басманова

Журнал распространяется по подписке через каталог «Урал Пресс»,
индекс ВН018441
Цена свободная

Подписано в печать 22.04.2025. Печать офсетная
Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 23,54. Тираж 500 экз. Заказ №292.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
Дата выхода в свет 30.04.2025.